

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Е.Г. Неклюдов

ПОСЕССИОННОЕ ПРАВО
В ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ
ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

ЕКАТЕРИНБУРГ • 2011

УДК 94(470.5)
ББК 63.3(235.55)53
Н 47

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН*

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект РГНФ-Урал № 10-01-83101а/У

Ответственный редактор
академик РАН доктор исторических наук *В.В. Алексеев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Д.А. Редин*
доктор исторических наук *В.П. Тимошенко*

Неклюдов Е.Г.

Н 47 **Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века.** Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 274 с.
ISBN 978-5-7691-2244-6

Посессионное право представлено в контексте истории развития уральской горнозаводской промышленности в XIX – начале XX в. Раскрывается вопрос об истоках посессионного права, лежащих в истории России и Урала XVIII в., показано его становление как системы правовых норм в первой половине XIX в. и эволюция во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено полемике о квалификации посессионного права и его влиянии на развитие промышленности, длившейся в российском обществе с середины XIX в. Подробно описаны деятельность правительственных комиссий и совещаний по подготовке проекта прекращения посессионных отношений, а также борьба заводчиков за освобождение уральских заводов от посессионного права. Прослежена динамика состава посессионных округов за весь изучаемый период.

Для историков и юристов, а также всех, кто интересуется историей Урала и российского предпринимательства.

УДК 94(470.5)
ББК 63.3(235.55)53

ISBN 978-5-7691-2244-6

© Неклюдов Е.Г., 2011 г.
© ИИиА УрО РАН, 2011 г.

ВВЕДЕНИЕ

«Нигде ни в одном государстве нет такого произвола, какой допускается в России относительно горнозаводчиков», – комментировали «практики заводского дела» ситуацию в горнозаводской промышленности в начале XX в.¹ Правоведы того времени и современные историки, изучающие промышленное законодательство России, тоже констатируют жесткий регламентационный характер «горных законов», отличавший эту важнейшую отрасль экономики страны в течение всего имперского периода².

Другой особенностью горнозаводской промышленности было ее функционирование в трех «правовых формах» – казенной, посессионной и вотчинной (владельческой), которые различались по степени участия государства в организации заводского хозяйства и зависящему от этого уровню правовой регламентации промышленной деятельности. Сформировавшись к началу XIX в., эти формы владения и соответствующие им секторы промышленности были представлены на всем обширном и мозаичном «экономическом пространстве» России, сосредоточиваясь преимущественно в старейшем металлургическом регионе страны – на Урале. Именно поэтому здесь наиболее остро проявилась специфика всех форм владения. На Урале в концентрированном виде обозначились и обострившиеся во второй половине XIX – начале XX в. проблемы развития каждого из секторов промышленности.

В тот период в обществе стали распространяться либеральные представления об экономической свободе и частном предпринимательстве как основах эффективной экономики. Не только предприниматели, но и высшие чиновники признавали, что «интерес собственника служит вернейшим обеспечением производительного употребления имения»³. Однако благие намерения провести реформирование казенной и посессионной промышленности в полной мере так и не реализовались. На Урале и в начале XX в. продолжали действовать наряду с владельческими казенные и посессионные заводы, хотя их состав и сократился. Посессионные заводы и посессионное право сохранились в основном лишь здесь, отойдя в прошлое в других регионах и отраслях промышленности России.

Если владельческий и казенный секторы промышленности были характерны не только для России, то формирование посессионного сектора отражало специфику ее экономической жизни. Еще на рубеже XIX–XX вв. правоведы искали, но не находили прямых аналогий посессионному праву в правовых системах европейских стран⁴. Не могли они прийти к единому мнению и в вопросе о времени его появления в России, а главное – о его квалификации. «Хотя полученные пособия от казны частным заводам существовали более полтора десятилетия, – писал по этому поводу в 1868 г. юрист

Д.А. Огородзинский, – но наименование посессионных дано им тому только около 40 лет и притом наименование это вошло в горное законодательство не в силу особого о том постановления, а как-то безгласно, незаметно, можно сказать случайно. Термины “посессионные заводы”, “посессионное право”, “горнозаводская посессия” сделались с тех пор употребительными в официальных актах, повторялись в законах позднейшего времени и усвоились нашему языку. Но что такое означает, по применению к горным заводам, слово “посессия”, в чем собственно состоит сущность посессионного права, какие положительные признаки составляют его характеристику и какому виду собственности должно отнести владение данными частным заводам в пособие от казны посессиями, т. е. землями, лесами и рудами – этого не выяснил ни один закон. Оттого посессионное право остается до сих пор темным, запутанным и неопределенным»⁵.

Посессионное право – феномен, малоизвестный и современным исследователям истории отечественного предпринимательства и промышленного законодательства имперской эпохи⁶. В энциклопедиях, словарях и учебниках его называют то условным правом владения, то правом неполной или ограниченной собственности, то правом наследственного пользования казенной землей, что свидетельствует о сохраняющейся «запутанности и неопределенности»⁷.

Термин «посессия» (лат. *possessio* – владение), обозначающий некое пособие частному предпринимателю от казны, в российском законодательстве впервые встречается в 1797 г. Вышедшие тогда два взаимосвязанных именных указа от 11 августа и 18 октября были вызваны желанием властей проверить правильность пользования предпринимателями казенными пособиями⁸. Первый – «Об описи суконных фабрик, для устройства которых пожалованы посессии, но владельцы оных обязанностей своих не исполняют» – относит этот новый термин к негорнозаводским предприятиям ведомства Мануфактур-коллегии. Второй – «О свидетельствовании казенных земель и прочих посессий, к частным фабрикам и заводам приписанных» – уже, видимо, и к горным заводам, поскольку ответы на запрос властей были получены Берг-коллегией от отдельных заводууправлений⁹. В дальнейшем, однако, термин «посессия» парадоксальным образом исчезает из законодательства и появляется в нем вновь лишь через четверть века.

По сведениям горного инженера Н.И. Михайлова, не вошедший в Полное собрание законов указ от 13 октября 1825 г. распространил определение посессии с пособия на предприятие, которое им пользовалось. «Все те заводы или фабрики, к коим отведены были от казны земли или строения, или приписаны мастеровые люди, или дано позволение на покупку к оным крестьян, составляют имущества, называемые посессиями», – констатировалось в том указе¹⁰.

Первое упоминание об особом «посессионном праве» нам встретилось в «Положении об открытии вновь займов из Государственного Заемного банка» от 4 июня 1824 г. Правда, касалось оно фабричных имений, горные же заводы традиционно разделялись на «имеющие и не имеющие от казны пособия»¹¹. Но уже в указе от 9 сентября 1824 г. этот термин был употреблен

и в отношении заводов. «Прииск и разработку золота в землях частных заводчиков, как на помещичьем, так и посессионном праве состоящих, – констатировалось там, – предоставить единственно владельцам»¹². Пользование посессиями, таким образом, стало рассматриваться как особое право владельца на заводское имущество. В обиход термин «посессионное право» вошел только после издания Свода законов Российской империи 1832 г., в седьмой том которого был включен Горный устав.

Первыми исследователями посессионного права на горные заводы оказались юристы, экономисты и практики заводского дела периода «Великих реформ» Александра II, когда в новых для промышленности социальных и экономических условиях вслед за отменой посессий в фабрично-заводской промышленности России впервые был поставлен вопрос об их ликвидации и в «горной» отрасли. Предметом изучения тогда стали проблемы происхождения, сущности и влияния посессионного права на развитие горнозаводской промышленности. Не изменился состав исследователей и тематика работ и во время следующего приступа к изучению этого права на рубеже XIX–XX вв., вызванного, в сущности, теми же причинами: кризисными явлениями в промышленности и новой попыткой реформирования права.

Общей чертой всех этих исследований разного уровня и качества была их практическая нацеленность на решение вопроса о способе ликвидации посессионных отношений. В связи с этим специалисты должны были ответить, как правильно с правовой точки зрения определить отношение казны и владельцев к посессиям для того, чтобы точнее выразить его при расчетах между ними. Следствием этого оказалась другая особенность этих исследований, заключающаяся в явной или скрытой, но вполне закономерной в такой ситуации тенденциозности при решении ключевого вопроса о правовом статусе посессий в пользу казны или в пользу заводчиков. Ведущие «адвокаты» посессионеров (от Д.А. Огородзинского до А.С. Недошивина) искали и находили доказательства принадлежности посессий заводчикам. Защитники государственных интересов (от Н.И. Михайлова до В.А. Удинцева) столь же аргументированно доказывали обратное. Отмеченные особенности первых трудов о посессионном праве позволяют рассматривать их не столько в контексте историографии темы, сколько в качестве исторических источников, дающих представление о палитре мнений в обществе, и дают основание представить их более детально в соответствующих разделах монографии.

Собственно же исторических исследований о влиянии посессионного права на развитие горнозаводской промышленности Урала не было создано не только в имперский период, но и до настоящего времени. Уйдя в прошлое вместе с породившей его Российской империей, посессионное право утратило свою актуальность и на долгие годы перестало быть предметом специальных правовых исследований. Но, получив значение исторического явления, оно, тем не менее, осталось на периферии внимания историков уральской промышленности. В той или иной степени все они обращаются к различным аспектам деятельности посессионных заводов, однако часто рассматривают их лишь в качестве статистической группы. Влияние на раз-

вите заводов условий, определяемых посессионным правом, либо вовсе упускается из вида, либо утверждения о его роли не подкрепляются конкретными фактами, либо заимствуются из трудов дореволюционных авторов. Объяснением этому, на наш взгляд, служит общая неразработанность темы, отсутствие достоверной информации о посессионном праве, сопутствующих ему ограничениях и даже о составе посессионных округов.

Отметим, что вместе с углублением и расширением тематики исследований за последние три десятилетия, историки стали больше внимания уделять правовым аспектам развития горнозаводской промышленности. Достижением стало более обоснованное разграничение групп заводов при анализе тех аспектов жизнедеятельности, которые прямо или косвенно были связаны с их владельческим статусом. Это характерно в первую очередь для работ по социальной истории Урала XVIII – первой половины XIX в. Формирование и положение рабочих кадров в этот период непосредственно зависело от правовых возможностей и статуса заводчиков, на рубеже веков оказавшихся разделенными на вотчинников и посессионеров¹³. После отмены крепостного права прежние правовые группы рабочих исчезли, но злободневность приобрел вопрос об их землеустройстве, связанный с формами горнозаводского землевладения. Тема землевладения и землепользования на Урале, поднимавшаяся историками, тоже требовала учета статусного состава заводов¹⁴. Особенно значимо в этом плане исследование Н.Н. Алеврас, посвященное аграрной политике и землеустройству населения горнозаводских округов Урала в начале XX в.¹⁵ В нем представлен анализ программ правительства и уральских заводчиков, в особенности посессионеров, для которых решение земельного вопроса было напрямую связано с реализацией проекта выкупа посессий.

При изучении других аспектов развития горнозаводской промышленности (технический прогресс, акционирование, монополизация, иностранные инвестиции) историки, как правило, не акцентировали внимание на статусных различиях между заводами, поскольку, проводя исследования на макроуровне, не всегда улавливали влияние этих различий на изучаемые процессы¹⁶. Лишь в трудах Ю.А. Буранова поднималась тема «горнозаводской собственности», но он трактовал ее не с юридической, а с экономической точки зрения как «смешанную земельно-промышленную собственность», имевшую «феодалную природу», и делал вывод об изменении ее характера при включении в основной капитал предприятий в ходе акционирования и залоговых операций¹⁷.

Ценную информацию о развитии промышленности Урала дают новейшие конкретно-исторические исследования, посвященные отдельным горнозаводским округам – владельческим и посессионным¹⁸. С научной точки зрения, анализ объекта такого уровня более целесообразен, поскольку именно округа, а не отдельные металлургические заводы, выступали как самостоятельные структурные элементы уральской горнозаводской промышленности в течение всего XIX и в начале XX в. Представление об округах как особых социо-экономических и территориально-хозяйственных комплексах позволяет и более глубоко провести системный анализ их жиз-

недеятельности. При таком подходе в сфере внимания исследователей закономерно оказываются не только сами заводы с такими традиционными аспектами изучения, как технологии, оборудование, объемы производства, рабочие кадры, но и другие элементы хозяйства – земли, леса и рудники, составлявшие посессии. Тонкий и всесторонний микроанализ окружающей экономики позволяет уловить влияние на нее правовых факторов, включая горноземельные отношения, регулировавшиеся, в частности, посессионным правом. Хотя не все исследователи округов акцентируют внимание на их правовом статусе, он неизбежно отражается в представленной ими характеристике заводского хозяйства.

Не в меньшей степени способствует пониманию правовых условий развития промышленности и изучение хозяйственной деятельности заводладельцев. Эта тема предполагает анализ «правового поля» такой деятельности, а значит и меняющейся системы горнозаводского законодательства. Исследования авторитетных ученых показали, что в ранний период истории уральской промышленности (XVIII в.) права и обязанности заводчиков регулировались либо общими законами, либо сепаратными актами, дарующими разнообразные льготы и привилегии отдельным заводчикам в зависимости от успешности их предпринимательской деятельности или степени близости к верховной власти¹⁹. Если советские историки были склонны обвинять заводчиков, добивавшихся этих привилегий, в том, что они тем самым задерживали становление общего законодательства, то современные исследователи трактуют привилегии как неизбежное следствие раннего этапа развития российского предпринимательства в условиях, когда промышленник был еще крепко связан с государством и зависел от чиновников всех уровней²⁰. Вместе с тем в историографии часто упускается из вида, что привилегиями в то время считались не только индивидуальные правовые отличия, но и «вещественные пособия», передававшиеся заводчикам от казны в виде земель, лесов, рудников и, особенно, рабочих. Такие пособия имели не меньшее значение для успешной промышленной деятельности, но, если частные привилегии постепенно уходили из практики и исключались из законодательства, то вещественные пособия сохранялись, поскольку их невозможно было отнять, не разрушив всего заводского хозяйства. Их наличие и предопределило новый вектор развития горнозаводского законодательства, заключавшийся в его последующем дроблении в зависимости от формы владения заводами и ресурсами и обособлении посессионного права от владельческого. Эволюция законодательства и правовых условий хозяйственной деятельности заводчиков во второй половине XIX – начале XX в., в период, когда происходила «рыночная адаптация» и ее варианты во многом зависели от «статусных возможностей» владельцев, находится пока на начальной стадии изучения²¹.

Наше собственное исследование деятельности уральских заводчиков первой половины XIX в. закономерно подтолкнуло к анализу горнозаводского законодательства и правоприменительной практики того времени. Специфика составной части этого уже сформировавшегося тогда общего законодательства – посессионного права – не могла не обратить на себя

внимания и побудила уделить ему особое место в исследовании²². Желание продолжить изучение малоизвестного, но весьма важного вопроса о роли заводовладельцев в истории уральской горнозаводской промышленности стимулировало обращение к законодательству второй половины XIX – начала XX в., а понимание масштабности задачи привело к решению сделать посессионное право, рассматриваемое в качестве одного из факторов развития горнозаводской промышленности, предметом специального исследования.

Его цель мы видим в раскрытии содержания, эволюции и значения посессионного права, действовавшего на Горнозаводском Урале на протяжении всего XIX и в начале XX в., и выяснении отношения к нему заводчиков, государства и общественности. Для этого предпринята попытка обнаружить истоки посессионного права в истории России и Урала XVIII в., изучить его формирование как системы правовых норм в первой половине XIX в. и эволюцию права во второй половине XIX – начале XX в. В сфере нашего внимания неизбежно оказывается полемика по проблеме квалификации посессионного права и его влияния на развитие горнозаводской промышленности, длившаяся в российском обществе с середины XIX в. На фоне далеко не полных сообщений правоведов рубежа XIX–XX вв. определилась необходимость более детально представить работу многих правительственных комиссий и совещаний, призванных выработать основы прекращения посессионных отношений, проанализировать составленные ими проекты. Особое значение для исследования приобрел анализ весьма значимой для заводчиков деятельности по освобождению уральских заводов от посессионного права, начавшейся еще в первой половине XIX в. и развернувшейся в полную силу после отмены крепостного права. Также прослеживаются изменения в составе посессионных имений со времени их обособления в 1794 г. и до начала XX в. Все эти вопросы до сих пор или вовсе не исследовались, или только отчасти затронуты в трудах предшественников. Их рассмотрение, на наш взгляд, позволяет дополнить научные представления об условиях развития уральской промышленности, об особенностях предпринимательского права и ходе модернизационных процессов в российской экономике имперского периода.

Хронологически исследование ограничено периодом существования посессионного права в уральской горнозаводской промышленности от его оформления в Проекте Горного положения 1806 г. и до Первой мировой войны и революции, оборвавших эволюцию этого права. Необходимость рассмотрения предыстории права заставила нас обратиться отчасти и к материалам XVIII в.

Изучение посессионного права проведено в пределах района, получившего у историков наименование «Горнозаводский Урал». Его границы определяются признаком подчиненности горнозаводских округов региональной горной администрации. С начала XIX в. эта территория официально называлась «Горной областью хребта Уральского», в 1886 г. она составила «Уральскую горную область». Сюда входили районы расположения заводов в Пермской, Вятской, Оренбургской и выделившейся из нее в 1865 г.

Уфимской губерниях, а также в некоторых уездах Вологодской и Казанской губерний.

Основным источником исследования стало российское горнозаводское законодательство, в виде отдельных актов вошедшее в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-I, ПСЗ-II и ПСЗ-III) и в общем виде систематизированное в Проекте Горного положения 1806 г. и Горном уставе, входившем в Свод законов Российской империи 1832, 1842, 1857 и 1893 годов издания. Важнейшими особенностями этих кодексов, отличавшими их от систем промышленного законодательства западноевропейских стран, были так называемая «нерасчлененность», или отраслевая неразделенность, а также неравномерность распространения правовых норм относительно основных субъектов права – казны, вотчинников и посессионеров. Эти особенности, как представляется, сформировались под влиянием организационных начал именно уральской горнозаводской промышленности, сложившихся к началу XIX в. Функционирование этой промышленности в форме многоотраслевых округов привело к объединению в кодексы законодательства, регулировавшего все стороны деятельности их владельцев: от поиска и добычи руд и заготовки топлива до работы металлургических заводов и организации труда и жизни рабочего населения. Сосредоточение всех трех секторов промышленности, наиболее отчетливо выразившееся на Урале, и случавшиеся перемены статуса заводов также делали удобной как для владельцев, так и для горных властей систематизацию законодательства в концентрированном виде. Эти его особенности, скорее, облегчают работу историка с таким сложным видом источников. В то же время несколько затрудняют ее наличие актов, не вошедших в полное собрание российского законодательства, прекращение публикации этого собрания в годы Первой мировой войны, а также не всегда четкое разграничение посессионеров и вотчинников в актах вплоть до издания первой редакции Горного устава в 1832 г. Отчасти эти сложности компенсируются составленными в начале XX в. сборниками законодательства, которые, по мнению составителей, включали акты, формирующие посессионное право²³.

Другим крупным комплексом источников закономерно стало делопроизводство учреждений и организаций разного уровня, связанных с уральской промышленностью.

Документация высших органов власти представлена прежде всего материалами Горного департамента (в 1811–1863 гг. – Департамент горных и соляных дел) – центрального органа управления горнозаводской промышленности России, а также тех министерств, в состав которых он входил в XIX – начале XX в. С 1807 г. это было Министерство финансов, с 1873 г. – Министерство государственных имуществ, с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ, с 1905 г. – Министерство торговли и промышленности. Особую ценность имеют материалы разнообразных ведомственных и межведомственных комиссий и совещаний, с 1860-х гг. неоднократно обсуждавших посессионную проблему и связанные с ней вопросы развития уральской промышленности. В первую очередь это опубликованные, но недостаточно известные историкам полноценные комплексы материалов

(журналы заседаний, записки, особые мнения, проекты) Комиссии по пересмотру Горного устава (за 1862–1866 гг.), Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (за 1866–1868 гг.) и Особого совещания по вопросу о выкупе посессионных заводов 1905–1907 гг.²⁴ Извлеченные из архивов материалы других комиссий и совещаний, как правило, не отличаются той же полнотой, что затрудняет анализ их деятельности. Среди делопроизводства этих законосовещательных инстанций важнейшими представляются четыре подготовленных проекта реформы посессионного права.

Ко второй группе официального делопроизводства относятся документы, которые позволяют судить о деятельности региональных органов государственного управления, распространивших свою власть на все горные заводы Урала. На протяжении изучаемого периода это были Пермское Горное правление (1807–1831 гг.), Уральское Горное правление (1832–1886 гг.), Управление горной частью на Урале (1886–1893 гг.), Уральское Горное управление (1893–1917 гг.), а также Канцелярия главного начальника уральских заводов (1826–1886 гг.). Особенно ценными представляются материалы кампаний «по разбору прав заводчиков» 1830–1857 и 1863–1878 гг., записки и мнения чинов горной администрации, рапорты исправников и окружных инженеров, переписка главных начальников с вышестоящими инстанциями и т. п.

Группа частного делопроизводства была сформирована местными управлениями посессионных округов и «главными правлениями» их владельцев или акционерных компаний, как правило, находившимися в Петербурге. Документация общественных организаций представлена материалами исполнительного органа региональной организации уральских заводчиков – Совета съездов горнопромышленников Урала (с 1898 г.). Они включают разнообразные записки, индивидуальные и коллективные прошения и ходатайства представителей посессионеров или самих заводчиков, а также деловую переписку. Особую ценность имеет «проект перечисления посессионных округов», подготовленный заводчиками в 1908 г. Эти источники адекватно отражают отношение заводчиков и их администраций к посессионному праву, проектам его реформирования, а также перипетии борьбы против посессионных ограничений.

Информация об отношении общественности к посессионному праву и посессионерам почерпнута из периодики, публицистики, научной и историко-правовой литературы, о чем уже упоминалось. В целом особенностью созданного нарратива является включение в него цитат из первоисточников, что сделано сознательно с целью донести без искажения голоса давно ушедшей эпохи и в первую очередь голос заводчиков, который, как правило, не слышали или не слушали ни современники, ни историки.

Изучение такого необычного предмета, как посессионное право, выводит настоящее исследование в область экономической истории и истории права. Тем не менее, оно представляется нам не столько правовым, сколько историческим, так как его объект – уральская горнозаводская промышленность, а право рассматривается как исторический феномен и изучается в контексте истории этой промышленности, будучи одним из факторов, оп-

ределявших ее развитие. Поэтому в работе используются классические методы исторического исследования: генетический, логический, сравнительный, системный. Выявленные мнения о значении посессионного права верифицируются известными нам случаями из заводской практики. В качестве методологической основы закономерно выступает теория модернизации, успешно применяемая историками на современном этапе развития историографии при изучении экономической истории России и, в частности, истории уральской металлургии²⁵. Основой для историко-правовой линии нашего исследования послужили труды ведущих историков права и промышленного законодательства России²⁶.

Монография состоит из двух глав, посвященных двум периодам развития посессионного права в истории уральской горнозаводской промышленности, гранью между которыми стала реформа 1861 г. Объясняется это тем, что влияние этого права в полной мере проявилось не столько в период его формирования в первой половине XIX в., сколько уже после крестьянской реформы. Именно тогда были предприняты неоднократные попытки идентификации посессионного права и его ликвидации. Это не только привело к расширению нарратива второй главы, но и предопределило появление в ней новых сюжетов.

¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 1–13 об.

² См.: *Струкгов В.Г.* Курс горного права: Изложение основных начал горного законодательства России в связи с кратким обозрением принципов горных законодательств важнейших горнопромышленных государств Западной Европы. СПб., 1907; *История предпринимательства в России*. М., 1999. Кн. 2. С. 46–49.

³ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. Ч. IV. С. 169–251.

⁴ См.: *Грамматчиков В.А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870; *Штоф А.А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896.

⁵ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XIV. Записка о значении посессионного права, сообщенная Д.А. Огородзинским.

⁶ Законы и законопроекты о посессионных фабриках анализируются в книге Ю.А. Рыбакова «Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки)» (М., 1986). В обобщающей «Истории предпринимательства в России» (М., 1999. Кн. 1, 2.) лишь упоминается о существовании посессионных предприятий, но не дается характеристика правовых условий их деятельности. Сведения о посессионном праве вообще отсутствуют в новейшей энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (М., 2008. В 2 т.).

⁷ Современный словарь иностранных слов. М., 1992; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998; Юридические словари // www.jur-words.info; *Ерофеев Б.В.* Земельное право. М., 2001.

⁸ ПСЗ-И. Т. 24. № 18087, 18211.

⁹ *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 106–109.

¹⁰ *Михайлов Н.* Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими имениями // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 341–342.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 39. № 29940.

- ¹² Там же. № 30056.
- ¹³ См.: *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985; *Павловский Н.Г.* Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989; *Неклюдов Е.Г.* Горнозаводские рабочие Урала в период кризиса феодализма (30–50-е гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988; *История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.*
- ¹⁴ См.: *Трефилова Л.А.* Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // *Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края.* Пермь, 1965. С. 49–68; *Хеллер К.* Отношения собственности в горнодобывающей и металлургической промышленности России, XVIII – начало XX в. // *Собственность в XX столетии.* М., 2001. С. 197–215; *Манин В.А.* Эволюция горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Сургут, 2006; *Гаврилов Д.В.* Социально-экономическая политика правительства по аграрному вопросу на Горнозаводском Урале во второй половине XIX – начале XX в. // *Урал индустриальный: Бакунинские чтения.* Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 122–136.
- ¹⁵ См.: *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.
- ¹⁶ См.: *История Урала в период капитализма.* М., 1990; *Сапоговская Л.В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993; *Тимошенко В.П., Бебель А.Э.* Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1998; *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избр. тр. Екатеринбург, 2005.
- ¹⁷ См.: *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.
- ¹⁸ См.: *Гуськова Т.К.* Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995; *Она же.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; *Шустов С.Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2008; *Грузинов А.С.* Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009.
- ¹⁹ См.: *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1; *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. (промышленная политика и управление). М., 1953; *Он же.* История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводладельцы. М., 1962.
- ²⁰ См.: *Черкасова А.С.* Рождение индустриальной цивилизации Урала и Демидовы. XVIII век // *Культура индустриального Урала.* Екатеринбург, 2010. С. 5–20; *Редин Д.А.* Власть, заводладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; *Киселев М.А.* Возникновение российского промышленного законодательства в первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
- ²¹ См.: *Сапоговская Л.В.* Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // *Три столетия уральской металлургии.* Екатеринбург, 2001. С. 76–87; *Друзин М.В.* Уральские заводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии взаимоотношений // *История предпринимательства в России: XIX – начало XX в.* СПб., 2008. Вып. 4. С. 135–175.
- ²² См.: *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004; *Он же.* Правовые «модели» развития промышленности: владельческие и посессионные заводы Урала в первой половине XIX в. // *Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда.* Екатеринбург, 2008. С. 129–146.
- ²³ *Материалы к записке о посессионном праве.* СПб., 1902; *Митинский А.Н.* Посессионное право. СПб., 1911.

- ²⁴ Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1861 г. СПб., 1862; Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1862 г. СПб., 1862; Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1863 г. СПб., 1863; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. СПб., 1868; Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1906. Ч. I; СПб., 1907. Ч. II; СПб., 1908. Ч. III, вып. 1, 2.
- ²⁵ См.: *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней.* М., 2008.
- ²⁶ См.: *Собственность в России. Средневековье и раннее новое время.* М., 2001; *Собственность в XX столетии.* М., 2001; *Кодан С.В.* *Юридическая политика российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты.* Екатеринбург, 2005; *Комаров Н.И., Пащенко Д.А., Пащенко С.В.* *Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)* М., 2006; *Поткина И.В.* *Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. XIX – первая четверть XX в.* М., 2009.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПОСЕССИОННОГО ПРАВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ИСТОКИ И УСЛОВИЯ

Основы государственной политики в горном деле: от Петра I до Павла I

Когда в начале XVIII в. стал создаваться новый металлургический район на Урале, государство позволило основывать здесь заводы людям разного социального статуса, обладавшими в сословном обществе разными возможностями для предпринимательской деятельности. Уже в указе от 2 ноября 1700 г., считающемся первым «горным узаконением» России, была провозглашена свобода «сыскивать золотые и серебряные и медные и иные руды... на государевых или на чьих-нибудь землях» по всей территории России¹. Берг-привилегия 1719 г. разрешала «всем, и каждому... какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях» не только искать, но и «плавить, варить и чистить всякие металлы»². Для этого была разработана особая политика. Она сочетала в себе два важнейших принципа, необходимых для развития «горного промысла»: «горную свободу», в соответствии с которой владение недрами земли отделялось от владения ее поверхностью, и «горную регалию», предполагавшую переход недр в распоряжение и под контроль казны. Такая политика позволяла основывать заводы по всей территории Урала, включая не только земли казны, но и обширные строгановские владения и земли вотчинников из числа коренных народов. Только от государства теперь зависела санкция на повсеместную разработку рудников и строительство заводов. Для облегчения промысла горная регалия была дополнена лесной (хотя и обусловленной интересами военноморского ведомства), что позволяло казне беспрепятственно отграничивать как к собственным, так и к частным заводам огромные «лесные дачи» для заготовки древесного топлива. В результате в отношении руд и лесов, отобранных в распоряжение государства, Строгановы и другие заводчики из числа землевладельцев оказались в равном положении с заводчиками, основавшими свои предприятия на землях казны. Закон лишь установил особый сбор с промышленников за пользование поверхностью земель частных владельцев (так называемым отводом) в размере $\frac{1}{32}$ доли дохода, который, впрочем, никогда не собирался из-за отсутствия механизма сбора.

По установившемуся еще в XIX в. мнению, выраженному в записке управления Верх-Исетского округа, «происхождение правительственных

пособий было троякого рода». Во-первых, через пожалование: «Петр Великий для развития горного дела на Урале, отдавая тулянину оружейному мастеру Никите Демидову железные заводы Верхотурские (ныне Невьянские), пожаловал ему в 1702 г. во владение земли, леса и угодья около тех заводов во все стороны на 30 верст; на этих-то землях и построенны были им и его потомками многие заводы, перешедшие потом в другие руки». Во-вторых, посредством продажи частным лицам казенных заводов. Такие продажи «состоялись при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, когда назначено было передать в частное владение все построенные до того времени казною чугунные, медеплавильные и железоделательные заводы со всеми заводскими строениями и отведенными к ним землями и лесами, причем заводские здания и материалы проданы, а земли и леса уступлены безвозмездно». Наконец, в-третьих, «остальные посессионные заводы были построены частными лицами на свой счет, но к ним сделан впоследствии также безвозмездно отвод государственных пустопорожных земель и лесов. Такие отводы произведены были главнейшим образом во второй половине прошлого столетия». Из земельных отводов, приписывавшихся к каждому заводу, и составились впоследствии огромные территории горнозаводских округов. В показательном в этом смысле Верх-Исетском посессионном округе, констатировало управление, «находились земли всех этих трех родов». Так, Верх-Нейвинский, Верхнетагильский, Рудянский, Шуралинский и Шайтанский заводы этого округа были построены на землях, пожалованных Демидовым; Верх-Исетский, Уткинский и Сылвенский – возведены казной и потом проданы в частные руки; Рёжевский завод, построенный С.Я. Яковлевым, был наделен «соответствующим количеством лесов из государственных свободных дач»³.

Государство оказало помощь заводчикам и в отношении другого, не менее важного для устройства заводов «социального ресурса». Они получили в свое распоряжение приписных государственных крестьян, казенных мастеровых и вечноотданных. Разрешенная указом от 18 января 1721 г. покупка крепостных к заводам касалась не только заводчиков недворянского происхождения, но и дворян, которые желали строить заводы на Урале, однако не имели здесь собственных населенных имений. «Шляхетство и купецкие люди» могли покупать деревни под общей для них «кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»⁴.

В результате принятых в петровское время законов все заводчики оказались в равном положении в первую очередь по отношению к регальным природным ресурсам и должны были платить государству за это равную по величине горную подать. «Токмо нам одним, яко монарху, принадлежащие рудокопные заводы и оных употребления каждому и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем, – собственноручно записал Петр I в Берг-привилегии, – только требуем не больше, якож во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прибытка, к заплате Берг-коллегиум его служителям и на иные потребные к тому расходы»⁵. Заявленная в этой фразе «горная регалия» таким образом компенсировалась десятинной пода-

тью в пользу казны, которая в равной степени распространялась на всех заводчиков независимо от происхождения.

Как следует из «Инструкции» В.Н. Татищеву от 23 марта 1734 г., горный начальник должен был в той же равной степени «иметь смотрение... за всеми партикулярными горными заводами баронов Строгановых, дворян Демидовых и прочих... чтобы они те заводы по надлежащему строили и размножали, медь и железо делали как наилучше возможно, а негодного бы железа и не чистой меди в продажу и отпуск не употребляли, и без клейма заводского ничего не продавали, в заплате с мастерами правильно поступали, и лишнюю передачею мастеров друг от друга, також и беглых крестьян не приманивали и не держали, на пристанях один другого не притесняли...» Осуществлялось это «смотрение» путем инспекций и следствиями по жалобам заводчиков, на основании которых горный начальник должен был «праведный и непродолжительный суд и расправу чинить». Непосредственно на заводы предполагалось определить шихтмейстеров, которые бы содержались на счет заводчика и ему повиновались, «дабы в пользу промыслов не повреждать». Главной их обязанностью должно было стать «порядочное и правдивое ведение книг и счетов», в которых записывались бы «вышлавка меди и чугуна, с чего десятое берется, и что в продаже при заводах и в отпуску куда будет»⁶. Однако продержался институт шихтмейстеров недолго. На прошение А.Н. Демидова последовала резолюция кабинет-министров от 12 декабря 1735 г.: «Понеже ныне определенные в шихтмейстеры сами арифметики не знают, и к содержанию бухгалтерских книг необыкновенны, того для шихтмейстеров ныне отставить, а подтвердить партикулярным заводчикам, чтоб они книги по-прежнему содержали только порядочно и правильно»⁷. Считалось, что угроза «жестокое гнева, неотложного телесного наказания, смертной казни и лишения всех имений», обещанная Петром I и повторенная Анной Иоанновной, вполне достаточна, чтобы предотвращать всевозможные злоупотребления.

Не было установлено и никаких особых ограничений в хозяйственной деятельности заводчиков за исключением обязательных военных поставок, распространявшихся на Демидовых и переходивших на тех, кому они продавали свои заводы. Эти обременительные для заводчиков поставки считались условием приписки к Невьянскому заводу в 1703 г. Аятской и Краснопольской слобод и села Покровского с деревнями. За них Демидовы и должны были «ту поставку... чинить навсегда безотговорочно, не причитая себе того против прочих заводчиков в тягость; ибо егда бы они Демидовы от той поставки уволились, то бы в таком случае и те слободы с деревнями, яко за отправление той поставки данные от них взять должно в казенное ведомство и причислить к прочим казенным заводам». В 1765 г. (19 августа), чтобы «прочие заводчики, имеющие в приписке государственных крестьян, против них излишне облегчены не были», Сенат указал «сверх выпешисанных мест Адмиралтейства и Артиллерии им, Демидовым, в казну железа и снарядов никуда не ставить, а в Оружейную канцелярию, к Дворцам и по требованиям других казенных мест ставить прочим заводчикам, кои имеют к заводам своим в приписке государственных крестьян... без всяких отгово-

рок». Впрочем, если «онье в натуре той поставки иметь не похотят», предписывалось делать заводчикам денежные начеты, а поставки распределять по казенным заводам⁸.

С облегчением положения крестьян было связано и полное освобождение заводчиков от обязательной поставки «железа и воинских снарядов» по манифесту 21 мая 1779 г. «При доставлении, с одной стороны, приписным крестьянам выгод и облегчений... с другой, распространяя таковые же и на самих содержателей заводов», чтобы они «возчувствовали всевозможное облегчение и чрез то новое ободрение получили к распространению своих промыслов», эти поставки были возложены тогда на казенные заводы и только в случае «крайней надобности» налагались на частные заводы, и не по установленным казной, а по «истинным ценам»⁹. Судя по всему, приписка к заводам казенных крестьян считалась особо ценным пособием заводчикам, и большую часть XVIII в. это требовало дополнительного вознаграждения в отличие от считавшихся «пустопорожними» отводных земель. Со времени первых указов Н.Д. Демидову заводчики обязаны были за переданных им работников «всякие подати и поборы платить», а их самих «кормить и всячески призирать и лечить»¹⁰. С 1779 г. на заводчиках осталась только эта последняя обязанность.

В дополнение к дарованным в 1719 г. привилегиям Петр I обнадежил «промышленников рудокопных дел», что «у них и у наследников их онье заводы отняты не будут», пока они «довольных работников иметь, и по уставам, каковы Коллегиум впредь объявит, содержатись будут». Заводчикам разрешалось не только передавать заводы по наследству, но и «продавать и закладывать вольно». Отнять завод можно было лишь в случае, «разве только кто ненадлежащим порядком с теми заводами поступать и онье леностно производить будет», а также, если промышленники «сами не в состоянии будут онье содержать»¹¹.

Эти уточнения, а также названные выше правила владения горными заводами, установившиеся в начале XVIII в., не вполне коррелируют с правом собственности, понятие которой, по признанию специалистов, в те годы еще не было сформировано в российском законодательстве. Такое общее для всех владельцев правоотношение к принадлежавшим им заводам напоминало отчасти поместное право. Только роль «государевой службы» играло здесь ведение заводчиком «горного промысла». Оно позволило развить этот промысел и превратить Урал в крупнейший металлургический район России. В течение всего XVIII в. распространенным оставалось мнение, выраженное еще в Берг-привилегии и повторявшееся во многих позднейших указах, что «от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогатет и процветет; также пустыя и бесплодныя места многолюдством населятся, якоже и искусство в различных землях довольно показывает»¹².

«Вспомоществуя всемерно частной горной промышленности, Правительство не смотрело на возводимые частными людьми заводы как на источник для умножения доходов казны, – писал о том времени в середине XIX в. юрист Д.А. Огородзинский. – Взгляд его на горную промышленность как на дело государственное был более возвышенным, более широким; оно

видело в горных заводах верное средство обогащения и просвещения страны. И действительно, благодаря содействию Правительства к развитию горнозаводской деятельности Урал из края дикого, обитаемого полукочевыми инородцами, превратился весьма скоро в промышленную страну, огромное население которой отличается таким материальным благосостоянием и развитием, что едва ли можно найти хотя одну местность в России, поставленную в столь благоприятные экономические условия»¹³.

Тем не менее в течение XVIII в. власти неоднократно выражали желание дополнительно обложить податью пользование заводчиками отводами казенных земель. Один из них был связан со вторичным назначением В.Н. Татищева на уральские заводы в 1734 г., когда Берг-коллегия была ликвидирована, а горное начальство подчинялось финансовому ведомству. В составленной тогда по поручению Анны Иоанновны президентом Коммерц-коллегии П.П. Шафировым уже упоминавшейся «Инструкции» горному начальнику предлагалось «на всех тех, Сибирской и Казанской губерний, промышленников, которые нашими землями владеют, положить, сверх десятого от прибыли, за земли и прочее по рассмотрению, сколько надлежит, и прислать к нам для апробации». В составленном В.Н. Татищевым в соответствии с той же инструкцией проекте «Заводского устава» эта установка была закамуфлирована в виде особой попудной подати, собиравшейся за отводные земли в пользу владельца. Но проект был провален приглашенными для его обсуждения заводчиками, заручившимися поддержкой всесильного фаворита Э.И. Бирона¹⁴.

Вышедший в 1739 г. Берг-регламент уточнил перечень земель, за пользование которыми промышленники должны были платить владельцам плату, сниженную тогда до 2% прибыли. Если по Берг-привилегии это были просто «чужие земли», то по букве Берг-регламента «иные земли» включали «дворцовые, синодальные, монастырские, помещичьи, государственных крестьян и прочие», т. е. земли, имевшие конкретных частных или корпоративных собственников. Казенные земли ни в петровском, ни в аннинском законе вовсе не упоминались. Берг-регламент также подтвердил заверение Берг-привилегии о том, что заводы у владельца, его компаньонов и наследников не будут отняты, с единственной оговоркой: «разве только кто ненадлежащим порядком с теми заводами поступать и оные леностно производить будет»¹⁵.

В царствование Елизаветы Петровны восстановленная в 1742 г. Берг-коллегия столкнулась с новой попыткой ввести налог за пользование казенными землями. Поводом к возбуждению этого вопроса стал проект ее прокурора Суворова, который в 1744 г. предложил за отведенные заводчикам от казны земли «определенный платеж как за прошлые годы взыскать, так и на предбудущую взыскивать, и какую цену на употребленные на те заводы лес и дрова по пропорции каждого заводу положить и о сборе того платежа в казну подлежащее рассмотрение и определение учинить, дабы в казну Ея Императорского Величества принадлежащие доходы упущены не были». Тогда Берг-коллегия настояла на том, чтобы особый сбор был установлен лишь в пользу частных владельцев, а казна должна была «довольст-

воваться десятиной». Однако окончательное решение по этому вопросу Сенатом принято не было¹⁶.

Сохранявшаяся неопределенность послужила поводом к запросу Берг-коллегии в созданную в 1765 г. при Сенате Горную комиссию. Как следует из указа от 10 мая 1767 г., «входя... подробно и разбирая с точностию силу установленных Берг-привилегий и Берг-регламента, состоявшихся на все горные дела... Комиссия... находит в них... что положено заводчикам платить одним только владельцам, в чьих дачах они свои заводы построят и на них действие иметь станут, а не Короне, коей теми же Привилегией и Регламентом определена от всего 10-я часть, да и то на производство Берг-коллегии служителям и на иные потребные по горным делам расходы... а такового намерения, чтоб сверх 10-й части, еще и 32-ю долю или вместо ее 2 процента Короне брать за построение заводов на государственных землях, да и на таких, кои прежде без всякого употребления и селения находились, в тех установлениях ни мало не видно...»¹⁷

«Об увеличении подати на заводы за имеемые пособия начали думать не прежде 1783 г.», – констатировалось в одной из записок Горного департамента¹⁸. Хотя это было не вполне точное заявление, в нем верно указывался момент, с которого давнее желание властей превратилось в намерение, получив для этого правовую санкцию. Поводом к тому послужил известный манифест Екатерины II от 28 июня 1782 г., который отменил формальные основания, препятствовавшие введению особого налога за пользование заводчиками казенными пособиями. Желая «во всех промыслах и упражнении... изъять... всякое принуждение, а напротив того оживотворить и умножить оные свободою и разными ободрениями», власть тогда распространила «право собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» (так называемый принцип «акцессии»; лат. *accessio* – соединение). При этом запрещалось «инако основывать заводы, как или на своей собственной земле, или же по добровольному условию с другим на принадлежащей сему последнему». Запрещено было и «требовать отвода казенных лесов, а довольствоваться своими собственными, или по договору ему отведенными»¹⁹. Отмена горной свободы и горной регалии, дополненная 22 сентября того же 1782 г. возвращением права собственности землевладельцев на леса, «в дачах их растущие»²⁰, создавала повод для обособления тех заводчиков, которые основали свои заводы на собственных землях без помощи казны.

Но, что особенно важно, манифест 28 июня установил и равное с вотчинниками право казны на ее земли. «Как казна в землях, ей принадлежащих, имеет те же права собственности, – признавал законодатель, – то и должны Казенные Палаты распорядить, каким образом выгоднее получать руды для казны потребные, наблюдая тут пользу Нашу и облегчение народное...» Это многозначительное утверждение позволяет говорить о том, что прежде казна не просто довольствовалась получением «десятинной подати». Отобрав у частных владельцев право распоряжаться природными ресурсами их земель «для пользы Государственной и верных Наших подданных», казна взамен предоставила всем возможность неограниченного пользования ресур-

сами и принадлежавших ей земель. Екатерининский манифест 1782 г. освобождал государство от этого обязательства и создавал правовые основания на получение казной дополнительной платы с заводчиков за пользование предоставленными им пособиями наравне с прочими собственниками.

На этом был основан прямо вытекавший из манифеста императорский рескрипт от 3 мая 1783 г. В нем утверждалось, что «все новые основатели заводов не иначе оные на казенных землях учредить могут, как с платежом по мере пользы своей и по добровольным с казной условиям». Мало того, казенным палатам, которым с 1781 г. передали местное горное управление, было предложено рассмотреть, «не следует ли и не будет ли отяготительно, чтобы и те, кои по данным прежде дозволениям имеют заводы в землях казенных, и к ним приписаны леса, особливо же и причисленные казенного ведомства крестьяне, писали какой сносный для них оброк за земли и леса казенные, ими на пользу свою употребляемые, по мере прибытка, ими получаемого»²¹.

Казенные палаты предварительно «сочли за нужное привести в известность владеемые заводчиками казенные земли и леса». Но вследствие неоконченного межевания земель на Урале дело затянулось и даже в начале XIX в. «или совсем, или с надлежащей точностью» не было завершено. «Долгое неполучение заключений от палат... – констатировалось в уже упоминавшейся записке Горного департамента, – подало повод при увеличении вообще подати, заводчиков, имеющих казенные пособия, от не имеющих оных, отделить»²². Это произошло по указу от 23 июня 1794 г. «Для пособия государственным надобностям» горная подать с частных заводов была тогда поднята, но, в отличие от прежних подобных случаев, надбавка оказалась вдвое выше для тех заводов, которые были «заведены частными людьми с пособием от казны, получив для этого земли и леса или же приписных из ведомства казенного крестьян»²³. Таким образом, свое давнее намерение собирать дополнительную подать с заводчиков за пользование казенными пособиями государство реализовало не в виде особого оброка, а в форме повышенной, или «добавочной», горной подати. После еще одного пропорционального повышения в 1799 г. владельческие заводы стали платить по 8 коп. с пуда чугуна и 10-ю часть меди натурой, а посессионные – по 12 коп. и 15% соответственно²⁴.

Новый принцип налогообложения окончательно выделил из состава заводчиков тех, кто завел свои заводы в собственных имениях или на купленных ясачных землях и пользовался трудом своих крепостных. Они оказались в новой роли полноправных собственников заводских имений и стали платить, как тогда выражались, «одинакую» горную подать. Заводчики, которые основали свои заводы на казенных землях или пользовались трудом приписных крестьян и казенных мастеровых, сохранили прежний статус пользователей казенных пособий, но стали платить за это «полоторную» подать. К этой же группе были отнесены владельцы переданных им казенных заводов, юридический статус которых прежде не был четко определен. Именной указ от 16 марта 1798 г. подтвердил отмененное в 1762 г. право «заводчикам из купцов» покупать крепостных, но предписал делать это «без излишества» и с тем, чтобы «подать, которою заводы сии обязаны, ос-

талась непременною». Этот указ в дальнейшем послужит основой для введения так называемого «правового пособия». Он установил правило в случае нарушения заводчиками условий пользования трудом таких крепостных «брать заводы, фабрики и деревни в казну Нашу... по надлежащей за душу оценке» или «с платежом суммы, какая по оценке следовать им будет»²⁵.

При разделении заводов и заводчиков на два «отделения» государство вынуждено было вновь отказаться от сословного принципа, поскольку казенными пособиями в то время уже пользовались и одворянившиеся потомки «фундаторов» из податных сословий. Даже переход заводской собственности в руки дворян (по наследству или путем покупки) не менял статуса владения. Тот же указ от 16 марта 1798 г. предписал продавать заводы «с обязательством, дабы покупщики те заводы содержали на тех же самых обязанностях, на которых они до покупки состояли»²⁶.

В марте 1796 г., когда горные заводы еще находились в ведении финансовых учреждений, Экспедиция о государственных доходах попыталась распространить новый принцип налогообложения и на доходы заводчиков за прошедшее время. «Заводсодержатели, имеющие при заводах своих казенные земли, леса и крестьян, отведенные и отданные им... в весьма давние времена, – решили там, – не только употребленные ими капиталы на покупку и на устройство заводов своих возвратили, но, получив немалые выгоды, каковые сделаны им от казны, при нечувствительном во многие прошедшие годы платеже... десятинной подати... приобрели довольно значительные от торговли полученных при тех заводах металлами прибыли». Поэтому Экспедиция считала «не предосудительным» наложить на них «какой-либо сносный оброк» со времени состоявшегося 3 мая 1783 г. указа²⁷.

Но восстановленная в том же году Берг-коллегия, видимо, не поддержала эту инициативу финансового ведомства. В отношении податей она сосредоточилась на другой, более насущной проблеме их «уравнительности». Чиновники коллегии полагали, что введенная в 1794 г. надбавка в целом не была «отяготительной» для заводчиков, но поскольку они «в пособиях крайне не уравнены, то одинаковый за оный платеж для одних из них не только сносен, но и легок, для других выгодами их пред не имеющих пособий соразмерен, для иных же крайне разорителен, да и для самой казны вреден, так как с разорением заводчиков неминуемо сопряжены остановка их заводов и ущерб чрез то в Государственных доходах». Поэтому Берг-коллегия «поставила в числе главнейших своих обязанностей» определить формы и величину казенных пособий для всех заводов и назначить повышенную подать «по соразмерности» с ними.

Определение форм «казенных пособий» и попытки «уравнения податей»

Сразу после введения различий в величине подати казенные палаты столкнулись с проблемой уравнительности, когда им пришлось распределять заводы по двум отделениям. Для ускорения этой процедуры Сенат указом от 30 января 1800 г. предписал «всех тех заводчиков почитать имею-

щими от казны пособие, в чем бы оно ни состояло»²⁸. «Ничего не оставалось делать, как до собрания требуемых сведений поверстывать в число обязанных платить за оные подати всех тех заводчиков, при чьих заводах открывалось что-либо казенное», – констатировалось в уже упоминавшейся записке Горного департамента. Это вызвало вполне прогнозируемое недовольство некоторых заводчиков в виде жалоб на неправильное распределение их заводов по отделениям. Таких заводов, судя по составленному списку, оказалось 18 по всей России, включая 7 на Урале. Но большинство из них было оставлено в тех же отделениях «впредь до общего рассмотрения дела о пособиях» с приостановлением взыскания «прибавочных денег», которые считались «как бы в недоимке»²⁹.

Однако еще до этого «общего рассмотрения» властям пришлось вернуться к вопросу об уравнивании податей в связи с поданной в 1802 г. Александру I и министру финансов графу А.И. Васильеву запиской коллежского секретаря И. Калашникова. Проехав по уральским заводам как «постороннее лицо», он заметил, что несколько заводов (Варзино-Алексеевский, Пыжманский, Берсудский, Шурминский, Коринский и Таишевский) бездействовали или находились на грани остановки «единственно от единообразной подати». Особенно убедительным, видимо, показалось сравнение Верх-Исетского завода Яковлевых с Шурминским заводом И.А. Мосолова. На первом, писал И. Калашников, руды содержат от 56 до 60% чугуна и поставляются с расстояния от 3 до 40 верст по 3 коп. с пуда. На втором содержание руд было в пределах 25–35%, а рудники находились в 25 и до 100 верст от завода, так что доставка руды обходилась вдвое дороже. «Если заводы не будут уравнены в пособиях от казны... – рассуждал он, – то едва дымящиеся заводы к упованию только на всемиростивейшее обеспечение их остановятся». В этой связи И. Калашников предлагал разделить руды «по качеству на классы... и прибавить подати на чугун на средний и высший классы, а нижний оставить на прежнем положении или даже сложить». Кроме того, он считал целесообразным отводить леса всем заводам, «сообразуясь с годовой пропорцией или заводской производительностью», и сократить число приписных крестьян, оставив «только число неизменных и нужных людей», поселенных на заводах³⁰.

По высочайшему повелению и сенатскому указу от 23 января 1803 г. Экспедиция для решения старых дел и счетов при Берг-коллегии предприняла «разбор дела», но столкнулась с массой технических трудностей по сбору статистических данных от заводов и казенных палат и их сопоставлению. В 1805 г. чиновники докладывали, что «по обширности сего предмета не успели еще собрать нужные сведения». Ситуация не изменилась и через два года, когда вопрос об уравнивании податей вновь был поднят в связи с подготовкой реформы приписных крестьян.

Наибольшую активность тогда проявил недавно ставший владельцем Юговских заводов московский именитый гражданин, немец по происхождению, А.А. Кнауф. В своих прошениях он утверждал, что «подать за казенные пособия крайне отяготительна и несоразмерна получаемой завододержателями пользе». Не имея других пособий, кроме приписных крестьян,

он предлагал или вовсе не давать его заводам непременных работников, которые должны были заменить приписных, и «уволить его от излишней подати, поставив в число заводчиков, не имеющих пособия», или же уравнивать подать с предоставленным его заводам числом казенных работников. Опрошенные горные начальники нашли просьбу А.А. Кнауфа справедливой, поскольку считали, что «взимание податей с одних данных заводчикам пособий и по количеству оных есть одно из лучших средств как для приведения машин и прочих заводских устройств в совершеннейшее состояние, так и для уменьшения требуемых заводчиками пособий, особливо для уменьшения числа людей при оных». Но Берг-коллегия, рассматривавшая прошение заводчика, «не приняла его в уважение», решив, что «пособия, данные со стороны казны не дворянам, состоят не в одних людях казенных, но и в праве иметь людей, купленных собственным капиталом при своих заводах». «Столь ясное о пособии казны заводчикам положение, – полагали чиновники, – не исключит по сим статьям никого от прибавочной подати». Этот «изящный» ход горных властей на время отодвинул решение вопроса об уравнивании податей. В докладе министра А.И. Васильева от 15 марта 1807 г. предлагалось «оставить его до общего по сему предмету рассмотрения и положения». Но, чтобы подвинуть заводчиков отказаться от непременных работников, им было обещано, что «те из них, кои не будут иметь ни людей, ни земель, ни лесов казенных, будут считаться в числе заводчиков, не имеющих от казны пособия; следовательно, и подати будут платить, какие с сих последних взыскиваются»³¹.

Перечень казенных пособий был определен во время проведения второй министерской реформы. В «Учреждении Министерства финансов» от 25 июля 1811 г. пособия частным заводчикам были разделены на пять видов: 1) в людях; 2) в землях; 3) в лесах; 4) в рудниках. Право «владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства», было отнесено к пятому пособию. Этот перечень несколько отличался от разновидностей пособий «фабричных», к которым относились отведенные от казны земли, строения, «приписанные мастеровые люди» и «дозволение владельцам на покупку крестьян»³². Наличие пособий в лесах и рудниках отражало специфику «горнозаводской посессии» в отличие от более облегченной «посессии фабричной». В дальнейшем это скажется на ходе процесса их ликвидации.

Проведенное разделение казенных пособий актуализировало проблему уравнивания податей. Министру финансов, в частности, было вменено следить, «чтобы подати были уравнены по числу и количеству данных заводчикам пособий»³³. В соответствии с этим в том же году министр Д.А. Гурьев потребовал от Департамента горных и соляных дел (далее он именуется также Горным департаментом), к которому перешли функции упраздненной Берг-коллегии, возобновить дело об уравнивании. Оно было поручено начальнику III отделения этого департамента, ведавшему частными заводами. Предложения были подготовлены им (фамилия начальника, судя по подписи, была В. Огородников) только к 1818 г.

«Начала, на коих основан сбор с заводчиков особых податей, и коих держаться должно при уравнивании в оных, – размышлял этот начальник, – суть

следующие: а) заводчик как гражданин, как член Государства, пользующийся всеми выгодами благоустроенного общества, покровительствуемый Правительством, пекущимся о его безопасности и вообще об его благе, обязан иметь участие в расходах, употребляемых для доставления ему сей безопасности и прочих выгод; в) подземные сокровища почти везде во всех Государствах составляют собственность, принадлежащую королю (Regale), и поэтому Правительство, предоставляя их частным людям, вправе требовать от них себе некоторого пожертвования или платы; с) некоторые заводчики пользуются от казны пособием... и потому справедливость требует, чтобы они за таковое им пособие... платили излишнюю подать казне... которая должна быть распространена и на земли помещичьи».

Эти представления, основанные на учете европейского опыта и российской специфики, привели чиновника к идее разделить общую горную подать на две: «государственную» и «владельческую». Первую должны были платить все заводчики «по одинаковым правилам», сходным с теми, которые уже действовали в Западной Европе и России. Она была соразмерна «прибыли или, по крайней мере, доходу завода» и исчислялась от величины его производства. Эта подать, пояснял начальник, «не нарушала права собственности, предоставленного манифестом 1782 г., ибо помещик, имеющий рудники в землях, ему принадлежащих, не лишается чрез то свободы разрабатывать или не разрабатывать оные, а также продать их или отдавать в оброк». В интересах казны и заводчиков предлагалось оставить «денежный сбор» с чугуна, установленный еще в 1723 г., поскольку казна таким путем избавлялась от «необходимости иметь особые заводы для перековки чугуна в железо и заниматься его продажей», а заводчики – «от перевозки и опасения, что они передали не лучший чугун». «Сбор натурой» с меди, золота и серебра, используемых в основном на казенных монетных дворах, тоже предполагалось сохранить, «ибо заводчикам было гораздо легче отдать собственный свой продукт, нежели для внесения податей с него заботиться о его продаже по причине назначенного для сего срока». По этому раскладу, с золота и серебра надлежало брать 10-й пуд натурой с доставкой в Санкт-Петербург, с меди – 2 пуда с 10 натурой с доставкой на ближайший монетный двор; с каждого пуда чугуна – по 8 коп. и с каждого минерала – 10-й пуд деньгами «по справочным ценам того города, где находится завод». В составе государственной оставалась и так называемая «оброчная подать», которая издавна взималась с количества металлургических печей. Она, писал чиновник, «основана на том, что Правительство, дав привилегию на устройство сих заведений, сделало все то, что от него зависело, и потому вправе требовать ежегодного за таковую привилегию платежа, а употреблять или не употреблять оные заведения в дело зависит уже от расчетливости заводчика». Со всякой домны предполагалось ежегодно собирать по 400 руб., а с медеплавильной печи – по 10 руб.

В отличие от общей государственной, владельческая подать назначалась «за земли, руды, леса и за мастеровых и рабочих людей, заводчиками в пособие, или в привилегию, полученными». По мнению автора проекта, она собиралась в пользу того, кому принадлежало владение, и была «рав-

ной как от частных людей казне, так и от казны частным людям и от сих последних между собой». Эта подать должна была быть постоянной, «дабы всякий, приступивший к рудному делу, знал наперед, что именно и за что платить он обязан». Она исчислялась по тому доходу, какой владелец мог бы получать, «не предоставляя своей собственности в распоряжение заводчика». «Лишить его платежа за оную вследствие недействия завода или малого его производства по каким бы то ни было причинам, – полагал начальник III отделения Горного департамента, – значило бы отказать ему на то время от ее принадлежности». Было предложено за пользование рудниками брать с каждых 10 пуд. золота, серебра и меди по 15 фунтов натурой и платить по 1 коп. с пуда чугуна, за казенных мастеровых – платить по 2 руб., за купленных на заводском праве – по 1 руб. с души и за лес – по 25 коп. с куб. саж.

По предварительным расчетам выходило, что вместо уплачиваемых в то время «добавочных» 1,2 руб. с пуда меди и 4 коп. с пуда чугуна заводчики должны будут отдавать, соответственно, 1,41 руб. и 5,3 коп., т. е. несколько больше. Но, считал начальник, «поелику эти платы поступать будут по мере действительного употребления каждым заводом и заводчиком на пользу свою ему не принадлежащего, то по сему, будучи выгодам каждого соразмерны, не могут быть столько, как платимые ныне, отяготительны». В целом же введение новой системы налогообложения и, в частности, особой подати за пользование казенными пособиями, по мнению автора проекта, «открывало многие выгоды: 1) рудный промысел не столько будет стеснен, как ныне, и заводчики будут платить подати соразмерно своим доходам; 2) заводы, пользующиеся разными пособиями казны и со стороны владельцев земли, будут платить уравнительную подать, и владельцы земли... будут иметь свои выгоды; 3) право заводчика-дворянина будет отлично от права заводчика – не дворянина. Первый, если не хочет разрабатывать свои рудники и пользоваться подземными сокровищами сам или отдавать их в оброк или аренду, оставляет их в своей воле. Другой же, если сам не хочет разрабатывать их, то обязан позволить сие другому, не лишаясь, однако, части своих доходов за руды, земли и леса. Посему менее будет оставаться подземных сокровищ тунележащими; 4) один заводчик перед другими не может жаловаться, что он более платит податей, нежели другой, судя по данным им пособиям; 5) всякий заводчик будет как возможно менее иметь земель, дабы менее платить податей. Остальные земли будут розданы другим людям... б) платя особенную подать за дрова, нужные на действие заводское, всякий заводчик будет стараться усовершенствовать заводское производство и тем самым сберегать лес; 7) заводчик, будучи обязан платить особую подать за людей, употребит старание к усовершенствованию машин, дабы одним и тем же числом рук выделывать больше металлов, или большую часть работ исполнять вольными людьми, даже найдет, может быть, свои выгоды дать свободу, если не своим крепостным, то, по крайней мере, казенным людям, приписанным к его заводу». Но прежде изменения податей начальник III отделения рекомендовал «собрать сведения... о земле, людях и рудах, чтобы все кончено было в три года»³⁴.

26 октября 1818 г. он внес свой проект в Горный совет – структурное подразделение Горного департамента – для обсуждения, но проект там надолго задержался. «Находя медленность сию непростительной в том деле, которое, по важности своей, должно обратить особое внимание», в мае 1821 г. директор департамента Е.И. Мечников распорядился, чтобы «дело сие выслушано было на ближайшем заседании и чтобы члены Горного совета, не выходя из присутствия, положили по оному свое заключение». В июле Горный совет рассмотрел проект, внес небольшие поправки, касавшиеся в основном размера платежей, но не решился сразу одобрить его, предложив отправить для экспертизы в Московское и Пермское Горные правления. После этого дело задержал сам директор департамента. Только в ноябре 1823 г. он ознакомился с журналом Горного совета, но вместо его утверждения решил, что «при нынешних обстоятельствах и вообще при настоящем положении горной части подобное дело требует особенных оснований и сообразных времени правил». Он предложил перенести дело «для совокупного рассмотрения в свою очередь, когда будет обсуждаться общий предмет о преобразовании горных заводов». В то время уже действовала Горная комиссия под председательством сенатора В.Ю. Соймонова, готовившая предложения о разработке открытых на Урале золотосодержащих песков, и, видимо, зрело решение о пересмотре Проекта Горного положения 1806 г.³⁵ Эта работа могла коснуться положения посессионных заводов, и Е.И. Мечников рекомендовал отложить дело.

Так и случилось: решение по проекту уравнивания податей принимал Комитет об устройстве горных казенных заводов, созданный в конце 1824 г. Вскоре после открытия, 11 февраля 1825 г., он постановил исполнить заключение Горного совета четырехлетней давности и отправить проект в горные правления «для составления мнения и сравнительного расчета с получаемым казною с заводов дохода». Региональное начальство, в свою очередь, предписало «всем частным заводам, кроме владельческих, составить сведения... со всевозможною ясностью и точностью в непродолжительное время». Отзывы от горных правлений поступили через три года. По расчетам Московского правления, из 33 бывших под его ведением металлургических заводов большинство считались владельческими и платили только «одну десятину». В связи с этим местное начальство даже предложило сделать общую надбавку к подати, что вовсе не соответствовало целям проекта.

Расчеты и предложения Пермского правления были более основательными. Они показали, что по новым правилам казна получила бы «денежного дохода более 141 845 руб., а десятинной меди менее 972 пуд., или 23 328 руб., против нынешнего». Но с учетом все возраставшей в те годы добычи драгоценных металлов оказалось, что прибавка в податях обернулась бы потерями казны. Ни того, ни другого, по мнению правления, допускать было нельзя, «ибо цель проекта есть та, чтобы только уравнивать заводчиков в податях... а отнюдь не в том, чтобы увеличить сею мерою или уменьшить доход казенный». Кроме того, получалось, что основное бремя податей упадет на чугуноплавильные заводы, а не на медные, что тоже противоречило цели уравнивания. Не обрадовались чиновники и предстоящей им проверке не

только выплавленных металлов, но и использованных для этого дров и руды, что, по их мнению, «чрезвычайно обременило и затруднило бы расчеты» и привело к пропуску установленных сроков уплаты податей³⁶.

Без всякого движения дело пролежало в Горном департаменте до ноября 1841 г., когда о поручении 30-летней давности вновь вспомнили, видимо, в связи с тем, что статья «Учреждения Министерства финансов» об уравнении податей вошла в состав Свода законов Российской империи. Проект вместе с отзывами горных правлений был передан на новое рассмотрение начальника III отделения департамента. Мнение этого безымянного начальника, как и его предшественника, создавшего проект, имеет исключительное значение как для частной истории с уравнением податей, так и для истории посессионного права в целом.

В первой истории он фактически поставил точку. «Хотя, конечно, есть возможность соразмерить казенные пособия владельческой с заводчиков податью теми способами, какие предложены в проекте, – писал этот начальник, – но определение и взимание подати сей были бы сопряжены с великими для горного начальства затруднениями и неудобством для казны». Они выражались в необходимости организовывать каждый год «подробную и точную ревизию шнуровых книг, коими по проекту надлежало бы снабжать каждый частный завод для записывания в них количества добытых из данных от казны рудников руд и употребленного леса с означением длины и толщины его». Это бы неизбежно привело к тому, что «полная владельческая подать» определялась бы ко взиманию с задержкой не менее как на три года. Чиновник сомневался и в реальной возможности подобной ревизии, поскольку проверить, сколько было сожжено угля и проплавлено руды, можно было, только полагаясь «на одно засвидетельствование заводских приказчиков и исправников». А это «давало бы неотклонимый повод к разным в сем деле злоупотреблениям и, конечно, всегда в ущерб казне».

«Общий взгляд на предмет сей... – размышлял он, – вообще не открывает возможности отыскать какой-либо масштаб для уравнения заводов в податях по мере имеемых ими от казны пособий, ибо сии последние при каждом заводе, по сущности, а особенно по количеству их, столь между собой различны, что более, нежели с вероятностью, сказать можно, что из заводов, пользующихся пособиями, нет двух, которые подходили бы или могли быть подведены под одну категорию». В итоге начальник приходил к заключению, что «для уравнения... потребовалось бы для каждого завода определить особую подать, а это было бы делом едва ли исполнимым, если не вовсе невозможным». Более реальным ему представлялся другой способ «устранения всех затруднений», а именно «устранение всего того, что доселе считалось казенным для частных заводов пособием». В 1841 г. он, по сути, выдвинул первый проект ликвидации посессий, и исходил этот документ от крупного чиновника горного ведомства.

Пособие в людях, по мнению начальника III отделения, уже не было столь актуальным для заводчиков, как прежде, когда «по малонаселенности горных округов и по новости горнозаводского промысла наем людей... был не только затруднителен, но даже невозможен». Теперь вокруг заводов

состоят «целые многолюдные волости государственных крестьян», которых без всякого труда можно было бы привлечь к работам вольным наймом. Поэтому «казенных людей, при частных заводах состоящих», он предлагал «отобрать в казну, обратить в сословие государственных крестьян с оставлением их на тех самых землях, с которых они перешли к заводам». Эта мера «увеличила бы число государственных крестьян со всеми полезными для Правительства последствиями, сняла с заводчиков трудные для них обязанности содержать сих людей и отправлять за них все повинности; со стороны горного начальства не нужен был бы полицейский надзор... и, наконец, уничтожилась бы одна из главных причин ко взиманию с заводов излишней и неравной подати».

Другие вещественные пособия предлагалось продать заводчикам «в неотъемлемую заводскую собственность по оценке или по цене, какую Правительство по соображению с местностью угодно будет назначить». Вырученные от продажи капиталы обращались в «кредитные установления на приращение процентов», которые вполне заменили бы казне поступление горной подати. Для облегчения покупки пособий заводчикам могла быть дана «рассрочка на время со внесением указных процентов». По мнению начальника III отделения, это привело бы, с одной стороны, к усилению заботы заводчиков о сбережении лесов, «ибо тогда леса будут уже их собственностью», а с другой – к ликвидации обременительного надзора горного начальства за лесами частных заводов. Наконец, правовое пособие вполне можно было бы заменить гильдейской податью. «Итак, – резюмировал чиновник свои предложения, – за всеми сими мерами... горная подать по всем вообще заводам останется только одинакая, которую, если Правительство рассудит, можно в некоторой мере и возвысить; заводчики заплатят казне все, что следует, и при том в точной соразмерности с пособием, и... заводская полиция, которая, по отзывам заводчиков, стесняет их права, может устраниться»³⁷.

На этот раз директор Горного департамента Е.П. Ковалевский разделил мнение своего подчиненного о проекте уравнивания податей. «Основания для него были чисто теоретические, – соглашался он, – составитель упустил из виду практические данные, которые должны представлять почти непреодолимые препятствия в исполнении». В отношении предложений о ликвидации посессий он был не столь категоричен: в отличие от проекта они «заслуживали большего уважения по простоте и по удобству практического исполнения». «Пока же мера сия не будет приведена в исполнение, – полагал директор, – может оставаться нынешний способ взимания горных податей, которые при всей кажущейся неравномерности не представляют того в самом деле, ибо, как объясняет Уральское Горное правление, весьма многие из обязанных заводов получили земли, леса и людей от казны, и весьма немногие из них имеют менее против первых пособий, так что изменения... в податях было бы незначительное»³⁸.

Иное мнение сложилось у членов Совета Корпуса горных инженеров, заменившего к тому времени Горный совет. В июне 1843 г. они заключили, что «проект совершенно неудобноисполним, равно и новое предположение о

продаже по оценке заводчикам казенных пособий». Надо будет проводить статистическое описание заводов, оценка неизбежно вызовет споры, а «отобрание казенных людей» повлечет за собой наделение их землей, решили в совете. Приняв во внимание, что «жалоб от заводчиков на тягость податей не было и нет», а с введением серебряной монеты подати уменьшились «почти втрое», хотя «самое железо против прежнего продается дороже и по совершенствованию горного искусства обходится дешевле», совет предложил «оставить подати в настоящем виде»³⁹. Министр финансов Е.Ф. Канкрин поддержал это решение и уже в сентябре 1843 г. представил его на окончательное рассмотрение в Государственный совет.

Этот высший орган тоже согласился, что казенные пособия «весьма различные как по свойству своему, так и по самому размеру, что уравнивание в платежах... по правилам составленного в Министерстве финансов проекта, действительно, неудобно и вообще представляется делом чрезвычайно многосложным... и стеснительным для казны и заводчиков, и более или менее доступным видам злоупотребления». Существовавший способ взимания горной подати был назван «необременительным для заводчиков и более надежным для казны», а потому «оставлен и впредь без изменения». Предложение о продаже посессий заводчикам, решили там, «имеет, конечно, свое основание, тем более что в отношении посессий фабричных Государственный совет принял уже правилом идти к постепенному их в государстве уничтожению». Но подобное же «уничтожение посессий горных как по встреченным Советом Корпуса горных инженеров затруднениям, так и по самой преждевременности еще всяких в сем случае мер» было отложено до времени «указаний опыта по посессиям собственно фабричным»⁴⁰.

На том же заседании члены Государственного совета неожиданно подняли вопрос о «справедливой уравнительности между податями, платимыми владельческими заводами, и таковыми, взимаемыми с заводов посессионных». Они «разнятся между собою в способах и свойствах имуществ: владельческие заводы добывают металлы на собственных своих землях, употребляют собственный лес и собственных рабочих людей, тогда как заводы посессионные все сие и самые рудники получили от казны». «Сравнивая выгоды последних с платимой ими податью», совет усомнился как «в уравнительности сей подати с взимаемою с заводов владельческих», так и «в удовлетворительности возмездия казны» и «поставил упомянутый вопрос в виду министра финансов, предоставив ему внести... свое заключение». Возник повод для нового и, вероятнее всего, не менее долгого разбирательства.

Оперативно среагировав на предложение Государственного совета, Е.Ф. Канкрин пресек новое дело об уравнивании, которое завершилось бы безрезультатно еще с большей вероятностью, чем только что оконченное. «Если посессионные заводы обложены не совсем уравнительно, – утверждал он, – то по сему самому не представляется возможности и разрешить вопрос: не платят ли частные заводы, на владельческом праве состоящие, против посессионных слишком много или слишком мало десятинной подати, тем более что они богатством руд и лесов, местоположением и удобностью сплава своих произведений весьма между собой различны». «Совершенное уравни-

ние повинностей» он считал невозможным «в теоретическом смысле» и нецелесообразным на практике, поскольку «возвысить десятину с означенных заводов было неудобно, а понижение оной лишило бы казну части своего дохода». «Полагаю дело сие считать оконченным», – вынес он свой вердикт, который 12 ноября 1843 г. получил высочайшее соизволение⁴¹.

В результате как полуторная разница в величине податей между владельческими и посессионными заводами, так и «оптовая система казенных пособий», как называли ее специалисты, действовали в течение всей крепостной эпохи, а подготовленный проект уравнивания податей остался лишь на бумаге вместе с выдвинутым в ходе его рассмотрения проектом ликвидации посесий. В подготовке и того, и другого проектов были задействованы исключительно горные чиновники, что и привело к отклонению обоих документов из-за сложности и обременительности их осуществления для горного ведомства вместе с неизбежными дополнительными финансовыми затратами «в ущерб доходам казны». Скорее всего, отклонение проекта «уравнивания податей» было тогда и в интересах заводчиков, которые страдали не столько от податей, сколько от становившегося все более обременительным контроля горных властей за их хозяйственной деятельностью. Одобрение проекта привело бы лишь к усилению этого контроля без видимого облегчения податного бремени для большинства заводов. Пользование казенными пособиями тогда было выгодно заводчикам, поэтому маловероятно, что их заинтересовало бы и предложение о ликвидации посесий. Власти вернулись к обеим поднятым в первой половине XIX в. проблемам лишь после отмены крепостного права.

¹ ПСЗ-I. Т. 4. № 1815; Об этом см.: *Киселев М.А.* Возникновение российского промышленного законодательства в первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 106.

² ПСЗ-I. Т. 5. № 3464. § 1.

³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4164. Л. 280–291 об.

⁴ ПСЗ-I. Т. 6. № 3711.

⁵ Там же. Т. 5. № 3464. § 11.

⁶ Там же. Т. 9. № 6559. § 18.

⁷ Там же. № 6840. § 4.

⁸ Там же. Т. 17. № 12453.

⁹ Там же. Т. 20. №. 14878.

¹⁰ Материалы к записке о посессионном праве. СПб., 1902. С. 20–24 (указ от 25 февраля 1703 г.).

¹¹ ПСЗ-I. Т. 5. № 3464. § 16.

¹² Там же. Т. 18. № 12892.

¹³ Там же; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 97 об.

¹⁴ См.: *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 239–240.

¹⁵ ПСЗ-I. Т. 5. № 3464; Т. 10. № 7766.

¹⁶ *Удинцев В.А.* Указ. соч. С. 242–245.

¹⁷ *Михайлов Н.И.* Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими именными // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 334–336; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 125–131.

- ¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 84–95 об.
¹⁹ ПСЗ-I. Т. 21. № 15447.
²⁰ Там же. № 15518.
²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 84–95 об., 177–214 об.
²² Там же. Л. 84–95 об.
²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2574. Л. 859.
²⁴ ПСЗ-I. Т. 25. № 19164.
²⁵ Там же. № 18442.
²⁶ Там же.
²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 177–214 об.
²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6998. Л. 78; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3.
²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 95 об., 96–116.
³⁰ Там же. Д. 3. Л. 2–3, 6–9.
³¹ Там же. Л. 10–11, 61, 122–132, 149; ПСЗ-I. Т. 29. № 22498.
³² ПСЗ-I. Т. 40. № 30574.
³³ Там же. Т. 31. № 24688. § 47, 244.
³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 117–176 об.
³⁵ ПСЗ-I. Т. 39. № 30056; ПСЗ-II. Т. 2. № 1022.
³⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 215–246, 252, 273–294.
³⁷ Там же. Л. 314, 346–352 об.
³⁸ Там же. Л. 353–355 об.
³⁹ Там же. Л. 356–360 об.
⁴⁰ Там же. Д. 61. Л. 2–7.
⁴¹ Там же. Л. 15–17 об.

2. СОСТАВ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ

Введение «посессионных ограничений»

Параллельно с решением вопроса о составе казенных пособий и величине горной подати утверждались и нормы нового вида права, которые были своего рода условиями предоставления заводчикам этих пособий. Еще при первых попытках разобраться в существовании посессионного права, относившихся к началу 1860-х гг., о времени его формирования высказывались различные суждения. Так, редактор «Горного журнала» И. Полетика утверждал, что в манифесте от 28 июня 1782 г. «никаких подразделений между заводовладельцами не сделано и до самого конца царствования Екатерины никакой разницы в правах владения заводами не существовало»¹. Инженер Н.И. Михайлов, один из авторов доклада о частной горной промышленности, подготовленного в 1862 г. для комиссии по пересмотру Горного устава, уточнял, что этот манифест, уничтожив «коронный принцип Берг-привилегии на недра земли, положил юридическое основание частным горным заводам на полном владельческом праве», хотя «в отношении государственных повинностей эти заводы не были еще отличены от заводов, учрежденных на землях казны»².

Оба специалиста были правы: формальных различий между заводами тогда действительно установлено не было. Однако отказ от горной свобо-

ды неизбежно вел к оформлению владельческого права на заводы, а отказ от горной регалии – к осознанию казной своей собственности как равноценной частной, и, следовательно, к формированию особого права на горнозаводские предприятия, действовавшие с участием государства, которое и выражалось в форме казенных пособий. Вопрос заключался лишь в сроках обособления владельческого и посессионного права. В условиях, мягко говоря, неторопливой работы государственной машины России этот процесс занял многие годы. Одним из его первых признаков стало введение различий в подати в 1794 г. Оно свидетельствовало, что фискальные мотивы имели тогда для казны первостепенное значение.

В дальнейшем пользовавшиеся казенными пособиями заводчики были законодательно ограничены в хозяйственной деятельности. То, что государство пошло в начале XIX в. на введение так называемых «посессионных ограничений», составивших основное содержание нового права, стало, на наш взгляд, следствием не только осознания казной своей роли соучастника организации посессионных округов, но и изменений в оценке развития горного дела и роли в этом процессе уральских заводчиков, а также в понимании значения промышленного законодательства, сложившемся тогда у высшей бюрократии.

Отражает менявшееся отношение к заводчикам, например, мнение, выраженное в записке известного ученого, вице-президента Берг-коллегии графа А.А. Мусина-Пушкина, поданной им 15 июня 1797 г. в восстановленную в том же году Берг-коллегию. Размышляя об истории и современном состоянии горного промысла в России, он высоко оценивал деятельность родов Демидовых и Строгановых, благодаря которым «рудный промысел зачал в России распространяться, многие примером их ободренные приступали к оному с большим или меньшим щастием, более или менее усердно». Но не только «усердием и отвагой» заводчиков объяснял автор записки динамичное развитие горнозаводской промышленности. В соответствии с «волей прозорливого и великого государя... почти все они (заводчики – *Е.Н.*) поощряемы были со стороны правительства исхода тайствованием от благоволения монаршего как пространного отводу земель, лесов и самих рудников, так равно и для споспешествования первым сим заведениям знатным количеством приписываемых крестьян... Сии толь сильные пособия легко привели приступающих к добытному промыслу сему в самое цветущее состояние». В этом состоянии, «более или менее изменяющемся от влияния роскоши и алчности некоторых частных заводчиков, существовал в Отчестве нашем до уничтожения Берг-коллегии рудный промысел». Когда же это произошло в 1783 г. и «горное в России правление разделилось на многие несоединимые уже между собой отрасли, от чего... союз сей части твердость свою потерял, снедающая между тем все полезные заведения роскошь многих заводчиков, выше состояния своего живущих или мало о заводах своих пекущихся, привела скоро оные в расстройку... от сего... произошли казенные недоимки, выплавка и выковка металлов на всех заводах расстроилась и уменьшилась, потому паче, что партикулярные заводчики не жили уже больше на своих заво-

дах, вверяли оные корыстолюбивым прикащикам, которые тем более оные разоряли, чем менее достаточного было надзирания над ними со стороны горного правительства».

Злоупотребления касались преимущественно «доставшихся заводчикам даром» лесов, которые «не бывают ими столько берегаемы... сколько оное на основаниях узаконений о лесах нужно, от чего нередко производство заводское приходит в остановку, да и добываемые металлы становятся дороже... по большей части от безрассудного и корыстолюбивого истребления оных». Данным заводчикам государственных крестьян они «почитают по большей части не приписными, а крепостными», те же, «как уже из вступающих в государственную Берг-коллегию бумаг повсечастно усмотреть можно, против узаконений заводчиками самими или прикащиками их везде почти притесняемы бывают». Правительство, «не вмешиваясь отнюдь в распоряжение горного производства при частных рудниках», дало повод заводчикам «распоряжаться самопроизвольно или, лучше сказать, произволом не знающих и алчных прикащиков своих», которые «почти все заводы оные привели в упадок, а не редко и лучшие рудники истребили». «Из всего вышесказанного легко можно усмотреть, – резюмировал вице-президент свои наблюдения, – что горный промысел в России много еще различается от того, который существует при прочих европейских державах, не соразмерное еще пространству России заселение оной, отдаленности почти повсечастные тех краев, при коих важнейшие рудокопия находятся, затруднительная между оными и стоящая коммуникация, недостаточная склонность обитателей того края к хлебопашеству, невозможность при отдаленности бдительного за частными начальниками надзирания, одним словом все сии причины и многие другие... соделывают российское рудопроизводство совершенно от других отличным». Таков был неутешительный итог размышлений одного из высших чиновников горного ведомства о состоянии российской металлургии.

Известно, что в 1802 г. А.А. Мусин-Пушкин, «пожертвовав приятной жизнью пользам любезного Отечества», уехал на Кавказ «главноначальствующим над горными производствами», а в 1805 г. умер. В подготовке Проекта Горного положения он участия не принимал, вместе с тем его записка была признана Горным советом «трудом полезным, требующим особого рассуждения»³. Судя по всему, высказанные в ней мысли о «расстройке» горного управления и усилившейся в связи с этим «алчности» заводчиков, злоупотреблявших казенными пособиями, разделялись и другими руководителями горного ведомства России.

В такой ситуации условия развития промышленности настоятельно требовали перемен, направленных на укрепление горного управления и усиление контроля над заводчиками. Достижение этих целей в эпоху, когда в России распространились просветительские идеи, возможно было на пути создания общего кодекса горнозаводского законодательства, в котором были бы четко определены правомочия казны и заводладельцев⁴. Важно было соблюсти баланс интересов государства и предпринимателей, особенно тех, кто воспользовался помощью казны для организации своего

дела. Следствием этого и могло стать формирование права, призванного отрегулировать эти отношения и устранить существовавшую в них прежде неопределенность.

Начало кодификационной работе положил сенатский указ от 3 января 1802 г. В нем Берг-коллегии было предписано, «собрав все доселе изданные по горной части узаконения и сообразив их как между собою, так и с теми сведениями, какие время, опыт и обстоятельства к усовершению и дополнению открыли, составить начертание Горного устава во всем пространстве горного управления и внести оный в Правительствующий Сенат на дальнейшее рассмотрение и предоставление к Высочайшему утверждению... без малейшего промедления времени». Уже 20 января из коллегии поступило распоряжение «собрать немедленно по всем заводам и начальствам узаконения и... по местным обстоятельствам постановления и положения», неоднократно потом повторенное по причине «медлительности исполнения». Работа продолжалась до 1807 г. и была остановлена уже после издания Проекта Горного положения⁵. Собранные материалы, видимо, и послужили основой для составления этого кодекса. Как следует из доклада министра финансов А.И. Васильева, возглавившего Комитет по подготовке Горного положения, сановником руководили «опытность целого прошедшего столетия, с начала коего история горных заводов в России стала быть известною, и сделанные в течение оного законоположения, постановления и предписания Правительства»⁶.

Начавшаяся подготовительная работа подтолкнула многих неравнодушных горных деятелей к составлению проектов развития промышленности, находившейся, по их общему признанию, в упадке после многолетнего непрофессионального управления отраслью казенными палатами. В частности, в созданное в 1802 г. Министерство финансов поступили проекты реформы горного управления от бывшего главного начальника Екатеринбургского Горного правления А.С. Ярцова, главного начальника Гороблагоугодатских и Пермских заводов А.Ф. Дерябина, от «приехавшего из Сибири» обер-гиттенфервальтера Бегера. Министр финансов сообщил в сентябре 1804 г.: «Они... удостоверили меня наиболее в моих замечаниях, а сие само побудило меня с вящею подробностью вникнуть во все части заводского производства, узнать постепенное оного возвышение, род правления, какое сия часть в прежние времена имела, и узаконения, коими она руководствовалась, также причины, которые наиболее действовали на упадок и возвышение в разные времена горных округ и, наконец, состояние, в каком ныне заводы находятся, и образ правления, который они имеют, дабы извлечь из того совершенное о заводах понятие, и из сего вывести заключение, в чем они недостаточествуют и какого поправления требуют». Вместе с вошедшими в состав комитета товарищем министра графом Д.А. Гурьевым, «яко имевшим в своем управлении подведомственные Кабинету заводы», президентом Берг-коллегии А.И. Корсаковым, бывшим начальником Кольваново-Воскресенских заводов Г.С. Качкой, вице-президентом Берг-коллегии В.Ю. Соймоновым, А.С. Ярцовым, А.Ф. Дерябиным и членом правления Олонецких заводов А.М. Полторацким, «по знанию их в горных делах

известных и опытных», министр обсуждал «предварительные черты» положений для Уральских и Замосковных заводов⁷.

Работа комитета подробно уже рассматривалась в научной литературе, хотя лишь в аспекте подготовки реформы горного управления⁸. Но созданный им Проект Горного положения, санкционированный царем 13 июля 1806 г., включал также правила работы частных заводов и определял права и обязанности заводчиков. Проект стал первым кодексом горнозаводского законодательства России, хотя и рассматривался как «временный устав». «К совершенству его недостает еще весьма многого... – заявлял в своем докладе А.И. Васильев. – Это заставило меня дать оному вид проекта Горного положения... чтобы утвердить его только на пять лет... В подобных делах опыт есть всегда наилучшее средство приводить оные к возможному совершенству»⁹.

В том же докладе министр уверял, что проект «состоит или основывается на учреждениях, постановлениях и предписаниях Правительства, бывших прежде сего или ныне существующих в том или другом виде, по тем или другим заводам. Если по какому-либо предмету горному здесь последовала какая-нибудь перемена, то она состоит не в существе дела, но в приурочении оного к нынешним обстоятельствам заводов и прочих частей государственного управления». Но, судя по тому, что в последующих законодательных актах и Горном уставе имеются многочисленные ссылки на статьи Проекта как на первоисточник, можно не сомневаться, что он включал не только важнейшие узаконения по горной части, действовавшие в то время, но и новые нормы, в частности те, которые вытекали из определившихся различий в формах владения в связи с введением в России принципа акцессии в 1782 г.

Проект Горного положения дал, по мнению составителей, «предписания и правила для приведения всех частей дел горных и заводских в самое лучшее состояние, в особенности для приведения в известность всех рудников и лесов, для уравнивания сими последними заводчиков, для описания всего действия заводского и для усовершенствования прочих сему подобных предметов даже по искусственной и ученой части». Но эти правила существенно различались для заводов, действовавших с пособиями от казны и без таковых.

Так, заводчикам-вотчинникам была предоставлена «полная свобода располагать своей собственностью и делать на своих землях заведения, какие для себя они сочтут полезными». Поэтому в их обязанности входило «доносить только за известие» в региональное Горное правление о своем намерении строить новый завод, увеличивать или уменьшать производительность действующего или менять его профиль. Заводчик должен был лишь за месяц до пуска предприятия заявить об этом Горному правлению, «дабы оно знало, с которого времени считать льготные годы» (10-летний период, когда не взималась горная подать с построенного завода)¹⁰.

В отличие от заводчиков-вотчинников, посессионеры должны были просить позволения у горного начальства на возведение нового завода «в отводе, сделанном уже к прежде выстроенному его собственному заводу». Такое же ограничение устанавливалось, если заводчик намеревался «увеличить действие завода умножением печей, горнов и машин» или «уменьшить

действие завода в одном роде, с тем, чтобы увеличить оное или ввести совсем новое в другом роде заводских произведений». Разрешение давалось в том случае, если Горное правление убеждалось, «не потерпит ли казна через таковую перемену уменьшения в своих доходах» и «достаточно ли будет на полное и непрерывное действие руд и на вечные времена лесов». На усмотрение заводчика или заводской конторы отдавалось лишь само «строение фабрик и всех заводских принадлежностей», которые ими могли располагаться «таким образом и в тех местах, как и где обстоятельства времени будут требовать и обстоятельства места позволят».

Для распространения металлургических заводов Горному правлению предписывалось «давать частным людям позволение заводить новые заводы, назначать им нужные леса и земли... и делать им в сих случаях вспоможения». «Приведа в ясность все удобности и возможность завести просимой завод» и «найдя оный полезным для казны», правление подготавливало «представление со своим мнением на разрешение министра финансов». Заводчик же, «получив от казны пособие в землях, или лесах, или деньгах», обязывался «непрерывно выстроить и пустить в действие завод через 5 лет»¹¹.

В вотчинных имениях только от владельца зависело, разрабатывать обнаруженные там рудники или «оставить их втуне». Единственное, что требовалось от заводчиков-вотчинников, подать сведения об открытии нового рудника в Горное правление «для того только, чтобы знать, где какие металлы имеются в недрах земных по губерниям». Правда, государство оставляло за собой право наблюдать, «чтобы не только добыча руд и вообще разработка рудника производима была правильно, но и количество добываемых руд было в такой соразмерности, чтобы вдруг не могло обессилить рудника и завод привести в упадок или в совершенную остановку», что было чревато сокращением доходов казны¹². Вотчинник не лишался своего статуса в случае, если ему отводился рудник на казенных землях. Он только должен был платить государству особый налог по 1 коп. с каждого пуда добытой руды¹³.

В посессионных владениях государство не только сохраняло контроль за разработкой рудников, но и оставляло за собой возможность распоряжаться минеральными ресурсами отводных земель. Только руды «профильных» металлов, обнаруженные в посессионных дачах, «составляли принадлежность заводов, к коим земля, где они лежат, отведена». Поэтому искать их можно было так же, как и во владельческих округах, с разрешения заводчика или заводской конторы, но право разработки предоставлялось только владельцу завода. Руды «другого металла, кроме того, который выплавляется или выделяется на заводе», здесь считались собственностью казны, а потому искать и разрабатывать такие руды можно было каждому «с ведома горного начальства»¹⁴.

Серьезные ограничения на владельцев посессионных заводов накладывались казной и в пользовании отводными лесами. В отличие от лесов, принадлежавших заводчикам «по праву дворянства» и с 1782 г. отданных им в полную собственность, отводные леса находились под «главным управлением и заведыванием» Горного правления. Это «заведывание» выразилось в

«строгом наблюдении» горных властей за тем, «чтобы всякий завод не более годового количества дров вырубал и чтобы рубка оных производима была на установленном порядке, по заводским правилам и учреждениям»¹⁵.

По этим правилам полагалось отводные леса разделить на лесосеки, полный оборот которых давал бы возможность «векового действия завода». «Внутреннее хозяйство, распоряжение, порядок в ежегодном назначении вырубке лесосек, отвод для продовольствия частных людей, соблюдение правил лесоводства и всех заводских учреждений по сему предмету, равным образом сохранение лесов вообще» считались обязанностью заводских контор. Они должны были рубить леса и заготавливать угля не больше годовой нормы после того, как сделали двухгодичный запас этих материалов, и доставлять ежегодно на утверждение Горного правления планы и сведения о вырубке лесов. В случае недостатка лесов правление могло отвести новый участок «из пустопорожних казенных лесов, ежели таковые имеются поблизости завода», или провести «уравнение» лесов между соседними округами¹⁶. Но, пока этого не произошло, лес на заводское действие отпускался из казенных дач за так называемые «попенные деньги» (1³/₄ коп. за куб. саж.) или даже бесплатно по особому разрешению Сената¹⁷.

Наконец, заводчики-вотчинники и заводчики-посессионеры различались в правах на рабочую силу. Первые распоряжались своими крепостными рабочими, как говорилось в манифесте 1782 г., «во всем пространстве прав полной собственности». Единственным ограничением, распространявшимся на них так же, как и на посессионеров, служило введенное манифестом от 5 апреля 1797 г. и указом от 16 марта 1798 г. обязательство «распределять работы крепостных на заводах таким образом, чтобы при отправлении оных находилась всегда одна только половина годных к работе, а прочие оставались при сельских своих занятиях»¹⁸. Проект Горного положения предписал им наравне с посессионерами иметь госпиталь при каждом заводе «на том основании, как таковые учреждаются при заводах казенных»¹⁹. Крепостные заводчиков-вотчинников обязаны были нести все повинности, как того требовали общегражданские законы, и не освобождались от исправления их «натурой» (т. е. рекрутами или работой)²⁰.

В отношении разнородной рабочей силы посессионных заводов закон был более строгим. В соответствии с докладом Комитета министров от 30 июня 1803 г., «при заводах и фабриках» могли состоять мастеровые трех «родов»: 1) «мастеровые и рабочие люди казенные, навечно отданные с заводами без всякого платежа»; 2) «казенные, за коими по указу 1736 г. от заводчиков куда следует заплачены деньги» (так называемые «вечноотданные», происходившие «от пришлых на заводы из разных ведомств или же незаконорожденных и не помнящих родства»); 3) «покупные заводчиками по данным им привилегиям» (так называемые «крепостные заводские»)²¹. Проект Горного положения обязал заводчиков содержать казенных мастеровых и рабочих людей «на том же положении, на каком они находятся по казенным заводам, не отягощать их излишне работами и употреблять только в те работы, мастерства и должности, для которых они от правительства при отдаче заводов назначены, и давать им неудержно все положен-

ное»²². Вечноотданные не имели четкого статуса: заводчики считали их крепостными, казна – государственными. В результате положение этой группы оставалось пока «неопределительным».

Значительные ограничения вводились в отношении заводских крепостных. Как уже упоминалось, указами от 16 марта 1798 г. и 30 сентября 1802 г. был подтвержден запрет продавать отдельно купленные к заводам деревни, а купчие на продажу и покупку предписано совершать «не иначе как с ведома Берг-коллегии». Перевод людей с завода на завод также мог производиться только «по предварительному донесению Горному правлению». Если же заводское действие уменьшалось или вовсе прекращалось «от истощения руд», то людей вместе с отводными землями следовало «отбирать в казну по надлежащей за душу цене»²³. Отпуск крепостных на волю разрешался только «с заменой такового же числа людей заводам из помещичьих крестьян». В докладе министра внутренних дел от 30 июля 1803 г. подтверждалось также запрещение использовать «заводских людей к делам, не принадлежащим до самого завода»²⁴. Проект вобрал эти положения, выработанные на рубеже XVIII–XIX вв.

Еще в середине XVIII в. (указами от 23 декабря 1734 г., 12 ноября 1735 г. и 17 января 1752 г.) были установлены пропорции между количеством зарегистрированных «огнедействующих устройств» завода и числом так называемых «штатных» работников: число «душ» не должно было превышать 400 на одну домну, 120 – на кричный молот и 200 – на медеплавильную печь²⁵. Закон предписывал заводчикам покупать крепостных «по положенной только пропорции без излишества». С соблюдением этих же норм была увязана и уплата подушной подати и рекрутской повинности на посессионных заводах. В отличие от вотчинников посессионеры обязаны были платить упомянутые подати за казенных мастеровых и крепостных заводских людей «деньгами, не вычитая оных из их жалованья или задельной платы». Но, чтобы не допускалось превышение установленных норм, за «сверхштатных» заводских крепостных предусматривался платеж земских податей и отправление рекрутской повинности натурой, а не деньгами²⁶. В то же время посессионеры были освобождены от земских (постоя, подводной гоньбы, препровождения колодников, отчасти исправления дорог и мостов) и вообще «всех тех повинностей, которые могут отвлекать людей от работ», и не исполняли их «ни деньгами, ни натурой»²⁷.

Централизованный государственный контроль за выполнением установленных правил Проект предоставил региональному Горному правлению (Пермскому, а с 1831 г. – Уральскому, в Екатеринбурге), которое, в свою очередь, назначало в «горнозаводские округа» особых чиновников – заводских исправников. Поскольку главной обязанностью исправника считался «бездомочный и неупустительный сбор положенных податей» и «заведование полицией», его полномочия распространялись на все частные округа независимо от статуса. Если же заводчик хотел, чтобы исправник находился непосредственно на его заводах, то должен был просить об этом у горного начальства и платить исправнику жалованье за свой счет (в таком случае заводской исправник назывался «своекоштным» и, конечно, полностью зависел от заводчика).

Исправник руководил полицией «во всем ее пространстве по селениям, принадлежащим к заводам частных людей» и проводил следствия, «относящиеся до разбирательства и суда по делам, имеющим какое-либо отношение к горному и заводскому производству и к людям горным и заводским». Он также осуществлял «присмотр, чтобы заводское действие не упало ни в количестве, ни в качестве, дабы казна получала всегда надлежащее количество дохода», и наблюдал, «чтобы записка выплаваемого металла была производима верно без всякого упущения в данных шнуровых книгах». В посессионных округах исправник, кроме того, присматривал за использованием казенных лесов и «за содержанием и употреблением заводских людей», чтобы они «выполняли свою обязанность надлежащим образом, чтобы были послушны заводской конторе и управляющему заводов, а с другой стороны, чтобы не были угнетены излишним требованием от них работ и чтобы получали все законом положенное и по справедливости им следующее». Обладая такими широкими наблюдательными полномочиями, исправник не имел права «входить ни под каким видом в хозяйственное распоряжение, ниже предписывать к исполнению свои мнения, разве особенно о том будет его письменно просить сам заводчик», а мог только «давать по искусственной части советы и наставления»²⁸.

Введение Проектом Горного положения ограничений в отношении заводов, пользовавшихся пособиями от казны, стало следующим (после установления повышенной подати) шагом к оформлению посессионного права и углублению различий между двумя группами заводчиков. Их введение соответствовало созревшему желанию высшего горного начальства ужесточить контроль над «самопроизвольным», по его оценке, использованием заводчиками этими пособиями и стало частью общей реформы горного управления, проведенной в начале XIX в. Эти ограничения хозяйственной деятельности означали не только введение контроля казны (или, как тогда говорили, «казенной опеки»), но и сокращение владельческих прав заводчиков в распоряжении ресурсами. В Проекте устанавливалось также неявное, но реальное ограничение заводского действия, которое ставилось в прямую зависимость от величины казенных пособий. Оно, по мысли законодателей, должно было обеспечивать фискальные интересы казны и не допустить понижения горной подати. Параллельно контролю, таким образом, создавался механизм, который не позволял заводчикам произвольно менять условия деятельности заводов, а казне давал возможность получать фиксированный доход. При всем том, эти ограничения еще не были напрямую увязаны с правом владения посессионеров горнозаводскими именами.

Консолидация посессионного права

Большое значение для формирования особого вида имущественного права имело вышедшее в 1811 г. «Учреждение Министерства финансов». Оно не только четко определило виды казенных пособий, но и, пожалуй, впервые связало их наличие или отсутствие с правом собственности на горные заводы. «Частные заводчики по роду их собственности или степени

права на оную, – констатировалось в этом акте, – разделяются на два рода: первые суть те, кои владеют заводами по праву дворянства, не заимствуя ни лесов, ни земель, ни людей, ни других пособий от казны; вторые, кои имеют пособия от казны»²⁹.

Другое важное для «кристаллизации» посессионного права положение содержалось в сенатском указе от 13 декабря 1820 г. Оно было вызвано случаем «отдельной продажи» мастерских Виндреевского посессионного завода в Тамбовской губернии с аукционного торга. Указ 1820 г. вновь запретил «раздробительную продажу горных заводов или особо от оных приписных к ним на праве заводском крестьян». «Сверх того, согласно представлению министра финансов и в подтверждение существующих... узаконений», Сенат указал, что не только люди, но и «леса и земли, принадлежащие горным заводам, особо без оных ни проданы, ни заложены и никакими другими способами ни за кем укреплены быть не могут, да и самые заводы со всеми их принадлежностями не иначе могут быть продаваемы и закладываемы, как с ведома и дозволения горных начальств»³⁰. Таким образом, все горнозаводское хозяйство приобретало вид «неделимого имущества». Это положение стало «коренным» принципом посессионного права, который вскоре нашел отражение в Горном уставе.

Проект Горного положения действовал не пять лет, как полагали его авторы, а вплоть до составления II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Горного устава в 1832 г. По утверждению специалистов, непосредственным составителем этого устава, как и многих других, был старший чиновник Отделения В. Клоков, «хорошо ориентированный в законодательстве, связанном с различными сторонами хозяйственной деятельности»³¹. Очевидно, что его работа над уставом протекала при участии Горного департамента и опиралась на Проект Горного положения. Однако Горный устав стал новым по своей структуре кодексом, подготовленным по иным принципам. В частности, в отличие от Проекта, в нем четко проводилось разделение частных заводов на посессионные и владельческие. Причем владение теми и другими определялось как особое право. Сами названия глав, касавшихся частных заводов («О правах и обязанностях, сопряженных с частным владением заводов на полном праве собственности»; «О правах и обязанностях, сопряженных с частным владением заводов на праве посессионном») указывают на это.

«Земли и строения» в уставе были отнесены к недвижимому, а «орудия и машины, припасы, денежные суммы, добытые припасы и руды и заводские произведения» – к движимому заводскому имуществу. Это прописанное в Горном уставе разделение имущества не являлось новой нормой. Оно было установлено еще указом от 20 апреля 1762 г. Но тогда оно вводилось для упорядочения разделов заводов между наследниками умершего владельца (в частности барона А.Г. Строганова)³². В Горном уставе это разделение приобрело дополнительное значение, важное для различения прав посессионеров и вотчинников на разные виды заводского имущества.

Распоряжение движимым имуществом по всем заводам зависело «совершенно от заводчика или учрежденной им заводской конторы, безо всякого

вмешательства со стороны казенного управления». «Полный» владелец распоряжался и всем недвижимым имуществом, «как и самим заводом и принадлежащими к оному крепостными людьми... во всем пространстве прав полной собственности». Но недвижимость частных заводов, имеющих от казны пособие, признавалась «неотделимой принадлежностью оных». «Никакая из сего имущества часть не могла быть переукреплена иначе, как вместе со всем заводом, к которому она принадлежит». То же «разумелось и о состоящих при каждом заводе непременных работников, мастеровых и рабочих людях и заводских крепостных». Только без раздробления содержателю посессионных заводов разрешалось их «переукреплять» (т. е. продавать, закладывать, сдавать в аренду) и передавать по наследству. Эти основополагающие нормы посессионного права, окончательно утвердившие неотделимость пособий от заводов, сохранились без изменения и в последующих редакциях Горного устава 1842 и 1857 гг.³³ Судя по ним, никаких существенных перемен в правах посессионеров со времени Проекта Горного положения и до Горного устава 1857 г. не произошло. Как и прежде, техническое состояние заводов, «образ производства работ и хозяйственные распоряжения, к сему относящиеся», зависели от заводчика и его конторы. Но все перемены на посессионных заводах по-прежнему должны были согласовываться и утверждаться Горным правлением, а на владельческих – только согласовываться.

Действующим оставался и принцип ограничения посессионных заводов производством того металла, для которого они были устроены. Но в этом аспекте произошло существенное расширение прав заводчиков. Еще указом от 28 мая 1812 г. было разрешено «всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну с добытого золота и серебра подати натурою в количестве, равном взимаемому натурою же с выплавленной меди, и с соблюдением разделения заводчиков на имеющих пособие и не имеющих оного». Уплатив «узаконенную десятину», остальной металл заводчик должен был поставлять на Петербургский монетный двор, «получая за каждый золотник чистого по пробам золота и серебра передельную цену золотою и серебряною монетою, за исключением передельных расходов». Это разрешение было связано с составленными тогда «предположениями Правительства отдать в частное содержание» отобранные в 1811 г. у арендатора, московского купца А.А. Кнауфа, Златоустовские казенные заводы. Одно из условий этих «предположений» включало право содержателя разрабатывать «новооткрытые золотые и серебряные руды», которое и обещано было распространить «на всех российских подданных». Однако там оговаривалось, что при отказе содержателя разрабатывать рудники за казной сохранялось право «производить разработку оных своим иждивением в свою пользу или отдать постороннему частному лицу». В этом случае содержатель должен был «бесспорно согласиться на отвод казне или частному лицу рудников указанной меры и потребного количества лесов, также и места для постройки завода»³⁴.

Такое условие, не гарантировавшее посессионерам монополии на доходную добычу драгоценных металлов, могло бы существенно затруднить

развитие новой отрасли горнозаводской промышленности, особенно – после открытия масштабных золотых россыпей на Урале в начале 1820-х гг. Подобная угроза была устранена указом от 9 сентября 1824 г.: «Прииск и разработку золота в землях частных заводчиков, как на помещичьем, так и на посессионном праве состоящих, предоставить единственно владельцам, другим же людям не иначе, как по добровольным с ними условиям; ибо всякое другое правило поведет к многим неудобствам, к стеснению собственности, к захвату земель и при всем том основательных выгод не обещает»³⁵. 22 марта 1837 г. Государственный совет подтвердил не только неограниченное право посессионеров на разработку золотосодержащих песков «в посессионных лесах и прочих дачах, к заводам их по отводу принадлежащих», но и необязательность испрашивать разрешение у Горного правления «на разработку каждого прииска, иногда самого незначительного» под предлогом того, что это стесняло признанный полезным и поощряемый правительством промысел³⁶. Еще раньше, 13 апреля 1826 г., эти же правила были распространены на добычу платины в горнозаводских округах. После обязательной очистки на Петербургском монетном дворе и уплаты «десятины» платина возвращалась заводчикам «на собственное их распоряжение»³⁷.

Без серьезных изменений вошли в Горный и Лесной уставы установки Проекта Горного положения о пользовании отводными лесами³⁸. Некоторое смягчение посессионных норм в отношении вещественных пособий произошло в соответствии с мнением Государственного совета от 11 ноября 1836 г. По представлению министра финансов тогда были предложены некоторые «меры к удобнейшему пользованию горными заводами вообще, как на посессионном, так и на владельческом праве состоящими». В частности, посессионерам разрешалось «от одного своего завода перечислять к другому... отведенные от казны и окортомленные земли, леса и действующие или запасные рудники». Хотя таковое «перечисление» могло осуществиться не иначе, как «по предварительному и точному со стороны Горного правления удостоверению о возможности и удобстве, а также о действительной необходимости и пользе сего перечисления и с утверждения Сената», оно несколько расширило права посессионеров, перенеся действие принципа нераздробимости от отдельного завода на уровень горнозаводского округа³⁹. Это, на наш взгляд, стало явным знаком признания законодателем уже устоявшейся окружной организации заводского хозяйства, в которой система заводов верховенствовала над отдельным заводом.

В отличие от оставшихся фактически в неизменном виде ограничений по организации заводского производства, лесо- и рудопользования, некоторые перемены произошли в правах посессионеров на еще одно вещественное «пособие в людях». В первой половине XIX в. важные процессы происходили именно в «социальной организации» горнозаводских округов. Они были связаны в первую очередь с завершением формирования постоянных рабочих кадров для всех отраслей горнозаводской промышленности, что в целом придало устойчивость окружной системе⁴⁰.

Вначале были урегулированы вопросы, касающиеся состава «заводских людей». По высочайше утвержденному 23 февраля 1811 г. мнению Государственного совета, вечноотданные были сравнены с крепостными заводскими людьми. Прежде, однако, владельцы должны были доказать их принадлежность заводам, опираясь на «сказки» 5-й (1795 г.) ревизии. В противном случае вечноотданные признавались казенными мастерами⁴¹. Порой на заводах разворачивалась настоящие войны за статус вечноотданных. Показательный случай произошел на Нижнетагильских заводах, когда их владелец Н.Н. Демидов сумел освободиться от бунтовавших против закрепощения вечноотданных только путем насильственного перевода людей на Златоустовские заводы в 1819 г.⁴²

После реформы 1807 г. некоторые заводовладельцы воспользовались предложением властей перевести приписных крестьян в неперменные работники. В результате к группе посессионных округов, имевших в составе своего населения казенных мастеровых (сохранившихся в Верх-Исетском, Алапаевском и Сысертском округах еще с тех времен, когда эти заводы принадлежали казне) прибавились Сергинско-Уфалейские, Кагинские и Авзяно-Петровские заводы, на которых так же, как и в первых трех округах, появились неперменные работники. По 10-й ревизии (1857 г.) в Сысертском округе доля казенных работников всех категорий достигла 99,5, в Алапаевском – 87, в Верх-Исетском – 46, в Кагинском – 21, в Сергинском – 7%; в Авзяно-Петровском округе до 1853 г. их доля составляла 15% от всего населения⁴³. Владельцы этих заводов «по содержанию казенных людей» были обязаны считаться с порядками, установленными горными властями для казенных заводов, и ориентироваться на штаты этих заводов, менявшиеся в 1827–1829 и 1847 гг.⁴⁴ В случае каких-либо серьезных отступлений, повлекших жалобы работников, казенные штаты могли быть введены на этих заводах и в обязательном порядке.

Горный устав впервые учел в составе рабочих посессионных и владельческих заводов вольнонаемных людей. Это было связано с расширением вольного найма на вспомогательных «подзаводских» работах (особенно широко практиковавшегося в урожайные годы, когда дешевизна хлеба понижала расценки «повольных работ»). В некоторых посессионных округах из-за неполного комплекта крепостных наемный труд широко использовался даже на основных заводских операциях. К их числу относились Холуницкие, Залазнинские, Омутнинские, Кирсинско-Кажимские и Святочудовский заводы. В 1858–1861 гг. в составе рабочих кадров этих заводов крепостные составляли всего 22%, а остальные комплектовались за счет проживавших в заводских поселках и окрестных деревнях «вольнонаселенных с давних пор казенных крестьян и мещан»⁴⁵.

В соответствии с Горным уставом, в отношении «добровольного найма посторонних людей для производства заводских работ» всем заводчикам предоставлялась «совершенная свобода на общем законном основании», как это было установлено еще в XVIII в.⁴⁶ Эти основания включали правила принимать вольнонаемных «для работ не иначе, как с узаконенными видами на прожитие», а условия о найме заключать с ними лично «даже и в

том случае, буде бы они принадлежали к крепостному званию». Указом от 14 июля 1827 г. запрещалось только «держат в работах чужих крепостных людей и крестьян по условиям, собственно от лица их помещиков заключаемых»⁴⁷. Общие для всех заводчиков правила в равной степени способствовали развитию вольного найма как на владельческих, так и на посессионных заводах, что в перспективе вело к упразднению пособия посессионерам в людях.

Во второй трети XIX в. были приняты постановления, которые несколько облегчили стеснительные ограничения по отношению к заводским крепостным, составлявшим основную массу населения большинства посессионных округов. К тому времени путем естественного воспроизводства эта категория вполне обеспечила окружное хозяйство постоянными рабочими кадрами. В отдельных округах образовался даже излишек крепостных, что подняло проблему их обязательной занятости в заводском производстве. Кроме того, неизбежный в такой ситуации рост числа сверхштатных работников вел к увеличению заводских расходов на уплату повинностей.

В 1836 г. владельцы Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских заводов Губины и Невьянских – наследники П.С. Яковлева жаловались в Уральское Горное правление на «излишне показываемое при заводах их число штатных людей». 19 марта того же года было решено, «дабы предупредить всякие затруднения и жалобы со стороны заводовладельцев при отправлении за заводских их людей всех вообще повинностей, составить для определения по всем частным заводам истинного числа мастеровых новый штат». Все заводские конторы получили предписание собрать сведения «сколько именно необходимо работников по всякому заводскому цеху», а при Горном правлении был учрежден особый комитет под председательством горного советника И.В. Давидовича-Нащинского.

Но деятельность комитета натолкнулась на проволочки со стороны заводууправлений, которые вовсе не рассчитывали вводить общие штаты, и открытое сопротивление заводчиков-вотчинников. Позицию последних наиболее полно выразил генерал-адъютант И.О. Сухозанет, заступившийся за Юрюзанские заводы своей жены. «Усматривая из указа Горного правления, – писал он в комитет, – что предположение о составлении новых заводских штатов для уравнивания рекрутской повинности или для каких бы то ни было других причин имело началом жалобу господ Губиных и наследников коллежского советника Яковлева, которые суть владельцы обязанные, или посессионные, я думаю, что указ сей имеет прямою целью своею облегчить этих заводовладельцев и, следовательно, исполнение его относится собственно до заводов, к сему разряду принадлежащих... Заводы собственно-крепостные, не обязанные и не посессионные... имеют полное, законное и неотъемлемое право отправлять рекрутскую повинность и удерживать или изменять свои заводские штаты по собственному усмотрению владельца». Упомянув, что права «настоящих крепостных заводовладельцев... нередко смешиваются с заводчиками обязательными, или посессионными», осмотрительный генерал одновременно «отнесся к министру финансов с просьбой пояснить все возникшие недоразумения»⁴⁸.

Кроме новых жалоб владельцев в Горный департамент тогда поступило донесение Горного правления о «медленности в доставлении сведений по уклончивости заводууправлений». В результате в январе 1837 г. было решено вместо новых штатов составить «табель о штатных и сверхштатных». В связи со смертью председателя и фактическим развалом работы комитета в июне 1838 г. он был вовсе закрыт, а составление табели поручено III отделению Уральского Горного правления. В октябре 1838 г. задание начальства было выполнено, но расчеты вновь провели по тем же самым устаревшим нормам XVIII в. Единственным отклонением от прежних правил стало то, что по предписанию Горного департамента от 27 марта 1844 г. число штатных людей стало определяться «по общему штату всех заводов одного владельца, а не по каждому заводу отдельно»⁴⁹.

По указу от 20 мая 1846 г. посессионерам дозволялось также сверхштатных отпускать на волю «для поступления в свободное состояние без всякой замены их другими», а с разрешения Министерства финансов – и из числа, «определенного штатным положением». По указу от 23 апреля 1851 г. «в случае, когда при посессионном горном заводе окажутся по каким-либо обстоятельствам излишние или вовсе ненужные крепостные заводские люди», у владельца появилась возможность «переуступить их другому посессионеру по добровольному с ним условию с испрошением предварительно разрешения на то Горного правления» или «обратить их на казенные заводы с выдачею от казны 36 руб. сер. за каждую ревизскую душу и с отнесением издержек по переводу и водворению их на счет казны»⁵⁰. По этим правилам в 1851 г. были переведены «излишние» крепостные с Бемьшевского завода А.Е. Лебедева. Но когда на следующий год о том же попросили владелицы закрытых Таишевских заводов Е.И. Николаева и О.И. Берг, им было отказано потому, что эти заводы считались владельческими, и в связи с тем, что «при казенных заводах не открыто еще положительного недостатка рабочей команды»⁵¹. В 1853 г. правом перевода воспользовался П.М. Губин, которому удалось перевести всех неперемненных работников со своих Авзяно-Петровских на Гороблагодатские казенные заводы⁵².

Воспользовавшись военным временем, заводчики попытались освободиться и от обременявшей их денежной повинности за поставку рекрутов. «Вначале, когда число людей было ограничено и плата за рекрут была невысока, исполнение рекрутской повинности натурою было слишком обременительно для заводов, – говорилось в прошениях Яковлевых, Демидовых и акционеров Кнауфских заводов министру финансов П.Ф. Броку в 1854 г. – Но с течением времени, когда число людей на заводах значительно умножилось, когда с учреждением машинных устройств много рабочих рук сделалось праздными, а плата за рекрут между тем сильно увеличилась, обязанность вносить за рекрут деньги по числу всех рабочих людей составило для многих заводчиков невыносимую тяжесть». Они просили разрешить им «производить рекрутскую повинность по усмотрению заводууправлений либо людьми, либо деньгами»⁵³. Император пошел им навстречу и 28 января 1855 г. позволил «в виде временной меры... поставлять рекрут натурою за всех людей, при заводах находящихся, как сверхштатных, так и штатных

с тем только, чтобы за казенных людей отдаваемы были рекруты не из казенных, а из крепостных заводских людей»⁵⁴. Этими мерами, несколько расширившими возможности посессионеров распоряжаться пособием в людях, были фактически исчерпаны уступки заводчикам со стороны горных властей в дореформенный период.

В 1820–1850-е гг. были также изданы несколько законоположений, касавшихся прав распоряжения посессионеров горнозаводскими имениями. Важным в этом смысле стало «Положение об открытии вновь займов из Государственного Заемного банка» от 4 июня 1824 г. «Желая оказать новое пособие владельцам недвижимых имений к поддержанию их состояния, к распространению хлебопашества, фабрик и всякой общепользующей промышленности», тогда было разрешено выдавать ссуды всем горнозаводчикам Великороссийских губерний под залог заводской недвижимости «по числу ревизских душ, к заводам принадлежащим». Вотчинники могли заложить крепостных по 300, а заводчики, имеющие пособия от казны, по 250 руб. за душу. «Само собой разумеется, – было записано в «Положении» – что в залог поступают не токмо крестьяне, при заводах числящиеся, но и сами заводы со всеми прочими их принадлежностями, кроме приготовленных на оных горных произведений в потребном на продажу виде»⁵⁵. Это напрямую вытекало из незадолго до того провозглашенного принципа нераздельности посессий для горнозаводских имений.

Дополнением стало также подтверждение права заводчиков (данного еще в 1762 г.) при разделах округов «из общей оных массы выделять один и более заводов, но токмо таких, кои по засвидетельствованию Горного правления продолжать могут действие свое независимо от прочих и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии». Подразумевалось, что вместе с заводом «выделялись» и принадлежавшие ему пособия. Включившее это разрешение мнение Государственного совета от 11 ноября 1836 г. по замыслу законодателя должно было «определить меры к удобнейшему пользованию горными заводами вообще, как на посессионном, так и на владельческом праве состоящими, и, наконец, облегчить способы распоряжения ими в случае наследства или продажи». В частности, казна ввела некоторые дополнения в порядок продажи округов, связанные с широким распространением так называемых «многовладельческих хозяйств» (имевших одновременно несколько владельцев) и случаями продажи участниками владения своих долей «на сторону». Так, в 1830 г. несколько совладельцев Кагинских заводов продали свои части А.И. Пашкову, а в 1833 г. Н.А. Колтовская продала свою долю участия в Сысертских заводах П.Д. Соломирскому. В обоих случаях это вызвало недовольство совладельцев и сомнения горных властей⁵⁶.

Хотя упомянутые продажи все-таки получили правовую санкцию, указом от 11 ноября 1836 г. преимущественное право покупки завода было предоставлено «соучастникам или сонаследникам» продавца. Только если в течение года никто из них на предлагаемые условия не соглашался, продающий мог уступить свою часть постороннему лицу, «с тем, однако, чтобы сей последний принял на себя все обязанности по заводу, лежавшие на

продавце, и управлял заводами вместе с прочими соучастниками лично или через своего поверенного». Но прежде совершения продажи продавец обязан был известить своих соучастников об «окончательной цене», и, если они повторно отказывались или не давали никакого отзыва в продолжение 4-месячного срока, тогда уже он был властен приступить к совершению акта на продажу постороннему лицу, «и после сего уже никакие дальнейшие со стороны соучастников домогательства не могли иметь места». Эти правила относились ко всем заводам без исключения⁵⁷. Общим было и то ограничение, что все «горные заводы, со всеми их принадлежностями, не иначе могли быть продаваемы и закладываемы, как с ведома и дозволения Горного департамента». Никаких особых правил для посессионеров не вводилось и при переходе заводов по наследству. Как и вотчинники, они передавали «родовое имущество» своим наследникам на «общем основании российских законов» и могли завещать имущество «благоприобретенное».

На все горнозаводские округа распространялись и «льготы в пользу заводчиков». Так, по общим правилам в случае несостоятельности владельца имение подлежало продаже с публичных торгов. Чтобы «предупредить расстройство завода, неизбежное при его принудительной продаже», закон выводил его из действия этих правил и не допускал к продаже за долги владельца, если только завод «находится не в упадке, а в полном действии, и был исправен в уплате горных податей». Вместо этого завод брался в опеку, и долги владельца выплачивались из доходов «за вычетом средств, нужных для продления действия»⁵⁸. В случае «неисправности заводчика в платеже горной подати», в соответствии с мнением Государственного совета от 19 мая 1813 г., сначала предусматривался секвестр металлов на сумму недоимки, а если «таковых металлов и изделий... не доставало», завод назначался в продажу с публичных торгов уже «без всякого отлагательства»⁵⁹.

С 1836 г. в число «обеспечительных мер» было включено также казенное управление, которое могло учреждаться «не иначе, как по каким-либо особенным уважениям», и с согласия министра финансов и разрешения императора⁶⁰. В таком случае управление переходило от частной администрации в руки казенного управляющего, финансирование шло из государственного бюджета, но все доходы поступали на уплату казенных долгов. На все заводы распространялись также установленные государством в первой половине XIX в. общие «социальные гарантии» заводскому населению, касавшиеся своевременной выдачи заработной платы и провианта, медицинского обслуживания и призрения, которые контролировались заводскими исправниками⁶¹.

По новому Уставу о земских повинностях от 13 июля 1851 г., посессионеры были сравнены с вотчинниками и в отношении земельного налогообложения. Было установлено, что земли казенного ведомства, принадлежавшие частным заводчикам, подлежали сбору подати наравне с помещичьей землей. С каждой десятины «удобной» земли брали по 1 коп. и по 1/2 коп. – с «неудобной». Этот сбор шел «на губернские надобности». Еще по 1/4 коп. с десятины стали собирать «на частные повинности дворянских

имений»⁶². Это не совсем логичное и вызвавшее недовольство посессионеров правило оказалось одним из последних элементов того посессионного права, которое стало регулировать их отношения с казной в первой половине XIX в.

-
- ¹ *Полетика И.* О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 3. С. 552.
 - ² *Михайлов Н.* Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими имениями // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. С. 336–337.
 - ³ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–9.
 - ⁴ *Тимофеев Д.В.* Принцип свободы личности и проблема государственного регулирования экономического развития в трактовке представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. СПб., 2007. Вып. 3. С. 464–496.
 - ⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 786.
 - ⁶ ПСЗ-И. Т. 29. № 22208.
 - ⁷ Там же. Т. 28. № 21460.
 - ⁸ *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление. М., 2008. С. 232–258.
 - ⁹ ПСЗ-И. Т. 29. № 22208.
 - ¹⁰ Там же. Ст. 239, 240.
 - ¹¹ Там же. Ст. 233–237, 241–244, 737.
 - ¹² Там же. Ст. 187, 201, 217.
 - ¹³ Там же. Ст. 248.
 - ¹⁴ Там же. Ст. 200, 217.
 - ¹⁵ Там же. Ст. 877, 911.
 - ¹⁶ Там же. Ст. 892, 899, 911, 918.
 - ¹⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 225. Л. 10–11, 34–35.
 - ¹⁸ ПСЗ-И. Т. 24. № 17909; Т. 25. № 18442.
 - ¹⁹ Там же. Т. 29. № 22208. Ст. 715.
 - ²⁰ Там же. Ст. 769, 771, замечания.
 - ²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 580. Л. 103–109.
 - ²² ПСЗ-И. Т. 29. № 22208. Ст. 333, 790.
 - ²³ Там же. Т. 25. № 18442; Т. 26. № 19641; Т. 27. № 20439 а; Т. 29. № 22208. Ст. 769, 790.
 - ²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 150–151.
 - ²⁵ ПСЗ-И. Т. 25. № 18442; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 41; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–7.
 - ²⁶ ПСЗ-И. Т. 29. № 22208. Ст. 769.
 - ²⁷ Там же. Ст. 769, 771, замечания.
 - ²⁸ Там же. Ст. 774, 777, 778, 790, 816, 822.
 - ²⁹ Там же. Т. 31. № 24688. § 47.
 - ³⁰ Там же. Т. 37. № 28493.
 - ³¹ *Рыбаков Ю.Я.* Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). М., 1986. С. 80.
 - ³² ПСЗ-И. Т. 15. № 11511.
 - ³³ СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 472–479, 488–494, 1468, 1472, 1486–1489.
 - ³⁴ ПСЗ-И. Т. 32. № 25119.

- ³⁵ Там же. Т. 39. № 30056.
- ³⁶ ПСЗ-П. Т. 12. № 10055.
- ³⁷ Там же. Т. 1. № 253.
- ³⁸ СЗ 1857 г. Т. 8. Лесной устав. Ст. 1236–1282.
- ³⁹ ПСЗ-П. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 475.
- ⁴⁰ Неклюдов Е.Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой половине XIX в.: социо-экономическая характеристика // Уч. зап. НТГПИ. Гуманитарные науки. Нижний Тагил, 2001. Вып. 2. С. 23–27.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 117 об.–119, 201–202.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 1.
- ⁴³ Неклюдов Е.Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30–50-е гг. XIX в.) // Демографические процессы на Урале в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 80–81.
- ⁴⁴ ПСЗ-П. Т. 3. № 1776; Т. 4. № 2825, 2889; Т. 22. № 21203.
- ⁴⁵ Неклюдов Е.Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала... С. 82.
- ⁴⁶ СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 470.
- ⁴⁷ Там же. Ст. 556; ПСЗ-П. Т. 2. № 1242.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4423. Л. 50–51.
- ⁴⁹ Там же. Л. 1–2, 73, 95–97, 140, 155, 205.
- ⁵⁰ ПСЗ-П. Т. 26. № 25152; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 461–463, 467, 475.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 900. Л. 25, 33.
- ⁵² Там же. Оп. 23. Д. 5263. Л. 178.
- ⁵³ Там же. Оп. 32. Д. 4484. Л. 4.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 498. Л. 3, 11, 46.
- ⁵⁵ ПСЗ-П. Т. 39. № 29940. Ст. 55–63.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 8–19.
- ⁵⁷ ПСЗ-П. Т. 11. № 9699.
- ⁵⁸ СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 218, 220, 221, 228; Т. 10. Ч. 1. Зак. гражд. Ст. 545–549; Т. 16. Ч. 2. Полож. о взыск. гражд. Ст. 407–410; Штоф А.А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896. С. 309–310, 427–428.
- ⁵⁹ ПСЗ-П. Т. 32. № 25384.
- ⁶⁰ ПСЗ-П. Т. 11. № 9699.
- ⁶¹ ПСЗ-П. Т. 29. № 22208. Ст. 187, 201, 217.
- ⁶² ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 132–132 об.; Ф. 24. Оп. 32. Д. 4133.

3. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И РЕАКЦИЯ ЗАВОДЧИКОВ

Действие «казенной опеки»

Введение посессионных ограничений в начале XIX в. не вызвало решительного противодействия заводчиков, скорее всего, потому, что, в отличие от сразу ощутимого повышения горных податей, действие «казенной опеки» проявилось лишь по мере формирования и укрепления основанной на новых принципах системы горного управления. Это отразилось, в частнос-

ти, в размышлениях управляющего Нижнетагильских заводов П.Н. Шиленкова. «Посессионное право, – писал он в 1857 г., – как известно, заключает в себе некоторые ограничения заводчика как в отношении к землям и лесам, так и в отношении к заводским их людям... Ограничения эти не были еще очень чувствительными прежде, когда они затемнялись общими понятиями о праве вотчинном, более известном, особенно в низших степенях правительственных мест, но время от времени начало выясняться и посессионное право, и всякое движение по этому предмету было уже поставлено почти на счет прав заводчика. Внешнее влияние начало являться во всех делах, относящихся до действия заводов и расширения их сил... Находя всегда почти опору в законе, иногда хотя и не совсем справедливо, влияние это производило, однакож, более или менее важное стеснение в хозяйственных соображениях и расчетах заводчика»¹.

Отношение самих заводчиков к подобным ограничениям выразил А.И. Пашков. Мнение его ценно тем, что, будучи совладельцем вотчинных Белорецких и посессионных Кагинских заводов, он имел возможность на практике сравнить их статус. «Мне кажется, – писал генерал, – что неоспоримо заводы делаются более самостоятельными... при собственной земле... Тогда развитие заводов может осуществиться и соответствовать будущим ожиданиям благосостояния железной промышленности – заводчик не пожалеет употребления капиталов на улучшение оных; тогда как при предназначаемом теперь распоряжении он будет удерживаем страхом остановки действия заводов и потери капиталов, нужных употребить на улучшение»². Владелец Нижнетагильских заводов А.Н. Демидов князь Сан-Дonato в 1858 г. усматривал «главнейшие различия между двумя родами частного владения... в отношении к отчуждению приписанных к заводам людей... и в надзоре и контроле горного начальства, установленного по предмету потребления лесов в заводах посессионных»³.

С наиболее развернутой критикой посессионных ограничений выступил в начале 1860-х гг. известный юрист Д.А. Огородзинский. Тогда он был уполномоченным Верх-Исетского округа и хорошо знал практику посессионного права середины XIX в. Первое, на что он обращал внимание, было признание казенными «непрофильных» минералов, которыми заводчики не могли свободно распоряжаться. Это, писал Д.А. Огородзинский, «имело весьма невыгодные последствия, потому что владельцы ограничивались производством только известной отрасли горного дела», хотя «посторонние люди», кому казна могла разрешить разработку этих минералов, «не имели возможности действовать с таким успехом, как действовали бы сами заводовладельцы». Когда же сами заводчики находили их, то «встречали противодействие со стороны Горного правления, для преодоления которого нужно было много времени и хлопот, а подобные помехи в коммерческих делах совершенно убивали предприимчивость». В качестве примера он приводил случай с запретом Алапаевским заводам добывать и продавать жерновой камень, пользовавшийся большим спросом. Только после обращения владельцев к министру финансов Государственный совет своим мнением от 29 марта 1854 г. дал такое разрешение. Ввиду его исключительности право

Алапаевских заводов добывать жерновой камень было даже упомянуто в одной из статей Горного устава⁴. Когда в 1856 г. в дачах того же Алапаевского округа была найдена свинцовая руда, Уральское Горное правление вновь «не хотело отдавать этот прииск заводам». Только после очередного обращения владельцев к министру финансов 12 октября 1859 г. тот предоставил прииск Алапаевским заводам, мотивируя свое распоряжение тем, что «едва ли согласовалось бы с достоинством Правительства воспользоваться открытием, сделанным Алапаевскими заводами на принадлежащих им землях, и что в экономическом отношении должно стремиться к развитию частной промышленности, которая, не стесняясь формами и многочисленностью администрации, достигает цели гораздо быстрее и лучше, чем большая часть казенных управлений»⁵.

Другим обременительным ограничением было положение Горного устава об уравнинии заводов лесами и контроле горного начальства «как по употреблению, так и по охранению лесов». Принцип уравниния лесами в понимании уполномоченного был несправедлив, поскольку «одни заводчики заботились о попечении, а другие разоряли леса», да и наделить каждый завод так, чтобы он имел достаточное количество лесов «на всегдашнее действие», представлялось ему на практике «делом совершенно невозможным». Тем не менее этот действующий принцип «держал заводчиков в постоянном опасении потерять часть принадлежащих им лесов, а в разных местных начальствах, дающих этому закону совершенно произвольную интерпретацию, он... делался весьма вредным для заводчиков орудием». Казенный надзор за внутренним лесным хозяйством также «заявлял себя только излишними бесполезными формальностями и разного рода стеснительными распоряжениями». Так, требуя от заводчиков ежегодных смет лесных вырубок, Горное правление «делало в них разные произвольные перемены, иногда весьма неудобные для заводов», а запрещая заводчикам проводить «взаимные мены лесных материалов», оно нередко затрудняло заготовку топлива. «И при всем том, – констатировал Д.А. Огородзинский, – вмешательство Горного правления не спасало лесов: в тех округах, где владельцы сами не прилагали попечения, леса не только не получили лучшего устройства, но и пришли в самое жалкое состояние»⁶.

Проблемы с заготовкой топлива из посессионных дач действительно обнаружались в некоторых округах уже в первой половине XIX в. Они были связаны с ограниченными размерами лесной посессии, которые, как правило, были следствием нерациональных разделов округов еще в XVIII в. Наиболее показательными примерами такого случая можно признать истории Ревдинского и Невьянского округов. Одними из первых недостатков в лесе стали испытывать Ревдинские заводы, обособившиеся в отдельное окружное хозяйство после раздела владений Г.А. Демидова в 1760-е гг. Лесных площадей там было немало, но они неравномерно распределялись между отдельными заводами, в результате чего особенно страдал головной Ревдинский чугуноплавильный завод. В 1801 г. к нему было предписано приграничить три казенные дачи, из которых «по причине неудобства» была отведена только одна. Вместо казенных земель еще один участок леса удалось

отмежевать у считавшегося тогда посессионным соседнего Билимбаевского завода графа А.С. Строганова. Но в 1843 г., после того как Строгановым удалось доказать владельческий статус своего завода, этот участок был им возвращен. В 1855 г. Горное правление предположило прирезать к Ревдинскому заводу 17 тыс. дес. лесов «по равной части» от других его соседей – Верх-Исетского и Сысертского округов, несмотря на то что они «не имели излишних лесов». Хотя это предложение было отклонено министром финансов, Уральское Горное правление, жаловался Д.А. Огородзинский, осталось при убеждении, что «оно может по своему усмотрению распоряжаться во всякое время отведенными к частным заводам лесами»⁷. Решение «топливной проблемы» для Ревдинского завода нашлось, когда в 1836 г. было разрешено пользоваться лесами, отведенными к другим заводам того же округа. Но это удорожало поставку топлива из отдаленных лесных дач.

Подобные ревдинским (но уже в масштабе всего хозяйства) проблемы в Невьянском округе обострились после того, как в 1785 г. был осуществлен раздел владений С.Я. Яковлева, куда входили и купленные им у П.А. Демидова старейшие на Урале Невьянские заводы. Негласные условия раздельного акта, видимо, предусматривали выкуп и раздел поровну между двумя сыновьями «вдовьей» шуралинской части наследства. Но в результате обмана она досталась одному И.С. Яковлеву, присоединившему ее к своей верхисетской части, а владелец невянской части П.С. Яковлев остался всего с тремя заводами и недостаточными для их действия лесными дачами, значительно истощенными еще при Демидовых. Впоследствии наследники П.С. Яковлева безуспешно добивались от казны новых отводов. Но, поскольку значительных свободных земель вблизи хорошо освоенной и заселенной Невьянской дачи не оказалось, пришлось довольствоваться приграничием в 1838 г. одной Мурзинской площади, которая из-за своих небольших размеров не могла обеспечить Невьянские заводы «навсегда в продовольствии лесными материалами». В безвыходной ситуации Сенат обязал владельцев ограничить действие заводов. После проведения сложных расчетов в 1849 г. было принято беспрецедентное решение установить производительность Невьянского округа на уровне 240 тыс. пуд. железа в год, что было на $\frac{1}{3}$ меньше прежней⁸. Эта норма, сдерживавшая развитие заводов, существовала вплоть до конца XIX в.

Показательным примером волокиты властей в наделении заводов лесами служит ставшая широко известной на Урале история с небольшим медеплавильным Шильвинским заводом, принадлежавшим мензелинским купцам Подъячевым. Еще при межевании в 1800 г. этому заводу было отведено 7974 дес., из числа которых 5351 дес. лучших лесов были тогда же «вырезаны в корабельную засеку». В отношении остальных площадей между владельцем и государственными крестьянами возник спор, «по которому выведено было, что будто бы завод вместо 7974 дес. имеет лесов более 48 тыс. дес.» В результате в 1822–1823 гг. спор решился в пользу крестьян, и завод остался вообще без лесов. Только после этого «горным ведомством было обнаружено, что через таковое отчуждение спорной площади от завода взяты не излишние, а остальные леса». В Межевом департаменте Сена-

та возникло дело о возвращении лесов, до завершения которого Подъячевым разрешалось «довольствоваться тем только количеством леса, какое за удовлетворением местных поселян будет оставаться за попенные и посаженные деньги». Только после многочисленных жалоб заводчика в 1843 г. Сенат постановил наделить Шильвинский завод лесами, а до того времени разрешил отпускать лес из близлежащей казенной дачи без взыскания лесных налогов. Но с того времени, несмотря на ряд новых правительственных указов, наделение завода лесами не сдвигалось с мертвой точки из-за позиции Министерства государственных имуществ, которое не могло найти подходящих лесных дач и «создавало трудности в отпуске лесных материалов из дач своего ведомства». И самому заводчику приходилось не раз отказываться от предлагавшихся ему вариантов наделения, поскольку, как писал Н.Н. Подъячев, участки для вырубки дров находились то далеко от завода, то содержали только осиновый лес, то назначались «в одну зимнюю рубку». Реальное наделение началось только в 1860-е гг. после пяти сенатских указов и особого постановления Государственного совета. Но из-за задержек и споров заводчика с землемерами по каждому отводу Шильвинский завод окончательно пришел в упадок и был закрыт⁹.

Этот случай, как и некоторые другие, наглядно показал, что иметь дело с казной по поводу лесов было крайне затруднительно. Именно о нем позже вспоминал граф А.А. Стенбок-Фермор, наследник Верх-Исетских заводов. «На опыте доказано неоднократно, – писал он, – что заботливость Горного правления о снабжении заводов лесами длится иногда многие десятки лет безо всякого успеха. Для примера можно указать на Шильвинский купца Подъячева завод, который, несмотря на предписания разных министерств, сенатские указы и даже Высочайшее повеление, не мог, в течение 30, если не больше лет добиться лесного отвода, хотя вблизи его были свободные казенные дачи – и усиливаясь продолжать заводское действие посредством приобретения с посторонних мест горючего материала, разорился вконец»¹⁰. Однако факты, подобные приведенным, в первой половине XIX в. были единичными. Большинство горнозаводских округов тогда еще не испытывало затруднений в заготовке топлива, поскольку размеры лесной посессии позволяли расширять производство в характерной для того времени динамике.

По мнению Д.А. Огородзинского, узаконенное запрещение открыть, усилить, уменьшить или прекратить действие завода без разрешения горного начальства также «ставило заводчиков в тяжкую от воззрения местной администрации зависимость». Бывали случаи, констатировал уполномоченный в своей записке, когда даже такие крупные округа, как Нижнетагильский или Алапаевский, «имеющие все средства, нужные для усиления своей производительности, должны были ожидать многие годы, пока им удавалось получить дозволение расширить круг своего действия». При этом горные власти совершенно произвольно могли сначала запретить, а затем разрешить требовавшиеся перемены¹¹.

Правоту слов Д.А. Огородзинского отчасти подтверждает пример с Шурминско-Залазнинскими заводами майора Н.И. Мосолова. К началу

1840-х гг. из-за истребления лесов поселившимися вблизи заводов казенными крестьянами в этом округе существенно снизилась выплавка чугуна. Владелец решил на постройку нового чугуноплавильного предприятия на речке Кульме, в глухом, незаселенном и богатом лесами месте, где уже были обнаружены и отведены железные рудники. Трудность заключалась в том, что эти земли находились в ведении Министерства государственных имуществ. Владелец пытался получить их взамен территорий, занятых в его округе государственными крестьянами. В 1841 г. Н.И. Мосолов просил поставить там плотину, доменную печь и кричную фабрику с шестью молотами. «Это, – рассчитывал он, – не только обеспечит чугуном мои заводы, но и предоставит казне возможность получить новый доход».

Уральское Горное правление поручило своему чиновнику «сделать обзор завода Мосолова и удостовериться лично, точно ли заводы претерпевают неудобства и стеснение». Одновременно в Вятскую палату государственных имуществ был отправлен запрос о возможности отвода этого места для завода. В феврале 1842 г. Горное правление получило ответы на интересующие вопросы. Чиновник поддержал просьбу владельца и нашел удачным выбор места для завода, а палата отказала в отводе, сославшись на то, что устройство завода нанесет вред произрастающим там корабельным рощам. В такой ситуации Горное правление предпочло передать решение вопроса на усмотрение Горного департамента. Два года потребовалось только для того, чтобы уведомить Горное правление о необходимости точнее определить выгоды казны от строительства завода. После этого уже и Горное правление не торопилось с делом. Лишь в марте 1845 г. главный начальник В.А. Глинка распорядился выяснить, откуда Н.И. Мосолов полагал набирать рабочих для нового завода и «на сколько лет достанет рудников вблизи его». В августе 1849 г. исправник Шурминских заводов донес, что 349 ревизских душ будут переселены владельцем из его костромских и вятских деревень, а обнаруженных 23 рудников «со значительным содержанием чугуна» должно вполне хватить для действия нового завода. Однако В.А. Глинке этого показалось недостаточно. В апреле 1850 г. он писал, что из-за отсутствия «точных расчетов о выгоде казне невозможно представить высшему начальству дело сие в таком виде и необходимо дополнить его необходимыми сведениями». На сомнения главного начальника навела палата государственных имуществ, которая вновь неодобрительно высказалась о предложении Н.И. Мосолова. «Хотя это место не приносит казне никаких доходов, – сообщалось в ее представлении, – но уступка его под завод весьма невыгодна для казны... так как при увеличении народонаселения увеличится и злоупотребление казне со стороны заводских людей, чему служат доказательством жители Шурминских заводов, которые помимо отведенных им лесов делают порубки в казенных дачах и... к тому же в той лесной даче проводятся опыты правильного лесоустройства»¹².

Точку в этом явно затянувшемся деле поставил сам заводчик. В октябре 1850 г. Н.И. Мосолов подал прошение. «Мысль о постройке Кульмского завода, – говорилось в нем в изложении чиновников Горного правления, – возбуждена была вследствие претерпевавшихся Шурминскими заводами стес-

нений в их действии, и она могла быть полезна при надежде господина Мосолова устроить это дело скоро и тем скорую подать помощь Шурминским заводам. Но когда ныне одна переписка... потребовала девять лет времени, то он уже убежден, что предположение это не достигает своей цели, ибо до того времени, к коему он мог надеяться получить разрешение на устройство завода и покуда будут отведены к нему земли, Шурминские заводы, если господин Мосолов не примет других мер к их поддержанию, могут упасть в их действии совершенно, почему он вынужденным находит отказать от желания устроить новый завод и просит всю переписку по сему делу окончить». Уже 24 октября правление определило «за отзывом господина Мосолова от постройки нового завода считать дело решенным». К этому времени заводчик нашел способы «подать помощь» свои заводам. Еще в 1842 г. он построил железодельный Залазнинско-Никольский, а в 1856 г. доменный и железодельный Залазнинско-Белорецкий заводы, которые сбалансировали металлургическое производство в округе. Эти новые заводы, расположенные на посессионных землях, владелец основал без каких-либо препятствий со стороны горных властей¹³.

На непоследовательность решений властей указывает пример с Нижнетагильскими заводами, приведенный в записке Д.А. Огородзинского. В 1849 г. управление демидовского округа ходатайствовало «о дозволении видоизменять заводские устройства, согласно требованиям времени и хозяйственным соображениям», в частности, возвести некоторые новые устройства, обещая «в употреблении угля не выходить из нормы по числу устройств, уже разрешенных». Состояние лесных дач «вполне позволяло даже расширить расход горючего материала, но местное горное начальство в течение нескольких лет под разными предлогами не давало дозволения и заставляло употреблять не то количество угля, какое заводы имели право расходовать, а то, какое действительно расходовалось по сложности трех последних лет». Главный начальник В.А. Глинка в 1850 г. «поставлял в вину Нижнетагильским заводам даже то, что они строят для действия золотых промыслов паровые машины, хотя на отопление паровиков употреблялись только щепы, сучья и валежник. Но главный начальник желал ограничить Тагильские заводы и в этом материале, вполне сознавая при том, что паровые машины составляют весьма важное средство к усовершенствованию и развитию горного дела». Совет Корпуса горных инженеров 29 марта 1850 г. тоже постановил «оставить действие Нижнетагильских заводов в дозволенном уже размере, не воспрещая затем в устройствах сих делать перемены и иметь запасы... но с тем однако, чтобы в общей сложности употребляемо было на заводское действие в год не более того количества угля, какое употреблялось, и чтобы при этом выделка металлов отнюдь не уменьшалась против прежнего к ущербу казенного дохода». Но вскоре «взгляд горного начальства совершенно изменился». В 1854 г. Нижнетагильским заводам было разрешено «употреблять угля 300 тыс. коробов, тогда как в 1849 г. при тех же самых обстоятельствах считалось невозможным разрешить и 200 тыс.» Только тогда, как сообщал управляющий заводами, «руководствуясь этим распоряжением, Уральское Горное правление не воспрещало...

делать перемены в заводских устройствах, наблюдая лишь главную указанную ему цель, чтобы доходы казны... не уменьшались и чтобы не увеличилось употребление на них сгораемого». Причина неожиданного пересмотра прежних решений не раскрывалась. «Заводы, пользуясь свободой действий в перемене устройств в минуту потребности, поспешили воспользоваться этим благотворным разрешением, чтобы удовлетворять, сообразуясь требованиям рынка, заказы на машины, и тем много способствовали успеху дела». В результате выплавка чугуна на Нижнетагильских заводах выросла с 945 тыс. пуд. в 1850 г. до 1760 тыс. пуд. в 1860 г.¹⁴

Нечто подобное, но с менее благоприятным результатом, констатировал Д.А. Огородзинский, случилось и на Алапаевских заводах. В 1858 г. Уральское Горное правление, «усмотрев из периодических ведомостей, что в тех заводах устроено, против разрешения Горного правления, излишних шесть пудлинговых и сварочных печей и 14 кричных полумолотов, подвергло Алапаевское заводоуправление штрафу. Несмотря на предоставленные доказательства, что при устройстве пудлинговых печей сберегается горючего материала 30% и что 14 молотов устроены в запас на случай исправления разрешенных Горным правлением, и, следовательно, в обоих случаях соблюдены интересы казны и заводов, штраф был взыскан на основании заключения Совета Корпуса горных инженеров»¹⁵.

В записке Д.А. Огородзинского не было уделено большого внимания ограничениям в распоряжении рабочими кадрами посессионных заводов, поскольку она была составлена вскоре после отмены крепостного права. Но из других источников известно, что нередко конфликты с властями возникали у заводчиков именно по этому поводу. Так, в конце 1810-х, начале 1830-х и середине 1840-х гг. горными властями были предприняты попытки ввести общие и ориентированные на казенные штаты «правила содержания рабочих» по всем частным заводам. Нередко эти намерения властей были вызваны «притеснительными действиями» самих заводчиков и их заводоуправлений в отношении рабочих.

В первом случае поводом послужила ситуация на владельческих Белорецких заводах И.А. Пашкова, где в 1813–1816 гг. произошел ряд волнений крепостных. Две следственные комиссии пришли к выводу, что произвольные уроки работ, беспорядок в расчетах с рабочими, отмена выдачи хлебного провианта, т. е. отсутствие фиксированных правил содержания рабочих, стали главными причинами их недовольства. В Горном правлении было принято решение составить правила для управления Белорецкими заводами, а также собрать сведения о содержании рабочих на всех частных заводах. Правила для заводов И.А. Пашкова были составлены в 1817 г. и введены в действие. Но при сравнении собранных в Пермском Горном правлении сведений по другим округам «открылось, что нет ни одного завода, который бы во всех своих работах был бы равен, ибо хотя многие работы оказываются одинаковы... но количество работ, возложенных на людей, и заработной платы различны». Поскольку «составить решительного положения не представилось никакой возможности», Комитет министров 23 августа 1827 г. постановил «не издавать вдруг штатов для всех частных заводов,

а держаться того правила, чтобы частные горнорабочие по отношению к провианту и другим пособиям получали не менее казенных, но в случае справедливых жалоб издавать (в каждом отдельном случае) для частных заводов особые штаты по тому же соображению»¹⁶.

В 1830–1831 гг. подобные намерения вновь возникали у горного начальства в связи с волнениями крепостных на Кыштымских заводах наследниц Л.И. Расторгуева, где власти обнаружили серьезные злоупотребления частного управления по содержанию заводских людей. Попытка сравнения рабочих штатов этих заводов со штатами других частных и казенных заводов вновь натолкнулась на те же самые преграды. В итоге положение для Кыштымских заводов было составлено, но распространять его на все частные заводы власти вновь не решились¹⁷. Подобные же «положения в отношении плат и уроков» были введены в 1830–1850-е гг. на Ревдинско-Рождественских, Кнауфских и Кагинских заводах.

Инициаторами следующей кампании стали главный начальник В.А. Глинка и оренбургский генерал-губернатор В.А. Обручев. На этот раз угрозе введения штатов казенного Златоустовского завода подверглись частные заводы Южного Урала. В отчете губернатора за 1844 г. эти заводы были разделены на два «разряда». К первому отнесли Юрюзанские заводы Е.А. Сухозанет, Катавские – А.Г. Белосельской-Белозерской, Симские – Балашевых, Троицкие – Д.Е. Бенардаки и Благовещенский завод Е.В. Дашковой, где положение заводских людей оказалось «не стеснительным». Во второй разряд были включены Белорецкие заводы Пашковых, Кагинские – Демидовых и А.И. Пашкова, Авзяно-Петровские – П.М. Губина, Таишевские – И.М. Ярцова, а также Архангельский завод А.Г. Лаваль, Каноникольский – Ф.И. Мосолова, Богословский – П.И. Шелашникова и Шильвинский – Н.Н. Подъячева. Там, по сведениям властей, «почти всегда бывал недостаток в деньгах», из-за которого «рабочие приходят часто в затруднительное положение». В этой группе заводов и предложено было административным порядком ввести казенные штаты.

Однако мнение регионального начальства вновь не было поддержано наверху. Министр финансов Ф.П. Вронченко ответил, что введение казенных штатов при отсутствии жалоб со стороны населения «повлекло бы за собой некоторые недоразумения со стороны как владельцев заводов, так и самих рабочих, и послужило бы поводом к беспорядкам»¹⁸. Комитет министров с этим мнением согласился и тем самым поставил точку в неоднократных попытках местных горных властей таким путем решить проблемы «неблагонадежных» частных заводов и заводчиков.

Не могло не повлиять на позицию высшего начальства и отношение к предлагавшимся Горным правлением мерам самих заводчиков, в частности вотчинников. Еще 7 января 1820 г. княгиня В.А. Шаховская, графиня С.В. Строганова, баронесса А.С. Строганова, князь С.М. Голицын, В.А. Всеволожский и Е.Л. Лазарев подали совместное прошение министру финансов графу Д.А. Гурьеву. Пермское Горное правление, писали они, «учинило для всех без изъятия заводов общее и одинаковое постановление... и совершенно смешало и поставило в один разряд казенную и частную

собственность, как будто та и другая ничем между собой не различаются и как будто оные суть одного и того же рода». По мнению «пермских владельцев», правление «во всех отношениях сравнило как сии владельческие заводы, так и находившихся в них из крепостных мастеровых людей с заводами и людьми казенными и с заводами, хотя и частными, но при пособии казны начало свое получившими и при ее влиянии действующими». Ссылаясь на Жалованную грамоту 1785 г. и манифест 1782 г., они потребовали «защитить свои права и собственность» и оставить принадлежавшие им заводы «в первобытном и настоящем их положении и от всякого несовместного внутреннего распоряжения и вступительства в управление горного начальства освободить»¹⁹.

Заводчики сумели отстоять свои интересы и после того, как в 1847 г. были утверждены штаты казенных заводов, по которым рабочим «были дарованы правительством разные важные выгоды», в том числе увеличена заработная плата и уменьшена продолжительность работ. Тогда же возник вопрос об их распространении на казенных мастеровых и непременных работников посессионных округов. В.А. Глинка в соответствии с Горным уставом полагал, что необходимо требовать от владельцев введения «соответствующих настоящему времени изменений». В то же время он сообщил министру: «Подобные преобразования не совсем согласны с интересами владельцев и, следовательно... могут возбудить со стороны некоторых заводчиков неудовольствие и пререкания, хотя несправедливые, но не менее того обременительные и неприятные и от которых мне уже довелось испытать много неудовольствия»²⁰.

Рассмотрев этот вопрос, министр финансов Ф.П. Вронченко принял решение в случае отсутствия жалоб со стороны заводских людей «стараться сохранить на заводах тех порядок в прежнем положении», тем более что казна в любом случае получала бы те же самые подати. Поэтому даже когда установки новых штатов вошли в Горный устав 1857 г., положение казенных рабочих на посессионных заводах не изменилось. Как докладывал главный начальник уральских заводов Ф.И. Фелькнер в 1860 г., они «до сих пор остаются на том же положении, на каком были до издания штатов 1847 г.»²¹ Правда, в некоторых округах все-таки были введены казенные штаты, но не 1847, а 1827–1829 гг. Таким компромиссным решением горные власти отреагировали на жалобы рабочих и в то же время не задели основательно интересы заводовладельцев. Так, на Сергинско-Уфалейских и Алапаевских заводах (где в составе населения находились казенные мастеровые и непременные работники) ввели с согласия владельцев штаты Екатеринбургских и Гороблагодатских казенных заводов 1829 г. Штаты тех же Екатеринбургских заводов действовали в 1850-е гг. на Сысертских заводах. С целью оградить свои Авзяно-Петровские заводы от подобной участи П.М. Губин в 1853 г. добился перевода всех непременных работников на Гороблагодатские казенные заводы²².

Существенным бременем для заводчиков в течение всей первой половины XIX в. были нормативы, устанавливавшие количество штатных работников для завода в зависимости от числа домен, кричных горнов и медепла-

вильных печей. Как уже упоминалось, они не менялись с середины XVIII в. и безнадежно устарели в связи с техническим прогрессом на заводах. В результате расчеты оказывались крайне затруднительными «в особенности для таких производств, которые введены еще недавно, как-то: контуазского, пудлингового, сварочного, газо-пудлингового и прочих»²³. «Сейчас, – сообщалось Нижнетагильским заводоуправлением в 1853 г., – эти расчеты не соответствуют действительности... и необходимы изменения, сообразуясь с новыми штатами казенных заводов 1847 г., в которых сделаны особые назначения числа людей по всем производствам»²⁴. Но, поскольку для посессионных заводов пересчеты так и не были совершены, заводские конторы, вынужденные ориентироваться на устаревшие нормативы, затруднялись в составлении соответствующих реальному положению рабочих штатов.

От этого, в частности, пострадали Невьянские заводы, которые в начале 1850-х гг. переживали нелегкие времена в связи с сокращением железоделательного производства и добычи золота. В таких условиях «по добровольному согласию с владельцами» значительная часть (до 10%) заводского населения занялась разными промыслами и торговлей «для заводских потребностей». Как сообщали сами владельцы в прошении, поданном министру финансов в 1851 г., «дозволено им было сперва нанимать за себя работников из вольных людей или исправлять заводские работы за добровольный денежный взнос в заводскую кассу». Перевод на оброк оказался настолько выгоден, что «все перевозки железной руды, песка, флюсов и другие поставки исправлялись за наличные деньги, поступающие от оброков». Кроме того, уволенные на оброк люди, «предвидя свои выгоды», работали на промыслах старателями и «добывали золото по вольной с золотника плате». Однако Горное правление стало требовать «употреблять людей только на работы заводские». Тогда заводчики и обратились с просьбой к министру. В ходе следствия выяснилось, что по установленным нормативам на Невьянских заводах существовал «недостаток в людях на 491 душу», поэтому Горное правление заключило, что «Невьянское заводоуправление не должно увольнять крепостных людей на другие работы, кроме заводских». Владельцы решили не вступать в конфликт с горными властями и вынуждены были в ущерб себе «занять всех людей при заводах и промыслах»²⁵.

«Прикрываясь постановлениями закона, горная администрация имела возможность всегда, когда ей было угодно, вступаться в дела частных заводов», – резюмировал свои наблюдения Д.А. Огородзинский. Несмотря на запрещение в тех же законах «вмешиваться во внутреннее хозяйство заводов», она контролировала именно «те отрасли деятельности, которые составляли существенные элементы внутризаводского хозяйства: разработку рудников, употребление лесов, регулирование заводского действия и т. п.» В результате утвердилась та самая «регламентационная система казенной опеки», которая тормозила развитие частной промышленности. Ознаменовавшаяся в XVIII в. громадными успехами, она, по мнению Д.А. Огородзинского, «вдруг остановилась в своем развитии, и... в продолжение 60 лет не движется уже вперед. Новых заводов построено в этот период очень мало; производительность заводская, несмотря на многочисленные технические

усовершенствования, увеличилась весьма нечувствительно; доходы с заводских имений стали год от года уменьшаться; дела заводчиков расстроились, капиталы истощились и горный промысел сделался до того безвыгодным, что владельцы заводов не только не получают никаких процентов от затраченных ими на устройство заводов огромных капиталов, но весьма редко получают какую-либо прибыль даже и от задолжаемых на заводское действие капиталов операционных, а, напротив, многие действуют в явный убыток, ко вреду промышленности и самому себе»²⁶.

Результаты развития посессионных заводов

Сравнение результатов деятельности посессионного и владельческого секторов горнозаводской промышленности, столь существенно различавшихся по своему «правовому облику», позволяет скорректировать оценки, сделанные специалистами середины XIX в. (табл. 1).

Судя по динамике производства посессионных и владельческих округов в первой половине XIX в., не выявляется отчетливого превосходства ни одного из секторов уральской частной промышленности (значительное – с 41,8 до 163,8 тыс. пуд. – повышение выплавки меди на посессионных заводах объясняется началом разработки крупнейшего на Урале Меднорудянского рудника, принадлежавшего одному Нижнетагильскому округу). Мало того, наиболее высокие показатели развития производства (более чем в три раза по чугуну) наблюдались на посессионных Нижнетагильских, Сысерте-

Таблица 1

Динамика производительности посессионных и владельческих заводов Урала и величины горной подати (срезы на 1800 и 1861 гг.)²⁷

Показатель	1800 г.	1861 г.	Рост, %
<i>Посессионные заводы</i>			
Чугун, пуд.	4 778 117 (67%)	8 212 610 (65%)	172
Подать, руб. асс.	573 373 (75%)	985 507 (74%)	172
Медь, пуд.	41 828 (38%)	163 868 (63%)	392
Подать, пуд.	6 274 (48%)	24 580 (72%)	392
<i>Владельческие заводы</i>			
Чугун, пуд.	2 350 441 (33%)	4 329 459 (35%)	184
Подать, руб. асс.	188 035 (25%)	346 352 (26%)	184
Медь, пуд.	67 374 (62%)	94 313 (37%)	140
Подать, пуд.	6 737 (52%)	9 431 (28%)	140
<i>Все заводы</i>			
Чугун, пуд.	7 128 558 (100%)	12 542 069 (100%)	176
Подать, руб. асс.	761 408 (100%)	1 331 859 (100%)	175
Медь, пуд.	109 202 (100%)	258 181 (100%)	236
Подать, пуд.	13 011 (100%)	34 011 (100%)	261

ких, Кыштымских и Сергинско-Уфалейских заводах, где еще сохранялись значительные ресурсы для развития в границах имевшихся посессий. Там и казна лояльно относилась к действиям частного управления и не возражала против увеличения производственных мощностей, хорошо понимая, что от этого зависит рост ее собственных доходов в виде горной подати.

Спад производства для 48 учтенных хозяйств фиксируется лишь по Невьянским (по железнному производству), Суксунским, Уинским и Мешинскому (по выплавке меди) посессионным заводам, что объясняется недостатком «горючего материала» из-за ограниченных лесных ресурсов этих округов или выработкой рудных месторождений²⁸. Это свидетельствует о появлении проблем, связанных с ресурсной базой, но пока у небольшого числа горнозаводских хозяйств.

Другой показатель развития двух секторов уральской промышленности связан с финансовым положением округов, которое могло основываться на «внутренних» ресурсах окружной экономики или (при отсутствии таковых) зависеть от заимствований из других, «внешних», источников. Такой компетентный человек, как главный начальник горных заводов хребта Уральского В.А. Глинка, в 1846 г. констатировал, что «нужду в оборотных капиталах имели все заводчики, исключая очень немногих»²⁹. Среди этих немногих можно назвать Демидовых (Нижнетагильский округ) и Яковлевых (Верх-Исетский округ), владевших заводами на посессионном праве, а среди вотчинников – Балашевых (Симский округ) и Белосельских-Белозерских (Катавский округ). Остальные были вынуждены прибегать к разнообразным способам решения финансовой проблемы, в первую очередь за счет внешних заимствований.

Судя по динамике залоговых операций, заключенных заводчиками с конца XVIII в. и до 1861 г. (со Вспомогательным дворянским банком, Петербургской и Московской сохранными казнами, Государственным Заемным банком, Государственным казначейством или Горным департаментом и Уральским Горным правлением), владельческие округа подверглись им 46 раз на общую сумму более 12,5 млн, а посессионные – 33 раза на сумму около 5 млн руб. сер.³⁰ Случаи учреждения различных форм контроля, которые, как уже упоминалось, могли устанавливаться над частными округами, если заводчики не справлялись с их финансированием или имели долги по ссудам или податям, зафиксированы в отношении 32 горнозаводских хозяйств (64%). Всего за первую половину XIX в. нам известно 16 фактов установления казенного присмотра, 12 – казенных управлений, 19 – опекунских управлений и 5 – попечительств. Частным лицам было разрешено открыть пять кредиторских управлений заводами, учредить две акционерные компании и заключить 11 арендных договоров. Шесть хозяйств было продано казной с публичных торгов и столько же закрыто (табл. 2).

Наибольшее количество таких случаев, как следует из табл. 2, касалось посессионных округов. Из 28 хозяйств 21 (или 75%) подверглось каким-либо видам «нехозяйственного управления», в то время как в группе владельческих округов только 10 из 22 (т. е. 45%). Посессионные округа абсолют-

Таблица 2

Формы контроля посессионных и владельческих округов Урала (1800–1861 гг.)³¹

Форма контроля	Округа					
	Посессионные		Владельческие		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Казенный присмотр	11	69	5	31	16	100
Казенное управление	10	83	2	17	12	100
Опекунское управление	13	68	6	32	19	100
Попечительство	3	60	2	40	5	100
Кредиторское, конкурсное или комиссий управление	3	60	2	40	5	100
Аренда	6	55	5	45	11	100
Акционирование	2	100	–	–	2	100
Назначение к продаже / продажа с публичных торгов	19/5	68/83	9/1	32/17	28/6	100
Ликвидация	5	83	1	17	6	100

но лидировали и по разнообразию форм контроля (49 из 71, или 69%), в особенности по казенным управлениям (10 из 12).

Таким образом, более проблематично развивались в первой половине XIX в. все-таки посессионные округа. Однако несправедливо было бы это приписать исключительно влиянию формирующегося посессионного права, поскольку на развитие заводов влияли тогда и иные факторы общего и частного порядка. Тем не менее в условиях финансового неблагополучия большинства округов Урала, особенно усилившегося с 1840-х гг., дополнительная нагрузка в виде повышенной горной подати, безусловно, обременяла бюджет посессионных заводов и усугубляла их положение. Вместе с тем заметно, что и владельческий статус вовсе не служил гарантией успешного развития заводов и не защищал от финансовых проблем даже в условиях их гораздо более щедрого государственного кредитования. В совокупности с отмеченной динамикой производства это свидетельствует, что в первой половине XIX в. правовой статус хозяйства представлял собой важный, но не решающий фактор, определявший характер развития заводов. В большинстве округов сдерживающее влияние посессионных ограничений еще не превышало выгод от использования природных и социальных ресурсов казенных пособий и позволяло им в сфере производства развиваться в той же мере, как и владельческим округам, и даже превосходить их.

Это наблюдение подтверждается и характером борьбы посессионеров за свои права, которая тогда еще не была активной и выражалась либо в форме немногочисленных индивидуальных и коллективных жалоб и прошений, либо в тихом саботаже, заключавшемся в возможности обойти посессионные ограничения при попустительстве исправников, многие из которых получали содержание от самих заводчиков. Можно заметить также, что посессионеры добивались не столько отмены, сколько корректировки

тех или иных ограничений своей деятельности со стороны казны. Возможно, что эти ограничения и повышенная горная подать воспринимались ими как вполне допустимые в те времена, когда государство еще играло попечительскую роль в экономике страны. Его контроль за развитием отрасли, по мнению некоторых экспертов, имел даже воспитательное значение и отчасти предотвращал злоупотребления частного управления в эксплуатации природных и социальных ресурсов округов³². Правда, другие эксперты отмечали, что в округах, где «владельцы сами не прилагали попечения», посессионные ограничения не приносили пользы, а «подчинение частных заводов надзору и руководству горного начальства открывало местной администрации обширное поприще к стеснению столь необходимой для успехов всякого промысла свободы действий»³³.

Неспокойно чувствовали себя в такой ситуации и вотчинники, которых посессионные ограничения как будто не касались. Но им приходилось проявлять особую осторожность при решении каких-либо важных хозяйственных вопросов, опасаясь возможного перечисления своих заводов в группу посессионных (чему имелись прецеденты). Показательным в этом отношении может послужить письмо владельца Троицких заводов Д.Е. Бенардаки министру финансов Е.Ф. Канкрину от 12 марта 1838 г. по поводу предполагаемой им покупки заводских крепостных ликвидированного Архангельского завода Красильниковых. Должно ли, спрашивал заводчик, «с покупкою их вообще все право посессионное перейти на покупателя... когда заводчики без Горного правления не могут распоряжаться крестьянами на полном праве собственности: отдавать в солдаты, ссылать за дурное поведение в Сибирь на поселение, не могут увеличивать и убавлять действие завода, распоряжаться своими лесами и землями по произволу и платят в казну 15% с выплавленного металла»³⁴. Лишиться подобных привилегий вотчинники вовсе не желали. Потому они активно выступали не напрямую против посессионных ограничений, существование которых выделяло их в привилегированную группу заводчиков, а против попыток властей хоть в малом сравнить их с посессионерами и постоянно напоминали властям о своем особом положении. В 1858 г. при обсуждении вопроса о создании комитетов заводчиков «для улучшения быта горнозаводских людей» князь С.М. Голицын, граф С.Г. Строганов и Х.Е. Лазарев даже предлагали проблемы посессионных заводов решать не в особом комитете для «пермских владельцев», а «сколько по тождественности их соотношений, сколько и по зависимости в правах с казенными заводами... в комитете, учрежденном для казенных заводов»³⁵.

Комитеты были тогда созданы по региональному принципу. Они стали фактически первыми организациями горнозаводчиков, где решались насущные для них вопросы (если не считать Общество русских горнозаводчиков по устройству Петербургско-Московской железной дороги, действовавшее в 1843 г.). Как отмечали специалисты, еще составители Проекта Горного положения 1806 г., устанавливая над частными заводами «руководительную опеку местной горной администрации... имели при том в виду, что в состав этой администрации войдут, как необходимый элемент ее, та-

кие лица, которых прямой интерес заставил бы заботиться о преуспевании горного дела». Этими лицами могли быть как сами заводчики, так и их представители. В своем докладе министр финансов А.И. Васильев ходатайствовал тогда перед царем о составлении общества горнозаводчиков, которое имело бы право «доводить до сведения Правительства о нуждах горной промышленности, делать надлежащие представления во всяком случае, когда найдет нужною его помощь, когда увидит права свои недостаточными или перемененными в его невыгоду по стечению обстоятельств; объяснять причины, приводящие к упадку промышленности или вредящей собственности; предлагать средства к исправлению этих зол и, наконец, выбирать членов для заседания в горных правлениях». «Если бы учредилось предлагаемое министром финансов общество заводчиков, – писал Д.А. Огородзинский, – и если бы представители его заняли места в горных правлениях, то эти последние, вместо того стеснительно-формалистического характера, которым они постоянно отличались, получили бы, по всей вероятности, другое, более соответствующее коммерческим делам, более практичное направление»³⁶. В отсутствие такого органа заводчики добивались некоторых уступок, действуя, как правило, самостоятельно. Помимо малоуспешных действий против общих посессионных ограничений они боролись и за перевод своих заводов в разряд владельческих.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 22–22 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5063. Л. 178–180 об.

³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 61–62.

⁴ СЗ 1857 г. Т. 7. Устав Горный. Ст. 488.

⁵ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. СПб., 1868. Прил. XIV. Записка о значении посессионного права Д.А. Огородзинского.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101–104 об.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118.

⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6617. Л. 1–3, 30–31, 212, 381.

⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 23, 53–54; Д. 225. Л. 21–26, 36.

¹⁰ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XVIII. Извлечение из записки графа А.А. Стенбок-Фермора.

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101–104 об.

¹² Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1842. Л. 1–29.

¹³ Там же. Л. 31, 35.

¹⁴ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XIV. Также см.: РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 868. Л. 1–5, 10–11.

¹⁵ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XIV.

¹⁶ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1951. Т. 1. С. 290–303; *Арсентьев Н.М.* Замосковский горный округ: заводладельцы и рабочие. Саранск, 1994. С. 70–71.

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 291–293.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 660. Л. 1–4, 28.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 108. Л. 1–17 об., 22–23.

- ²⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 101. Л. 17 об.–18.
- ²¹ Там же. Л. 40–45, 66.
- ²² Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5263. Л. 178.
- ²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 498. Л. 95–95 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 41–41 об.
- ²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1193. Л. 1, 10–12, 16–18.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101–104 об.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2698а; Оп. 4. Д. 7; Ф. 43. Оп. 1. Д. 320.
- ²⁸ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 563–564.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 1–2.
- ³⁰ Неклюдов Е.Г. Указ. соч. С. 564–566.
- ³¹ Там же. С. 567–569.
- ³² См., например: Полетика И. О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 3. С. 552; Михайлов Н. Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими имениями // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 334–336; И. Ч. О посессионном владении горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 492–518.
- ³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101–104.
- ³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 29, 34.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 52–53, 56–57, 58.
- ³⁶ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XIV.

4. ДИНАМИКА ПОСЕССИОННЫХ ИМЕНИЙ НА УРАЛЕ

Первоначальное разделение заводов на два «отделения»

Как уже упоминалось, по именному указу от 23 июня 1794 г. все заводы были разделены на два «отделения». В соответствии с законом, к первому отнесли заводы, которые «заведены частными людьми с пособием от казны, получив для этого земли и леса или же приписных из ведомства казенного крестьян», ко второму – те, которые «заведены были частными людьми без всякого от казны пособия, не имеют ни лесов, ни земель, им отведенных, ниже приписных к заводам людей от казенного ведомства». Пермская и Уфимская горные экспедиции в 1795 г. предоставили «росписи» всех заводов по двум отделениям, в соответствии с ними губернские казенные палаты с 1797 г. стали принимать подати¹. В эти списки входили только чугуноплавильные и медеплавильные заводы, поскольку горные подати взимались с чугуна и меди.

По податным ведомостям 1797–1801 гг. в первое отделение (в посессионные) были включены Билимбаевский завод графа А.С. Строганова, Нижнетагильский, Выйский и Верхнесалдинский – Н.Н. Демидова, Ревдинский – П.Г. Демидова, Суксунский, Ашапский, Бымовский и Уткинский – А.Г. Демидова, Кыштымский и Каслинский – Н.Н. Демидова, Узьянский – И.Е. Демидова, Верх-Исетский, Уткинский, Верх-Нейвинский, Ре-

жевский, Верхнетагильский и Климковский – И.С. Яковлева, Невьянский и Петрокаменский – П.С. Яковлева, Алапаевский, Ирбитский и Верхнеси-
нячихинский – С.С. Яковлева, Уфалейский, Нижнесергинский, Верхнесер-
гинский и Авзяно-Петровский – М.П. Губина, Залазнинский – А.М. Мосо-
лова, Шурманикольский – И.А. Мосолова, Юговский, Курашимский, Би-
зярский, Иргинский и Омутнинский – И.П. Осокина, Нижнешайтанский –
С.А. Ширяева, Сысертский и Полевской – наследников А. Ф. Турчанино-
ва, Песковский – И.Я. Курочкина, Шильвинский – А.М. Подъячева, Бемы-
шевский – Е.А. Лебедева, Коринский – С.Т. Красильникова, Архангель-
ский (Шаранский) – П.Г. Красильникова, Берсудский – Маленковых,
Пыжманский – Кобелевых и Ньючимский – Грибановых (всего 32 чугуно-
плавильных и 13 медеплавильных заводов, входивших в состав 25 горноза-
водских округов).

Во второе отделение (во владельческие) попали Архангело-Пашийский
завод А.А. Голицыной, Лысьвенский – В.А. Шаховской, Кусье-Александр-
ровский – А.А. Голицыной и В.А. Шаховской, Кыновский и Екатерино-
Сюзвенский – Г.А. Строганова, Чермозский и Кизеловский – И.Л. Лазаре-
ва, Пожевский – В.А. Всеволожского, Уинский и Шермяитский –
С.С. Яковлева, Молебский – А.Г. Демидова, Катав-Ивановский и Архан-
гельский – Е.И. Козицкой, Юрюзань-Ивановский и Верхотворский –
А.И. Дурасовой, Симский и Богоявленский – И.И. Бекетовой, Белорецкий
и Воскресенский – Д.И. Пашковой, Златоустовский, Саткинский и Кусин-
ский – И.М. Лугина, Нязе-Петровский – И.Я. Хлебниковой, Благовещ-
енский – Н.П. Хлебникова, Верхнетроицкий, Нижнетроицкий, Усень-
Ивановский и Мешинский – И.П. Осокина, Преображенский – П.М. Гусят-
никова, Каноникольский – М.А. Мосоловой, Таишевский и Иштерьяков-
ский – Иноземцевых, Богословский – А.Г. Глазова и Варзино-Алексеев-
ский – Тевкелевых (всего 17 чугуноплавильных и 17 медеплавильных заво-
дов, составлявших 25 округов)².

Большинство владельцев не выразило несогласия с решением казенных
палат, и в течение всей первой половины XIX в. их заводы сохраняли пер-
воначально установленный статус. Исключение составили несколько за-
водчиков, по разным мотивам лично добивавшихся перевода заводов в
группу владельческих. Так, сразу после составления ведомостей оспорили
принадлежность своих заводов к первому отделению А.С. Строганов и
М.П. Губин. Действиями первого руководило чувство обиды, действиями
второго – стремление восстановить справедливость.

Граф А.С. Строганов доказывал, что Билимбаевский завод был постро-
ен на пожалованных его предкам землях, которые включали все течение
реки Чусовой «с устья и до вершины», а потому и должен считаться вла-
дельческим. Чиновники Горной экспедиции опровергали это утверждение,
ссылаясь на мнение Берг-коллегии от 1758 г., признавшей строгановскими
лишь земли по реке Чусовой с устья до притока – реки Межевой Утки. По-
скольку Билимбаевский завод располагался выше впадения Утки в Чусо-
вую, выходило, что леса и земли этого завода были казенными, а сам за-
вод – имеющим от казны пособие. Сенат, разбирая это затянувшееся дело,

в 1816 г. предложил признать Билимбаевский завод владельческим, но решение было отложено до окончания разбора в Государственном совете общего дела о землях Строгановых. В 1828 г. Николай I наконец утвердил границы строгановских владений по Чусовой только до Межевой Утки. В то же время он повелел министру финансов «в уважение к заслугам рода Строгановых» наделить их заводы, нуждавшиеся в лесах, «из казенных пустопорожных и казне не нужных земель». В 1830 г., через 34 года после начала разбирательства, решилась и участь Билимбаевского завода: его все-таки признали владельческим и исключили из посессионных. В 1832 г. генеральный землемер обмежевал заводскую дачу «в помещичье владение графини Строгановой»³.

В 1798 г. подал прошение о переводе Нижнеуфалейского завода в число владельческих московский именной гражданин М.П. Губин. Причиной причисления его завода к первому отделению послужило не предоставление казенных земель и лесов (завод отводов не имел, а был основан на землях, купленных и кортомленных у башкир прежними владельцами Мосоловыми), а наличие на заводе 176 ревизских душ вечноотданных. Ссылаясь на указы от 7 января и 12 ноября 1736 г. и 30 декабря 1755 г., заводоуправление настаивало, что эти люди отданы к заводу «яко в вечное владение» и за них были заплачены деньги, а потому и следует считать их «наравне с крепостными и купленными своими людьми». Чиновники Пермской горной экспедиции трактовали те же указы по-своему, считая, что в них «не сказано, чтоб таковых пришлых на заводы и фабрики, по платежу за них в казну денег, числить наравне с крепостными, а только, что для мастерств вечноотданными», а потому и сочли их «в числе казенных мастеровых казенным пособием».

В ходе начавшегося разбирательства выяснилось, что происхождение вечноотданных точно установить нельзя, поскольку все документы «были уничтожены Пугачевым», а сами мастеровые «не помнили своего родства». М.П. Губин обнаружил также непоследовательность действий властей, указав, что Нязе-Петровский, Златоустовские и Каноникольский заводы были зачислены во второе отделение, хотя, как и Уфалейский завод, прежде принадлежали Мосоловым и имели вечноотданных людей. В итоге 20 января 1802 г. последовал указ Сената не платить Уфалейскому заводу полуторную подать «впредь до окончания разбирательства», завершившегося много позже⁴.

К 1818 г., когда в Горном департаменте была подготовлена «записка о делах, оставленных решением до определения количества имеемых каждым заводом пособий и соразмерной тому подати», в ряду 18 таких предприятий числилось семь уральских. В их составе был уже упоминавшийся Уфалейский завод, а также Петрокаменский – наследников П.С. Яковлева, Варзино-Алексеевский – Тевкелевых, Златоустовский, находившийся в аренде у А.А. Кнауфа, Шурминский и Каноникольский – Мосоловых и Благовещенский завод А.П. Полторацкой⁵. У властей или владельцев относительно этих заводов возникли сомнения в правильности зачисления в то или иное отделение. Так, не действовавший с 1798 г. Варзино-Алексеевский за-

вод, первоначально зачисленный в группу владельческих, в 1805 г. был переведен Берг-коллегией в посессионные. Тогда выяснилось, что земли князей Аушевых, на которых он был построен, были даны им только в оброк. Окончательно дело решилось сенатским указом от 29 июля 1809 г., в соответствии с которым этот завод признавался уничтоженным, а его леса передавались в присмотр смежных казенных Камских заводов. Крепостные крестьяне в количестве 52 ревизских душ из татар числились при заводе до 1823 г., когда он был исключен из списка предприятий, подчиненных Пермскому Горному правлению⁶.

Златоустовский завод оказался в составе «неопределительных», видимо, в связи со сложной историей его владения на рубеже XVIII–XIX вв. В 1798 г. Златоустовский округ разорившегося И.М. Лугинина был продан А.А. Кнауфу, но уже через год сделка была аннулирована и по высочайшему повелению заводы поступили за казенные долги Государственному Ассигнационному банку. В 1800 г. Златоустовские заводы были возвращены А.А. Кнауфу «в бессрочную и потомственную аренду». Однако в 1811 г. договор с арендатором расторгли и заводы были утверждены за казной, что окончательно определило новый статус этих заводов на весь XIX в.

Посессионный статус Петрокаменского завода, очевидно, оспаривали владельцы, поскольку он был основан тогда, когда Яковлевы уже стали дворянами. Но для чиновников первостепенное значение имело лишь то, что завод был построен в пожалованных от казны дачах Невьянского завода. Сомнения во владельческом статусе Благовещенского завода появились у горных чиновников в связи с тем, что к руднику этого завода было приграничено место от никогда не действовавшего казенного Воскресенского завода. Решение по этому заводу, как и по заводам Мосоловых, у которых якобы имелись вечноотданные люди, принималось позже, в ходе кампании «по разбору прав заводчиков».

Несколько небольших посессионных заводов были ликвидированы в 1820–1830-е гг. по решению горных властей и с санкции Сената. Причиной тому стало «невозобновление» остановленного владельцами действия, как правило, по причине отсутствия у них денежных средств. В такой ситуации заводы выставлялись на публичные торги. Но, поскольку максимального срока бездействия завода, как и сроков для его описи и организации торгов, в первой половине XIX в. установлено не было, он постепенно приходил в упадок и разрушался. Покупателей на разоренное имение, как правило, не находилось, и властям ничего другого не оставалось, как санкционировать закрытие завода с исключением его из общего списка.

Так, небольшой Коринский медеплавильный завод елабужских мещан Красильниковых бездействовал с 1817 г. Неоднократные требования горных властей возобновить завод не имели успеха, не состоялись и объявленные на него публичные торги. Только в 1831 г. министр финансов представил в Сенат решение Горного совета «вместо продажи почать Коринский завод уничтоженным, земли передать в ведомство Вятской

казенной палаты, а дома и строения, принадлежащие завододержателям, а равно и две мельницы, предоставить сим последним с тем, чтобы они дома и строения снесли, а с земли, под мельницами состоящей, платили в казну подать». Заводских людей предлагалось перевести на казенные Златоустовские заводы. 28 марта 1832 г. Сенат утвердил это представление и предписал привести его в исполнение. «Упадок Коринского завода, – утверждалось в указе, – последовал по пресечению в некоторых рудниках руд и за неотысканием к добыче оных вольных работников, а главнейше от того, что бывший завододержатель оного, равно как и нынешние его наследники, не имели денег, нужных для оборотов заводских»⁷.

Не действовавший с 1805 г. Пыжманский завод казанских купцов Кобелевых был ликвидирован на основании сенатского указа 1823 г. Его рудники были переданы в ведение Пермского Горного правления, а земли – в Департамент государственных имуществ. Одна ревизская душа, числившаяся при этом заводе, в мае 1834 г. по решению суда была зачислена в мастеровые Воткинского завода⁸. Та же участь постигла в 1826 г. и Берсудский завод мамадышских мещан Маленковых⁹.

В 1824 г. отмечен прецедент по переводу владельческого завода в группу посессионных. Он касался Молебского завода, входившего в Суксунский округ Демидовых, остальные семь заводов которого считались посессионными. В том году «по случаю истечения срока кортомления ясачных земель» завод был присоединен к посессионным, но только, как считала заводская контора, «по землям, а не по людям, оставшимся по-прежнему на праве крепостном». Горное правление, однако, «исчислило население крепостным заводским». «При посессионных заводах не могут быть люди на крепостном владельческом праве», – таково было мнение горных чиновников, основанное на указе от 30 января 1800 г., предписавшего «всех тех заводчиков почитать имеющими от казны пособие, какое б оное ни было»¹⁰.

Следующий подобный случай произошел в 1830 г. с Белорецким заводом Пашковых. По росписи 1795 г. он вместе с другими заводами наследниц И.С. Мясникова был зачислен во второе отделение, где и оставался до 1830 г., платя «одинакую» подать. При рассмотрении затянувшегося дела о разделе наследства И.А. Пашкова обнаружилось, что еще в XVIII в. рудники (в частности гора Атача, или Магнитная) были отведены к Белорецкому заводу в казенных землях, а крепостных крестьян И.Б. Твердышев и И.С. Мясников покупали, не будучи дворянами. Допущенную более 30 лет назад ошибку в отношении этого завода «поспешили» исправить. Тогда же Пермскому и Московскому Горным правлениям было предписано «войти в рассмотрение всех частных заводов, которые считались не имеющими от казны пособий, и со всею точностию определить, все ли они действительно не имеют пособий, и сколь возможно поспешнее представить сведения в Горный департамент». Тем самым было положено начало масштабной и длительной кампании «по разбору прав заводчиков», развернувшейся в 1830–1850-е гг.

Кампания «по разбору прав заводчиков» 1830–1850-х гг.

По справке Пермского Горного правления, владельческими в 1830 г. оказались 36 чугуноплавильных и медеплавильных заводов (Лысьвенский, Бисертский и Юго-Камский – В.П. Полье, Архангело-Пашийский – Голицыных, Кусье-Александровский – В.П. Полье и Голицыных, Кыновский – Г.А. Строганова, Билимбаевский и Добрянский – С.В. Строгановой, Пожевский и Александровский – В.А. Всеволожского, Чермозский и Кизеловский – Лазаревых, Катав-Ивановский и Юрюзань-Ивановский – А.Г. Белосельской-Белозерской, Симский – И.П. Бекетова, Белорецкий – Пашковых, Уинский и Шермяитский – наследников С.С. Яковлева, Иштерковский и Таишевский – И.М. Ярцова, Мешинский, Усень-Ивановский, Верхнетроицкий и Нижнетроицкий – Г.И. Осокина, Нязе-Петровский – М.Л. Харитоновой и Е.Л. Зотовой, Нижнеуфалейский – К.М. Губина, Благовещенский – А.П. Полторацкой, Каноникольский – Ф.И. Мосолова, Воскресенский и Верхоторский – В.А. Пашкова, Архангельский – А.Г. Лаваль, Богоявленский – П.П. Бекетова, Преображенский – Гусятниковых, Архангельский – Красильниковых, Богословский – П.А. Глазова и Покровский – наследников И.С. Мясникова)¹¹.

15 октября 1830 г. стало, скорее всего, не самым приятным для владельцев этих предприятий. Горное правление потребовало от заводских контор «поспешнее представить подлинные акты, по которым построены заводы, и объяснить, от кого переходили из рук в руки, какими пользуются лесами, рудниками и землями». Как и следовало ожидать, «поспешнее» не получилось. Хотя, кроме А.И. Пашкова, о заводе которого было принято «определительное решение», никто из владельцев открыто не выразил недовольства, некоторые из них почувствовали шаткость своего положения. Так, неожиданно оказались под сомнением права графа Г.А. Строганова на Кыновский завод. Еще в 1805 г. этому заводу, испытывавшему недостаток в лесах, изъятых в свое время под казенное строительство, было разрешено пользоваться лесами из дач соседнего казенного Серебрянского завода, о чем в 1818 г. был даже выдан «владельный указ». Горное правление посчитало это достаточным основанием для перевода завода в группу имеющих от казны пособие. Но Сенат, рассматривавший дело, 13 января 1831 г. вынес решение считать Кыновский завод владельческим на основании резолюции императора 1828 г. о праве владения Строгановыми землями по Чусовой. Кыновский завод располагался ниже реки Межевой Утки, как уже упоминалось, признанной тогда верхней границей строгановских владений¹².

Не очень уверенно (и не без оснований) почувствовала себя княгиня А.Г. Белосельская-Белозерская в правах на Катав-Ивановские и Юрюзань-Ивановские заводы, основанные ее предками – не дворянами. Пытаясь отвести угрозу, но не найдя более серьезных аргументов, одна из богатейших уральских заводчиц жаловалась в Горный департамент, что подати, «взносимые с заводов... огромны и несоразмерны ни с какими повинностями». Это, считала она, «дает право надеяться, что подать не будет Всемилостивейшим нашим Государем увеличена, ежели Департамент не упустит пред-

ставить Его Императорскому Величеству в настоящем виде положение частных заводчиков при нынешней ежегодно упадающей коммерции»¹³.

Сумел отвести опасность от своих заводов и виновник всего дела А.И. Пашков, совладелец и управляющий Белорецкого округа. Получив придворный чин егермейстера, он тут же обратился с жалобой к царю. 18 июня 1831 г. Сенат приостановил свое прежнее решение о сборе полуторной подати с Белорецких заводов «впредь до нового рассмотрения». Из-за разногласий сенаторов дело перешло в Государственный совет, который 16 марта 1834 г. положил оставить эти заводы «в числе не имеющих пособия от казны и полуторной податью не облагать». Аргументами для такого решения стали «давность устройства заводов и постоянное действие их в продолжении более 80 лет собственными способами владельцев», отдаленность рудников и их расположение «вне охранительной линии», отчего добыча и перевозка руды были сопряжены со значительными издержками, и даже «общая польза государству от усиления горного промысла». Решающим для оставления заводов Пашковых в составе владельческих оказалось то обстоятельство, что отводные земли под рудники располагались в «Киргизкайсацкой степи» и не принадлежали казне, что прежде признавалось главным мотивом перечисления. Возможно, сыграло свою роль в принятии важного для А.И. Пашкова решения и то, что представлял это дело в Сенате не кто иной, как министр юстиции Д.В. Дашков, муж его двоюродной сестры Е.В. Дашковой¹⁴.

Эти обстоятельства и многие другие причины надолго затянули окончание разбора прав. Только 28 августа 1835 г. уральский берг-инспектор Д.С. Меньшенин рапортовал, что в Горном правлении заканчивается составление докладной записки по этому делу. «Сначала акты требовались от заводских контор или от самих заводчиков, а из них многие требования сего не удовлетворили по случаю утраты актов, – объяснял он причины столь длительной задержки. – От этого произошла переписка с теми местами, от коих в прежнее время зависело построение заводов... Поелику большая часть заводов построены за 50 лет и раньше, а существующие в то время заведывавшие горной частью присутственные места уничтожены, дела же их хранятся в разных архивах, и потому об одном заводе документы отыскивались в трех разных местах, от этого справки делались и доставлялись сведения весьма медленно. Потом надлежало сии документы и сведения рассмотреть о каждом заводе порознь, дополнив их справками из дел Горного правления или вновь требовать пояснений от разных мест и лиц»¹⁵.

В результате проведенного в Уральском Горном правлении следствия претендентами на перевод в группу посессионных (в соответствии с запиской, составленной 14 июля 1836 г.) были признаны всего 5 из 35 чугуно- и медеплавильных владельческих заводов (из первоначального списка был исключен Покровский завод, который уже никто не помнил когда был разорен – «то ли в замешательство башкирцев Оренбургского края, то ли во время нашествия Пугачева»). Ими оказались Нязе-Петровский завод наследниц Л.И. Расторгуева, Нижнеуфалейский – К.М. Губина, Преображенский – Гусятниковых и Уинский и Шермяитский заводы наследников

С.С. Яковлева. Главным основанием к такому заключению для первых трех заводов послужил недворянский статус их основателей и нынешних владельцев (завод Гусятниковых – до 1816 г.). Последние два завода, как оказалось, были построены на кортомленных у татар землях, которые по указу от 17 июля 1807 г., подтвержденному 19 мая 1822 г., были признаны государственными¹⁶.

В сентябре 1836 г. записка о деле была представлена в Министерство финансов и направлена для экспертизы в Совет Корпуса горных инженеров. Высшее горное начальство не удовлетворилось результатами дела, решив, что Горное правление поторопилось с выводами и не учло некоторых важных законов. Целых восемь лет прошло, прежде чем Совет в 1844 г. вынес заключение, которое существенно отличалось от прежнего. В основу его были положены акты от 16 марта 1798 г. (переход заводов новому владельцу разрешался лишь с обязательством содержать их «на том же основании») и 25 июня 1811 г. (признал пособием от казны право не дворянам владеть крепостными заводскими людьми). Кроме того, члены Совета усомнились в достоверности некоторых сведений, полученных ранее от заводчиков.

В результате только 12 заводов (Кусье-Александровский – В.П. Бутеро-Родали и Голицыных, Лысьвенский, Бисертский и Юго-Камский – В.П. Бутеро-Родали, Кыновский – Г.А. Строганова, Билимбаевский и Добрянский – С.В. Строгановой, Пожевский и Александровский – Всеволожских, Чермозский и Кизеловский – Лазаревых, Усень-Ивановский – Д.Е. Бенардаки) были безоговорочно оставлены в группе владельческих. К пяти заводам, отнесенным Горным правлением к группе посессионных, был добавлен еще Мешинский завод Г.И. Осокина как пользующийся казенными землями и рудниками. Министр финансов приказал полуторную горную подать взysкивать с них «во избежание затруднительных расчетов» с 1844 г. О 15 заводах посчитали необходимым собрать дополнительные сведения. В числе последних оказались девять заводов наследников И.С. Мясникова (Катав-Ивановский – А.Г. Белосельской, Юрюзань-Ивановский – Е.А. Сухозанет, Симский – Балашевых, Белорецкий, Воскресенский, Верхоторский и Богоявленский – Пашковых, Архангельский – А.Г. Лаваль, Благовещенский – Е.В. Дашковой), а также Каноникольский завод Ф.И. Мосолова, Верхнетроицкий и Нижнетроицкий – Д.Е. Бенардаки и Иштеряковский и Таишевский – И.М. Ярцова. В состав «неопределительных» неожиданно попал и Архангело-Пашийский завод Голицыных. Богословский завод П.А. Глазова к тому времени выбыл из числа медеплавильных предприятий и потому не был включен в записку Совета Корпуса горных инженеров¹⁷. Не оказалось там и Архангельского (Шаранского) завода мещан Красильниковых. По сенатскому указу от 10 августа 1836 г. этот не действовавший уже 40 лет завод был признан уничтоженным. Его «строения и заведения» разрешалось продать с публичного торга «под своз», а заводских крестьян на праве посессионном предложено купить другим заводчикам «на своз с земли, ими ныне занимаемой», которая возвращалась башкирам. В 1839 г. Совет Корпуса горных инженеров разре-

шил исключить из оброка четыре числившиеся при этом заводе и уже давно разрушенные медеплавильные печи¹⁸.

После этого постановления начался второй этап кампании по разбору прав заводчиков, продолжавшийся до 1852 г. Вновь очень неохотно и неторопливо отвечали они на очередной запрос Горного правления. В сентябре 1846 г. главный начальник В.А. Глинка, курировавший дело, доносил, что хотя в течение трех лет собирались справки, ни об одном из заводов не сделано до сих пор «полного, ясного и несомнительного дознания». К сбору информации на этот раз были привлечены заводские исправники, которые «многократно обращались в заводские конторы с требованием о доставлении актов». Тем не менее, как сообщал тот же В.А. Глинка в марте 1847 г., «ни одним заводом не было представлено положительных документальных доказательств, а только поступления от некоторых владельцев или от контор их объяснительные отзывы, не подкрепленные достоверными актами»¹⁹. Большинство владельцев, видимо, решило как можно дольше сохранять выжидательную позицию.

Довольно оригинально поступили Голицыны, явно шокированные сомнениями по поводу статуса их Архангело-Пашийского завода, основанного Строгановыми на вотчинных землях. Они прислали в Горное правление ревизские сказки 1795 г. и книгу Н.Г. Устрялова «Именитые люди Строгановы», считая, что это вполне может разъяснить нелепую, как им представлялось, ситуацию. Но поступок Голицыных не был понят. Горные чиновники отослали обратно «помянутые документы» и вновь потребовали составить полные сведения о крепостных людях. Тогда-то и выяснилось, что в недоразумении виновато Нытвенское заводоуправление Голицыных, которое в присланных ранее ведомостях разделило крепостных крестьян так, как было принято в вотчинной документации, – на «заводских» (т. е. тех, кто работал на заводах) и «вотчинных» (т. е. тех, кто был занят в сельском хозяйстве). Горное правление, обнаружив «заводских крепостных», решило, что это люди, купленные по «разрешительным указам», и усомнилось во владельческом статусе Архангело-Пашийского завода. Когда же, наконец, в 1847 г. были представлены жалованные грамоты Строгановым и другие документы, подтвердившие вотчинные права владельцев, все окончательно разъяснилось и Голицыных оставили в покое²⁰.

В отношении Троицких заводов Д.Е. Бенардаки оказалось, что, кроме купленных еще прежними владельцами Осокиными, там находились отводные казенные земли, в 1820 г. признанные «заводской собственностью». Возникшая угроза перевода заводов в группу посессионных была предотвращена решением 1830 г. отмежевать к ним только владельческие земли «в дворянскую собственность заводчика». Но ко времени разбора прав была размежевана дача одного Усень-Ивановского завода, который и был безоговорочно признан владельческим. Другие два завода Троицкого округа подтвердили свой прежний статус уже в ходе проводившейся кампании, когда, видимо, было завершено межевание принадлежавших им земель, и инцидент был исчерпан²¹.

Неожиданный отзыв поступил от А.И. Пашкова, совладельца Белорецких заводов, который вновь должен был доказывать, что по праву считается полным их собственником. «Копии с раздельных актов я представить не могу, – сообщал он в сентябре 1844 г., – потому что за приобретенных людей из разных мест, малыми партиями и много по одному семейству купчих... такое множество, что для снятия с оных копий нужно несколько месяцев с огромным расходом на гербовую бумагу и на свидетельство оных, для какового расхода за неполучением никаких доходов с Белорецкого завода со времени взятия оного в опеку в виде секвестра (с 1840 г. – *Е.Н.*), я не имею при себе нужного количества денег». В июле 1848 г. по ходатайству В.А. Глинка министр финансов сжалился над незадачливым владельцем и разрешил ему представить нужные документы «на простой бумаге». На это А.И. Пашков отозвался, что и писцов он дополнительно нанять не в состоянии. Когда же ему напомнили, что Сенат распорядился выдавать Пашковым по 6 тыс. руб. в год, заводчик заявил, что «назначение это сделано на содержание моего семейства и меня, а отнюдь не для дел Белорецких заводов»²².

Наиболее основательные протесты, с содержанием которых было отчасти согласно и Горное правление, поступили от М.В. Пашкова, совладельца Воскресенского, Верхоторского и Богоявленского и владельца Преображенского (купленного в 1838 г. у Гусятниковых) заводов. Основываясь «на точном духе законодательства», он утверждал, что не существовало правил, согласно которым следовало бы включать в группу посессионных заводы, купленные дворянами у не дворян, и не имевшие вещественных от казны пособий. Совет Корпуса горных инженеров, по его мнению, слишком широко трактовал указ от 16 марта 1798 г., тогда как в нем говорилось только о том, что на нового владельца налагались дополнительные ограничения в содержании завода, но не в платеже горной подати. М.В. Пашков также полагал, что не следовало «ослаблять коренные преимущества дворян» тем, что когда-то приобретенные ими крепостные «находились в руках лиц, не имеющих общего на них права». «Покупка людей к заводам, – считал он, – не уничтожает их крепостного состояния и не сообщает им никаких новых льгот, когда они поступают во дворянское владение»²³.

Таким образом, обоснованные и необоснованные аргументы владельцев грозили вновь затянуть дело. В Уральском Горном правлении было принято решение ускорить сбор сведений и установить крайний срок их подачи. 1 октября 1848 г. министр финансов санкционировал предложение В.А. Глинка предоставить заводчикам для этого один год. «Если не доставят документы, – угрожал тот, – то заводы их будут обложены полуторной податью». Угроза подействовала лишь на некоторых заводчиков. Более того, А.Г. Лаваль, А.В. и И.В. Пашковы, поставленные в безвыходную ситуацию, поскольку требуемые от них акты на покупку крестьян были утрачены, подали жалобы в Сенат. «Предварение главного начальника, – писали Пашковы, – является средством понудить заводовладельцев произвольным, так как русские законы, охраняя свято права каждого, не устанавливают ни подобных мер понуждения, ни подобных мер взыскания». К тому же, счита-

ли они, дело о правах заводчиков после решения 1834 г. о Белорецком заводе вообще утратило всякий смысл. «Горному правлению уже не следовало при собрании сведений о правах прочих заводчиков почитать в отношении сих последних пособием от казны то, что заводы эти имеют крестьян, купленных к ним основателями на праве заводчиков – не дворян», – утверждали Пашковы. Е.А. Сухозанет, защищавшая владельческий статус Юрюзанских заводов, к этим рассуждениям своих родственников добавила, что положение 1811 г., утвердившее правовое пособие, не являлось законом, но даже если бы и было таковым, то не имело обратной силы²⁴.

Между тем приближался назначенный для предоставления документов «последний срок». Однако когда 2 декабря 1849 г. В.А. Глинка предложил Горному правлению составить «подробные соображения, какую подать, полуторную или одинакую, должны платить все те 15 частных заводов, о которых в 1843 г. предписано было бывшим министром финансов собрать сведения», то получил ответ, что «никто из заводчиков к 1 октября не доставил затребованных сведений». Забыв о своих прежних угрозах и ограничившись имевшимися в распоряжении Горного правления материалами, главный начальник отослал министру финансов свои собственные «соображения». От министра дело поступило в Государственный совет, который 27 ноября 1850 г. передал его на рассмотрение Общего собрания Правительствующего сената. Туда же были направлены упоминавшиеся прошения Пашковых и Е.А. Сухозанет, а также наследников С.С. Яковлева, недовольных зачислением Уинских заводов в разряд посессионных. Доводы заводчиков были приняты во внимание. Сенат нашел, что «в узаконениях нет ни одного, которым бы устанавливалась полуторная подать с заводов не дворян, не получающих от казны вещественных пособий». «Горные заводы, как состоящие ныне во владении дворян, так и не дворян, если они не получают от казны какого-либо вещественного пособия и не платили доселе полуторной подати, – решили сенаторы, – следует оставить в разряде владельческих, не облагая их полуторной податью». Государственный совет 24 мая 1852 г. утвердил это заключение как «правильное и на точном разуме действующих законоположений основанное». Таким образом, дозволение не дворянам владеть крепостными заводскими людьми было отделено от вещественных от казны пособий, за которые начислялась повышенная подать. Заводчики восприняли это как отмену правового пособия. Но вопрос о распространении на такие заводы посессионных ограничений в части «управления людьми, перешедшими от не дворян к дворянам», тогда не затрагивался и был передан «на разрешение в порядке законодательном»²⁵.

Тем не менее высочайше утвержденное мнение Государственного совета не могло не отразиться на судьбе заводов. 22 сентября 1852 г. в Уральском Горном правлении была составлена новая записка. Все 15 заводов, по которым проводился разбор прав с 1844 г., были окончательно признаны «не имеющими пособий от казны», за исключением Иштерьяковского и Таишевского заводов, незадолго до этого уничтоженных владельцами с разрешения Горного департамента. Попутно решился поднятый владельцами вопрос о статусе трех Рождественских заводов М.Д. Демидовой, двух Сара-

нинских – Компании Кнауфских заводов и Камбарского и Шаквинского – Товарищества Суксунских заводов. Хотя с этих железоделательных заводов податей не брали вовсе, владельцы рассчитывали в случае изменения их статуса получить больше прав на крепостных, которыми они могли бы распоряжаться «во всем пространстве прав полной собственности». Горные власти без особого сопротивления подтвердили неограниченные права владельцев на Рождественские и Саранинские заводы²⁶. Вопрос о двух заводах Суксунского округа оказался более сложным.

После перечисления в состав посессионных Молебского завода Демидовы через своего управляющего предприняли в 1841 г. попытку «к отысканию владельческих прав» на Камбарский и Шаквинский заводы. Владельцы затеяли это дело, чтобы получить возможность избавиться от «большого излишка в людях», который, по их уверениям, сложился в Суксунском округе. Однако в Уральском Горном правлении посчитали, что предоставленные заводоуправлением договоры на покупку земель у татар не могут служить веским основанием для пересмотра вопроса о статусе заводов. Дело было направлено в суд, который в 1845 г. все-таки признал «помещичье право на купленные у татар Демидовым земли». Тем не менее Горное правление согласилось определить владельческим только Камбарский завод, а рассмотрение прав Шаквинского завода, о людях которого были представлены не купчие крепости, а ревизские сказки, приостановило до решения Горного департамента и Сената. Решение это так и не было окончательно принято к 1861 г.²⁷

Вопрос о шести заводах, ранее признанных кандидатами на перечисление в группу посессионных, в 1852 г. был оставлен Уральским Горным правлением на рассмотрение высшего начальства. Большинство их владельцев, основываясь на новых узаконениях, предприняло шаги к недопущению этого перечисления. Отныне Горное правление занялось определением их судьбы, что составило содержание третьего этапа кампании по разбору прав заводчиков.

По аналогии с другими заводами наследников И.С. Мясникова, пришлось сразу же признать владельческим Преображенский завод, возвращенный покупкой в дворянскую собственность потомками основателей. Посессионным оставили Мешинский завод Г.И. Осокина, который к тому же в 1848 г., после продажи купцу А.И. Коровину, вышел из дворянского владения. Этот завод уже с 1839 г. платил полуторную подать, хотя Сенат на тот момент не утвердил принятого Горным правлением решения. Был вновь поднят вопрос о статусе временно восстановленного Богословского медеплавильного завода, купленного в 1834 г. П.И. Шелашниковым у П.А. Глазова. В 1852 г. Горный совет признал его посессионным, несмотря на то что как бывшие, так и нынешние его владельцы являлись дворянами. Но Шелашниковы не протестовали, поскольку сами не знали, на каком праве, заводском или владельческом, состояли купленные прежними владельцами крепостные. Из двух медных заводов наследников С.С. Яковлева, Уинского и Шермяитского, постановлением Горного правления от 28 января 1853 г. первый был признан посессионным «за уничтожением вотчинных прав продавателей (татар. –

Е.Н.», а второй «присужден во владение помещичье». 7 июня 1853 г. Нижнеуфалейский завод наследников К.М. Губина был окончательно признан «подлежащим платежу одинакой подати». 5 августа в группу владельческих были переведены Верхнеуфалейский и Суховязский заводы, входившие в один округ с Нижнеуфалейским. Наконец, 6 февраля 1857 г. последний претендент на перевод в группу посессионных – Нязе-Петровский завод М.Л. Харитоновой и Е.Л. Зотовой, где так и «не открылось казенных людей», был признан владельческим²⁸.

Итогом многолетних усилий горных властей по разбору прав заводчиков стало перечисление в группу посессионных всего трех небольших медеплавильных заводов: Мешинского – А.И. Коровина, Уинского – наследников С.С. Яковлева и Богословского – В.П. Шелашникова. Ход кампании подтверждает значимость как для заводчиков, так и для казны статусной принадлежности заводов. Заводчики, особенно вотчинники, активно отстаивали владельческий статус своих заводов, опасаясь распространения на них «казенной опеки» и повышенной горной подати. Посессионеры были в меру активны, поскольку им труднее было представить веские доказательства для перечисления заводов. Если же такая возможность возникала, они проявляли не меньшую настойчивость и добивались изменения статуса, – если не для всего округа, то хотя бы для отдельных заводов. Это говорит о значимости для них освобождения не только от повышенной подати (с перечисленных во владельческие железоделательных заводов подати не собирались), но и от посессионных ограничений в распоряжении природными и социальными ресурсами.

Мотивом действий казны в ходе этой кампании было установление своих «законных прав» на посессионные имения и связанное с этим поступление повышенной горной подати в бюджет государства. Напомним, что Горный департамент в то время относился к финансовому ведомству страны, отвечавшему за состояние бюджета. Не случайно специалист по истории российского промышленного законодательства Л.М. Нисселович называл горнозаводскую промышленность «доходной статьей государства» в отличие от фабрично-заводской, которая признавалась «исключительным достоянием народа»²⁹. Более того, «капитальная» часть горных податей шла тогда на финансирование казенной горнозаводской промышленности, работавшей на оборону³⁰. В условиях фактически перманентного военного положения России в первой половине XIX в. поступление горных податей становилось вопросом национальной безопасности. Этим можно объяснить и характерное для того времени усиленное внимание казны к совершенствованию системы санкций за податные недоимки. Судя по минимальным результатам кампании по разбору прав заводчиков, казна не много выиграла от пополнения группы посессионных округов тремя маломощными заводами. Однако ей удалось сохранить общий баланс владельческих и посессионных округов в течение всей первой половины XIX в.

По нашим подсчетам (см. прил. 6), в 1800 г. из 48 горнозаводских округов 23 (48%) считались владельческими, 23 (48%) – посессионными и 2 (4%) имели в своем составе заводы обоих статусов. Из 42 округов накану-

не реформы 1861 г. 19 (45%) числились владельческими, 17 (41%) – посессионными и 6 (14%) имели двойной статус. Сокращение (на 7%) доли посессионных округов стало результатом ликвидации четырех хозяйств (Архангельско-Шаранского, Берсудского, Пыжманского и Коринского заводов) и переходом четырех (Ревдинско-Рождественского, Кыштымского со слившимся с ним Нязе-Петровским, Юговского и Сергинско-Уфалейского округов) в группу с двойным статусом. В то же время к посессионным присоединилось одно новое хозяйство (Святочудовский завод, основанный в 1856 г.) и два (Мешинский и Богословский заводы) были переведены из группы владельческих заводов. Кроме этих двух заводов два хозяйства (Нязе-Петровский и Уинские заводы) перешли из группы владельческих в группу со смешанным статусом, а два (Варзино-Алексеевский и Таишевский заводы) были ликвидированы. Владелецкий статус вернул себе Билимбаевский завод. Появился новый Никитинский округ, выделившийся из Пожевского.

Более других пополнилась группа хозяйств с двойным статусом, которая включила в свой состав еще пять округов (к Суксунскому добавились Ревдинско-Рождественский, Кыштымский, Уинский, Юговский и Сергинско-Уфалейский) и утратила один (Билимбаевский). Но три округа этой группы (Суксунский, Ревдинско-Рождественский и Юговский) платили полоторную подать за весь выплавленный металл, поскольку статус владельческих имели там только «передельные» предприятия. Поэтому если их отнести к группе посессионных хозяйств, то ее доля сразу возрастет до 48% и превысит долю владельческих округов. Таким образом, к 1861 г. в статусном составе горнозаводских округов Урала серьезных изменений, как и существенных сдвигов в отношении государства к посессионному праву в горнозаводской промышленности, не произошло.

¹ ПСЗ–II. Т. 23. № 17225; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 67 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698 а. Л. 9–12 об., 168–175.

³ Там же. Оп. 23. Д. 6998. Л. 26, 67–68 об.; Д. 5056. Л. 2, 429, 762–785.

⁴ Там же. Д. 6998. Л. 78, 272–284 об.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 96–116.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7176. Л. 8–9.

⁷ Там же. Л. 151–156, 168–169.

⁸ Там же. Л. 216–217, 247–247 об., 320–323, 330–331, 357.

⁹ Там же. Д. 649. Л. 3, 15–22, 169.

¹⁰ Там же. Оп. 32. Д. 4561. Л. 1 об.–2; Д. 1613. Л. 78.

¹¹ Там же. Оп. 23. Д. 7236. Л. 6–7.

¹² Там же. Л. 122–123 об.

¹³ Там же. Л. 147–148.

¹⁴ Там же. Л. 2–5, 407, 639–642; Д. 7238. Л. 354, 580; ПСЗ–II. Т. 27. № 26505.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 696.

¹⁶ Там же. Л. 698–743.

¹⁷ Там же. Л. 1–8.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 22; Д. 609. Л. 17–19.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 153–162, 221–224.

²⁰ Там же. Л. 255, 338.

²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 17, 19–20 об., 22–24.

²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 354–356, 360, 575, 727, 737.

²³ Там же. Л. 26–29, 260.

²⁴ Там же. Л. 495–496, 584, 643, 740–746.

²⁵ Там же. Л. 754, 865–868, 870–871; ПСЗ-II. Т. 27. № 26505.

²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 873–906 об.

²⁷ Там же. Оп. 32. Д. 4561. Л. 1 об.–2, 10, 170.

²⁸ Там же. Оп. 23. Д. 7238. Л. 907–928, 968–970, 984–986, 1003, 1035; Оп. 32. Д. 4081; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 811. Л. 1–6.

²⁹ *Нисселович Л.М.* История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. 2. СПб., 1884. С. 3.

³⁰ *Грамматчиков В.А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870. С. 235.

Глава II

«ПОСЕССИОННАЯ ПРОБЛЕМА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Полемика и решения пореформенного периода

К середине XIX в. «практики заводского дела» начали уже открыто критиковать «существующие в законах ограничения для заводов, некогда получивших от казны пособие в лесах и землях». Причинами тому были усиление «казенной опеки» со стороны горного управления, продемонстрированное как раз в то время, когда во многих округах стал заметно набирать обороты технический прогресс, а также совпавшее с ним общее ухудшение финансовой ситуации в горнозаводской промышленности.

Сложившуюся на рубеже 1850–1860-х гг. экономическую обстановку полно охарактеризовал в одной из своих многочисленных записок все тот же Д.А. Огородзинский. «Первые денежные затруднения посессионных заводов относятся ко времени Восточной войны, – сообщал он. – Для пополнения армии производились тогда усиленные наборы. Посессионные заводы обязаны были отправлять рекрутскую повинность не натурой, а деньгами, платя по 300 руб. сер. за рекрута. При многочисленности заводского населения пришлось в течение трех лет (до 1855 г., когда было разрешено поставлять рекрутов «натурой». – *Е.Н.*) уплатить значительные суммы. Извлечение этих сумм из оборотного капитала неблагоприятно подействовало на финансовое положение заводов. В то же время по причине войны вся вообще торговля шла неудовлетворительно и цены металлов понизились на рынках. Непосредственно за этим последовало закрытие кредитных установлений, выдававших ссуды на продолжительные сроки (в 1859 г. деятельность всей казенной кредитной системы была приостановлена ввиду предстоящей реформы. – *Е.Н.*), и некоторые заводчики не могли уже довольствоваться одними краткосрочными ссудами, полученными из Екатеринбургской банковской конторы под залог металлов, и были вынуждены обратиться или к частному кредиту, или к запорядке вперед не выделанных еще металлов на невыгодных условиях. Одновременно с этим случилась в 1858 г. небывалая прежде дороговизна хлеба. Цена провианта, которая в прежние 20–30 лет не превышала 20 коп. на пуд, выросла до 60 коп. В последовавшие затем годы 1859, 1860 и 1861 хлеб сделался еще дороже. Пропорционально провианту повысились и цены на овес, а вследствие этого непомерно вздорожали перевозки».

В таком положении застала заводы реформа 1861 г., сопровождавшаяся переходом «от старого к новому, основанному на вольном труде экономическому порядку». Заводчики, полагал Д.А. Огородзинский, еще «почувствуют не в далеком будущем благотворное влияние свободного труда». Для них, уверял он, «тягостна не потеря крепостного права, а расплата за него» в виде больших накладных расходов, «завещанных им крепостным правом» и связанных с содержанием обширной социальной инфраструктуры округов. Кроме того, перед реформой вследствие дороговизны провианта установились высокие заработные платы. Так, поденщина простого чернорабочего возросла с 12–15 до 30–40 коп. сер. В результате металлы стали обходиться на 60 и 80% дороже прежнего, и «заводы, выделяющие одно только железо... не приносили никакой прибыли, а некоторые действовали прямо в убыток». По подсчетам уполномоченного, кричное полосовое и сортовое железо обходилось заводам с перевозкой не ниже 1,3 руб., а листовое кровельное – дороже 2,3 руб. за пуд, в то время как на Нижегородской ярмарке можно было продать первое не выше 1,4 руб., а второе – 2,4–2,5 руб. за пуд. Такая «несообразность между заводскими и рыночными ценами на железо происходила отчасти от того, – полагал он, – что в самое трудное для заводов время, в 1859 г., понижена была ввозная пошлина на иностранное железо, и с тех пор постоянно возрастающий ввоз английского железа, приготовленного на ископаемом горючем материале, подрывает цены нашего железа, приготовленного на древесном угле». Другая причина низких цен на железо заключалась в том, что «некоторые бедствующие уральские заводы вынуждены бывали продавать свои изделия слишком дешево, чем и подрывали вообще продажные цены». С увеличением заводских расходов потребовалось и увеличение оборотных капиталов, для приобретения которых оставалось только одно средство – получение ссуд из Государственного банка. Но, констатировал Д.А. Огородзинский, «в последнее время самые правила выдачи ссуд изменились не в пользу заводчиков». Новые правила выдачи краткосрочных ссуд под металлы увеличили с 6 до 8 взимаемый в пользу банка процент, что было сопряжено «с большим, чем прежде, обременением заводского бюджета»¹.

Вследствие всех этих причин посессионные заводы пришли «в безобразное положение». Некоторые из них оказались даже не в состоянии собственными силами продолжать заводское действие. По официальным данным, «вследствие затруднительности положения» 12 горнозаводским округам ссуды из казны были выданы преимущественно на заготовление провианта. Суксунские, Кнауфские, Шурминско-Залазинские, Сергинско-Уфалейские и Сысертские заводы взяты во временное казенное управление. Многим заводам были рассрочены платежи по ссудам из Екатеринбургской банковской конторы «с освобождением металлов от секвестра и с переводом рассроченного долга на Государственное казначейство под обеспечение заводов со всеми их землями и имуществом»². Чтобы выйти из такого положения требовалось провести «коренные в заводском хозяйстве преобразования», но для этого, по мнению Д.А. Огородзинского, «нужны заводчикам экономическая свобода и капиталы». «Экономической свободой завод-

чики пользуются не вполне, – констатировал он, – они не могут ни увеличивать, ни уменьшать заводского действия без особых разрешений, а разрешения эти, как известно из примеров прежнего времени, получаются очень не скоро. Что же касается до преобразований, требующих наличных капиталов, то со стороны заводчиков неосторожно было бы жертвовать этими капиталами до тех пор, пока они не будут обеспечены в прочности и неприкосновенности прав своего владения».

Резюмируя свои наблюдения, уполномоченный посессионеров Яковлевых приходил к заключению, что «заводчиков никак нельзя считать виновниками претерпеваемого горной промышленностью кризиса... который был создан длительным рядом следовавших одно за другим неблагоприятных для горной промышленности условий». Хотя раздавались голоса, что часть вины лежит и на заводчиках, которые «не умели воспользоваться временем и обстоятельствами, когда им была полная возможность увеличивать свой оборотный капитал и расширять производство», тем не менее общественное мнение в первые пореформенные годы однозначно совпало в том, что заводчикам «необходимо помочь законодательно». Как полагал Д.А. Огородзинский, «улучшить положение посессионных заводов можно было следующими путями: 1) предоставлением им большей экономической свободы; 2) упрочением прав владения; 3) облегчением в податях»³. Все это вместе взятое однозначно сводилось к требованию ликвидации посессионного права.

Этот вопрос стал одним из главных в деятельности образованной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава (ее кратко называли Горной комиссией), куда он был направлен для рассмотрения в 1863 г. Незадолго до этого и, особенно, во время работы комиссии в прессе и специальной литературе развернулась дискуссия о сущности посессионного права. Отсутствие в законах четкого определения этого права затрудняло решение вопроса о судьбе посессий. Тот же Д.А. Огородзинский, следивший за работой комиссии, писал: «При первом приступе к обсуждению статей проекта Горного устава, относящихся до частной горной промышленности на праве посессионном, представляется сам собою вопрос: что такое посессионное право, т. е. в чем именно состоит существо его, отличается ли оно от права полной собственности, и если отличается, то какими свойствами? Всякому владельцу, желающему действовать сознательно и рационально, необходимо знать прежде всего права свои, быть уверенным в их ненарушимости. Поэтому для посессионных заводчиков весьма важно, чтобы новый Горный устав выяснил с точностью юридическое значение посессий и, определив положительно как права заводчиков, так и обязанности их в отношении к государству, обеспечил бы прочным образом неприкосновенность их собственности».

Но знакомство с предварительным проектом устава дало ему основания утверждать, что и там «существо и значение посессионного права нигде не определено на основании юридических данных». Мало того, проект признавал «все без изъятия посессионные земли и леса казенными» и многие статьи его были «сочинены в таком духе, как если бы отошедшие к посессион-

ным заводчикам дачи составляли полную собственность казны, не ограниченную никаким посторонним участием». Такой взгляд на горнозаводскую посессию автор цитируемой записки назвал «не безошибочным ни с исторической, ни с юридической точек зрения».

Проследив, по его собственному выражению, «все фазы нашего законодательства по отношению к частной горной промышленности», Д.А. Огородзинский пришел к заключению, что «посессионные заводчики... владеют заводами со всеми к ним принадлежностями, включая и отданные казною к заводам земли и леса; что они платят за все пространства земель и лесов поземельную подать, а в случае постороннего посягательства на какую-либо часть принадлежащего их заводам имущества имеют право непосредственно искать судебной защиты; что заводчики пользуются заводскими имуществами и получаемые с них доходы употребляют по своему усмотрению; что они же распоряжаются этими имениями: продают их, закладывают, отдают в аренду и т. п. и, наконец, что в лице заводчиков владение, пользование и распоряжение соединены с укреплением имущества». Таким образом, утверждал он, «в горнозаводских посессиях мы находим все составные части, из которых слагается право собственности... Напротив, казна по отношению к дачам посессионным не имеет ни одного из этих прав, главнейше характеризующих собственность... Но, с другой стороны, посессионные заводчики отличаются от полных собственников тем, что владение данными от казны землями и лесами обусловлено для них обязанностью производить заводское действие; что пользование этими землями и лесами сопряжено с платежом горной подати в высшем размере против заводов, состоящих на праве собственности, и что в отношении распоряжения посессионными имениями поставлены определенные правила, которые хотя и не нарушают в существе право собственности заводчиков, но ограничивают, в известных случаях, свободу их действий. Следовательно, горнозаводская посессия есть право частной собственности не полное, а ограниченное двумя существенными условиями: а) производством заводского действия и б) платежом в казну усиленной подати. Такое основанное на историческом и юридическом исследовании определение посессионного права, – считал Д.А. Огородзинский, – вполне согласуется и с установленной в науке гражданского права теорией, что горнозаводская посессия составляет один из видов ограниченной собственности»⁴.

Понятно, что это мнение, отразившее позицию посессионеров, оказалось далеко не единственным. Противоположную точку зрения отстаивал эксперт Корпуса горных инженеров подполковник Н.И. Михайлов. «Действительно, – утверждал он в своих статьях и записках, – в отделе гражданских законов о праве владения вовсе не упоминается о посессионном праве. Несмотря на то, сторонники идеи частной собственности в посессии прилагают к ним определения законов о правах собственности и, таким образом, удаляясь от разъяснения существа этого права, отыскивают в способе пользования ими права собственности... Я вывожу заключение, что посессионное право есть право на производство горного промысла в землях, отведенных для сего от казны к заводам частных лиц. Право это обнимает собою:

1) владение рудниками, содержащими тот металл, для выделки которого заведен был завод, и золотые прииски; 2) пользование лесами, к заводу отведенными, на основании постановленных для сего правил; 3) взимание подати в пользу заводовладельцев за поземельный надел крестьян на основании Положений 19 февраля 1861 г. Существование этого права обуславливается: 1) обязательством производить и поддерживать горнозаводское действие; 2) ограничениями в распоряжении недвижимым заводским имуществом; 3) обязательством правильно и в соразмерности с действием завода разрабатывать рудники; 4) правом посторонних лиц на руды всех прочих металлов, кроме того, для выплавки или выделки которого устроен завод, и золота, так как эти руды принадлежат казне; 5) подчинением приписанных к заводу лесов заведыванию горного начальства, которое и уравнивает лесами заводы, сообразно их действию; 6) уплатой в казну увеличенной на 50% против заводов владельческих горной подати с металлов за право пользования предоставленными пособиями».

«Прилагая эти определения закона к вопросу о посессионном праве в связи с его историей», Н.И. Михайлов утверждал, что «право собственности на земли и леса, отведенные в пособие от казны к заводам частных лиц, принадлежит казне; что посессионным заводчикам принадлежит на эти земли право владения и пользования, уступленное им казною с целью развития горнозаводского дела по разным актам; что пространство посессионного права определяется как этими актами, так и горными постановлениями, на основании которых состоялись эти акты, и что право заводов на владение и пользование отведенными землями и лесами действует лишь под условием и на время производства горного промысла, с прекращением которого прекращаются и права заводчиков на данные им пособия». Общее его заключение сводилось к признанию посессионного права, «рассматриваемого с точки зрения исторической и теоретической», лишь как «права пользования, ограниченного известными пределами и подчиненного во всех главных моментах своего проявления непосредственному контролю государства как собственника отведенных в пособие заводам земель, лесов и рудников». В более поздних своих высказываниях он признал за этим правом «особый вид владения, отдельного от права собственности», что, в общем, не меняло существа оценки⁵.

Обе точки зрения нашли своих приверженцев и оппонентов на страницах периодических изданий во время наиболее острых споров в 1862–1864 гг. Так, мнения, близкого к последней трактовке, придерживался автор статьи в «Горном журнале» А. Петров, утверждавший, что «право владения посессионных заводчиков не может быть отнесено ни к полной, ни к неполной собственности, а должно быть причислено к отдельному владению и по смыслу законов... право собственности на посессии частных заводов принадлежит казне, заводчику же принадлежит одно право владения, пространство, пожизненность или срочность которого определяются тем самым актом, каким оно установлено»⁶. Анонимный участник дискуссии И.Ч. приходил к выводу, что «посессии составляют собственность казны, ограниченной известными правами посессионного заводовладельца. Они называются

заводсодержателями, права их, хотя и потомственные, но пользование ими обусловлено неременным правом горного промысла, с прекращением которого и права те прекращаются, а, следовательно, отвод возвращается тому, кем он дан, т. е. казне». «Казне на посессии принадлежит ограниченная, неполная собственность, а заводчикам владение, составляющее само по себе отдельное право, определенное актами, которыми оно установлено», – утверждал он⁷.

Наиболее авторитетным «защитником интересов посессионеров» выступил профессор права С.М. Добровольский, бывший тогда главноуполномоченным владельца Нижнетагильских заводов П.П. Демидова. На страницах опубликованной в 1864 г. брошюры он категорично настаивал на том, что «посессионное владение не есть только одно право владения или пользования, но составляет действительное право собственности, обусловленное или ограниченное только известным образом»⁸. Именно такая трактовка позволяла посессионерам рассчитывать на наиболее благоприятный для них результат предстоящей реформы. Горный деятель И. Полетика также находил основания толковать горнозаводскую посессию как право частной собственности, но не полное, а ограниченное, а В. Полетика и Д. Дашков полагали, что вопрос о посессионном праве не может быть решен «волевым образом», поскольку является «рядом частных случаев, чрезвычайно запутанных... и разрешимых только каждый в отдельности и не иначе как судебным порядком». Наконец, автор, скрывавшийся под инициалами Н.Ч., не акцентируя внимания на юридических тонкостях, даже предложил казне «пожертвовать отведенными землями и лесами отдачею их в собственность заводчиков на том же основании, как по отношению к посессионным фабрикам»⁹.

Резюмируя высказанные точки зрения, Д.А. Огородзинский писал: «Когда посессионное право стало в последние годы обращать на себя внимание равнодушной к ней прежде литературы, все, разбирающие этот предмет, согласились в том, что посессия составляет право темное, запутанное и неопределенное. Но в окончательных выводах многие разделились. Одни признали посессионных заводчиков собственниками всего того, что входит в состав заводского имущества и, между прочим, данных в пособие казною земель и лесов; другие же считают отошедшие из казенного владения к частным заводчикам земли и леса собственностью государственной. В числе последних есть даже и такие, которые утверждают, что правительство сохраняет на эти земли право полной собственности»¹⁰.

Официальная точка зрения, понятно, склонялась к варианту принадлежности посессионных земель казне. Пожалуй, впервые она была выражена Пермским по крестьянским делам присутствием вскоре после оглашения положений 1861 г., в соответствии с которыми оброк за наделные земли в посессионных округах поступал в пользу заводчиков. «Имеют ли заводовладельцы справедливое основание взимать оброк за поступаемые в надел крестьянам казенные земли, на которые заводовладельцы имеют только право, и при том не полное, пользования лесом и рудами? Имеют ли заводчики право предоставлять крестьянам... по примеру помещиков-собствен-

ников, в выкуп те земли казенные, на которые сами имеют весьма ограниченные права и которые находятся у них в посессии только для заводского действия? В случае прекращения на сих заводах действия, чему ныне уже есть примеры, чьей собственностью должна считаться эта земля и кому должен поступать оброк за надел, если за заводчиками будет признано право на оброк с казенных земель?» – задавали члены присутствия вопросы, возникавшие в практике крестьянской реформы. В сопроводительном письме в Горный департамент пермский губернатор добавил от себя, что «посессионные земли ни в каком случае не могут считаться собственностью нынешних владельцев заводов; данные от казны как пособие заводам, они составляют принадлежность заводов, и плата за надел из сих земель... должна поступать в пользу заводов на издержки по их действию». Прекращение заводского действия, полагал он, должно повлечь «лишение владельца права пользования заводом или его землями, которое за сим может перейти в другие руки». Этим «парализуется также стремление некоторых посессионных заводчиков, закрыв заводы, образовать в ущерб мастеровым и горной промышленности из заводских земель оброчные имения». Министр внутренних дел в 1863 г. не стал вникать в суть поставленных вопросов, ограничившись формальным напоминанием о том, что право получения оброка с крестьян даровано заводчикам Дополнительными правилами 1861 г., которые распространялись на все заводы независимо от их статуса¹¹.

Высшая власть в лице Горной комиссии, мнение которой в тех условиях должно было сыграть решающую роль в возникшем споре, ограничилась, как уже известно, прежними трактовками Горного устава, определявшими посессионные земли и леса казенными. При обсуждении этого вопроса в Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податной комиссии), куда в 1868 г. поступил выработанный в Горной комиссии проект устава, обнаружились те же разногласия, которые уже прозвучали в литературе и прессе. Вооружившись известными юридическими аргументами, Д.А. Огородзинский, будучи членом-экспертом этой комиссии, настаивал, что «необходимо определить с точностью, в чем должно заключаться посессионное право, если оно просуществовало хотя бы один день... Надо ясно определить, а не обходить вопрос о том, что, как и сколько принадлежит посессионным владельцам». От лица посессионеров он предложил новую трактовку статьи Горного устава, объяснявшую принадлежность заводов к этой группе: «К посессионным горным заводам относятся все те, которые, составляя собственность частных лиц, имеют в своем владении, пользовании и распоряжении отданные им Правительством для производства горного промысла, посессионные леса и земли».

Однако это мнение не было поддержано большинством членов комиссии, которая в то же время не стала настаивать и на другой точке зрения. «В виду Комиссии есть два противоположных мнения о посессионных заводах, – резюмировал представитель Государственного контроля Е.И. Ададунов. – Одно право собственности удерживает за казною, другое – за заводчиками. Обе стороны правы, когда опровергают одна другую, и не правы, когда доказывают свои положения... Казна не может иметь на них права собствен-

ности, так как по отношению к ним она не имеет ни права пользования, ни права распоряжения. С другой стороны, и право заводчика на эти заводы ограничено временем и условием исправности в производстве горных работ... Когда существует такая неопределенность во мнениях и правах посессионных заводчиков, нельзя надеяться, чтобы заводское горное дело могло совершенствоваться и развиваться»¹².

Не придя в этом вопросе к единой точке зрения, Податная комиссия однозначно высказалась за ликвидацию посессионного права путем выкупа посессий заводчиками у казны. Тогда-то член комиссии А.П. Заблоцкий-Десятовский и предложил компромиссное решение: «Не входить в обсуждение юридического определения посессионного права... и удержать то определение... которое существует в действующем законодательстве». Оно в итоге восторжествовало и позволило комиссии двигаться вперед. «Находя, что с радостью вопроса о выкупе посессий на весьма льготных условиях не представляется никакой практической необходимости в точном юридическом определении посессионного права», Податная комиссия в итоге своей деятельности предложила устройство тогда всех следующее определение: «К частным горным промыслам и заводам, состоящим на праве посессионном, принадлежат те, которым отведены в пособие от казны или земли, или леса для производства горного промысла и которые платят особую горную подать, именно для них установленную»¹³. Таким образом, по тактическим соображениям и ввиду, как тогда считалось, близкой реформы посессионного права вопрос об определении его сущности был снят, в результате чего снизилась и острота общественной дискуссии. Однако горная реформа затянулась на неопределенное время. Поэтому так и не нашедший своего окончательного разрешения в 1860-е гг. вопрос о том, кому принадлежат посессионные леса и земли, в дальнейшем периодически возникал в практике заводской жизни.

Пореформенное время совпало и с некоторыми законодательными инициативами, касавшимися посессионных заводов. Они несколько изменили состав норм, образующих посессионное право дореформенной эпохи. Наиболее серьезно повлияла на этот состав крестьянская реформа 1861 г. «Выход из крепостной зависимости» был распространен на все категории зависимого населения посессионных заводов, включая казенных мастеровых, непрременных работников и заводских крепостных. Заводчики формально утратили право на их «обязательный труд», а значит лишились предоставленного им пособия в людях. Окончательно утратило свое значение и правовое пособие, санкционировавшее владение крепостными заводчикам недворянского происхождения.

Основные изменения произошли в главе Горного устава, касавшейся «прав и обязанностей, сопряженных с частным владением заводов», которая была заменена положениями Дополнительных правил 19 февраля 1861 г. Как записано в объяснениях Горной комиссии, принимавшей участие в подготовке этих правил, отныне население делилось не на юридические категории, а на два разряда: мастеровых и сельских работников, что было связано, по мысли законодателей, с определением «способов к будущему обес-

печению горнозаводских людей» сообразно их роли в заводском хозяйстве. Для мастеровых было «определено главное обеспечение в технических работах, а в поземельном наделе только пособие; для сельских работников, наоборот, главное обеспечение составлял поземельный надел, а вспомогательные работы – пособие»¹⁴. Вследствие этого мастеровые могли рассчитывать только на получение усадьбы и одной дес. покоса безвозмездно или за оброк, а сельским работникам предоставлялись помимо усадеб покосы и пашни, как местным крестьянам, за повинности и с правом выкупа. Причем денежный оброк и выкуп за земли поступал в пользу заводовладельца, а не государства, несмотря на официальную трактовку права собственности казны на посессионные земли. Это положение, как уже упоминалось, было существенно для квалификации посессионного права и часто использовалось в спорах о его сущности. Объяснение этого положения членами Горной комиссии сводилась к тому, что «с изменением гражданского быта горнозаводских людей и прекращением обязательного их для заводов труда... вещьественное для заводов пособие в людях... составлявших неотделяемую принадлежность тех заводов... уничтожалось, и взамен его было предоставлено посессионным заводовладельцам право пользования оброком за земли, поступающие в надел крестьян»¹⁵.

При проведении реформы для заводчиков было значимо и то, на каком праве предоставлялись населению земли горнозаводских округов. Закон предусматривал, что до выкупа «в полную собственность» усадьбы и наделы оставались «в постоянном пользовании» населения и могли быть обменены на другие, если «явно стесняли заводское производство или препятствовали его развитию». В дальнейшем это правило подтолкнет большинство заводчиков отказаться от оброков, с тем чтобы наделная земля оставалась лишь в пользовании населения и подвергалась обязательному обмену в случае обнаружения полезных ископаемых. Важно было и то, что после введения уставных грамот казенные подати и повинности, прежде уплачиваемые заводовладельцем, «обращались на ответственность самих заводских людей», за ним оставалась лишь обязанность «иметь не менее годового запаса провианта на все количество работающего при его заводе населения мастеровых»¹⁶.

Поскольку государственная реформа, проведенная на фоне финансового кризиса, существенно ухудшила положение уральских заводов, их владельцы считали возможным обратиться к правительству за помощью. Первыми выступили заводчики-вотчинники во главе с влиятельным графом С.Г. Строгановым, которые и прежде действовали более решительно и сплоченно, чувствуя свою независимость от властей, опиравшуюся на их статус «полных собственников». Предвидя угрозу закрытия многих заводов «при убыточности действия оных», они «по своему нравственному побуждению» предложили министру финансов разрешить им «облегчить участь заводского населения в несчастном случае закрытия заводов» путем увеличения наделов, сокращения и рассрочки оброка и пр. Но взамен просили принять неотлагательные меры и «для поддержания заводов от упадка» (в частности повысить тарифы на отечественное и ввозные пошлины на загра-

ничное железо, рассрочить уплату банковских ссуд и горных податей). Министр направил прошение в Горную комиссию, куда были приглашены «для участия в суждениях» и представители заводчиков (Н.Н. Анцыферов, Г.Д. Дружинин и Д.Е. Бенардаки). Во время работы комиссии просьбы о помощи поступили от 14 заводчиков, включая и посессионеров, вследствие чего было принято решение разрабатываемые правительственные меры распространить на все заводы независимо от их статуса.

После обсуждения и наведения справок комиссия сочла необходимым поддержать горное дело. На правительстве, полагали ее члены, лежит большая ответственность за его состояние, как потому, что оно «составляет важную отрасль отечественной промышленности, с успехом коей связано благосостояние обширного края и многочисленного населения», так и потому, что это население в свое время «законом прикреплено было к заводскому производству и может разом лишиться главного своего средства к существованию». Было признано целесообразным «употребить все возможные меры, чтобы в настоящих обстоятельствах подать руку помощи горнозаводчикам и тем поддержать горные заводы от упадка, из коего нелегко будет поднять их впоследствии». Но эти меры решили ограничить лишь временным понижением податей и рассрочкой долгов, но «никак не направлять к возвышению тарифа и ограждениям, уменьшающим ввоз и, следовательно, потребление железа», как к мерам, относящимся «к общим промышленным потребностям».

Обсуждение законопроекта в Государственном совете в итоге завершилось утвержденным 3 декабря 1862 г. мнением «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов». В соответствии с ним, помимо этих мер на три года существенно сокращались горные подати (на чугун – на 75, на медь – на 50, оброчные деньги – на 50%) для заводов тех владельцев, которые соглашались предоставить мастеровым усадьбы в собственность безвозмездно, а также покосы и топливо на первые три года безвозмездно и на следующие три года – за половинную плату (на посессионных заводах) или на два года (на владельческих заводах). Заводчикам разрешалось в случае необходимости останавливать действие завода на три года, предупредив об этом мастеровых за год и обеспечив их на это время полным запасом хлеба. На посессионных заводах оставшимся без работы мастеровым предоставлялось право «по мере средств завода получить из состоящей при оном земли высший размер надела, установленный для той местности», без платежа повинностей в течение трех лет и за половину повинностей – в течение следующих трех лет. Если же по истечении трех лет владелец посессионного завода не возобновлял его действия, то завод брался в казенное управление или назначался в публичную продажу¹⁷.

Инициаторы законопроекта – заводчики-вотчинники – выразили свое недовольство, поскольку считали, что властями были отклонены «самые существенные» их предложения. Посессионеры публично не высказались, хотя мнение от 3 декабря 1862 г. ввело новое ограничение их деятельности, подтвердившее принцип условности владения. Оно впервые установило

трехгодичный срок возможного бездействия посессионного завода, после которого он фактически поступал в распоряжение казны.

Еще одно важное постановление касалось порядка отвода казенных лесов к заводам, установленного мнением Государственного совета от 18 марта 1863 г. «Расстройство казенных лесных дач, в разное время отведенных к ныне существующим посессионным заводам, – было записано в пояснениях той же Горной комиссии, – вызвало необходимость прекратить дальнейшие отводы оных на прежнем основании». Отныне новые отводы запрещено было производить «безвозмездно», а позволялось лишь за арендную плату, определяемую по местной таксе. Срок аренды устанавливался в 48 лет при условии, что заводчик будет пользоваться не более чем одной лесосекой в год и охранять участок от порубок и пожаров. Отводами к существующим заводам, разрешенными до издания этих правил, можно было пользоваться «на прежних основаниях, впредь до издания особых постановлений о посессионных заводах, пользующихся казенными землями и лесами»¹⁸.

Этот закон был важен, поскольку выводил из посессии леса в новых отводах и по отношению к строящимся заводам вводил арендное право вместо посессионного, что для действующих горнозаводских округов только запутывало ситуацию с правами владения. По мнению специалистов, этот закон к тому же «не имел поощрительного и льготного характера, а в некотором отношении был даже крайне стеснителен». Его недостатки заключались, в частности, в «общности и безусловности норм, принятых им для всех полос государства», в обязанности заводчика пользоваться не более как одной лесосекой в продолжение одного года и охранять «собственными средствами» отведенный участок, наблюдая «за ясностью и целостью» его границ. По этим причинам даже через много лет после издания закона он «не получил ни одного практического применения к горному промыслу»¹⁹.

Горная комиссия сочла, тем не менее, этот закон полезным. Предполагалось, что заводовладельцы, не рассчитывая на новые безвозмездные отводы, «по необходимости должны будут обратить свою заботливость на сбережение леса». Это, а также понимание, что «все существующие доселе в законах постановления о порядке и способах пользования посессионными лесами не привели к должному сохранению сих последних», подтолкнуло членов комиссии к предложению предоставить заводчикам «полную свободу в распоряжении лесами» при сохранении лишь запрещения расходовать лес «для других каких-либо целей, кроме горнозаводского действия того округа, к которому он отведен, и отпуска местному населению для топлива и построек». Только этим и должен был ограничиваться надзор за посессионными лесами «со стороны горного ведомства».

Разрабатывая проект устава, Горная комиссия предлагала ввести и некоторые другие существенные изменения в правах посессионеров. Так, предоставление им права свободно распоряжаться посессионными лесами вело за собой отмену ограничений в самом заводском действии, которые, по мнению членов комиссии, «не достигая прежде истинной своей цели, служили во многих случаях стеснением к развитию горнозаводской промышленности». «В вопросах, где интересы казны находятся в тесной связи с интереса-

ми производителя, – решили они, – ...правительственное вмешательство всегда бывает тягостно и в большей части случаев приносит более вреда, чем пользы». В результате было предложено «все внутренние горнозаводские операции и хозяйственные соображения об уменьшении печей, горнов и машин, и введение новых заводских устройств... предоставить полному усмотрению заводчиков, без всякого вмешательства горного управления». В случае же решения посессионера «вследствие общего промышленного кризиса или частного своего расстройтва» сократить или полностью прекратить заводское действие, что лишало его права пользоваться предоставленными посессиями, ему давался пятилетний срок для исправления, по истечении которого посессия «бралась уже в казенное управление или назначалась в публичную продажу».

Члены Горной комиссии усмотрели также «несовместимость на практике двух разнородных прав на минеральные богатства посессионных имений», которые в соответствии с Горным уставом состояли «частью в распоряжении заводчиков под наблюдением казны, частью же в распоряжении самой казны». Это было связано как «с самим природным свойством рудных месторождений», которые зачастую сочетали разные минералы, так и с возможностью заводоуправлений затруднять поиски и разработку минералов, в результате чего «посторонняя предприимчивость не могла иметь места в казенных землях, отведенных к посессионным заводам».

Решение было принято, видимо, под влиянием посессионеров, в частности поступившей в комиссию записки графа А.А. Стенбок-Фермора, управлявшего в то время Верх-Исетскими заводами своей матери. «Не подлежит сомнению, – писал он, – что когда заводоладельцам будет предоставлена полнота прав на недра земли, то они, побуждаясь личным интересом, который служит самым надежным двигателем в делах промышленности, усилят, по возможности и полезной надобности, поиски и разведки в заводских дачах как собственным своим иждивением, так и через посторонних, вполне благонадежных людей, с которыми войдут в выгодные с обеих сторон соглашения; а это будет способствовать к усилению развития частной горной промышленности без вреда чьим-либо ранее приобретенным правам и без нарушения освященных законом и временем условий посессионного владения»²⁰.

В результате, чтобы «не поколебать спокойствие владения и не возбудить в посессионных землях беспорядки и столкновения», Горная комиссия предложила предоставить посессионерам право поисков и разработки не только руд «профильных металлов» и золота, но и вообще всех полезных ископаемых в отведенных землях. При таком «направлении горнозаводской промышленности, – полагали члены комиссии, – посессионные заводоладельцы, в видах собственных своих интересов, сделают дачи сих заводов доступными для посторонней рудопромышленности и будут содействовать развитию в них сей последней».

Наконец, комиссия предложила отказаться и от принципа «нераздельности», или «нераздробности», горнозаводских имений. Опыт показал, свидетельствовали ее члены, что «этим ограничением не достигалась предпо-

ложенная цель поддержания заводского действия в обширных размерах для предохранения чрез то заводов от расстройств и обеспечения государству известного дохода от горных податей». Принимая во внимание «непременную общеэкономическую истину, что всякая промышленность тем удобнее и правильнее может действовать, чем менее стеснена в своих распоряжениях», комиссия предложила «в видах развития промышленности» и «в отношении удобства в способах продажи и наследования... отстранить, по возможности, существующие ограничения относительно нераздробимости посессионных горнозаводских округов... на сколько сие не нарушит самую цель посессии, т. е. горное в них производство». Для этого только и предполагалось сохранить казенный контроль в форме «предварительного на то согласия горного ведомства».

В связи со всеми этими далеко идущими предложениями существенно сокращался объем функций горного управления, в первую очередь регионального. Комиссия признала достаточным заменить штат действующих на Урале полицейских горных исправников шестью должностями окружных горных инженеров (как это уже было введено в 1865 г. для Замосковных заводов, где управление было заменено всего двумя инженерами) с возложением на них обязанностей по учету горных податей, надзору за безопасностью работ, отводу новых приисков и рудников, выдаче свидетельств на залог металлов и «по оказанию заводчикам содействия к правильному ведению горнозаводских и рудничных работ»²¹.

Податная комиссия, куда на рассмотрение поступил проект нового Горного устава в 1866 г., пошла еще дальше в плане либерализации правовых условий функционирования горнозаводской промышленности. Это было следствием включения в ее состав специалистов других министерств, ведущих экономистов и представителей горнозаводчиков в качестве членов-экспертов. Они не только поддержали предложенные меры по сокращению контроля над посессионными заводами, но и стали доказывать его полную несостоятельность и бесполезность. «Нам надо совершенно отрешиться от прошедшего, полумеры бесполезны... – настаивал авторитетный экономист В.П. Безобразов. – Правительство должно быть освобождено от патриархальных отношений и опеки над горными заводами, от ответственности за их несостоятельность и обязанности помогать им». Возражения отдельных членов, представлявших Горный департамент, что «даже в Англии, где горный промысел вполне свободен, установлен весьма строгий надзор за безопасностью работ в рудниках» и что «небольшой надзор за частной горной промышленностью нужен уже потому, что он составляет государственный доход», не были поддержаны большинством членов комиссии. По опыту прошедших лет они увидели перспективу того, что «этот контроль может с легкостью развиться в орудие произвола и полной регламентации». В итоге в окончательный проект Горного устава, выработанный в 1868 г., вошло предложение вовсе ликвидировать региональную горную администрацию в лице горных управлений и главных начальников, заменив их министерскими инспекторами. Это было вызвано еще и тем, что с признанием неэффективности государственного предпринимательства в той

же комиссии были разработаны правила продажи частным лицам всех казенных заводов, за исключением нескольких, «необходимо нужных для государственной обороны». Был, как уже упоминалось, подготовлен и проект выкупа посессионных заводов владельцами у казны. В ситуации, когда в ближайшей, как считалось, перспективе на Урале вместо трех останется всего один – частновладельческий – сектор горнозаводской промышленности, местная горная администрация утрачивала свое значение. Большинство членов комиссии признали даже бесполезность института окружных инженеров, функции которых предполагалось передать акцизно-питейным учреждениям и общей полиции. В результате окончательный вариант проекта Горного устава ограничился нормами, представленными всего в 142 статьи вместо 2653, содержащихся в действующем кодексе²².

Все эти предложения, вполне отвечающие «духу времени» и свидетельствующие о преобладании либеральных экономических взглядов у многих членов Горной и Податной комиссий, качественно меняли облик посессионного права и многократно приближали положение посессионеров к статусу заводчиков-вотчинников. Однако самый либеральный за всю историю отечественной промышленности Горный устав так и остался проектом. Косвенные сведения дают основание предполагать, что он задержался уже в Министерстве финансов, не дойдя до утверждения в законодательных инстанциях. Известно, что семь членов-экспертов из числа высших горных чинов, оказавшихся в комиссии в меньшинстве, подали особое мнение, где выражали свое несогласие с намеченными преобразованиями, касавшимися в первую очередь горного управления и казенных заводов. Некоторые положения проекта вызвали сомнения даже у самих заводчиков. Так, в частности, от князя С.Д. Абамелека, выступавшего от имени своего тестя, владельца Чермозских заводов Х.Е. Лазарева, было подано мнение с критикой предложения об отмене принципа нераздробимости горнозаводских имений. Умудренный опытом владелец полагал, что такое раздробление «может сопровождаться вредом не только для наследников заводчика и для покупателей заводских участков, но и для бесчисленного множества мастеровых людей и для государственного хозяйства вообще»²³.

Влияние «горных генералов», а главное – взаимосвязь проекта Горного устава с прохождением через Государственный совет сопутствующих правил продажи казенных и выкупа посессионных заводов, и стало причиной сначала отсрочки, а затем и его забвения. Как 30 лет спустя свидетельствовал автор нового издания устава А.А. Штоф, задача, возложенная на комиссии 1860-х гг., была «слишком обширна и потому не могла быть немедленно разрешена в полном своем объеме; пересмотр Горного устава включал в себя столько частных задач, из которых многие касались предметов существенной важности, что дело это само собой раздробилось на части. Такие вопросы, каковы, например, продажа казенных горных заводов, наряды им от военных ведомств, выкуп посессий, порядок производства горного промысла в землях казенных и частных, преобразование местной горной администрации и т. п., представляли каждый в отдельности дело настолько обширное и важное, что неизбежно требовало самостоятельной разработки и

отдельного законодательного движения»²⁴. Более того, реформа казенной промышленности провалилась на стадии реализации, реформа посессионной промышленности – еще на стадии обсуждения в Государственном совете (чему будет посвящен раздел 3 наст. гл.), реформа горного управления началась лишь в 1886 г. с введения должностей окружных инженеров. В такой ситуации оказалась нереализованной и подготовленная двумя министерскими комиссиями горная реформа в ее главной части – проекте Горного устава 1868 г.

Определения и мнения 1870–1910-х гг.

Посессионное право, остававшееся неопределенным после работы Горной и Податной комиссий, и в последующие годы получало неоднозначную трактовку как в правительственных кругах, так и в общественном мнении. Власти, в частности, в различных своих постановлениях то безоговорочно признавали посессионные леса собственностью казны, то оставляли за заводчиками некоторые права собственности на них. Специалисты, изучавшие этот вопрос в конце XIX в., обнаружили несколько подобных казусов²⁵.

Так, рассматривая жалобу поверенного графини Н.А. Стенбок-Фермор статского советника И.П. Котляревского на распоряжение Министерства государственных имуществ об изъятии земли Верх-Исетского округа под строительство Уральской железной дороги, 25 мая 1876 г. Сенат признал «означенную жалобу не заслуживающей уважения» по причине того, что «приписные к частным горным промыслам леса... называются казенными и составляют лишь пособие от казны, пользование которыми поставлено в тесные пределы и границы». В решениях Сената от 20 мая 1887 г. по делу «Об отобрании Бемьшевского завода в казну в виду прекращения содержанием заводского действия» также было определено, что «право собственности на посессионные земли принадлежит казне, владелец же посессионного завода имеет лишь право владения и пользования сими лесами, отдельное от права собственности, но не сходное с арендным пользованием». Но в том же 1887 г. по спору о Рудном болоте между посессионером Яковлевым и крестьянами Сенат на основании положений Горного устава «о нераздробимости посессионных заводов, о неотделимости принадлежностей оных, о переходе сих заводов к законным наследникам заводчика, о порядке отчуждения, как участником в сих заводах своего в оных участия, так и продажею с публичного торга, о разделах, о порядке эксплуатации и наблюдения за оною» выразился, что «посессионное право есть право частной собственности, но не полное, ограниченное условиями, вытекающими из назначения их горнозаводской деятельности».

В 1889–1892 г. случился важный прецедент, когда был «отобран в казну» расположенный в Енисейской губернии Ирбинский посессионный завод Бескоровайной ввиду прекращения заводского действия. Приобретя этот завод с посессионной дачей в 127 022 дес. в 1836 г., владелица, как выяснилось, «не приступила к восстановлению заводского действия, а занималась лишь золотопромышленностью». Еще в 1867 г. Министерство юстиции

предлагало отобрать завод и земли в казну. Но Горный департамент «по истечении каждых пяти лет давал новые отсрочки, отказывая в просьбе тем, которые изъявляли желание добывать руды в посессионной даче Бескоровайной». В 1877 г. владелица предложила выкупить у казны земли с рассрочкой платежа на 37 лет, но не настаивала на этом, продолжая тянуть время. Тогда в 1881 г. горное ведомство возбудило иск судебным порядком об отобрании Ирбинской посессионной дачи в распоряжение казны. Енисейский губернский суд в 1886 г. слушал дело и пришел к заключению, что Бескоровайная «владела дачей на посессионном праве, но заводского действия не производила, домогаясь постоянных отсрочек в устройстве завода, почему земли и должны быть отобраны в казну. Что же касается выражения в данной грамоте, что на дачу предоставляется вечное и потомственное владение, то в нашем законодательстве этот термин еще не дает права говорить о праве собственности». Сенат в 1889 г. поддержал это решение суда. Наследники владелицы пытались его оспорить, полагая, что «отобрание могло последовать только при первоначальном невыполнении этих обязанностей, а при посессионном владении... лишь в течение пятилетнего срока от начала владения». Новый сенатский указ от 16 февраля 1892 г. разъяснял, что «самая сущность посессионного владения и возлагаемые при этом казною на посессионного владельца обязанности указывают на то, что казна вправе требовать от такового владельца не только при начале, но и во все время продолжения его владения, чтобы пользование его казенною землею действительно соответствовало той цели, для которой этот вид владения установлен законом»²⁶. Для верности Сенат даже заручился поддержкой Министерства юстиции, которое в ответе на запрос от 27 мая 1894 г. дало определение посессионного права как «временного права пользования, прекращающегося с окончанием заводского действия».

В 1888 г. в Горном департаменте приступили к подготовке нового издания Горного устава под руководством крупного чиновника и правоведа А.А. Штофа. Последняя редакция устава 1857 г. с тех пор принципиально не менялась, при издании Продолжений Свода законов 1886 и 1887 гг. происходило лишь обновление отдельных статей текущего законодательства. «Пересмотр Горного устава совершался и совершается постепенно, по частям, и новое издание его все отсрочивается, – сообщал кодификатор в докладной записке министру государственных имуществ. – Но пересмотр, производимый таким порядком, никогда не будет вполне закончен, так как всегда найдутся более или менее важные вопросы по горной части, требующие законодательного разрешения. А между тем потребность в упорядоченной кодификации наших горных законов становится все более ощутительною. Новые законоположения являются одно за другим как результат пересмотра крупных отделов горного законодательства, сами по себе они не только не способствуют такому упорядочению, но, напротив, вносят в Горный устав все больше разрозненности».

Однако А.А. Штоф вовсе не покушался на введение содержательных новаций в проект, как это в свое время сделали Горная и Податная комиссии. Он предполагал ограничиться лишь «переработкой системы его изло-

жения с заменой, по возможности, распределения узаконений по местностям группировкой их по предметам... и сделать устав полным кодексом горных узаконений, включавших в него не только постановления по предмету... но еще и некоторые положения и правила, по существу своему относящиеся ближайшим образом к горному делу, но ныне, по каким-либо причинам, не включенные в Горный устав». Среди этих последних были Устав о частной золотопромышленности, Правила об охране минеральных источников, Правила о найме горнорабочих и прочие законоположения. Никаких перемен в правах заводчиков вводить не планировалось, было только предложено сконцентрировать их в одном разделе и изложить, поделив на три «отделения»: о заводах посессионных, о заводах владельческих и о положениях общих для тех и других²⁷.

В результате новое издание Горного устава, вошедшее в Свод законов 1893 г., включило самостоятельную часть «О посессионных горных заводах», но сохранило все установки относительно пользования оставшимися казенными пособиями, которые действовали еще с начала XIX в. Посессионное право в нем вновь не было четко определено. Как и в предыдущей редакции устава 1857 г., к «частным горным промыслам и заводам, состоящим на праве посессионном», были отнесены те, которые имели «пособие от казны в землях или лесах». Лишь в одной из статей посессионные земли наряду с землями казачьих войск были названы «казенными, находящимися в бессрочном пользовании». В трактовке горных чинов, «посессионерам принадлежало лишь право пользования и эксплуатации этих земель, обусловленное непрерывным и постоянным действием завода и ограниченное целями заводского действия», что, по их мнению, вытекало из того же устава²⁸.

Следствием такого представления стало беспрецедентное дело о завещании одной из владелиц Невьянских заводов княгини Е.М. Волконской, которая пожелала передать свои доли владения одному из трех законных наследников. Истец утверждал, что «означенное распоряжение незаконно, ибо... паи, как доставшиеся завещательнице по наследству от ее матери..., должны быть признаны имуществом родовым, которое... завещанию не подлежит». Однако Сенат, руководствуясь тем, что «понятие о родовом имуществе применимо лишь к таким землям, которые принадлежат владельцам на праве собственности», 12 мая 1899 г. определил, что «посессионный завод не может составлять имущества родового»²⁹. Отныне посессионные имения могли свободно завещаться, как и имения благоприобретенные.

Неопределенность в трактовке посессионного права даже в недрах высших правительственных учреждений вызвала необходимость в выработке однозначного мнения. В 1899 г. Кассационный департамент Сената решил поставить точку в этом давнем споре. Было дано разъяснение, что «посессионным владельцам, или держателям, или заводчикам, как называет их закон, принадлежит особое, основанное на договорном соглашении с казною, право пользования, эксплуатации, обусловленное непрерывным и постоянным действием завода. При всей обширности прав пользования посессионных владельцев казна, произведя наделение их землями и лесами,

сохраняет... право собственности и осуществляет его в определенных законом случаях, например, когда открываются руды другого металла, а не того, который выделяется на заводе». В соответствии с этим мнением Сенат признал, что «право собственности на землю и леса, приписанные к посессионному заводу, принадлежит казне, владелец же посессионного завода имеет лишь право владения и пользования оными, отдельного от права собственности, но несходного с арендным пользованием. Посессионное право, в отличие от права аренды, заключается в том, что казна, сохраняя за собой право собственности на земли и леса, предоставляет их в пользование и распоряжение частных лиц под условием лишь употребления оных для действия горных заводов; причем при исполнении этого условия владельцы полученных от казны земель и лесов не только в праве пользоваться ими, но имеют право и отчуждать их другим на том же посессионном праве. Отсюда следует, что с прекращением действий горных заводов земли и леса, к ним приписанные, возвращаются на прежнее положение, и казна, в качестве собственника, ничем не ограниченного, получает право владеть, пользоваться и распоряжаться ими»³⁰.

Но даже это объяснение не было воспринято как окончательное, а главное как равноценное законоположению. Его появление не столько прекратило разногласия, сколько обострило полемику вокруг посессионного права, вновь разгоревшуюся на рубеже XIX–XX вв. Как и в 1860-е гг., она вылилась на страницы уральской и центральной прессы и, в отличие от дискуссий пореформенного времени, вызвала даже появление специальных научных трудов. Толчок ей вновь дали правительственные намерения решить посессионную проблему, образовав очередную комиссию в 1897 г. Накал полемики возрос и вследствие изменившегося отношения общества к уральской горнозаводской промышленности в целом, и посессионному ее сектору в частности. Первая стала существенно отставать по темпам развития и удельному весу от металлургии нового Донецко-Криворожского (Южного) района, где в 1880–1890-е гг. были построены заводы, значительно превосходившие большинство уральских по уровню оборудования и объемам производства. Именно с ними стали связывать перспективы дальнейшего развития российской металлургии многие специалисты и представители высшей горной администрации. В это же время на Урале произошло снижение темпов роста посессионной промышленности. Это сопровождалось ухудшением положения рабочего населения, незавершенностью его землеустройства и усилением социальной борьбы, что особенно беспокоило набирающую силу демократическую общественность. На таком фоне закономерно начало преобладать негативное отношение к посессионным заводам и их владельцам.

Примером тому может служить перепечатанная в 1898 г. столичным либеральным журналом «Русская мысль» публикация «компетентного исследователя г-на Егунова» на страницах екатеринбургской газеты «Урал». «Пермской губернии уже более 200 лет принадлежит первенство в целой России по изобилию добываемого чугуна и железа, – писал он. – И теперь в ней насчитывается 74 завода, добывающих и перерабатывающих эти ме-

таллы. Все они пользуются выдающимися удобствами сбыта на восток и на запад. Если же посчитать еще громадные жертвы государства в виде разнообразных привилегий, которые приносились и приносятся здешним заводам в течение 200 лет, то было бы не только позволительно, но обязательно ожидать, что заводы эти и сами благоденствуют, и широко распространяют благосостояние на весь окрестный край. В действительности ничего подобного не замечается. Невзирая на возрастающую год от года потребность всей России в чугуна и железе, 15 лет уже слышатся постоянные жалобы уральских заводчиков то на «удрученное состояние», то на различные «кризисы», то на «отсутствие сбыта, застой и безработицу». Добившись ограждения от заграничной дешевизны (протекционистские таможенные тарифы были введены в 1891 г. – *Е.Н.*), уральские заводчики не дали себе труда ни улучшить производство, ни даже сообразать сорта производимого металла с новейшими требованиями рынка»³¹.

Публицисты и специалисты спорили о причинах очевидного упадка уральской металлургии и, как правило, в контексте этих размышлений высказывались и о посессионном праве. С теми или иными нюансами они склонялись, скорее, к его официальной трактовке, не признавали посессионного права в качестве основного фактора упадка заводов, хотя и высказывались за его ликвидацию как «пережитка прошлого». Так, финансист Л.Е. Воеводин полагал, что «ухудшение дел на посессионных заводах приписывать посессии оснований не имеется, тем более что заводы не со вчерашнего дня находятся на этом ограниченном праве». Он считал, что закрытие некоторых заводов было вызвано «запутанностью владельцев в своих денежных делах» или «другими побуждениями, до капризов включительно»³². Статистик И.С. Сигов трактовал посессионное право как «милость государства, временное и условное пособие, не оплаченное соответствующей стоимостью... а полученное горнозаводчиками безвозмездно». В интересах развития «свободного горного промысла» он предлагал казне как собственнику посессионных земель прекратить помощь заводчикам, «изъяв посессионные дачи из частного владения, и установить способы эксплуатации их на совершенно иных основаниях». Это, полагал И.С. Сигов, сравняет положение уральских заводчиков с заводчиками Юга России и заставит их перейти на использование каменного угля³³.

Наиболее авторитетным защитником «казенных интересов» стал профессор права Киевского, а затем Петербургского университетов В.А. Удинцев. Перебравшись в 1911 г. в столицу, он был введен в состав Горного совета при Министерстве торговли и промышленности и неоднократно привлекался в качестве эксперта по делам Горного департамента. С 1892 по 1909 г. он опубликовал в Киеве, Москве и Петербурге несколько брошюр и книг, посвященных различным аспектам горнозаводской посессии³⁴. Автор был родом с Урала, довольно хорошо представлял проблемы горнозаводской жизни и был знаком с работами местных публицистов.

Он не скрывал, что «настоятельной задачей» его первых исследований «было опровергнуть с особенной энергией защищавшееся тогда посессионерами, горной практикой и Сенатом положение, что право посессионное

есть право собственности, хотя и неполное». Эта задача достигалась путем анализа законодательства со времен первых пожалований уральских земель Строгановым и до конца XIX в. «Историческое изучение отдельных актов, на которые опирались права посессионеров, установление соотношения между историческими источниками и действующим правом, подвергавшимся весьма серьезным кодификаторским перестройкам, нередко затемнявшим когда-то вполне ясные положения», привели его тогда к убеждению, что «посессионное право представляет из себя вещное право пользования в горнозаводских целях поверхностью земли и лесом, принадлежащая не определенному лицу, а каждому держателю данного завода, и подходит под понятие сервитута».

В работах, относившихся к началу XX в., он отчасти пересмотрел свои представления, выдвинув идею о «хронологической и логической связи между посессионным правом и тем нормальным отводом, который впервые был определен в Берг-привилегии 1719 г., затем в Проекте Горного положения 1806 г. и, наконец, в Правилах о горной промышленности на свободных казенных землях 1887 г.» Эта мысль давала основание трактовать посессию как разновидность отвода частному лицу в казенных землях «для горнозаводских надобностей», что лишало оснований рассматривать посессионное право как право ограниченной или неполной частной собственности³⁵.

Взгляды В.А. Удинцева определили поворот в тянувшихся с 1860-х гг. спорах о сущности посессионного права. Новым в них была не столько историческая аргументация прав казны на посессионные земли, которая звучала и прежде, сколько особый взгляд на посессию, соотнесенный как с современным уровнем трактовки проблемы в обществе, так и с современным периодом развития юридической науки. «Посессионное право как самостоятельная форма землевладения, монополизировавшая в руках немногих заводчиков богатейшие казенные пространства... признается в настоящее время явлением ненормальным», – таков был основанный на общественных настроениях посыл автора, коренным образом отличавшийся от прежних трактовок посессионного права, устаревшего, как считалось, по причине сопутствовавших ему ограничений деятельности заводчиков. На рубеже XIX–XX вв. стало превалировать отношение к горнозаводской посессии как к форме сохранения монополии заводчиков на леса и недра и как к препятствию для развития «свободного горного промысла». В ракурсе развития права В.А. Удинцев, пожалуй, впервые представил горнозаводское законодательство как комплекс правовых норм, регулировавших разные отрасли промышленности, и, ориентируясь на тенденции развития западноевропейского права, высказал идею о необходимости его «расчленения». Это, в свою очередь, приводило к мысли о разделении и самой горнозаводской промышленности на составляющие ее отрасли, что вело к преодолению принципа нераздельности посессий и упрощало решение посессионной проблемы.

Взгляды правоведа нашли почитателей среди крупных горных чиновников, воспринявших их не только для обоснования прав казны на посессионные земли, но и для создания новых проектов ликвидации посессионного

права. Заводчики увидели в них, как и в оценках публицистов, негативный настрой автора по отношению не столько к устаревшему и требовавшему реформирования посессионному праву, сколько к ним самим и в целом к институту крупной частной собственности. «Читающая публика» в лице рецензентов из «Русской мысли» по достоинству оценила собранный В.А. Удинцевым «весьма обширный и ценный исторический материал», но не удовлетворилась «исполнением самой работы», сетуя на местами неясное изложение, бессистемность расположения материала, «благодаря чему разобратся в содержании... и усвоить его оказалось делом весьма нелегким»³⁶.

Специалисты и практики горного дела выступали тогда с иных позиций. Так, в 1898 г. о природе посессионного права выступил в печати бывший директор Горного департамента К.А. Скальковский. «Посессионный вопрос темен только для тех, кто его не потрудился изучить, – писал он, – но, к сожалению, изучали его не многие; те же, которые о нем рассуждают, понятия о нем не имеют, да никогда и не приобретут, так как на это нужно весьма продолжительное время...». Он утверждал, что «если есть в России собственность священная, то это именно посессионных заводов, как потому, что почти два века назад правительство торжественно обязалось никогда не отбирать ее от заводчиков, доколе они будут заниматься горным промыслом, а с того времени прошли десятки земских давностей, так и потому, что посессионные заводчики и суть создатели в России горного дела...»³⁷

В 1899 г. это мнение разделил и командированный на Урал от Министерства финансов Д.И. Менделеев, который считал, что «Строгановы стали собственниками занятых земель, Демидовы же, Яковлевы и другие – посессионерами, а по существу между ними разницы нет». «Чтобы вдохнулась новая жизнь в крупные уральские частновладельческие предприятия», он предлагал поскорее «закончить все остатки помещичьих отношений», и, в частности, наделить крестьян землей, а заводчиков-посессионеров поскорее «сделать полными владельцами своих земель» путем их выкупа. В отличие от звучавших в те годы предложений о «разгораживании» горнозаводских округов и ликвидации монополизма заводчиков, ученый советовал дать им больше свободы, которая, по его мнению, только и порождала «энергию предприимчивости, конкурирующие капиталы и сознательность, руководимые научными сведениями и приноровлением к местным условиям». Предполагалось также «прекратить убыточное казенное хозяйство на уральских заводах», передав его в частные руки с целью «легко ввести на Урале... новых частных предприимчивых капиталистов, борьба которых должна служить умножению качества и удешевлению железа»³⁸.

Профессор Горного института и член ученого Горного комитета А.Н. Митинский, также размышлявший над причинами упадка уральских заводов, одно из своих исследований специально посвятил посессионному праву. Он полагал, что «рядом законоположений создано известное соотношение между казной, дававшей пособия, и частными лицами, их получавшими», и единственная возможность определить это соотношение заключалась в том, чтобы «проследить, как издавались эти законоположения, как

они вылились в окончательной форме в своде законов и как толкует недоумения по отдельным вопросам Сенат»³⁹. Исследуя эту историю, он обратил внимание, что напрямую о собственности казны на отводные земли упоминалось лишь в подзаконных актах. Так, в инструкции Межевой канцелярии от 25 мая 1766 г. утверждалось, что при межевании отводимые заводчикам земли «к ним отнюдь в дачу не присвоятся, но единственно леса даются на заводское употребление, а земли из-под оных принадлежат казне». «Защитники интересов казны» именно этот документ, не имевший нормативного значения, представляли как «основу владения посессионными землями»⁴⁰.

А.Н. Митинский отмечал также противоречивость позиции казны, которая, «когда разговор идет о ее правах, то не прочь считать земли посессионных заводов казенными, а когда об обязанностях – то земские налоги составляет платить посессионеров». По его подсчетам, эти губернские и уездные земские сборы были вовсе не такими уж незначительными. В 1902–1908 гг. одни только Верх-Исетские заводы платили земствам от 121 тыс. до 135,5 тыс. руб. в год, что составляло около 62% всех налоговых отчислений и в два-три раза превышало горные подати, взимаемые с этого округа. «Для развития частной промышленности, – настаивал он, – основой должна явиться свобода ее и устранение всякого рода опеки над ней; заводы надо или купить все в казну и самой ей распоряжаться ими и ей же нести за это финансовую ответственность, или надо считать всякого заводчика свободным в пределах законности и не мешать ему работать за свой счет посвоему. Всякое вмешательство казны в частные заводы оканчивается, вдобавок, приплатами во всевозможных видах из государственного кармана»⁴¹.

Высшие чиновники, от представлений которых во многом зависело решение посессионного вопроса, по недопониманию или тактическим мотивам придерживались иного взгляда на сущность посессионного права. Примером этому может послужить мнение министра торговли и промышленности Д.А. Filosofova, высказанное в его проекте доклада царю в 1907 г. Посессионными там были названы горнозаводские округа, ни много, ни мало, «принадлежавшие казне, но находящиеся в пользовании частных лиц, в видах развития и поддержания в них горнозаводской деятельности, которые и являются необходимым условием этого пользования»⁴².

Другого, но столь же далекого от реальности взгляда придерживался «наследник» Д.А. Filosofova в рассмотрении посессионной проблемы товарищ министра В.П. Коновалов. С его участием, пожалуй, в последний раз вопрос о сущности посессионного права на официальном уровне разбирался во время работы Совещания по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала, организованного в 1909 г. при Министерстве торговли и промышленности. Будучи председателем совещания, он сравнил посессионное право с отводами на свободных для горного промысла казенных землях, как это было подсказано В.А. Удинцевым. Представители всех посессионных округов (в их числе были А.С. Недошивин, А.Н. Митинский, А.Н. Ратьков-Рожнов и др.) потребовали тогда установить правильный с их точки зрения «взгляд на владельческие права по отношению к посессион-

ным округам». «В виду противоречий, обнаружившихся между членами Совещания, а также в виду различных взглядов, высказанных по отношению к посессионному праву в обществе, в печати и в законодательных учреждениях, – сообщали представители в своей записке, – мы придаем громадное значение выяснению посессионного права как такового и установлению точно определенного на него взгляда». В отличие от В.А. Удинцева, опытные «адвокаты» посессионеров акцентировали внимание на действовавшем принципе нераздельности посессий. «Посессионному праву нет аналогов в нашем законодательстве, – утверждали они. – Сущность его заключается в том, что казна отдала частным заводам свои земли, леса и рудники, сделав их недвижимым имуществом этих заводов и неотделимою заводскою принадлежностью, которая и должна разделять юридическую судьбу главной вещи – заводов, находящихся в собственности частных лиц. Таким образом, если это положение не дает прав собственности заводчику на посессионные земли и леса, то, во всяком случае, и казна потеряла на них право собственности, покуда они составляют неотъемлемую принадлежность имущества частных лиц. Доказательством того, что эти леса и земли в действительности разделили юридическую судьбу заводов, служит то, что продажа завода или какое-либо другое переустройство заводов без лесов и земель не допускается законом».

Как и в 1860-е гг., авторы записки в очередной раз обращали внимание на те обязанности и права посессионера, которыми в разное время сами власти наделили его наравне с землевладельцами. «Он оплачивает земские повинности и представляет в земских учреждениях как помещик, – напоминали они, – он охраняет леса и содержит лесную стражу, на его обязанности и его счетом производится землеустройство населения округов, лично от него, без всякого согласия горного ведомства, зависит размер надела... Посессионные округа переустраиваются крепостным порядком... Ничего подобного мы не видим в правах заводчика, получившего отвод на свободных казенных землях. Имущество его считается движимым, передается оно путем явки передаточной надписи. Он не несет земских повинностей и за пользование поверхностью платит установленную подесятинную плату»⁴³.

Чтобы соблюсти видимость объективности, председатель совещания обратился в Горный департамент с просьбой «представить доклад о том, надлежит ли по этому предмету войти с определением в Сенат». При этом он многозначительно намекнул, что такие разъяснения Сенат уже неоднократно делал, и они всегда были «согласны с точкой зрения горного ведомства на сущность посессионного права»⁴⁴. В подготовленной директором Горного департамента Н.Н. Курмаковым объяснительной записке признавалось, что «выяснение сущности посессионного права неразрешимо прямым смыслом закона». «Дальнейшее обсуждение этого вопроса в правительственных совещаниях, сколь бы компетентными по своему составу они ни являлись, – утверждал он, – не может привести к желательным результатам, ибо те и другие выводы этих совещаний окажутся лишенными не только общего обязательного значения, но даже официальной силы убедительности для самих же лиц, участвующих в совещаниях, несогласных с мнением большинства».

Представление о том, что посессионное право «есть ограниченное право собственности», директор, тем не менее, однозначно признавал «заблуждением, способным... умалить право казны на посессионные леса и земли, притом заблуждением, неоднократно уже опровергнутым разъяснениями компетентной власти...» «Доводы посессионеров... отнюдь еще не могут служить доказательством к отрицанию прав собственности казны на земли и леса, – рассуждал Н.Н. Курмаков. – Они имели бы значение, если бы не была уже твердо установлена бесспорность самого отрицаемого ими ныне положения о праве собственности казны на посессионные земли и леса... как смыслом, так и буквой ряда исторических актов, регламентирующих отношения государства и частной промышленности». Ссылаясь на эти «исторические акты», директор утверждал, что «посессионные земли и леса, предоставленные в пособие, всегда были признаваемы собственностью государства и отведены были лишь под исключительным и неперменным условием производства в них частного промысла, в связи с чем и в действующих горных узаконениях были поставлены значительные ограничения в правах распоряжения как движимым имуществом, входящим в состав посессионных округов, так и в самом производстве». «Признавая взгляд на этот предмет достаточно выясненным точными указаниями ряда исторических документов, духом действующих узаконений, преемственно с давних пор установивших толкование сих узаконений горным ведомством и, наконец, неоднократно признаниями Сената», он не усматривал необходимости в очередном привлечении Сената к этому делу⁴⁵.

Юридические аргументы посессионеров в очередной раз натолкнулись на историческое обоснование прав казны, которое в такой сложной ситуации только и могло, по мнению властей, иметь значение при определении сущности посессионного права. Как писали представители заводчиков, «несистематичность нашего кодекса и то, что многие теоретические положения ему совершенно чужды», позволяли и теперь, как и много лет назад, по-разному трактовать горнозаводскую посессию, находя в сложном и противоречивом российском законодательстве те или иные подтверждения различных позиций⁴⁶. Эта во многом справедливая оценка положения делала бесперспективным продолжение бесконечной дискуссии.

¹ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. СПб., 1868. Раздел IV.

² Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1862 г. СПб., 1862. С. 90–113.

³ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Раздел IV.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 90–92, 108 об. – 109, 110–115.

⁵ Михайлов Н. Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими имениями // Горный журнал. 1862. Ч. 4. С. 328–366; *Он же*. О посессионном праве в горной промышленности (по поводу записки Д.А. Огородзинского о значении посессионного права) (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 116–124).

- ⁶ *Петров А.* О посессионном праве в России // Горный журнал, 1862. Ч. 1; *Он же.* Ответ на статью Н.И. Михайлова «О посессионном праве в горной промышленности» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 125–131).
- ⁷ *И. Ч.* О посессионном владении горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 4. С. 492–518.
- ⁸ *Добровольский С.М.* О посессионном горном владении в России в виду предстоящей ему реформы. СПб., 1864. С. 6.
- ⁹ *Полетика И.* О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал, 1862. Ч. 3. С. 547–558; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 116–124.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 90.
- ¹¹ Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за первую половину 1863 г. СПб., 1863. С. 13–18.
- ¹² Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 169–206.
- ¹³ Там же. С. 169–206, 274.
- ¹⁴ Журналы Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1861 г. СПб., 1862. С. 87–96.
- ¹⁵ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Объяснительная записка к проекту Горного устава. С. 129.
- ¹⁶ Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. Документы крестьянской реформы. С. 354–362.
- ¹⁷ ПСЗ-II. Т. 37. № 38989.
- ¹⁸ Там же. Т. 38. № 39388.
- ¹⁹ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 325.
- ²⁰ Там же. Прил. XVIII. Извлечение из записки графа А.А. Стенбок-Фермора.
- ²¹ Там же. Объяснительная записка к проекту Горного устава. С. 145–167.
- ²² Там же. С. 121–148. Проект Горного устава (исправленный и дополненный по заключению Общего собрания податной комиссии).
- ²³ Там же. Прил. XXVII и др.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2280. Л. 1–4.
- ²⁵ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1907. Ч. II. С. 176–180; *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 230–237, 272–277.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1282. Л. 64; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5; Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. II. С. 174–178.
- ²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2280. Л. 1–4.
- ²⁸ Там же; СЗ 1893 г. Т. 7. Устав Горный. Ст. 5, 223–254.
- ²⁹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. II. С. 178–180; РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 145, 149; Ф. 37. Оп. 67. Д. 394. Л. 1–2.
- ³⁰ Цит. по: *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. С. 231–237.
- ³¹ Русское богатство, 1898. Июнь. С. 224–227.
- ³² *Воеводин Л.Е.* Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 10–14.
- ³³ *Сигов И.С.* Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство, 1899. № 3. С. 181–214; № 4. С. 183–202; *Он же.* Старая песня (Ходатайства и требования уральских горнозаводчиков) // Русское богатство, 1898. № 2.
- ³⁴ *Удинцев В.А.* Посессионное право. К истории уральского землевладения. М., 1892; *Он же.* Посессионное право. Киев, 1896; *Он же.* Выкуп посессионных земель и лесов (из Журнала Министерства юстиции). СПб., 1901; *Он же.* Русское горноземельное право. Киев, 1909.
- ³⁵ *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. С. 1–3.
- ³⁶ Русская мысль, 1898. Июнь. Библиографический отдел. С. 233.

³⁷ Цит. по: Русская мысль, 1898. Июнь. Внутреннее обозрение. С. 224–227.

³⁸ Уральская железная промышленность в 1898 г. / Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. Ч. 3. Гл. 3. С. 97–139.

³⁹ Митинский А.Н. Посессионное право. СПб., 1911. С. 4.

⁴⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 472. Л. 1–13. Записка А.Н. Митинского.

⁴¹ Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909. С. 43, 84, 241.

⁴² РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 472. Л. 48.

⁴³ Там же. Д. 195. Л. 29–31 об.

⁴⁴ Там же. Л. 28.

⁴⁵ Там же. Оп. 65. Д. 1477. Л. 6–14 об.

⁴⁶ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1908. Ч. III, вып. 2. С. 97–107.

2. ПОСЕССИОННОЕ ПРАВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ И ОЦЕНКЕ ЗАВОДЧИКОВ

Действие «посессионных ограничений»

Пока шли споры о посессионном праве, оно давало о себе знать во всех новых аспектах экономической жизни Горнозаводского Урала на самом проблемном этапе его истории во второй половине XIX – начале XX в. По оценке самих посессионеров, еще в начале этого периода их заводы «по своей громадной производительности имели первенствующее значение среди уральских и российских заводов». Заметное снижение темпов роста посессионного сектора уральской металлургии стало наблюдаться с 1880-х гг. По данным В.А. Удинцева, с 1874 по 1899 г. выплавка чугуна на казенных заводах Урала возросла почти в три раза (с 1 828 481 до 4 860 440 пуд.), на владельческих – более чем в шесть раз (с 7 040 207 до 2 730 8122 пуд.), а на посессионных – немногим более чем вдвое (с 5 864 009 до 12 928 275 пуд.)¹. Но самым трудным временем стало начало XX в. «Положение посессионных заводов было чрезвычайно тяжело в течение последнего кризиса, разразившегося на Урале как следствие Японской войны и сопровождавшей ее внутренней смуты, – сообщалось в записке Совета съездов горнопромышленников Урала 1914 г. – В то время пострадала вся вообще уральская горная промышленность, но затруднения, выпавшие на долю посессионных заводов, достигли наибольших размеров... Так, если взять сведения о производстве на Урале с 1900 г., то окажется, что производство чугуна, из года в год падая, на посессионных заводах сократилась с 14 177 тыс. пуд. до 8 293 тыс. пуд. в 1909 г., или на 41%, тогда как производительность заводов, состоящих в частной собственности, сократилась только с 29 574 тыс. пуд. в 1900 г. до 20 814 тыс. пуд. в 1908 г., или на 29%, а на следующий 1909 г. стала уже вновь возрастать. Производство кровельного железа на частновладельческих заводах... вовсе не сократилось; в тяжелые для промышленности 1904–1906 гг. замечается лишь уменьшенный рост производства. Напротив, на посессионных заводах в 1904–1906 гг. замечается резкое сокращение

производства кровельного железа, упавшее с 1903 г. по 1906 г. с 4 080 тыс. пуд. до 2 883 тыс. пуд., или на 29%»².

Причиной такого положения заводчики называли посессионное право, которое воспринималось ими как «один из самых жгучих вопросов Урала». «В последнее время уральским горнопромышленникам приходится слышать как со стороны общества и печати, так и со стороны законодательных учреждений и правительственных чинов нареkania в отсталости их заводов, в отсутствии у них энергии и предприимчивости и в неумении приспособиться к требованиям современной промышленной жизни», – писали они в 1912 г. Как раз этому и мешало посессионное право, которым «парализуется всякое начинание заводчика в области развития его промышленной деятельности». Если в частновладельческих хозяйствах «увеличение расходов по содержанию имений и оплате повинностей находилось все же в некотором соответствии с ростом доходности», то «в посессионных, несущих все тяготы повинностей и расходов по содержанию, как и частновладельческие хозяйства, наоборот, абсолютная доходность постоянно уменьшается при возрастающих расходах»³. Эта и другие записки и ходатайства, составленные посессионерами для различных правительственных инстанций в конце XIX – начале XX в., дают представление о влиянии условий, созданных посессионным правом, на хозяйственную деятельность заводчиков. Они позволяют увидеть действие этого права глазами самих посессионеров⁴.

Судя по этим источникам, на одно из первых мест по степени влияния на свою деятельность заводчики по-прежнему ставили запрещение «без разрешения горного начальства усилить заводское действие устройством новых печей, горнов, машин, требующих древесного сгораемого, а также уменьшить или вовсе прекратить заводское действие, хотя бы с увеличением его на другом своем заводе». Технический прогресс в то время настоятельно требовал концентрации производства на крупных предприятиях с применением новых технологий. Это вызывало необходимость закрытия небольших вспомогательных заводов, что и наталкивалось на законодательные ограничения.

«Примеров ущемительного влияния подобных требований, основанных, однако же, на действующих законах, можно привести великое множество», – констатировали посессионеры. Показателен случай из истории Нижнетагильского округа, где еще в 1863 г. был остановлен Верхнелайский завод. «В экономических видах уменьшения расходов по содержанию присмотра» демидовское управление тогда признало более удобным соединить производство двух расположенных в одной версте друг от друга Лайских заводов на одном Нижнелайском. Но сделано это было без ведома горного начальства из-за того, что в результате объединения общая производительность заводов оставалась прежней, новые устройства не возводились и рабочие не увольнялись. В 1869 г. этот факт был замечен Уральским Горным правлением по полученной из заводов статистике. Правление не сильно возмущалось, предложив внести исправление в отчетность, «исключив Верхнелайский завод из сведений, почислить в них остающийся Нижнелайский завод Лайским и испросить разрешение Горного департамента». В ап-

реле 1871 г. Горный совет департамента утвердил это предложение, предупредив, чтобы «на будущее время какие бы то ни было изменения в заводском действии на посессионных заводах допускаемы были не иначе, как с предварительного разрешения горного ведомства».

«Требование Горного совета испрашивать предварительного разрешения Горного правления на изменения в условиях, если эти изменения не влекут за собой ни уменьшения, ни усиления заводского действия, – жаловался министру управляющий Нижнетагильскими заводами Е.К. Ните, – кажется не вполне справедливым и будет только тормозить развитие и успех промышленности без всякой пользы для казны и в явное стеснение заводовладельцев... поставит в зависимость от этого начальства выполнение заказов, часто меняющихся и требующих немедленного уменьшения одних и увеличения других заводских устройств, не говоря о том, что и самая система заводских устройств с развитием и усовершенствованием горнозаводской промышленности часто ныне меняется»⁵.

Отвечать пришлось главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову. «Предположение о том, что решение Горного совета будто бы тормозит развитие и успех промышленности, по моему мнению, составляет излишнее опасение, – рапортовал он в Горный департамент. – Изменения в заводском действии всегда требуют более или менее продолжительного времени и, следовательно, при этом будет предстоять полная возможность получить разрешение... наконец, всякие изменения в заводском действии, происходящие от технических усовершенствований... без всякого сомнения никогда не встретят ни малейших препятствий со стороны горного ведомства. Другие посессионные заводы не встречали до сих пор препятствий к его исполнению, поэтому как Тагильским, так и прочим посессионным заводам невозможно предоставить безусловного права изменять действие заводов по своему усмотрению». Горный совет подтвердил, что «разумел такие изменения в заводском действии, которые могли иметь последствием усиление или уменьшение этого действия в целом или частями... что же касается до перемен в заводских условиях, не влекущих за собою изменения в заводском действии... то перемены эти могут быть производимы заводчиками без разрешения горного начальства, но с тем, чтобы они доводили о них горному начальству для составления последним статистических сведений»⁶.

Наиболее активный и авторитетный защитник интересов посессионеров на рубеже XIX–XX вв. А.С. Недошивин имел ученую степень кандидата коммерческих наук и руководил Бюро посессионных заводов при Совете съездов горнопромышленников Урала. Участвуя во многих совещаниях и комиссиях по посессионной проблеме, он неоднократно разъяснял, что «стеснение свободы распоряжаться заводами... хотя на практике и сводилось к соблюдению известных формальностей... ставило промышленную жизнь заводского округа в зависимость от усмотрения лиц, ведающих горное дело»⁷. Видимо, не столько получение разрешения, сколько сопряженная с этим зависимость от горных чиновников серьезно угнетала заводчиков и их управления. О заинтересованности чиновников в сохранении связанных с посессионным правом формальностей говорил в 1870-е гг. и хоро-

шо осведомленный в заводских делах Д.А. Огородзинский. Задумывались о необходимости устранения поводов для произвола и коррупции чиновников и реформаторы 1860-х гг., когда выдвигали проекты устройства регионального горного управления.

Существенно заботило владельцев и особенно обременительное в неустойчивых рыночных условиях требование, введенное мнением Государственного совета от 3 декабря 1862 г., обеспечить заводское население на случай закрытия завода и возобновить производство через три года. Из-за этого владельцы были вынуждены поддерживать действие порой убыточных предприятий. Такая ситуация сложилась, например, в Верх-Исетском округе, в составе которого было 11 предприятий. В начале XX в. А.Н. Митинский, представлявший этот округ, писал, что заводы не могут быть «полублаготворительными учреждениями» и, соответственно, должен быть «разбит существующий и у населения, и у местной администрации взгляд на обязанность заводов существовать для прокорма рабочих, взгляд, нашедший себе наиболее яркое выражение в некоторых законах, относящихся к посессионным заводам». Уполномоченный полагал, что необходимо было отменить «все законы и циркуляры, стесняющие закрытие нежизнеспособных заводов и заставляющие болеть целый округ из-за наличия в нем завода, которому нет места при рациональной организации округа». Такое положение, по его мнению, отвечало бы интересам и самих рабочих, которые, «зная, что их ожидает..., могли так и устраиваться, а то нынешнее положение хуже для них всего, ибо проедается последнее имущество»⁸.

Во второй половине XIX – начале XX в. уже довольно отчетливо проявились ограничения в пользовании отводными лесами, которые не позволяли заводчикам с достаточной интенсивностью вести свое хозяйство. «Необходимость для уральских предприятий иметь свои леса для обеспечения заводов горючим, – сообщали посессионеры, – ложится чрезвычайно тяжелым бременем на заводы, составляя главнейший недостаток условий горной промышленности Урала по сравнению с другими районами»⁹. Из-за проблем с горючим в некоторых округах на рубеже XIX–XX вв. обнаружился даже «топливный голод». В отдельных округах вынуждены были «пережигать в уголь мачтовые леса» вместо того, чтобы с пользой для заводов продавать их «на сторону». Посессионеры обращали также внимание на навязанную Министерством государственных имуществ в 1877 г. обязанность «кроме довольствия лесом работающего заводского населения бесплатно или за плату в казну отпускать лес и на домашние потребности сторонних людей, проживающих в заводах, за плату в казну же по таксе». «Для таких отпусков леса нормы нет, – жаловались они в записке 1895 г., – между тем через прирост местного населения и прибыль пришлого отпуск леса на его потребности будет постоянно увеличиваться»¹⁰.

Опасения эти не были беспочвенными. Расчеты специальной комиссии, выезжавшей на Урал в 1906 г. с целью выяснить состояние лесных ресурсов посессионных заводов, показали, что 3 из 8 обследованных тогда округов (Невьянский, Нижнетагильский и Шайтанский) не обеспечивали себя «посессионным горючим». Члены комиссии констатировали, что в том же Не-

вьянском округе «чистых насаждений не имеется и вся лесная площадь разбросана и рассечена прогалинами и рединами, необлесившимися вырубками и площадями, отведенными горнозаводскому населению в качестве покосных угодий...» «Строевого леса в даче не имеется. Годовой прирост всей площади дачи, крайне истощенной, составляет 7891 куб. саж... Весь почти годовой прирост эксплуатируется для нужд горнозаводского населения, за исключением лишь 800 куб. саж., употребляемых на нужды завода на дрова и для крепежного леса в рудниках. Таким образом, – подвели итог эксперты, – производительности дачи не хватает на удовлетворение насущнейших нужд заводов, угля в даче совершенно не выжигается, и все количество строевого леса и горючего, потребного на действие завода, приобретает-ся на стороне в виде угля древесного, кокса-антрацита, нефти и проч.»¹¹

Однако «приобретение на стороне», как и прежде, оставалось далеко не простой операцией. Известно, что после многочисленных просьб владельцев Невьянских заводов в 1874 г. Министерство государственных имуществ разрешило им заготовливать уголь в казенной Монетной даче в течение 10 лет по 30 коп. за куб. саж. Но когда этот срок прошел и владельцы попытались заключить новый договор с Лесным департаментом еще на 20 лет, им было предложено получать из Монетной дачи только 3 тыс. бревен и валежник, якобы из-за необходимости обеспечить топливом возрастающее население Екатеринбурга, а уголь заготовливать в Илимской даче за 100 верст от заводов, да еще и за плату в 77 коп.

В заводууправлении рассчитали, что в итоге себестоимость пуда железа могла подняться до 1,9 руб., в то время как на Нижегородской ярмарке тот же пуд стоил 1,75 руб. «Предложение Лесного департамента не может быть принято, – сообщал управляющий в Главное правление именными наследников П.С. Яковлева в Петербурге. – Но, с другой стороны, в случае отказа в отпуске угля из Монетной дачи заводы должны быть закрыты». В сентябре 1881 г. общее собрание владельцев даже приняло непростое решение «в случае отказа Лесного департамента донести министру государственных имуществ о закрытии заводов с 1884 г.» Но тогда этого удалось избежать. Влиятельные члены Главного правления сумели убедить министерских чиновников, и те нашли компромиссное решение судьбоносной для заводов проблемы. Заготовка угля продолжалась как из Монетной, так частью и из Илимской дачи¹².

Вместе с тем начавшаяся в 1890-е гг. масштабная реконструкция металлургического производства в округе, позволившая поднять его почти втрое, заставила перейти на использование торфа и других «древесных суррогатов». Но лесопроизводительная территория округа в результате землеустройства местного населения сократилась до минимума и тем вовсе не оставила старейшим на Урале металлургическим предприятиям перспективы для развития. В итоге это наряду с финансовыми проблемами акционированного Невьянского округа привело к остановке всех его заводов.

В казавшемся еще в 1870-е гг. богатым лесными ресурсами Нижнетагильском округе запас леса был оценен членами комиссии 1906 г. в 147 210, а ежегодная потребность заводов и населения – в 179 802,6 куб. саж. «Таким

образом, – резюмировали они, – округ должен ежегодно прикупать около 30 тыс. куб. саж. древесной массы»¹³. Еще в 1860-е гг. П.П. Демидов добивался передачи заводам казенных Серебрянской и Илимской дач, но дело окончилось неудачей, и Нижнетагильские заводы вынуждены были довольствоваться лишь возможностью рубки в этих дачах ограниченного количества дров. Следующим шагом владельца стало приобретение у Всеволожских в 1884 г. Луньевского (Никитинского) горнозаводского округа в Приуралье. Эта покупка, стоившая более 3,2 млн руб., имела несколько целей, одной из которых было приобретение лесных массивов площадью 175 тыс. дес. В результате топливная проблема в демидовском хозяйстве не возникла вплоть до промышленного подъема 1890-х гг., когда выплавка чугуна увеличилась почти в полтора раза. Побывавший в Тагиле участник научной экспедиции К.Н. Егоров констатировал, что уже в 1895 г. «обширность лесных дач, занимающих более 730 тыс. дес., все-таки не позволяет заводам довольствоваться только своим углем»¹⁴. В те же годы и позже землеустройство населения отняло у владельцев до 248 тыс. дес. земли, включая 106 тыс. дес. леса. Стремясь компенсировать эти потери, заводчики приобрели или арендовали у казны и частных владельцев Туринскую, Знаменскую, Шуваловскую, Верхотурскую, Фабричную, Николо-Павловскую лесные дачи, откуда в разные годы поступало от 21 до 84% необходимого заводам древесного топлива¹⁵.

Реагируя на нараставший «топливный голод» на Урале, правительство 29 мая 1895 г. издало закон «Об изменении порядка снабжения частных горных заводов древесным материалом из казенных лесов», заменивший существовавший, но практически не применявшийся закон 1863 г. В соответствии с новым положением, лес мог предоставляться заводчикам «для всех без исключения заводских надобностей» за «попенный сбор», не превышающий «нижней местной таксы на хвойный дровяной лес» и неизменный в течение 25 лет. Заводчики могли также арендовать участки казенных земель до 300 дес. на срок до 90 лет. Эти участки признавались в таком случае «свободными для частного горного, золотого и нефтяного промыслов». Вначале этот закон был положительно воспринят заводчиками. Он, полагал автор одной из записок того времени, «как нельзя более ясно указывает, что законодатель не только не преследует цель умаления прав существующих предприятий горной промышленности, не исключая посессионных, а, напротив, расширяет их права, предоставляет им новые льготы в пользовании казенными лесами и землями для нужд горного предприятия»¹⁶.

Однако на практике все оказалось иначе. «Закон 29 мая 1895 г. применен лишь в незначительном числе случаев, – сообщалось в записке 1914 г., – а именно в предоставлении к пользованию лесных казенных дач Богословскому горнозаводскому обществу, Нижнетагильским заводам и заводам Белорецким. Но в случае с Богословским обществом арендная плата, подлежащая оставаться на одном уровне, много раз уже повышалась; отношения же Лесного ведомства с Тагильскими и Белорецкими заводами не оформлены, как бы следовало, долгосрочными контрактами, а потому отличаются неопределенностью. Затем все дальнейшие попытки горнопро-

мышленников воспользоваться указанным законом для получения горючего остаются безысходными, и закон этот стал постепенно обращаться в мертвую букву. Несоответствие между интересами горной и лесной промышленности и нежелание лесного ведомства приносить интересы лесного дела в жертву горной промышленности, конечно, останутся и впредь». В качестве «неопровержимого тому доказательства» была упомянута и неудачная попытка передачи лесов казенных горнозаводских округов из ведения Горного в подчинение Лесного департамента. Это было связано с переводом в 1873 г. Горного департамента в Министерство государственных имуществ. «Опыт указал на такие неудобства наличия двух распорядителей над имуществом одного владельца, – констатировали посессионеры, – что пришлось вскоре же отказаться от этой меры и передать... леса обратно в горное ведомство»¹⁷.

В начале XX в. правительство специально обращалось к решению топливной проблемы для уральских заводов. Как уже упоминалось, в 1909–1910 гг. при Министерстве торговли и промышленности работало Совещание для выработки мер к подъему горнопромышленной жизни Урала под руководством Д.П. Коновалова. Его члены, среди которых были крупные горные деятели, ученые и представители заводовладельцев, определили одной из специфических черт Урала «ограниченность производства, зависящую от ведения плавки на древесном горючем и определяемую максимальным, возможным без истощения лесов, отпуском горючего из заводских дач». Выработанные рекомендации свелись к «изысканию новых источников и методов заготовки древесного топлива». Совещание посчитало, что таким источником для частных заводов могут служить уральские казенные леса. В условиях, когда закон 29 мая 1895 г. фактически не действовал ввиду его несовершенства, было предложено наряду с изменением закона «открыть рынок древесного угля» и для этого начать его продажу из богатых лесных дач Гороблагодатского казенного округа. Обсуждалось также предложение разрешить заводчикам осуществлять «обмен лесных участков в видах использования сплавных рек для доставки леса к пунктам центрального углежжения» по примеру Чусовского завода и Богословского округа, где подобная технология выжига доказала свою эффективность. При этом, однако, обращалось внимание на снижение качества чугуна, выплавленного на печном угле.

На совещании был поставлен вопрос и «о снабжении Урала твердым минеральным топливом», но его обсуждение не дало результатов из-за выявившихся полярных мнений о возможности использования местных месторождений каменного угля¹⁸. Полный переход металлургии на минеральное топливо на Урале был невозможен из-за отсутствия масштабных месторождений коксующихся углей и недостаточно развитой железнодорожной сети. Местный каменный уголь нашел применение лишь в медеплавильном производстве и на железнодорожном транспорте. К тому же, в отличие от железных рудников, каменноугольные копи располагались далеко не повсеместно. Крупнейшие из них находились на западном склоне Уральского хребта во владении заводчиков-вотчинников, которые с успехом пользова-

лись возможностью продажи угля для нужд строившихся железных дорог. В Пермском имении князя С.С. Абамелек-Лазарева, где располагались богатые Кизеловские каменноугольные копи, даже возникла новая и очень прибыльная отрасль хозяйства. В период промышленного кризиса начала XX в. она давала от 70 до 90% бюджета имения¹⁹. По данным за 1910 г., продажа кизеловского угля удовлетворяла всю потребность в топливе Пермской железной дороги, которой приходилось покупать до 21 млн пуд. угля у князя по монопольно высокой цене²⁰.

Среди посессионеров крупными Луньевскими копиями владел П.П. Демидов, купивший Никитинский округ Всеволожских вместе с каменноугольными месторождениями. В отличие от С.С. Абамелек-Лазарева, он был нацелен использовать новый вид топлива в собственном заводском хозяйстве. Но этот уголь нашел здесь применение лишь при выплавке меди на Выйском заводе. «Луньевский кокс, приготовленный из обогащенного промывкой каменного угля, содержит до 15% золы и от 2 до 2,5% серы и идет на медное дело», – отмечал К.Н. Егоров²¹. В 1890-е гг. наследники П.П. Демидова начали добычу антрацита на арендованном, а затем и купленном участке Егоршинских копей. В начале XX в. в условиях, когда древесное топливо дорожало, общая добыча каменного угля достигала в демидовском хозяйстве 9–12 млн пуд. Тем не менее он по-прежнему использовался в основном при плавке меди, на заводских железных дорогах и лишь отчасти при производстве железа в сварочных печах. Даже грандиозный перспективный план реорганизации Нижнетагильских заводов 1912 г., в подготовке которого принимали участие ведущие специалисты, вовсе не предусматривал переход выплавки чугуна на минеральное топливо²². Не менее масштабные планы реорганизации других горнозаводских округов Урала также были ориентированы на древесный уголь, что в значительной степени предопределило их неудачу.

Попытки выйти из сложной ситуации путем покупки или продажи сырья наталкивались на посессионные ограничения. «Некоторые посессионные заводы, стремясь к увеличению выработки металлов, прибегли к привозу лесных материалов, каменного угля и извести извне, приобретая таковые в казенных и частных дачах покупкою, – констатировали авторы записки 1895 г. – Но металлы, выработанные на покупном сгораемом, оплачивают горную подать наравне с теми, которые выработаны на сгораемом из посессионных дач». Более того, «государственный контроль требовал добавочной подати даже с владельческих заводов, выплавивших чугун из руды, привезенной из посессионной дачи... хотя руды из казенных дач вывозятся всеми и всюду бесплатно»²³. Подобные действия властей отмечались как наиболее затрудняющие во всех записках посессионеров.

Ограничение в распоряжении металлическими рудами впервые проявило себя в начале 1870-х гг. Поводом к длительному разбирательству послужил случай, происшедший в Ревдинском округе. Там в 1872 г. заводоуправление сдало на подряд крестьянину Блиновскому «промывку подрудков из старых отвалов после добычи руд». Подрядчик намыл 24 106 пуд. руды и продал на владельческие Уфалейские заводы. Горные власти

обнаружили в этом беспорядок. Как зафиксировано в записке Уральского Горного правления, «по этому случаю возник не бывший доселе на рассмотрении вопрос: имеют ли право заводчики отчуждать руду, добытую в посессионных их дачах, и руду каких именно металлов?» Принимая во внимание, что рудники и добываемые из них руды являются «неотъемлемой принадлежностью посессионного завода... и предоставляются заводу вместе с дачей для удовлетворения лишь собственной его потребности... и не могут быть отчуждены в постороннее от самого завода владение», горные власти пришли к выводу, что «заводчики не имеют права продавать в постороннее владение руды из приграничных к их заводу от казенных дач». К тому же, решили чиновники, такая продажа может привести к истощению рудников и остановке заводов или необходимости отвода новых казенных рудников. Им тогда не помешал даже прямой запрет горным властям вмешиваться «в хозяйственные распоряжения заводчика движимым имуществом», к которым были отнесены и руды наряду с «деньгами, припасами и обработанными произведениями». В сентябре 1873 г. вышло постановление Горного правления «не попускать впредь подобные продажи и всем исправникам наблюдать за употреблением руд только на надобности того завода, к коему рудник приписан»²⁴.

Однако сырьевые проблемы отдельных владельческих округов вызывали необходимость поиска руд на стороне. Еще в начале XIX в. им было разрешено пользоваться рудой казенных рудников за предусмотренную для такого случая плату по $\frac{1}{4}$ коп. сер. за пуд. Но, как свидетельствовал главный начальник уральских заводов И.П. Иванов, «на практике неоднократно бывали случаи пользования владельческими заводами рудой, принадлежащей посессионным заводам». Так, сообщал он, в 1893 г. обществу «Кама» было разрешено пользоваться принадлежавшим Ревдинским заводам участком Высокогорского рудника. Владелец Чермозских заводов С.С. Абамяк-Лазарев в 1892 г. покупал руду Лебяжинского рудника посессионного Нижнетагильского округа. Было известно и то, что некоторые заводчики использовали на своих владельческих заводах руды, добывавшиеся в им же принадлежавших посессионных округах. Так, например, поступал Н.П. Пастухов, Песковский владельческий завод которого с 1886 г. получал руду из его же Омутнинского посессионного округа. После покупки в 1884 г. на владельческом праве Никитинского (Луньевского) округа у Всеволожских Демидовы постоянно перевозили и проплавливали там руду, добываемую в Нижнетагильском округе²⁵.

Уральское Горное правление через 20 лет уже более лояльно относилось к подобным случаям, следя лишь за тем, чтобы в казну поступала плата, установленная за пользование казенными рудниками. Однако в 1893 г. Пермская контрольная палата сочла ее недостаточной. «С фискальной точки зрения, – констатировал управляющий палаты, – право посессионных заводов продавать руду на сторону... положительно недопустимо. По закону, казна, предоставив некоторым заводчикам в посессию свои рудники, сделала это не даром и выговорила себе за это право взыскивать с них подать за выплавленные металлы в усиленном размере. Но это право казны останет-

ся совершенно без осуществления, если посессионные заводовладельцы станут практиковать продажу руды на сторону». «С таким невыгодным для казны оборотом дела согласиться не могу, – резюмировал он, – и опасаясь, что это может создать для посессионных владельцев довольно выгодный промысел торговли даром казенной рудой»²⁶.

Встревоженный главный начальник в ответном послании сообщал, что «точных и подробных указаний в законе на этот счет не имеется... но указано, что хозяйственное распоряжение рудами зависит совершенно от заводчика с соблюдением правил относительно учета и взимания горных податей». Но во всех подобных случаях, сознавался он, проданная руда была обложена не горной податью, а попудной платой. Контрольная палата предложила покупателям руды доплатить за выплавленный из нее чугун надбавку до размера подати с посессионных заводов. Их протесты привели к тому, что было принято компромиссное решение: Н.П. Пастухов и С.С. Абамелек-Лазарев освобождались от начета в отличие от Демидовых, которые, как оказалось, проплавливали тагильскую руду на Александровском заводе без разрешения. Кроме того, с Н.П. Пастухова была взята подписка о том, что в дальнейшем он будет оплачивать чугун, выплавленный на Песковском заводе из руды Омутнинских заводов, по повышенной горной подати, которая в 11 раз превосходила попудную плату²⁷.

В июле 1895 г. Горный департамент одобрил это решение, согласившись, что в законах отсутствуют основания для полного запрета продажи руд, «когда от разрешения не могут пострадать интересы казны и посессионный завод изобилует рудой». Он признал возможным «горной администрации самой разрешать своей властью без представления каждого частного случая на Высочайшее воззрение... и требовать с владельческих заводов уплаты повышенной подати с проплавливаемых из этой руды металлов». Это постановление попытался опротестовать главноуполномоченный демидовских заводов А.О. Жонес-Спонвиль, сообщивший в Министерство земледелия и государственных имуществ, что прекращение поставки руды на Александровский завод приведет к остановке двух домен. Но его жалоба сначала была оставлена без последствий. Министерство и Сенат тогда признали, что в Горном уставе «содержится целый ряд постановлений, указывающих на отсутствие у владельца посессионного завода права распоряжаться по своему усмотрению находящейся в посессионной даче рудой, и на обязанности горного ведомства лежит входить в соображение количества имеющейся руды и соответствии таковому устраиваемых в посессионных отводах заводских предприятий». В отношении заводов Н.П. Пастухова и Демидовых 21 марта 1897 г. было утверждено положение Комитета министров о разрешении вывозить руду «в том количестве, какое Уральского Горное управление признает соответствующим избытку руд..., с тем чтобы за выплавленный на Александровском и Песковском заводах чугун была уплачена горная подать в размере, установленном для посессионных заводов»²⁸.

На рубеже XIX–XX в. обнаружилась еще одна проблема, связанная с применением «посессионной руды» в качестве присадки в получившей тогда широкое распространение мартеновской плавке. Развитие передовой

технологии в этом случае натолкнулось на устаревший способ взимания горных податей. Поводом к разбирательству стало дело Чусовского завода Камского акционерного общества, где при мартеновании добавляли руду из посессионного Высокогорского рудника. В 1894 г. часть этого крупнейшего рудника, принадлежавшая Ревдинским заводам, была сдана обществу в 12-летнюю аренду с обязательством оплачивать выплавленный из этой руды чугун посессионной горной податью. Но в договоре совсем не упоминалось об использовании руды при выделке стали, которая по действующим законам вообще не облагалась податью. «Железо и сталь не облагаются податью исключительно из-за того, что они обложены таковою уже в состоянии чугуна, – разъяснял окружной инженер, заметивший этот непорядок. – Но такая причина освобождения их от подати есть результат того предположения, что ни железо, ни сталь не могли получиться иначе как посредством передела тем или иным способом чугуна. Если бы было иначе... то, нет сомнения, что полученное железо и сталь подлежали бы оплате горной податью». Попытка инженера начислить подать вызвала недоумение Камского общества и жалобу в Уральское Горное правление.

Чиновники, однако, не нашли в законах прямого указания, как поступать в подобном случае, и обратились за разъяснением в Горный департамент, присовокупив, что облагать податью руды не следует «ввиду желательности развития мартеновского производства». Но высшее горное начальство проигнорировало это пожелание и, основываясь на заключенном договоре аренды, постановило «применение какого-либо иного способа переработки руды... либо считать вовсе недозволенным, либо же допускать лишь при условии уплаты посессионной горной подати за присаживаемую руду по расчету могущего получиться из нее при проплавке в доменных печах чугуна». По ходу дела выяснилось, что таким же способом используют руды в Нижнетагильском и Алапаевском округах. В 1910 г. их владельцам было предписано оплатить за нее подать, причем за все время действия мартеновского производства. Пермская контрольная палата выразила тогда сомнение в том, что «посессионные заводууправления будут склонны добровольно уплачивать начисленную на них недоимку... и придется принять по отношению к ним для побуждения к уплате особые меры». Так и случилось. За задержку платежей в 1914 г. пришлось секвестровать кровельное железо Алапаевских заводов. Следствием стала жалоба заводууправления в Сенат. Дело признали спорным, но для его решения Сенату, по всей видимости, не хватило времени до начала мировой войны²⁹.

В условиях спада металлургического производства отчетливо проявились и ограничения на эксплуатацию так называемых «побочных ископаемых», которые, по закону, не принадлежали посессионерам. В записке 1912 г. они жаловались, что разработка полезных ископаемых, которыми изобилует восточный склон Уральских гор, могла бы создать «целый ряд новых промыслов и производств, но вследствие посессии почти все эти месторождения не эксплуатируются, а в некоторых округах, как, например, в Сысертском, по причине невыполнимых требований, предъявляемых горным ведомством, пришлось закрыть каменоломни прекрасного, чрезвычайно

редкого по красоте и разнообразию рисунков мрамора, вполне пригодного для строительных целей»³⁰.

В 1908 г. Верх-Исетским заводам было отказано добывать и продавать хромистый железняк и серный колчедан без платы в пользу казны на основании того, что «казне принадлежит несомненное право на заключенные в недрах посессионных земель руды, содержащие не тот металл, для выплавки которого учрежден завод, и что посессионер может разрабатывать их не иначе как по согласию с казной». Горное управление допускало лишь разработку таких руд «для надобностей завода», но считало, что их «продажа на сторону без разрешения казны не может быть допущена, ибо такой вид пользования этими рудами выходил бы за пределы размера прав посессионера»³¹.

Разрешение на промышленную эксплуатацию и вывоз побочных ископаемых, если и давалось, то «не иначе, как за известное вознаграждение в пользу казны, в котором, – по мнению заводчиков, – трудно не видеть умаления прав посессионера, могущего по общему правилу пользоваться лесом, рудой и другими ископаемыми из посессионной дачи бесплатно». Получается, констатировали они, «странное положение: пока заводчик, примиряясь со стеснительными требованиями закона, ведет свое хозяйство нецелесообразно, он все доходы обращает в свою пользу, а всякие попытки заводчика улучшить свое хозяйство, поставить его на высоту современной техники ведут за собой обязательное отчисление известной доли дохода в пользу казны... Нельзя не заметить также, что уплата казне более или менее значительного сбора ставит посессионера в неблагоприятные условия конкуренции с другими предпринимателями, на коих не распространяются постановления посессионного права. В этом обстоятельстве заключено, между прочим, объяснение того факта, что разработка побочных ископаемых развивается на посессионных заводах слабо и лишь при наличии исключительно благоприятных условий. К сказанному нельзя не присовокупить, что промышленник не может мириться с неизбежной медленностью получения разрешения на ту или иную операцию, все значение которой иногда уничтожается в случае отсрочки ее на длительный срок»³².

В целом политика в отношении недр и минеральных богатств на рубеже XIX–XX в. направлялась не в пользу заводчиков. «Законодательство наше, – отмечалось в записке Горного департамента 1897 г., – постепенно возвращается к началам Берг-привилегии». Свидетельством тому служили изданные 2 июня 1887 г. «Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях», предоставившие право поисков и получения отводов для разработки полезных ископаемых на казенных землях «лицам всех состояний». Отводы отдавались «впредь до совершенной выработки ископаемых с правом перехода по наследству или переуступки другому на законном основании» за оброчную плату в размере среднего годового дохода, поступавшего с площади отвода в казну в течение трех последних лет и «во всяком случае, не менее одного рубля за каждую отведенную десятину»³³. Хотя эти правила распространялись только на так называемые «свободные казенные земли» (посессионные земли к ним не

относились) и не создавали новых посессий, они отчасти ломали монополию казны на недра.

В отношении частных земель исключения из общего правила акцессии, действовавшего с 1782 г., были сделаны в 1870 г. для губерний Царства Польского. «В видах споспешествования развитию горного производства» в этой части Российской империи, 16/28 июня того года было разрешено «посторонним лицам» производить разведки и добычу каменного угля, галмея (цинковой руды) и свинцовой руды без согласия землевладельца «при условии вознаграждения его как за занимаемую поверхность земли, так и за недра». Новое «Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского» от 28 апреля 1892 г. распространило это правило и на железные руды³⁴. Оно же дало основание уральским посессионерам заявить о возможности изъятия прав на недра надельных земель у горнозаводского населения, которые оставались за ним в соответствии с изданными 19 мая 1893 г. правилами поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных заводов Урала. Об этом посессионеры просили еще в 1880-е гг., но тогда Горный департамент не решился на постановку этого вопроса (подробнее – см. раздел 3 наст. гл.). Но к середине 1890-х гг. положение изменилось. Видимо, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов во время поездки на Урал в 1896 г. сумел убедиться в полезности этой меры. Она могла существенно упростить процесс землеустройства населения, предоставив заводчикам неограниченное право обмена угодий в случае обнаружения полезных ископаемых вместо 15-летнего срока, отведенного для этих обменов по закону.

Судя по записке Горного департамента, был даже составлен проект правил о недрах надельных земель, который предусматривал ограничение прав населения «в том смысле, чтобы за собственниками осталось бы лишь только право вознаграждения за добытые ископаемые». Проект поддержали министерства внутренних дел, финансов и юстиции, и представление о нем было сделано А.С. Ермоловым на заседании Государственного совета 21 декабря 1896 г. Но там дело приняло иной поворот. Вместо одобрения проекта члены Совета «обратили внимание министра, как на предмет, достойный подражания, на порядок обращения частных земель под горнопромышленные надобности, установленные в губерниях Царства Польского»³⁵.

Реакция министерства не заставила себя ждать. В том же году под руководством А.А. Штофа был составлен проект положения о горном промысле, предусматривавший перемены в существующих законах о недрах не только надельных, но и всех вообще частных земель. Его автор в том же году издал книгу о европейском горном праве, в которой утверждал, что горная свобода «является самым совершенным из всех типов горных законов и потому представляет одно из необходимых условий развития горного промысла в тех местностях, где он действует»³⁶. Восстановление этого «типа горных законов» в России предполагалось путем «уравнения условий добычи ископаемых на землях как частных, так и казенных, другими словами, распространением закона о частной горной промышленности на свободных казенных землях, в главных его началах, на земли вла-

дельческие». В проекте предлагалось «разрешить разведку и разработку ископаемых, кроме самих собственников и владельцев, также казне и посторонним лицам».

На такой поворот в настроениях высшей бюрократии повлияли распространившиеся тогда в прессе и правоведении взгляды на необходимость возвращения к принципу горной свободы для развития мелкой и средней промышленности, которой препятствовала монополия заводчиков на минеральные ресурсы горнозаводских округов. «Бурное развитие в последние годы горнопромышленности выдвинуло на очередь вопрос о необходимости пересмотра и коренного изменения действующего ныне законодательства о правах владельцев поверхности земли также и на недра их земель, – убеждал А.С. Ермолов министра финансов С.Ю. Витте. – Возвращение к тому началу горной свободы, которое составляло основу нашего горного законодательства со времени императора Петра Великого и до конца прошлого столетия, несомненно, должно было послужить мощным стимулом к дальнейшему и еще более широкому развитию частной горной промышленности, устранив те препятствия, которые в сем отношении встречаются в действующем законодательстве. Осуществление сего без нарушения основных прав землевладения, казалось бы, тем более возможно, что в нашем законодательстве, именно в законах, действующих в губерниях Царства Польского, уже существует удачный прецедент разрешения сего вопроса с ограничением законом прав собственников земли». Но «ввиду чрезвычайной важности и разнообразия затронутых вопросов» министр предложил предварительно обсудить проект на совещании из представителей разных министерств и ведомств. В декабре 1897 г. император санкционировал создание комиссии, и уже в начале 1898 г. был определен ее состав³⁷.

Но в исполнении царского повеления министр «встретил существенные препятствия», которые заставили его отказаться от своего намерения и просить нового высочайшего соизволения об отмене прежнего. Причиной тому, видимо, стали поступившие царю ходатайства от дворян нескольких губерний (в частности Екатеринославской и Петербургской). Столичные дворяне, например, убеждали его, что «попытка при Петре Великом предоставить промышленникам права на недра земли была отвергнута жизнью. Вся масса русского населения отнеслась так враждебно к закону об отчуждении от действительных владельцев права на недра земли, что императрица Екатерина II торжественно манифестом 1782 г. признала за владельцами земли не только право на ее поверхность, но и на недра, и право разведок могло совершаться только с согласия владельца земли. В Привисленском крае права на недра находятся в условной собственности владельца, что составляет для них бедствие. Нельзя обездолить всю Россию по примеру Привисленского края»³⁸.

Вполне возможно, что среди авторов этого ходатайства были и уральские заводчики, большинство из которых проживало в Петербурге и принадлежало к дворянству этой губернии. Из них с наиболее аргументированной критикой проектов введения горной свободы выступал широко образованный владелец Чермозских (Кизеловских) заводов С.С. Абаме-

лек-Лазарев. Несколько позже, в начале XX в., он опубликует свои историко-статистические исследования, в которых попытается опровергнуть «получившие широкое распространение на разных совещаниях, комиссиях и съездах утверждения, что горная промышленность не может развиваться, если землевладельцы не будут лишены своего права собственности на недра земли». В противовес выводам А.А. Штофа, князь настаивал на том, что горная свобода нигде не способствовала развитию горной промышленности и была «несовместима с основой государственности, т. е. с правом собственности»³⁹.

Прозвучали выступления и из лагеря посессионеров, которые так же, как и вотчинники, вовсе не были заинтересованы в утрате своих, хотя и ограниченных, прав на недра отводных земель. В нашем распоряжении имеется безымянная записка, составленная, по всей видимости, в окружении владельцев Верх-Исетских заводов. В ней автор обрушился с гневной критикой на проектантов из министерства по поводу введения горной свободы. «Законы Петра I, Анны, Екатерины II были хороши, – писал он, – но здесь за законом шли люди дела, а не канцелярий. Де-Геннин положил основание нашей горной промышленности, он проводил людей вроде Никиты Антюфеева (Демидова), открывшего производство на сотнях заводов, при Анне работал Бирон (хотя для своей пользы), при Екатерине – Собакин (Яковлев), Демидовы, Строгановы, Турчанинов, Шувалов, Всеволожский, Лазарев, Походяшин и много других, коим оказывалось содействие, а не садили занозу, как ныне. Легче, конечно, создать занозы, чем испытывать их действие, и еще приятнее быть самому занозой, чтобы доказать свою силу и влияние... Если уже дело идет о дроблении крупных богатств, то так и надо сказать, а не иначе, и если мы до сих пор слышали, что богатство есть результат насилия или обмана, то слышали от подонков общества, почему и не относились к этому изречению серьезно, а считали лишь остроумной выдумкой. Теперь же, когда дело направляется сверху, от министра, мы должны серьезно подумать о своей будущности. Ведь проект закона прямо и всецело направлен к попранию закона о праве собственности, прикрываемого якобы нуждами и заботами о развитии горной промышленности. Такой же закон и из того же министерства идет и о лесах, приписанных частным лицам... Нигде, ни в одном государстве, нет такого произвола, какой допускается в России относительно горнозаводчиков. Везде во всех странах, во всех производствах допускается коммерческий секрет, но в горном деле его не допускается. Горный департамент говорит, укажи мне, чем ты владеешь, что имеешь, что вновь сделал, какими средствами, далее полиция требует, на какую ты сумму и чего сделал, сколько из этого продал, сколько заложил, сколько получил прибыли; земство норовит выяснить... не утаил ли чего, какие такие твои обороты, и вдруг первый кабатчик усматривает, что если он на копейку наживает пятак, а тут на вам: на рубль меньше пятака, дурь, богатства скрывают, норовят да при случае сорвать ... вдвое и валить. Пришли товары в Нижний, казенные от министерств статистики покорнейше просят вывернуть карманы и любезно сообщить, для чего я продаю железо на Астрахань, а не в Тверь и т. д. Скажите, где что-нибудь по-

добное допускается в наших коммерческих учреждениях и делах? Нигде, кроме горного дела, и, вывернув карманы, теперь вывернут и недра, бери, кто что сможет, была бы охота, а не хочешь брать, ройся, тормози, пусть ждет конца, пока в изнеможении не грохнется с помощью Штофа. Вот картина той действительности и будущей горнопромышленности»⁴⁰.

Вряд ли столь эмоциональный отзыв был доведен до министра или, тем более, императора. Скорее, на перемену их позиции повлияли обнаружившиеся негативные последствия действующих правил 1887 г. «Начала горной свободы, как показал опыт, ведут в большинстве случаев к результатам противоположным... и захватам обширных пространств казенных земель частными лицами вовсе не в видах их разработки, а в целях чисто спекулятивных», – было записано в высочайшем соизволении 28 января 1902 г. Поэтому прежде распространения этих правил на частные земли признали необходимым «пересмотреть некоторые постановления самого закона о частной горной промышленности на свободных казенных землях». Преждевременным было найдено и образование особой комиссии⁴¹.

Несмотря на неудачу первой комиссии, дело о введении волновавшей уральских заводчиков горной свободы было не снято, а всего лишь отложено. Оно вновь возникло в 1909 г. по инициативе Совета съездов горнопромышленников юга России. В отличие от заводчиков Урала, те не являлись владельцами земель и вынуждены были арендовать отводы у собственников – как правило, крестьянских общин. «Завышенные требования землевладельцев» не позволяли горнозаводчикам юга вести расширенные поиски руд, в связи с чем даже получило распространение мнение об ограниченности рудных запасов в Кривом Роге. «Обнаружение естественных богатств страны только и может быть достигнуто путем введения горной свободы», – считали они. Председатель Совета съездов Н.Ф. фон Дитмар намеревался представить в Министерство торговли и промышленности доклад по вопросу о недрах, что свидетельствовало о серьезности намерений влиятельных горнопромышленников юга.

Весной 1909 г. при министерстве создается Совещание о праве распоряжения недрами во главе с членом Горного совета А.М. Лоранским и с участием А.А. Штофа, представителей министерств внутренних дел, юстиции, Императорского двора, а также представителей горнопромышленных съездов: А.А. Ауэрбаха и В.И. Арандаренко (от юга), Д.П. Карницкого (от Урала), Ю.П. Гужона (от Замосковского района), В.В. Жуковского и С.А. Яблонского (от Царства Польского), Н.Н. Изнара (от бакинских нефтепромыслов) и барона А.Г. Гинцбурга (от золото- и платинопромышленников).

Тон первому заседанию 22 сентября 1909 г. задал А.А. Штоф, заявив, что совещание должно «решить принципиальный вопрос: признается ли необходимым введение в наше законодательство начал горной свободы?». Представителем Министерства внутренних дел Д.И. Пестржецким было высказано опасение, что «рассматриваемый вопрос напрямую связан с ограничением прав собственности обширного класса землевладельцев и, следовательно, затрагивает их существенные интересы». Поэтому, считал он,

решение должно быть обосновано «неопровержимыми статистическими данными, показывающими влияние того или иного горного закона на развитие горной промышленности». Это заявление вызвало споры.

Опираясь на результаты уже упоминавшихся трудов С.С. Абамелек-Лазарева, «отдельное мнение» которого было распространено среди членов совещания, Д.П. Карницкий пытался убедить их в том, что «развитие горной промышленности на Урале... происходило вполне независимо от типа горного закона, в ней действующего, и определялось совершенно другими условиями». «Если же обратиться к статистическим данным, – говорил он в своем выступлении, – то оказывается, что почти вся горная промышленность России сконцентрирована на $\frac{1}{10}$ ее пространства и именно в тех частях ее площади, где действующее законодательство не ограничивало до сих пор прав землевладельцев на недра, тогда как остальные $\frac{9}{10}$ площади империи, где действовали начала горной свободы, отличаются весьма слабым развитием горной промышленности». В.И. Арандаренко подверг сомнению «данные Карницкого», заявив, что они «не имеют никакой доказательной силы». Эту точку зрения поддержал и А.А. Штоф. «Необходимость введения начал горной свободы, – полагал он, – нет никакой возможности доказать какими-либо статистическими данными, так как дробление недр совершенно не поддается статистическому учету, и тип горного законодательства, построенный на принципе горной свободы, может совершенно потеряться в массе других условий, не в меньшей мере влияющих на развитие горной промышленности. Поэтому должно быть обосновано другое соображение – об общегосударственной важности развития в стране горной промышленности, важности, допускающей в данном случае некоторые ограничения по отношению к известным ископаемым такого бесспорно непоколебимого института как право собственности... Наиболее интенсивное изучение и наиболее полная эксплуатация ископаемых богатств представляется делом государственной важности, а для этого наилучшие, а в некотором смысле и единственно возможные условия предоставляются горным законом, построенным на началах горной свободы и распространяющим свое действие на земли всякого владения без исключения. Это обстоятельство было ясно создано законодателями всех европейских стран, почти на всей площади которых, за исключением лишь Англии и частей Швейцарии и Италии, горное законодательство построено на началах горной свободы»⁴².

Выявившиеся разногласия, шедшие от различий во взглядах теоретиков и интересах региональных групп предпринимателей, подтолкнули совещание пойти по традиционному в такой ситуации пути создания подкомиссии для выработки сбалансированного проекта правил о частной горной промышленности под председательством юрисконсульта Министерства юстиции К.Г. Высоцкого. Базовым принципом ее работы стало признание права на разработку недр частных земель «особым вещным правом в чужом недвижимом имуществе», т. е. сервитута, что ущемляло права собственника.

Видимо, тогда к работе совещания и подключился С.С. Абамелек-Лазарев, бывший в то время членом Горного совета министерства. Тонкий знаток горного права тут же обнаружил недостатки такого подхода. «Призна-

ние права разработки недр, – сообщал он, – лишь правом в чужом недвижимом имуществе, вводя в Горный устав новое начало и коренным образом его изменяя, вместе с тем не представляет широкого простора ни горнопромышленнику, так как лишает его возможности в необходимом случае приобретать недра с целью не разработки ископаемых, а лишь прохода через недра, ни собственнику имения, так как проект не устанавливает права собственника продавать поверхность без недр». Внимание было обращено и на то, что право на недра как на недвижимое имущество «сводило к нулю значение законопроекта для большинства промышленных предприятий», ввиду того, что в некоторых регионах империи было запрещено приобретать недвижимое имущество иностранцам, евреям и акционерным обществам некоторых видов.

Вместо введения сервитута он предложил установить особый вид собственности на недра и предоставить собственнику имения право учреждения отводов, подобно праву казны на принадлежавших ей землях. «В рассматриваемых проектах закона смешивалось понятие недр с понятием об ископаемых, что и вызывало затруднения, – утверждал князь. – Они снимаются, если ввести в закон принцип разделения прав на поверхность от прав на недра как отдельного вида права собственности, которое собственник может отдельно от права на поверхность отчуждать, дарить, завещать, закладывать и пр.» Таким образом, не путем дробления самой земельной собственности, как предлагало совещание, а посредством дробления права собственности решался сложный юридический вопрос без ущемления прав землевладельца. Он не утрачивал никаких своих прав и даже не ограничивался в них, а приобретал сразу два отдельных права собственности – на поверхность и на недра, которыми мог свободно распоряжаться. С.С. Абамелек-Лазарев лишь допускал установление двух «естественных» сервитутов: «обязательного», предполагавшего право выхода шахтной разработки на поверхность, и «факультативного», когда собственник поверхности по своему желанию мог разрешать занять часть поверхности «для горнопромышленных надобностей».

На заседании 4 февраля 1910 г. «проект С.С. Абамелек-Лазарева» поддержали представители министерств, включая и К.Г. Высоцкого. «Объяснительную записку» подали А.А. Ауэрбах и А.Г. Гинцбург. В ней утверждалось, что предложение князя «есть не что иное, как установление у нас частичной факультативной горной свободы, и именно поэтому проект заслуживает полного внимания». В результате совещание «признало желательным установление в законе особого вида права на недра»⁴³. Посессионерам в такой ситуации ничего другого не оставалось, как с удвоенной энергией добиваться признания отводных земель своей собственностью, ставшей вдвое ценнее и привлекательнее благодаря предложению их конкурента-вотчинника. Тем не менее практических последствий деятельность этого совещания не имела. В последних Дополнениях 1912 г. к Своду законов по-прежнему было записано, что «право полной частной собственности в имуществах недвижимых объемлет не одну поверхность земли, но и самое ее недра; и потому оно простирается на все сокровенные минералы и на все

металлы, из них происходящие»⁴⁴. В последующие годы, несмотря на то что во главе Горного департамента встал защищавший прежде интересы горно-промышленников юга В.И. Арандаренко, начавшаяся мировая война, скорее всего, заставила отложить этот вопрос до лучших времен и спасла уральских заводчиков от опасностей, грозивших им при введении горной свободы.

Влияние принципов «условности» и «нераздробимости»

Среди крупных недостатков посессионного права в начале XX в. заводчики выделяли условность владения, ограниченного временем действия заводов, законодательно установленного в 1862 г. «Право казны вступить в управление посессионным именем или право продать с торгов заводы, которые после трех лет бездействия так его и не возобновили», свидетельствовал А.С. Недошивин, в значительной степени лишает возможности кредита, в особенности самого дешевого в земельных банках. По той же причине предприятия, перешедшие в акционерную форму, затрудняются привлечь паевой и ссудный капиталы путем выпуска облигаций. В качестве примера указывался Сысертский округ, которому Государственный банк отказал в ссуде под оборудование заводов, и Невьянское акционерное общество, которому было отказано в ипотечной ссуде и выпуске облигаций⁴⁵.

Вопрос о залоге посессионных округов оказался настолько острым, что даже вызвал обсуждение в законодательных органах. 4 марта 1906 г. 32 члена Государственной думы внесли запрос в правительство «по поводу залога в кредитных установлениях посессионных земель на Урале». Депутаты утверждали, что подобные сделки «существенным образом нарушают права и интересы казны и местного заводского населения, угрожая, в случае остановки действия заводов, казне невозможностью отобрать безвозмездно от заводчиков казенные дачи, а в случае обращения взыскания по закладным на земельные лесные угодья – угрожая местному крестьянскому населению невозможностью получить земельное обеспечение». Этим, считали они, определяется «незаконность и недопустимость залога посессионных земель, даже независимо от общего соображения о том, что нельзя закладывать имущество, не принадлежащее должнику на праве собственности». Депутаты утверждали, что указ от 13 декабря 1820 г., санкционировавший залог посессионных имений по числу ревизских душ, относился лишь к тем из них, которые пользовались прежде пособием в людях и были переведены в разряд владельческих в 1863 г. Закон же 4 июня 1824 г., разрешивший Государственному Заемному банку выдавать ссуды под залог посессионных предприятий, и закон 29 июля 1852 г., подтвердивший это разрешение, рассматривались ими как «меры исключительные, относящиеся единственно к этому банку», упраздненному еще в 1859 г. Депутаты допускали лишь возможность залога «условного права заводчиков пользоваться казенными землями и лесами», но не сами эти посессии, «как определенную имущественную ценность», и приходили к заключению о неправомерности действий Горного департамента и министра финансов, разрешивших ипотечные займы⁴⁶.

Неожиданно депутаты нашли поддержку своей позиции в лице юрисконсульта Министерства финансов, которое они критиковали за «забвение государственных интересов». Правда, поводом к заключению юрисконсульта послужил не столько этот запрос, сколько ходатайство Нижегородского-Самарского земельного банка. В залоге у этого коммерческого банка уже находились Нижнетагильский и Сысертский округа; пытались получить там ссуду и владельцы Невьянских заводов. В сложившейся неоднозначной ситуации правление банка попыталось заручиться государственной санкцией на подобные залоговые операции и просило изменить устав банка «в смысле предоставления ему права выдавать ссуды под залог горных заводов, состоящих в частном владении на праве посессионном».

Опираясь на общегражданское законодательство, в соответствии с которым отдавать в залог разрешалось «только то имущество, которое принадлежит отдающему по праву собственности», юрисконсульт находил ходатайство банка «не подлежащим удовлетворению по действующим ныне законам и могущим быть разрешенным лишь новым законом». По отношению к уже имевшимся случаям залогов посессионных заводов его позиция была не столь однозначной. Он считал, что эти залоговые операции не могут быть оспариваемы самими их участниками, но они должны быть признаны судом необязательными «по спору третьих лиц, простирающих какие-либо права на заводы (например в качестве личных кредиторов)... как совершенные вопреки закону»⁴⁷.

Советом съездов горнопромышленников Урала было поручено отбиться от депутатов А.С. Недошивину, хорошо знавшему проблему. В своих записках он доказывал, что залог посессионных заводов разрешен особым законом 1820 г., распространявшимся на все округа независимо от вида посессии, а необходимую при залоге санкцию Горного департамента следует рассматривать не как дискреционное право запрета продажи или залога имения, а лишь как право проверки законности сделки. В случае несостоятельности владельца, утверждал он, право владения переходит на залогодержателя, который может продать округ с торгов или оставить за собой. На него в таком случае переходят и все обязательства прежнего владельца, в том числе и по обеспечению заводского населения. В ответ на опасения депутатов по поводу нарушения прав казны он пояснял, что «законом вовсе не установлено право казны на безвозмездное взятие обратно от заводчиков посессионного имения даже в случае приостановки заводских действий на трехлетний срок», а дано лишь право брать заводы в казенное управление для восстановления действия или назначать в публичную продажу новому владельцу, «могущему возобновить заводское действие». «Между понятием о взятии безвозмездно и взятии в управление есть громадная разница», – пояснял он.

В противовес позиции депутатов А.С. Недошивин утверждал: «...с точки зрения интересов горнозаводской промышленности, государства и местного населения залог вообще и главнейшим образом в земельных банках является не только желательным, но... и необходимым. Настоящие условия горной промышленности требуют сосредоточия громадных капиталов.

Чтобы иметь возможность выступать на рынке с произведениями железной промышленности, необходимо иметь большое массовое производство, позволяющее вводить дорогостоящие новейшие технические оборудования, способствующие удешевлению производства. Вообще в настоящее время горнозаводское предприятие в малых размерах не может существовать. Предприятия же с достаточной производительностью требуют сумм, выражающихся миллионами рублей. Уральские же горнопромышленные предприятия находятся еще в более тяжелом положении, так как, вследствие невозможности приобретать по свободной рыночной цене горючее в любом количестве, они обязаны владеть обширными лесными пространствами, обеспечивающими жизнь их заводов. Владение же этими обширными пространствами вызывает чрезмерные накладные расходы и задолженность в недвижимом имуществе громадных капиталов – мертвых для самой железной промышленности... вот почему предоставление заводчикам путем залога из льготных процентов земельных банков вернуть часть капиталов, вложенных в недвижимое имущество, и обратить их на нужды заводские можно только приветствовать, ибо от расширения заводской производительности и улучшения положения промышленности Урала государство и местное население только выиграют»⁴⁸.

В дополнение к возражениям А.С. Недошивина свою объяснительную записку подал П.Г. Солодовников – крупный банкир и будущий владелец Ревдинских заводов. Доказывая возможность залога, он использовал беспроектный вариант неоднозначности трактовки посессионного права в российском законодательстве. В частности, он доказывал, что статья, вошедшая в Горный устав 1893 г. и называвшая земли посессионных заводов «казенными, состоявшими в бессрочном пользовании... выражает лишь взгляд кодификаторов этого сборника и отнюдь не вытекает из конструкции нашего закона». «Кассационный Сенат, – считал он, – в отличие от некоторых своих предыдущих суждений, в 1899 г. толковал право посессии как особый вид сервитута, исходя из положений именно этого Горного устава, который, в отличие от устава 1832 г., утвержденного Высочайшей властью, являлся всего лишь трудом кодификационным». Во времена же составления свода законов действовало иное «определение существа посессионного права», подтверждение чему П.Г. Солодовников находил в «Положении об открытии вновь займов из Государственного Заемного банка» 1824 г. В этом акте указывалось, что закладываемое имение может принадлежать заемщику банка «в собственности на праве посессионном». Таким образом, заключал автор записки, «посессию следует вернее определять как право неполной собственности, что вовсе не делает ее исключением из разрешения залога имуществ, лишь состоявших в собственности, без указания, что только на праве полной собственности»⁴⁹.

По актуальному вопросу о залоге пришлось вскоре высказаться и горным чиновникам. Оправдывая свои действия, они согласились с доводом А.С. Недошивина, что горное ведомство никогда не рассматривало свою обязанность давать «разрешительные свидетельства» на продажу или залог заводов в качестве своего дискреционного права, а понимало, «как и следу-

ет, в смысле... предотвращения нарушений... законных условий таких актов». Доводы П.Г. Солодовникова не были приняты во внимание ввиду их «спорного характера». Но решение оказалось все-таки в пользу посессионеров. С помощью министра юстиции в законодательстве было найдено определение, что «на точном основании гражданских законов... отдавать в залог недвижимое имущество могут все те лица, которые имеют право отчуждать оное продажей». Поскольку посессионеры, несомненно, имели такое право, хотя и с оговоркой «не иначе как совместно с прикрепленными к заводам землями и лесами, только на том же посессионном праве и без раздробления», то, следовательно, и залог их заводов вполне соответствовал действующему законодательству. «Если поставить вопрос: имеет ли право заводчик заложить посессионные леса и земли – ответ будет отрицательным, – пришли к единодушному мнению чиновники, – если заложить горнозаводский округ – утвердительный, так как за посессионерами признается право продажи горнозаводского округа, а отдавать в залог разрешено недвижимое имущество, которое можно отчуждать»⁵⁰.

На этом основании было разрешено принимать в залог посессионные округа, но «с непременным условием затрачивать полученные суммы в заводское дело под контролем Правительства, а не посессионеру... под свои нужды»⁵¹. На этом основании Совет министров в 1909 и 1910 гг. дал разрешение заложить Верх-Исетский и Алапаевский посессионные округа⁵². Но, жаловались заводчики, оставались препятствия, связанные с сложным порядком залога посессионных имений. В записках 1912 и 1914 гг. посессионеры вновь обращали внимание властей на трудности привлечения капиталов со стороны. Утверждалось, что «при получении ссудного капитала путем залога имения формальности настолько велики, что при удаче привлечения половина выгоды теряется из-за несвоевременности получения нужных средств». Так, на выдачу упомянутых разрешений «пользоваться некоторым кредитом... требовалось в каждом отдельном случае не менее года». Кроме того, «значение льготной практики Правительства чрезвычайно ослаблялось постановлением Горного устава... о нераздробимости посессионных округов. В виду этого правила залог посессионных округов допускался лишь в полном его составе, что чрезвычайно затрудняло дело»⁵³.

Этот принцип посессионного владения, наряду с условностью, также звучал во всех ходатайствах заводчиков. По их утверждению, он не только затруднял кредитование, но и лишал посессионеров возможности «целесообразно распределять и эксплуатировать свои имущества», а также препятствовал «свободному обмену естественных богатств между отдельными предприятиями Урала». В 1907 г. А.С. Недошивин указал на известный ему пример Невьянских заводов, которые были «вполне обеспечены рудами, но терпели острую нужду в лесах... и не могли обменять часть своих рудных богатств, например, ненужный для них и не разрабатывавшийся Высокогорский участок, на лесные площади у того завода, который имел избыток в лесах и терпел нужду в рудах». В соседнем Нижнетагильском округе лесные дачи находились на значительном расстоянии от заводов и управле-

нию выгоднее было покупать горючее на стороне, хотя можно было бы обменять свои отдаленные дачи на близлежащие или продать их, «употребив вырученные суммы на техническое усовершенствование заводов». В Алапаевском округе могло бы возникнуть «самостоятельное медное дело», во многих других округах – добыча хромистого железняка, серного колчедана и пр. «Правда, – соглашался А.С. Недошивин, – и ныне есть путь к подобному обмену и продаже посессионных угодий – это испрошение отдельно каждый раз Высочайшего повеления, но этот путь, как исключительный, является, вообще говоря, крайне нежелательным и, помимо сего, требует слишком значительного времени, в течение которого покупатель может отказаться от приобретения у посессионера части его имения, как это и было, например, с Чусовскими заводами, желавшими приобрести от Невьянских заводов Высокогорский участок, но затем прекративших переговоры о покупке»⁵⁴.

Директор Горного департамента Д.П. Коновалов тогда же обращал внимание еще на одно следствие нераздробимости, заставлявшее посессионера одновременно заниматься «целым рядом производств, не имеющим между собой никакой связи». Они «волей-неволей вынуждены вести одновременно железное, медное и золотое дело, причем неуспех какого-либо из них весьма вредно отзывается на других предприятиях». «Поэтому возможность отделить какое-либо из этих производств в посторонние руки, несомненно, способствовало бы успеху всего дела... История промышленности указывает, – подчеркивал директор, – что значительных успехов в производствах можно достичь только при строгой специализации, чего нельзя ожидать от предприятия, имеющего самые разнообразные производства и промыслы»⁵⁵. На этом же обстоятельстве акцентировалось внимание и в записке посессионеров 1912 г.: «Во многих посессионных округах существует целый ряд производств и промыслов, ничего общего одно с другим не имеющих; так, например, в Нижнетагильском, Верх-Исетском и Сыертском округах имеются медное дело, золотые и платиновые прииски. Каждое из этих производств и промыслов могло бы быть вполне самостоятельным большим предприятием, если бы вложить в каждое из этих дел достаточное количество капиталов, образовав самостоятельные общества; но так как по закону все они составляют неразрывное целое, то найти для всех их необходимые средства гораздо труднее. Кроме того, вследствие неразрывности отдельных производств, крайне затруднена постановка хозяйственной и административной частей предприятий»⁵⁶.

Озабоченность директора департамента и заводчиков не была беспочвенной. Это доказывает пример Нижнетагильского округа Демидовых. Как и во многих горнозаводских хозяйствах Урала, вышедших из кризиса начала XX в. с серьезными потерями, там был задуман план коренной технической реконструкции заводов. Для его дополнительного финансирования председатель Главного правления А.Н. Ратьков-Рожнов в 1913 г. предложил выделить из состава окружного хозяйства наиболее доходную платиновую отрасль и создать на ее основе акционерное общество из владельцев, акции которого можно было бы заложить в банке.

Основной владелец заводов Е.П. Демидов безоговорочно поддержал эту идею несмотря на то, что она шла в разрез с принципом нераздробимости посессионных округов. В своих письмах из Афин, где уральский заводчик был российским посланником, он предупреждал председателя правления о том, что будет сложно «получить ссуды из банков под не котирующиеся на бирже акции». «В этом вопросе надлежало бы объяснить программу нашу Кокцову, – предлагал Е.П. Демидов, – и заручиться его разрешением и содействием закладывать эти акции в том или ином виде либо в Государственном, либо в частном банке. Он поймет, что акции эти чего-либо стоят, а для полной гарантии можно бы даже согласиться на присутствие какого-нибудь чиновника Министерства финансов в Совете нового общества. Вообще, мне кажется, что выход тут есть...»⁵⁷ «Не знаю, – вновь возвращался Е.П. Демидов к волновавшей его теме в другом письме, – насколько Вы сочувствуете относительно к моему предложению обратиться непосредственно к Кокцову с просьбой, изложив ему все дело, гарантировать нам ссуду под акции нового платинового общества хотя бы в размере 60% их номинальной стоимости... В таком случае... денег на переустройство заводов хватило бы надолго». Видимо, обращение к председателю Совета министров не состоялось или не принесло успеха. В июле 1913 г. министр торговли и промышленности С.И. Тимашев запретил организацию акционерного общества как нарушавшую пресловутый принцип нераздробимости, что не лучшим образом отразилось на ходе реконструкции Нижнетагильских заводов⁵⁸.

«Нераздробимость имела смысл лишь в прежние времена, – констатировал А.С. Недошивин в 1907 г., – когда не была развита сеть железных дорог и каждый завод для обеспечения своего действия должен был иметь свою руду, дрова и уголь. В настоящее же время, когда открываются рынки и руды, и дров, и даже появляется возможность приобретать древесный уголь, – для заводов представляется возможность работать на покупных сырых материалах. Поэтому в настоящее время дробление посессионных имений и не представляется настолько опасным, так как уменьшение, например, лесной площади или рудных богатств не поставит завод в необходимость уменьшать заводское действие, а лишь заставит его приобретать необходимые материалы на стороне»⁵⁹. Тем не менее базовые принципы горнозаводской посессии – условность и нераздробимость – продолжали действовать, несмотря на осознание их всевозрастающего негативного влияния на развитие промышленности.

Наконец, еще одним поводом к жалобам посессионеров стала повышенная горная подать – неотъемлемое следствие посессионного права. Судя по тому, что заводчики энергично просили ее уменьшения в 1860-е и 1900-е гг., можно предположить, что тяжесть подати особенно сильно ощущалась в кризисные периоды развития горнозаводской промышленности, т. е. когда падали доходы. Еще в 1866 г. посетивший Урал герцог Н.М. Лейхтенбергский констатировал, что «высокая горная подать ложится тяжким бременем на частную горнозаводскую промышленность», в результате чего «некоторые заводы принуждены были закрыть свое производство только по одной этой причине». По его сведениям, в странах Западной Европы гор-

ные подати не превышали 7% с валового дохода, а в России «они определены с такого же дохода в 10% для заводов на праве собственности и 15% для посессионных заводов». Такая подать, «слишком тяжелая для заводчиков», приносила государству всего до 2,5 млн руб. и ее уменьшение, полагал герцог, «едва ли существенно могло поколебать государственный бюджет»⁶⁰.

Это мнение легло в основу планов Горной и Податной комиссий провести податную реформу. Ее смыслом должно было стать не только существенное снижение горной подати, но и изменение ее структуры. Предполагалось, в частности, отменить оброчную подать с доменных и медеплавильных печей, заменить денежной натуральную подать с меди и вовсе не облагать податью добычу каменного угля, антрацита, металлических руд, драгоценных камней и минералов. Эти предложения были одобрены тогда не только Министерством финансов, но и Государственным советом. В соответствии с его мнением от 29 мая 1869 г. был отменен оброчный сбор, натуральная подать с меди заменена на денежную и существенно снижен размер попудной подати. С этого времени владельческие заводы вместо 2½ коп. сер. стали платить 1½ коп. с пуда чугуна и по 50 коп. с пуда меди «для коренных месторождений» и по 25 коп. – «для месторождений осадочных на западном склоне Урала». Для посессионных заводов сохранилась полуторная разница в платеже попудной подати. Вместо прежних 3¾ коп. с пуда чугуна они должны были платить по 2¾ коп. и по 1 руб. или по 75 коп. с пуда меди в зависимости от характера месторождения⁶¹. Натуральная подать сохранилась только для драгоценных металлов.

На рубеже XIX–XX вв. была осуществлена вторая податная реформа, касавшаяся уральских заводов. Она была связана с общим реформированием налоговой системы в России, и в частности с введением 8 июня 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге». С этого времени предприниматели должны были оплачивать основной патентный сбор путем выборки промысловых свидетельств и дополнительный промысловый налог, состоявший из раскладочного сбора (определялся на основании показателей средней прибыльности и ежегодно устанавливался по районам казенных палат) и процентных сборов с капитала и прибыли, взимаемых в прогрессивном порядке. На первом этапе реформы ее действие было распространено только на медеплавильные предприятия. Горная подать с меди тогда была отменена «с тем, однако, чтобы взимаемая с меди на заводах посессионных добавочная подать (прежняя разница в величине подати между посессионными и владельческими заводами. – *Е.Н.*) в размере 50... и 25 коп. с пуда... была оставлена на существующих основаниях»⁶².

Введенный 7 июня 1899 г. Монетный устав отменил горную подать с серебра, а мнение Государственного совета от 12 марта 1901 г. распространило промысловый налог на предприятия, добывающие золото и платину на владельческих, посессионных и свободных казенных землях, что означало отмену горной подати на эти металлы. Добыча драгоценных металлов была обложена раскладочным сбором, который производился «по совокупности прибыли от всех расположенных в пределах одного раскладочного участка приисков»⁶³. Наконец, указом от 20 июля 1901 г. на всей территории

империи отменялась и подать с чугуна. С целью «уровнять положение чугуноплавильного производства в отношении государственного обложения с другими отраслями промышленности» она была заменена тогда общим промысловым налогом. Но действующее посессионное право наложило свой отпечаток на эту реформу. Как и в отношении меди, для посессионных заводов в дополнение к новому налогу была сохранена добавочная горная подать, составлявшая тогда $1\frac{1}{4}$ коп. с пуда чугуна⁶⁴. В Верх-Исетском округе, например, эта подать в два раза превышала все разновидности промыслового налога. В 1902–1908 гг. она составляла от 41 до 52 тыс. руб., в то время как налог равнялся 23,5 тыс. руб.⁶⁵

Понятно, что если прежде на подать жаловались все заводчики независимо от статуса, то теперь ходатайства о предоставлении льгот в уплате горной подати стали поступать только от посессионеров. В условиях промышленного кризиса начала XX в. даже эта добавочная подать для многих из них оказалась непосильной. Так, крупнейшие Нижнетагильские заводы в те годы вынуждены были прекратить уплату подати, из-за чего на самом пике финансового кризиса в 1907–1909 гг. Министерство финансов даже предлагало взять их в казенное управление для продажи с публичных торгов⁶⁶.

В 1907 г. управления Нижнетагильскими, Невьянскими, Алапаевскими, Верх-Исетскими и Сысертскими заводами обратились к министру с очередным общим ходатайством об отсрочке на год горной подати и раскладочного налога с золота, несмотря на то что в 1905 г. такая отсрочка была уже предоставлена. «Для обсуждения ходатайств управлений посессионных заводов» при министерстве собралась специальная комиссия под председательством директора Горного департамента Н.А. Иоссы. «Признав со своей стороны затруднительным современное положение посессионных заводов», она пришла к выводу о необходимости и целесообразности оказания им правительственной поддержки в форме льгот в платеже горной подати, поскольку «заводы ныне особенно нуждаются в деньгах и затрудняются в реализации даже относительно незначительных сумм». Еще в большей степени, решили чиновники, требуется помощь горнозаводскому населению, благосостояние которого «представлялось ближайшим образом связанным с продолжением заводского действия даже и для тех немногих районов Урала, где имелись налицо благоприятные условия для развития земледельческого труда». Ходатайство заводоуправлений поддержал Совет съездов горнопромышленников Урала, заявивший, что даже земства вынуждены были в такой ситуации рассрочить уплату земельных сборов с посессионных заводов. «В течение двух ближайших лет, – полагали его представители, – надо ожидать улучшения, главным образом, благодаря деятельности синдиката «Кровля», уже ныне добившегося некоторого, хотя и незначительного пока повышения цен на листовое кровельное железо и рассчитывавшего, не без оснований, на дальнейший успех в этом направлении».

Признав необходимость предоставления новой льготы, комиссия, вместе с тем, «не могла не признать, что положение... далеко не одинаково для всех горнозаводских округов». Так, Верх-Исетские и Нижнетагильские заводы,

посчитали там, «находятся сравнительно в менее затруднительном в отношении денежных средств положении, так как задолженность их по сравнению с основным капиталом представляется значительно меньшей, чем прочих заводов... и у них имеется медное производство, чрезвычайно прибыльное в настоящее время в виду крайне высоких цен на медь». Незначительной представлялась членам комиссии и общая сумма раскладочного сбора за золото (всего около 42 тыс. руб.), отсрочка которого не могла оказать «сколь-ко-нибудь существенного облегчения заводам». В итоге было рекомендовано дать отсрочку подати за чугун, а также за медь, выплавленную в 1905 г. еще при низких ценах. В отсрочке сбора за золото было отказано⁶⁷.

Обобщая критику стеснительных ограничений посессионного права в начале XX в., заводчики утверждали, что «в настоящее время не существовало ни одного условия посессионного владения... которое бы не утратило своего значения и не являлось бы лишь помехой к правильной постановке заводского хозяйства». Они признавались, что эти ограничения заставляли их «как бы жить в XVIII в.» и лишали возможности «установить в своих имениях законное и рациональное хозяйство».

Общим результатом ограничений предпринимательской свободы, по мнению посессионеров, стало снижение конкурентоспособности их заводов. «Усовершенствования в горнозаводском деле вызывают заводчиков на частые переустройства в печах и машинах, что сопряжено с крупными затратами, – писали они. – Строительство железных дорог, мостов, пароходов и др. часто изменяют сортаменты потребных металлов по размерам и качеству. Заводы владельческие, ничем не стесняемые, легко применяются к выполнению подобных требований; посессионные же, при сложной регламентации, не в силах конкурировать с ними. Их соперниками будут даже заводы, могущие явиться на наделах населения, имея преимущество в оплате металлов нормальной горной податью, а не полуторной. С заводами же новейшего типа, действующими на минеральном сгораемом, при посессионных условиях еще труднее конкурировать». «В настоящее время частные горные заводы, самые благоустроенные, приносят весьма мало выгоды владельцам, – констатировали посессионеры в начале XX в., – счастливы те, которые получают хотя самую умеренную прибыль на оборотный капитал; о том же, чтобы получать какие-либо проценты от затраченных на устройство заводов огромных основных капиталов, никто не позволяет себе и думать»⁶⁸. Все это в совокупности заставляло заводчиков настаивать на полной ликвидации посессионного права и активно участвовать во всех мероприятиях властей, направленных к достижению этой цели.

¹ Удинцев В.А. Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 319–320.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.

³ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.

⁴ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 363–374 об.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 868. Л. 1–5.

⁶ Там же. Л. 10–11, 17.

- ⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1908. Ч. III, вып. 1. С. 3–10.
- ⁸ *Митинский А.Н.* Горнозаводский Урал. СПб., 1909. С. 235–236.
- ⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1477. Л. 17–18.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 349–353.
- ¹¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1907. Ч. II. С. 16–17.
- ¹² ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 229. Л. 54–55, 69; Д. 710. Л. 209–210.
- ¹³ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. II. С. 20–21.
- ¹⁴ Уральская железная промышленность в 1898 г. / Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. Ч. 1. Гл. 4. С. 96.
- ¹⁵ *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 82–87.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4691. Л. 24–29 об.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.
- ¹⁸ Там же. Д. 1520. Л. 47, 132, 202.
- ¹⁹ *Грузинов А.С.* Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009. С. 221–263.
- ²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1520. Л. 132.
- ²¹ Уральская железная промышленность в 1898 г. Ч. 1. Гл. 4. С. 96.
- ²² *Гуськова Т.К.* Указ. соч. С. 63–73, 102.
- ²³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 356–359 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7034. Л. 2–4.
- ²⁵ Там же. Оп. 19. Д. 471. Л. 3.
- ²⁶ Там же. Л. 1.
- ²⁷ ПСЗ-II. Т. 44. № 47149.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 471. Л. 26–38, 44, 60–62, 65.
- ²⁹ Там же. Оп. 19. Д. 1321. Л. 6–8, 47, 87–89, 107–109, 121, 131–132, 141, 153.
- ³⁰ РГИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.
- ³¹ Там же. Ф. 37. Оп. 67. Д. 195. Л. 12–18.
- ³² Там же. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.
- ³³ ПСЗ-III. Т. 7. № 4521
- ³⁴ ПСЗ-II. Т. 45. № 48499; ПСЗ-III. Т. 12. № 8545.
- ³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2078. Л. 3.
- ³⁶ См.: *Штоф А.А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896.
- ³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2078. Л. 1–5, 19, 52–55 об.
- ³⁸ Там же. Л. 48–51.
- ³⁹ См.: *Абамелек-Лазарев С.С.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902; *Он же.* Нужно ли вводить в России горную свободу, отмененную в Германии. СПб., 1909; *Он же.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. СПб., 1910.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 1–13 об.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2078. Л. 52–55 об., 56.
- ⁴² Там же. Оп. 67. Д. 491. Л. 1–5.
- ⁴³ Там же. Л. 18–21 об., 23–42, 46–50.
- ⁴⁴ Дополнения к СЗ 1893 г. СПб., 1912. Т. 7. Устав Горный. Ст. 193.
- ⁴⁵ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. III, вып. 1. С. 3–10.

- ⁴⁶ Там же. Вып. 2. С. 57–67.
- ⁴⁷ Там же. С. 81–89.
- ⁴⁸ Там же. С. 67–81, 90–96.
- ⁴⁹ Там же. С. 97–107.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5–21 об.; Оп. 67. Д. 195. Л. 31 об.
- ⁵¹ Там же. Оп. 67. Д. 472. Л. 1–13.
- ⁵² *Митинский А.Н.* Посессионное право. СПб., 1911. С. 94–95; ПСЗ-III. Т. 30. № 33978.
- ⁵³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146; Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.
- ⁵⁴ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. III, вып. 1. С. 3–10.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 72–81.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.
- ⁵⁷ РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.
- ⁵⁸ Там же. Л. 11–15.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 81 об. – 82 об.
- ⁶⁰ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. СПб., 1868. Прил. XIX.
- ⁶¹ ПСЗ-II. Т. 44. № 47149.
- ⁶² ПСЗ-III. Т. 18. № 15601.
- ⁶³ Там же. Т. 19. № 17120; Т. 21. № 19788.
- ⁶⁴ Там же. Т. 21. № 20572.
- ⁶⁵ *Митинский А.Н.* Горнозаводский Урал. С. 84.
- ⁶⁶ *Буранов Ю.А., Бугаева С.Я.* К истории акционирования горнозаводской промышленности на Урале (на примере Нижнетагильского горного округа) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. Сб. 13. С. 100–104; *Гуськова Т.К.* Указ. соч. С. 118–123.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 69–76.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 363–374 об.

3. ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ: ОТ ГОРНОЙ ДО ОСОБОЙ КОМИССИИ 1897 г.

Проекты Горной и Податной комиссий

Возможность «пересмотра существующих горных узаконений» была допущена государством еще в 1852 г. В соответствии с мнением Государственного совета от 16 июля того года, смысл этого пересмотра заключался в том, чтобы «в случае обнаружения в Горном уставе таких постановлений, которые бесполезно стесняют горнозаводскую промышленность, препятствуют ее успехам и ограничивают дальнейшее ее развитие», составлялись бы «предположения о мерах обеспечения в пользу сей промышленности»¹.

В ходе составления новой редакции Горного устава для Свода законов 1857 г. вновь была признана «необходимость в коренном преобразовании основных начал горного законодательства». «Так или иначе, но административный контроль, – свидетельствовали современники, – настолько устарел в своих формах, выполнения этого контроля местными чиновниками горного ведомства были настолько стеснительны для заводчиков и в то же

время настолько не соответствовали предположенной цели развития горного промысла, что, наконец, правительство, сознав неудобность существующего порядка, учредило особую Комиссию для пересмотра всего Горного устава»².

Тогда же Государственный совет, «приняв во внимание причины, изложенные в представлении министра финансов о составлении полного проекта новых узаконений, до горной промышленности относящихся, мнением, высочайше утвержденным 13 мая 1857 г., положил: заключение министра финансов по сему предмету утвердить, предоставив ему привести оное в надлежащее исполнение»³. При министерстве была учреждена Комиссия для пересмотра Горного устава и «составления новых горных законоположений, вызываемых современными требованиями», под председательством начальника штаба Корпуса горных инженеров генерал-лейтенанта В.Е. Самарского-Быховца. Членами ее были назначены генерал-лейтенанты Р. Армстронг, А.А. Иосса, Н. Бутенев 1-й и Л.А. Соколовский, генерал-майор А.А. Перетц, действительные статские советники И.П. Арапетов и Ф.И. Раселли, капитаны А.И. Антипов, Н.И. Михайлов и штабс-капитан Н. Аксаков. При обсуждении отдельных вопросов на заседания комиссии в качестве консультантов допускались депутаты от горнозаводчиков, которыми в разное время выступали князь С.Д. Абамелек (зять владельца Кизеловских заводов Х.Е. Лазарева), М.В. Пашков (владелец южно-уральских медеплавильных заводов), Г.В. Дружинин (муж владелицы Кыштымских заводов О.П. Дружининой), Д.Е. Бенардаки (владелец Авзяно-Петровских, Троицких и Кажимских заводов), Н.Н. Манзей (сын совладелицы Алапаевских и Невьянских заводов С.С. Манзей), граф А.А. Стенбок-Фермор (сын владелицы Верх-Исетских заводов Н.А. Стенбок-Фермор), С.М. Добровольский (уполномоченный Демидовых), Н.Н. Анциферов (уполномоченный Строгановых) и др.

Судя по журналам заседаний, Горная комиссия не только выполняла свое прямое назначение, в ней обсуждались все сколько-нибудь важные дела, касавшиеся горнозаводской промышленности. «Когда возник вопрос об улучшении быта крепостного населения, – записано в одном из журналов, – в той же комиссии сосредоточены были все занятия по составлению предварительных соображений о мерах к улучшению быта крестьян, находящихся при казенных и частных заводах. Выработанные по сему предмету в особых комитетах частных заводоладельцев Уральском, Оренбургском и Московском предположения также подвергнуты были рассмотрению комиссии». Результатом этого стали «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов», ставшие основой для отмены крепостного права на Горнозаводском Урале. В 1862 г., как уже упоминалось, здесь подготавливалось мнение Государственного совета от 3 декабря «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов».

В феврале 1863 г. на рассмотрение Горной комиссии поступил вопрос «относительно прав посессионных горных заводоладельцев на отведенные от казны земли», в марте и мае – вопрос «о частной промышленности на

праве посессионном». Поводом к тому послужили как принятые в то время решения о ликвидации «фабричной посессии», так и активизировавшиеся после объявления реформы 1861 г. действия уральских горнозаводчиков.

Отмена крепостного права привела к утрате значения пособия в людях и еще не отмененного правового пособия. Предприятия, пользовавшиеся только ими, должны были перейти в разряд владельческих. Именным указом от 16 марта 1861 г. из разряда посессионных были исключены предприятия фабрично-заводской промышленности России, «при коих не имелось ни крестьян, приписанных от казны, ни земель, отведенных казною»⁴. 27 мая 1863 г. Государственный совет своим мнением освободил от условий посессионного владения и фабрикантов, имевших отведенные земли. Причем эти земли они безвозмездно получили в «полную собственность»⁵.

Казалось, что подобные решения должны были распространиться и на посессионный сектор горнозаводской промышленности. В условиях острого финансового кризиса, охватившего заводы, посессионеры первыми обратили внимание на возникший юридический казус. Инициатором выступил управляющий Сергинско-Уфалейских заводов наследников К.М. Губина подполковник И.П. Котляревский, который 9 декабря 1862 г. направил прошения Александру II и главному начальнику уральских заводов Ф.И. Фелькнеру. Он просил перевести Сергинские заводы этого округа, в отличие от Уфалейских, состоявших на посессионном праве, в разряд владельческих и платить «обыкновенную горную подать». О том же подали прошение и владелицы Кыштымских заводов М.Л. Харитонова и Е.Л. Зотова, как и наследники К.М. Губина, имевшие крупные финансовые затруднения⁶. Местное горное начальство не имело ничего против такого «перечисления», поскольку получение заводами владельческого статуса отчасти снимало с него ответственность за них в столь сложный период. Более того, судя по имевшейся в распоряжении горных властей информации, на перечисление могли претендовать не только заявившие об этом, но и некоторые другие горнозаводские округа Урала. Дело, таким образом, выходило за рамки единичного случая и выросло до новой кампании «по разбору прав заводчиков». Вопрос о горнозаводской посессии требовал и более серьезного обсуждения на уровне высшей власти ввиду усложненного (по сравнению с «фабричной посессией») состава казенных пособий и значения горнозаводской промышленности в экономике России. Поэтому он и был передан на рассмотрение Горной комиссии.

Первым делом комиссия занялась подготовкой проекта закона, аналогичного указу от 16 марта 1861 г., но касавшегося горнозаводчиков. 9 декабря 1863 г. было утверждено мнение Государственного совета, которое определило значение поднятого вопроса о перечислении части заводов как первого шага на пути решения посессионной проблемы в целом. «Впредь до окончательного решения о том, на каком основании могли бы быть освобождены от посессионных условий заводы, имеющие в посессии от казны земли и леса», министру финансов было предписано «сделать распоряжения... об исключении из числа посессионных и перечислении во владельческие относительно как размера подати с добываемых металлов, так и всех

прав по владению и распоряжению» горнозаводских округов, не имевших других вещественных пособий, кроме «пособия в людях или рудниках, отведенных в казенных землях»⁷. Предполагалось, что посессионеры будут платить за эти руды установленную еще в 1806 г. особую подать (по $\frac{1}{4}$ коп. сер. за пуд), которая взималась с владельческих заводов за право разрабатывать рудники на землях казны, не утрачивая при этом своих прав и не переводя заводы в разряд посессионных.

После предварительного обсуждения подготовленного комиссией законопроекта в Главном комитете об устройстве сельского состояния (поскольку перечисление было связано с изменением статуса прикрепленных к посессионным заводам людей) было определено, что перечисление состоится только в том случае, если владельцы выполнили условия уже утвержденного мнения от 3 декабря 1862 г. Взаимосвязь двух законоположений существенно повлияла на ход перечисления, растянувшегося на длительное время (подробнее – см. разд. 5 наст. гл.). Тем не менее несколько горнозаводских округов (Кыштымский, Авзяно-Петровский, Кагинский, Сергинско-Уфалейский) и отдельных заводов Урала все-таки получили владельческий статус, хотя и не так быстро, как предполагали их владельцы.

Решив один вопрос, члены Горной комиссии приступили к выработке предложений об освобождении от посессионных условий заводов, имевших пособие в лесах и землях. Они обсуждались в комиссии одновременно с разработкой проекта нового Горного устава. Несмотря на то что в этом проекте приграничные к заводам земли, леса и рудные месторождения вновь однозначно признавались казенными, права заводчиков на них заметно расширились. Напомним, что в обобщенном виде они включали право искать и разрабатывать месторождения не только «профильных», но всех полезных ископаемых на отведенных землях. «Посторонние лица» получали такую возможность «не иначе, как по добровольным с заводовладельцами условиям». Посессионные леса оставались под надзором горного ведомства, которое следило, чтобы они «отнюдь не были употребляемы ни на какие другие надобности, кроме горнозаводского действия того округа, к которому леса отведены, на судостроение для сплава горнозаводских произведений и отпуск местному населению для топлива и построек в размере, определенном существующими на сей предмет положениями». Однако «способ пользования отведенным лесом, в отношении ежегодных размеров вырубki одного для горнозаводского действия», предоставлялся «собственному усмотрению заводчиков». Изменение, сокращение и увеличение заводского действия отдавалось также на усмотрение заводчика. Посессионные заводы разрешалось продавать «с переуступкою права на казенные земли и леса, к заводам приграничные», как в составе горнозаводских округов, так и по частям на основании общих гражданских законов. Но «переукрепление по частям» могло производиться лишь в тех случаях, «когда от сего не последует ущерба или расстройства в горнозаводском действии и с предварительного согласия Министерства финансов по горному управлению». «По усмотрению владельцев» разрешалось также закрывать заводы на срок не более пяти лет,

после чего, если действие их не возобновится, имение поступало в казенное управление или назначалось в публичную продажу на том же посессионном праве. Вырученная от продажи сумма, «за удовлетворением долгов казенных и частных», обращалась в пользу заводовладельца. Присмотр за действиями заводчиков осуществлялся горным ведомством через окружных инженеров, которые, в отличие от прежних горных исправников, назначались «из среды подготовленных специалистов»⁸. Проект, таким образом, существенно расширял полномочия посессионеров и сокращал перечень посессионных ограничений.

Более того, члены Горной комиссии единодушно признали, что «с отменной крепостного труда посессионное право перестает уже соответствовать тем целям и потребностям, в виду которых оно установилось» и что «самым действенным средством побуждения заводчиков к правильному употреблению данных им от казны пособий было бы обращение посессионных имений в полную собственность владельцев». Но, находя несправедливым подводить посессионные заводы под правила 27 мая 1863 г. о посессионных фабриках ввиду того, что заводы владели «чрезвычайно обширными пространствами данных от казны земель и лесов», комиссия предложила «для изменения нынешнего характера владения посессиями, с соблюдением при сем интересов казны, обратить посессии в собственность... не иначе, как посредством выкупа»⁹.

В результате в предложенный комиссией проект Горного устава вошла особая глава из семи параграфов «О порядке и правилах выкупа посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев» (см. прил. 1). Выкуп определялся «по десятилетней сложности» средней величины добавочной горной подати, которой были обложены посессионные заводы в сравнении с владельческими, капитализированной из 5%. В расчет принималась подать за все добываемые на заводах металлы (чугун, медь и золото), вносимая заводчиками с 1851 по 1860 г. (ст. 223). «Выкупной капитал» можно было уплатить разом или погашать в течение 37 лет «по банковым правилам», т. е. по 6% в год. Во втором случае заводчик платил горную подать «наравне с заводами владельческими», но не освобождался от оставшихся посессионных ограничений и не приравнивался к вотчинникам, пока не совершал полного выкупа (ст. 224, 225). Чтобы подтолкнуть заводчиков добровольно заключить выкупную сделку, предполагалось установить этот порядок на 20 лет, после чего казна сохраняла за собой «право постановить новые правила, сообразные с экономическими обстоятельствами времени» (ст. 226).

Статьи 228 и 229 проекта устава определяли отношения посессионеров и горнозаводского населения выкупаемых округов. Члены комиссии сочли необходимым «позаботиться при допущении выкупа посессии об интересах заводского населения», поскольку после выкупа имений с населением «могло бы оказаться, что выкуп за посессию был бы уплачен, в сущности, не заводчиками, а крестьянами, с которых заводчик-собственник мог бы требовать, на общем основании, выкупа их земель по существующей оценке, значительно более высокой, нежели выкупная оценка посессии». Было уста-

Таблица 3

Расчет выкупной суммы (руб.) по проекту Горной комиссии¹⁰

Округ	Средняя добавочная подать	Выкупная сумма	Цена лесной десятины
Нижнетагильский	105 262	2 105 248	4,246
Верх-Исетский	29 800	596 010	1,354
Суксунский	13 035	260 704	0,909
Сысертский	30 223	604 471	2,878
Кнауфский	8 567	171 353	1,740
Ревдинский	6 447	128 956	0,799
Алапаевский	9 371	187 425	0,375
Невьянский	11 244	224 891	2,141
Шайтанский	5 046	100 919	6,559
Холуницкий	5 857	117 153	0,644
Омутнинский	1 854	37 087	0,547
Кажимский	1 205	24 100	0,340
Песковский*	1 697	33 945	–
Мосоловский	2 507	50 158	0,783
Бемьшевский	972	19 455	1,760
Шильвинский	488	9 767	0,977
Ольгинский*	974	19 480	–

* Цена лесной десятины не была вычислена из-за отсутствия точных сведений о землях этих округов.

новлено, что «вместе с приступом к выкупу» это население «изъёмлется» из имения вместе с усадьбами и земельным наделом и освободится от всех обязательств к владельцу, поступит «в разряд людей поселенных на казенных землях» и подобно им подвергнется поземельному оброку в казну. Кроме того, населению предоставлялось право, «буде пожелает, получить в надел такое количество земли из своих расчищенных участков, какое нужно для составления высшего по числу душ надела».

Проведенный расчет по 17 считавшимся тогда посессионными округам показал, что казна в итоге должна была получить от выкупной операции 4 691 129 руб., а средняя цена десятины леса составила бы 1,73 руб., хотя разница по отдельным округам доходила до 19 (от 0,34 до 6,56 руб.) (табл. 3).

Несмотря на впервые сделанные властями реальные предложения по ликвидации посессионного права, заводчики и защитники их интересов были разочарованы деятельностью Горной комиссии, поскольку рассчитывали тогда на большее. «Руководствуясь указаниями Правительства о предстоящей необходимости в коренном преобразовании основных начал горного законодательства, – писал Д.А. Огородзинский, – комиссия вошла в подробный разбор всех частей ныне действующего Горного устава и после нескольких лет трудов составила в 1865 г. проект нового устава, более приспособленного к нынешним потребностям горного промысла». Тем не менее в целом «многолетний, с нетерпением ожидаемый результат трудов этой комиссии, выраженный в проекте устава, далеко не оправдал возложенных на него надежд», особенно по части снятия посессионных ограни-

чений. Одни статьи устава сохранили постановления, «бесполезно затрудняющие частную горную деятельность», другим «недоставало полноты, ясности и точности», а некоторые важные вопросы были вообще обойдены молчанием, что могло «возродить впоследствии большие неудобства, открывающие большое поле произволу личных взглядов». Причину тому заводчики и их «адвокаты» видели в самой комиссии, состоявшей в своем большинстве из горных чиновников, «до того времени только и занимавшихся по долгу службы наблюдением, контролированием и всякими другими способами опекавших частную горную деятельность». И в новый устав они «внесли ту же регламентацию и те же стеснения для частной промышленности».

Не было ими одобрено и предложение Горной комиссии о выкупе посесий. Он «не сообразен с правом заводчика на посессионные дачи, не соответствует строгой справедливости и неудобен к исполнению на практике, – писал Д.А. Огородинский. – При всеобщем безденежье весьма мало найдется таких заводчиков, которые были бы в состоянии внести вдруг такие суммы. А рассрочка на 37 лет оставляет заводчиков на посессионном праве, так как они будут целые десятилетия лишены возможности действовать совершенно свободно. Если Правительству не угодно будет решить вопрос на тех же основаниях, что и по отношению к посессионным фабрикам, а принята будет система выкупа, то можно предсказать безошибочно, что переход этот очень долго не осуществится, так как на скорое совершение выкупа... нельзя иметь надежды»¹¹.

Открыто высказать свои претензии посессионеры смогли только после того, как проект Горного устава в мае 1866 г. был внесен «на окончательную редакцию» в другую комиссию, учрежденную при Министерстве финансов, для пересмотра системы податей и сборов (Податную комиссию).

От Горной она отличалась тем, что с разрешения министра финансов «для совместного обсуждения» в ее состав были включены не только высшие чины центральной и уральской горной администрации, представители Военного, Морского министерств и Государственного контроля, но и «приглашенные эксперты – известные своей практичностью и ученой деятельностью горные инженеры и представители частных горнозаводчиков», получившие право голоса. В состав комиссии входили товарищ министра финансов А.К. Гирс, директор Департамента неокладных сборов К.К. Грот, управляющий общей канцелярией министерства финансов Д.Ф. Кобеко, член Совета министра финансов А.А. Абаза (будущий министр финансов), директор Горного департамента В.К. Рашет, управляющий Государственного банка Е.И. Ламанский, директор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел П.П. Семенов, а также «лучшие экономические деятели» того времени А.П. Заблоцкий-Десятовский и В.П. Безобразов.

На заседаниях комиссии, посвященных проекту Горного устава, в разное время присутствовали член Горного совета князь Н.М. Романовский – герцог Лейхтенбергский, генерал-лейтенанты Корпуса горных инженеров Г.П. Гельмерсен, В.Е. Самарский-Быховец, Л.А. Соколовский, генерал-майоры А.А. Иосса, А.Д. Озерский, Н.А. Фелькнер, подполковники

А.И. Антипов и Н.И. Михайлов, вице-директор Горного департамента Ф.И. Раселли, начальник отделения департамента П.Н. Николаев, член Горной комиссии И.П. Арапетов, командированные от управления Оренбургского генерал-губернатора В.В. Лукошков и от Уральского Горного правления Н.Г. Малыгин, члены от Морского министерства И.А. Пещуров и от Военного – А.М. Беляев, И.А. Вышнеградский (будущий министр финансов) и О.П. Резвой, от Министерства внутренних дел – В.К. Ржевский, от Государственного контроля – М.Н. Островский (будущий министр государственных имуществ), Е.И. Ададуров и Ф.В. Тугенгольд. «Представителями частного горного промысла» выступали Н.Н. Анцыферов, Д.Е. Бенардаки, С.М. Добровольский, Г.В. Дружинин, Г.Д. Корибут-Кубитович, С.И. Мальцов, Д.А. Огородзинский, В.А. Пашков, Д.П. Шипов и Н.Н. Тютчев. Такой состав комиссии позволял заводчикам надеяться на бóльшие уступки со стороны властей.

Судя по опубликованным «Трудам» Податной комиссии, ее члены в ходе 44 заседаний, проходивших с ноября 1866 по апрель 1868 г., уделили особое внимание вопросам, касавшимся посессионного права, и обстоятельно «обсудили все доводы, высказывания за и против существующего порядка». В начале этого обсуждения возглавлявший «партию посессионеров» Д.А. Огородзинский стал настойчиво убеждать членов комиссии, что «специальный надзор, существующий над посессионными заводами... не вызванный историческими или государственными потребностями, находится в прямом противоречии с твердо установившимися понятиями о процветании каждой отрасли народной промышленности только при возможно большей свободе действий и при возможно меньшей регламентации со стороны государства»¹². Он отстаивал точку зрения на посессионное право как на право ограниченной частной собственности, находя возражения в первую очередь со стороны Н.И. Михайлова.

Но бесперспективной дискуссии не позволили разгореться. «Посессионное право устарело и не имеет *raison d'être*. Две системы владения в одном и том же государстве немислимы... – прозвучало в выступлении Е.И. Ададурова. – Надо ввести совершенную полноправность во всех заводах». Общим мнением комиссия признала, что «условия посессионного владения, ставящие заводчиков в значительную зависимость от Правительства во всех действиях и распоряжениях данными им от казны средствами и подчиняющие их сложному правительственному контролю с целью побуждения к поддержанию заводского производства именно в тех размерах и условиях, кои были заранее предначертаны, утратили ныне свое значение и не согласны с нынешними потребностями промышленности и необходимой для успешного ее развития свободой действий». Как и Горная, Податная комиссия пришла к единодушному заключению, «что интерес собственника служит вернейшим обеспечением производительного употребления имения», и, поэтому «самым действенным средством побуждения заводчиков к правильному употреблению данных им от казны пособий было бы обращение посессионных горных имений в собственность их владельцев с правомерным соблюдением как казенных, так и частных интересов». Члены комис-

сии не пошли дальше констатации двойственной природы посессионного права и решили, что «в видах развития горной промышленности... необходимо казне поступиться теми правами, которые она по действующим законам имеет по отношению к посессиям»¹³.

Существенные разногласия определились по вопросу о способе ликвидации посессионного права. Представители заводовладельцев выступили с предложением о безвозмездной уступке казной посессионных земель. «Заводчики заслуживают того, чтобы нынешнее их право владения... перешло в полное право собственности безвозмездно, – прозвучало в выступлении Н.Н. Тютчева. – Прежде у нас существовали поместья отдельно от вотчин. Отслужив службу государству, первые слились с последними. Ныне настал тот исторический момент, когда посессионные заводы должны соединиться с владельческими». Предложенный выкуп, полагал он, даст «сумму, ничтожную для государства, а для посессионеров тягостную, которая помешает правильности расчета при ведении горного дела. А потому совершенно справедливо сравнивать посессионные заводы с владельческими не в одной букве закона, но и в податях и отказаться от всякого выкупа». А.П. Заблоцкий напомнил, что такой «упрощенный способ разрешения посессионных отношений» для фабрик стал возможен из-за того, что по всей России к ним была приписана всего 21 тыс. дес. земли (в том числе только к одной Панаевской писчебумажной фабрике в Тобольской губернии 13 тыс. дес.), и наделение населения там осуществлялось частью за счет собственных земель фабрикантов и «на известных условиях». На Урале же предполагалось выкупить значительно большую территорию, равную 4,4 млн дес. земли¹⁴. При баллотировке только 8 из 25 членов заседания поддержали вариант безвозмездной уступки прав казны. Большинством голосов Податная комиссия признала целесообразным принять «те основные принципы освобождения заводчиков от условий посессионного владения, какие предложены были Горной комиссией», поскольку они отвечали не только интересам заводчиков, но и идее «взаимной выгоды» казны и владельцев от ликвидации посессий. Пришлось заводчикам с этим мнением смириться.

В дальнейшем спор развернулся по вопросу о варианте выкупа. Е.И. Ададуров выступил с критикой предложений Горной комиссии. «Капитализировать подать, значит заставить платить дороже те округа, где больше работали, и дешевле те, где работали меньше», – доказывал он. Вместо выкупа на основе подати этот представитель Государственного контроля предложил поступить проще: установить плату по 1 руб. за дес. и дать возможность заводчикам уплатить всю сумму в рассрочку по банковым правилам. Несправедливым признавал предложенный Горной комиссией способ выкупа и В.П. Безобразов, поскольку считал, что он «основывается на прошедшем, а не на будущем». Более целесообразно было бы определить «настоящее состояние горючего материала, леса и состава рудников», полагал он, и принять за основу оценки «существующий нормальный доход, насколько он обеспечен в будущем». И.П. Арапетов, отстаивая позицию Горной комиссии, указывал на юридическую правомерность выкупа доба-

вочной подати. «Выкупать можно только то, что кому-то принадлежит, – доказывал он. – Казне принадлежит только право на добавочную подать. Только это и можно выкупить. Другого элемента собственности казны нет. Земля же не может служить основанием выкупа, так как она находится в бессрочном владении заводчиков».

В сложившейся ситуации даже непримиримый Д.А. Огородзинский стал уверять членов комиссии, что заводчики предпочтут «выкуп дифференцированной подати выкупу земель и лесов, поскольку такая система расчета и проще, и равномернее». «Количество земель и лесов, – утверждал он, – не определяет еще действительную доходность заводов». В ответ Н.Г. Малыгин стал доказывать, что предложенный расчет «отдаст столь огромные и богатые имения вместо десятков рублей за копейку десятины... и неминуемо приведет к упадку казенного дохода». «Если совершенно справедливо, что посессионные заводчики приложением капитала, знаний и труда оживили и просветили край, – настаивал он, – то не менее справедливо и то, что 50 млн сельского населения, орошая своим трудовым потом возделанные ими в течение тысячелетия сотни млн десятин, несло огромные и сравнительно гораздо большие повинности. Однако в основу выкупной сделки крестьян с помещиками принято начало обязательной оценки надельных земель *min* 10–12 руб. за дес.» Справедливый расчет, по мнению этого представителя Уральского Горного правления, должен был основываться «на определенных данных об оценке земель, руд и лесов... а не на общеэкономических и отвлеченных соображениях»¹⁵.

Параллельно обсуждался и тоже вызвал разногласия вопрос об обязательности или «факультативности» выкупа, единовременности его или уплате «по процентному расчислению». Стало ясно, что споры заводят комиссию в тупик. В такой ситуации Общее собрание 6 октября 1867 г. выбрало из своего состава Подготовительную комиссию и поручило ей «внести предложения об основаниях и самом способе выкупа». Членами этой комиссии стали Н.Н. Анциферов, В.П. Безобразов, Ф.И. Раселли, П.П. Семенов и Л.А. Соколовский. Возглавить ее согласился герцог Н.М. Лейхтенбергский.

Выбор председателя не был обусловлен лишь его высоким положением. В 1866 г. герцог предпринял поездку для обозрения уральских заводов и был не понаслышке знаком с их положением. В отчете, представленном императору, он обращал внимание на повышенные налоги на частную горнозаводскую промышленность в сравнении с европейскими государствами, на высокие накладные расходы заводчиков, а также на тот «исторический надрост – плод давно отживших экономических соображений», каким представлялось герцогу посессионное право¹⁶.

Под влиянием таких впечатлений председателя возглавляемая им комиссия «признала необходимым всячески облегчить выкупную операцию, дабы сделать ее доступною для нынешних способов заводовладельцев и тем самым привлечь их, безо всяких принудительных правительственных мер, к возможно скорейшему добровольному выкупу предоставленных им посессионных имений». Наиболее реальным был признан предложенный Горной комиссией расчет выкупа на основе добавочной горной подати, в чем и вы-

ражалось «право казны на посессионные горнозаводские имения и отличие их от владельческих». Кроме того, комиссия решила, что «всякая непосредственная оценка имений представляла бы огромные практические, едва ли преодолимые затруднения и оттянула бы на неограниченное время желаемую развязку дела». «Ни нормальная доходность завода, ни ценность его естественных богатств, на которых иные члены комиссий предполагали основывать выкупной расчет, не могли служить таким основанием, так как, не говоря уже о практической трудности их исчисления, не было никаких данных для определения того, какая именно часть этого дохода или этой ценности должна подлежать выкупу, а вся их совокупность, очевидно, не могла быть предметом выкупа»¹⁷.

Приняв за основу прежний способ расчета выкупной суммы, члены комиссии учли, что «сумма горных податей, уплачиваемая каждым заводом, представляет величину не постоянную, а колеблющуюся, соразмерно с колебанием из года в год количества добываемых металлов, и при том величину, уменьшающуюся с истощением рудных запасов, а также и то, что выкупу могут подлежать лишь богатства, остающиеся владельцам в будущем, а не те, которые они уже выработали в прошлом». В связи с этим подготовительная комиссия «сочла справедливым капитализировать только те части ныне уплачиваемых посессионными заводчиками дифференциальных горных податей... которые как наиболее постоянные величины могут служить вероятным указанием на количество будущего производства заводов и имеющих поступать с него податей». Из расчета была исключена подать с золота как «предмета слишком непостоянной отрасли горного дела», а подать с меди «принята в расчет, по тому же соображению, в значительно уменьшенном размере – $\frac{1}{3}$ с коренных месторождений и $\frac{2}{3}$ – с менее благонадежных песчаных». Кроме того, за основание расчетов было принято среднее число ежегодной подати не за дореформенное десятилетие, а за шесть лет, с 1861 по 1866 г., «как ближайших и при том заключающих в себе разнообразные эпохи действия заводов: эпоху, непосредственно предшествовавшую освобождению, переходное время освобождения горнозаводского населения и, наконец, эпоху несколько устанавливающегося горного хозяйства на началах свободного труда».

Основанный на этих приемах предварительный расчет показывал, что «цифры ежегодных платежей» оказывались даже «умереннее нынешних горных податей», что должно было подтолкнуть заводчиков к выкупу. Для скорейшей развязки посессионных отношений комиссия нашла также полезным признать заводчиков собственниками выкупаемых имений «со дня приступа их к выкупу» и предложила «смотреть на них с этих пор только как на должников казны». Но для того, чтобы «прочно обеспечить лежащий на них долг», было решено сохранить ограничения в распоряжении имуществом на время рассроченного выкупа. Кроме того, комиссия предложила тем заводчикам, которые не имели денег для единовременной уплаты выкупа, но хотели бы избавиться от посессионных ограничений, предоставить в обеспечение долга «посторонние залоги». Наконец, для «окончательной развязки обязательных отношений» не только между заводчиками

и казной, но и между заводчиками и горнозаводским населением, комиссия предложила им «в виду предоставленных льгот» отказаться от прав на земельные оброки и безвозмездно предоставить населению наделы, определенные уставными грамотами, не доводя их до высшего размера, как предлагалось в проекте Горной комиссии¹⁸.

Обсуждение подготовленного проекта в Общем собрании Податной комиссии коснулось лишь вопросов о возможности выкупа отдельных заводов в округе и о крестьянских рощистях, которые было предложено оставить на прежнем основании. Не прошло предложение Д.А. Огородзинского предоставить посессионерам право полной собственности после внесения $\frac{1}{3}$ выкупа по примеру разработывавшихся той же комиссией правил продажи казенных заводов, а также предложение принимать в уплату «капитальной суммы» государственные процентные бумаги, что, по мнению П.П. Семенова, составило бы новую льготу заводчикам, которым и без того была «значительно облегчена выкупная операция».

К маю 1868 г. Податная комиссия подготовила окончательный проект «Правил о выкупе посессий» из 10 статей (см. прил. 2). Помимо уже представленной методики расчета (ст. 2, 3) в них были включены общие положения о выкупе горнозаводских имений «в полную собственность... со всеми входящими в их состав рудниками, лесами и прочими угожьями» (ст. 1). Имения могли выкупаться заводчиками «в полном их составе», но в случае, если какой-либо из заводов «по производству своему платил горную подать и был особо наделен от казны рудниками и лесами», то мог выкупаться и отдельно (ст. 1, прим. 1). При рассрочке платежей на 37 лет с ежегодным взносом 6%, в качестве залога могли выступать сами горнозаводские имения или «равноценные обеспечения... в денежных капиталах или недвижимых имуществах» (ст. 4–6).

Важная статья 7 правил устанавливала границы прав заводчика в зависимости от выбранного им способа выкупа. Если он уплачивал всю сумму или предоставлял «посторонний залог», то сразу вступал в права собственности безо всяких ограничений. Владелец, который предпочитал воспользоваться рассрочкой, также получал право собственности на выкупаемое имение, но ограничивался до полной уплаты выкупной суммы в распоряжении своей собственностью теми правилами, которые были изложены в частично измененных статьях проекта Горного устава, выработанного еще Горной комиссией. В частности, с 5 до 3 лет был сокращен срок остановки завода, после истечения которого он поступал в распоряжение казны и назначался в публичную продажу. При этом закрытие одного или нескольких заводов посессионного имения не могло «служить поводом к отдельной продаже этих заводов в случае, если общая производительность горнозаводского округа не уменьшилась». Сохранение некоторых посессионных ограничений, по мысли законодателей, должно было стимулировать владельцев к досрочному выкупу.

Утвержденными Податной комиссией правилами допускалась трехмесячная задержка в уплате ежегодных выкупных платежей с начислением штрафа, по истечении которой завод «со всеми принадлежностями» прода-

Таблица 4

Расчет выкупной суммы (руб.) по проекту Податной комиссии²⁰

Округ	Средняя добавочная подать с чугуна	Средняя уменьшенная подать с меди	Выкупная сумма	Цена лесной десятины
Нижнетагильский	20 477	38 099	1 171 538	2,362
Верх-Исетский	10 273	6 511	335 708	0,760
Суксунский	4 468	773	104 823	0,366
Сысертский	9 999	7 050	341 007	1,624
Кнауфский	1 268	1 324	51 868	0,526
Ревдинский	6 422	36	129 180	0,801
Алапаевский	9 214	1	184 322	0,369
Невьянский	4 736	–	94 719	0,901
Шайтанский	2 072	1	41 466	2,688
Холуницкий	4 257	–	85 150	0,468
Омутнинский	2 438	–	48 760	0,720
Кажимский	972	–	19 455	0,274
Песковский*	–	–	–	–
Мосоловский	2 161	–	43 234	0,675
Бемышевский	–	158	3 172	0,286
Шильвинский	–	59	1 198	0,120
Ольгинский	–	69	1 380	–

* Во время обсуждения вопроса в Податной комиссии Песковский округ был уже «взят в казну».

вался казной с публичных торгов. Из суммы продажи удерживались долги по выкупу, а излишек выдавался прежнему владельцу. Если же «состоявшиеся на торгах цены не покрывали взыскания», то по распоряжению Горного департамента завод «отбирался в казну» (ст. 10).

Статья 9 определяла судьбу горнозаводского населения выкупаемых имений. «Вместе с приступом к выкупу, – значилось в ней, – ...население... изымается окончательно и безвозмездно со своей усадебной оседлостью и поземельным наделом, уставными грамотами определенными, из состава имения и поступает в разряд крестьян-собственников; причем расчищенные собственными средствами и трудом крестьян участки остаются в их пользовании на основании существующих правил. Крестьяне сохраняют право на получение топлива и леса для построек за установленную плату в пользу владельца»¹⁹.

В результате пересчета по новым правилам выкупные суммы по всем округам (за исключением Ревдинского) довольно существенно сократились, а общая сумма уменьшилась до 2 656 988 руб., т. е. в 1,8 раза по сравнению с проектом Горной комиссии; цена десятины леса в среднем составила 0,98 руб., хотя все еще заметно различалась по округам (от 0,12 до 2,69 руб.) (табл. 4).

Закончив составление правил, Податная комиссия «в видах скорейшего прекращения неудобств, сопряженных для казны и заводчиков в существовании посессионного права», предпочла не включать их в общий Горный устав, а изложить «в особом приложении для отдельного представления на утверждение Государственного совета». Все это свидетельствовало о том, что

комиссия действительно желала скорейшей развязки посессионных отношений и постаралась в выработанном ею проекте предельно полно учесть интересы казны и возможности заводчиков, не упустив из виду и горнозаводское население. Вместе с тем на заседаниях звучали и вполне обоснованные сомнения в скором утверждении столь льготных правил. В частности, А.А. Абаза полагал, что «при слишком низкой цене выкупа нельзя ожидать утверждения правил о нем высшим Правительством»²¹. Это предсказание начало сбываться сразу после завершения работы Податной комиссии по посессионному вопросу.

Как только проект поступил к министру финансов М.Х. Рейтерну, 15 июля 1868 г. он направил его в заинтересованные ведомства и всем заводоуправлениям посессионных округов. Для рассмотрения отзывов было образовано Особое совещание под председательством А.К. Гирса в составе чиновников министерства и Горного департамента В.К. Рашета, Ф.И. Расселли, Д.Ф. Кобеко, М.Н. Ахматова и П.Н. Николаева. Ход обсуждения, суть полученных замечаний, а также возражения членов совещания отразились в растиражированном 22 декабря 1869 г. журнале заседаний.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев в своем отзыве озаботился тем, чтобы в статью о правах населения, «водворенного на посессионных землях», было добавлено упоминание не только об условиях уставных грамот, но и дополнительных к ним договоров, заключенных между заводчиками и заводским населением после подписания грамот. Совещание учло это замечание и внесло дополнение в правила.

Государственный контролер В.А. Татаринов, согласившись с необходимостью выкупа, возвратился к поднятому его представителем в Податной комиссии вопросу о способе определения выкупной суммы, поскольку считал, что доходность заводов выражается не только их производительностью, но еще и «степенью знания дела, распорядительностью власти и усердием самих хозяев». Поэтому, полагал он, «принимая в основу выкупа один излишек подати... придется тем меньшую назначать за завод выкупную сумму, чем нерадивее и неопытнее был его хозяин». Еще более резко высказался министр государственных имуществ А.А. Зеленой, ведомство которого отвечало за казенные леса и земли. Он признал предложенный способ оценки посессии «совершенно невыгодным для казны». В его министерстве подсчитали, что средняя выкупная цена десятины окажется «гораздо ниже оценки крестьянских наделов и несравнимо ниже существующих цен отчуждаемых в частную собственность казенных лесов». «Определять выкуп податью неправильно, – писал министр, – потому что подать есть расход, а не доход завода; капитализированная подать заставит платить дороже те заводы, где больше работали, и дешевле, где работали меньше; способ оставляет вне соображения пространства земель, запасы лесов и рудные богатства, что и должно быть главным основанием для оценки». В отличие от В.А. Татаринова, ограничившегося одной критикой, А.А. Зеленой предложил расчет выкупа посессий производить так же, как при намечавшейся тогда продаже казенных заводов в частные руки, исходя из оценки природных ресурсов.

«Эти основания, – возражали члены совещания на замечания двух ведомств, – имелись в виду при составлении проекта, но найдены не на столь важными, чтобы перевесить достоинства... предложенной системы. Степень знания дела и усердие хозяев заводов... едва могут быть принимаемы в соображение при выкупе, как и вообще всякие нравственные элементы... Оценивать же посессию как казенные горные заводы нельзя, как невозможно смешивать две совершенно различные по существу своему операции: продажу имущества и выкуп их самими владельцами, не говоря уже о том, что специальная оценка каждого посессионного округа представляла бы большие практические затруднения и потребовала бы чрезвычайно много времени и разнообразных по местным условиям правил... Подчинить же правила выкупа посессии условиям выкупа крестьянских наделов невозможно, потому что тогда никто не согласится на выкуп»²².

Жесткую позицию Министерство государственных имуществ отстаивало и по вопросу о посессионных лесах, которые безо всяких оговорок считало казенными. Еще во время работы Податной комиссии в марте 1868 г. тот же А.А. Зеленой предупреждал М.Х. Рейтерна о возможных последствиях «отчуждения казенных лесов в собственность посессионных заводчиков», о которых был не очень высокого мнения. «Последствия бесконтрольного пользования лесом, – напоминал он, – можно видеть на некоторых посессионных заводах, которые, истощив данные им совершенно достаточные для действия отводы, или ходатайствуют о новых дополнительных нарезках леса, или совсем прекратили свое действие. Было бы очень прискорбно, если бы подобное повторилось на заводах и лесах, предположенных ныне к отчуждению в частные руки». В этой связи министр полагал «полезнее не отчуждать лесов, приписанных к переходящим в частную собственность посессионных заводов, но, обращая в собственность владельцев одни только заводы, заключить с ними условия об отпуске потребных лесных материалов за известную плату или вырабатываемый металл. Самые же леса оставить в заведовании казенного лесного управления, которое должно будет охранять их, вести в них хозяйство и делать распоряжения об отпуске заводам леса на топливо и другие надобности». Такой порядок, по его мнению, предупредил бы вполне возможное «расстройство дел будущих собственников заводов, нераспорядительность их или какие несчастные случаи», поскольку «самый расстроенный и приведенный в упадок горный завод, но обеспеченный топливом, не останется впусе, а привлечет и деятелей, и капиталы»²³.

Резкие высказывания, прозвучавшие в ответ на это радикальное предложение от заводоуправлений, заставили Министерство государственных имуществ временно отступить. Так, управляющий Верх-Исетского округа в своем отзыве возмущался тем, как можно «связать в одном и том же предложении отнятие заводских лесов с выкупом посессий... В случае взятия в казну лесов и земель за что же заводчики должны платить выкуп, – вопрошал он, – неужели за заводские строения, устройства и механизмы, заведенные на собственные деньги? Предложение министра сводится не к выкупу, а к экспроприации, которая решительно идет в разрез с установленными за-

конами коренными началами посессионного права и явно противоречит благодетельным намерениям Правительства освободить горнозаводскую промышленность от всяких бесполезных стеснений»²⁴.

В очередной своей записке Д.А. Огородзинский попытался более аргументированно ответить всем «противникам выкупа горнозаводской посессии». Одни из них, констатировал он, «в принципе отвергают выкуп под тем предлогом, что в начале прошедшего столетия Правительство, отдавая огромные пространства земли заводчикам, имело в виду укрепить горнозаводское дело на Урале и заселить этот край. Как скоро та и другая цель достигнуты, как скоро установился взгляд, что все приписанные к заводам леса и земли остаются по-прежнему казенными, то было бы весьма опасно предоставлять несколько миллионов десятин этих земель небольшому числу заводовладельцев и устраивать, таким образом, вредную монополию». Этим господам он напоминал, «во-первых, что смущающее их пространство земли, отданное к посессионным заводам, не только не представляет излишка, но даже по количеству горючего материала недостаточно на заводское действие; отнять что-либо из этого количества в видах каких-то неопределенных опасений монополии означает вовсе закрыть заводы и прекратить горнозаводскую деятельность; а таких печальных результатов достигнуть гораздо проще: стоит только несколько десятков лет сохранить настоящее *status quo* – и заводы вследствие давления горной администрации сами собой закроются; во-вторых, что леса и земли отданы заводам и закреплены за ними государственными актами навсегда, пока заводы действовать будут; следовательно, и другие опасения противников выкупа, опасения отдать казенные земли и леса в частные руки есть факт уже свершившийся полтора-два десятилетия тому назад и никогда никем не оспоренный; в-третьих, что желательная для заводчиков и не противоречащая в то же время интересам казны цель выкупа совсем иная: заводчики вовсе не имеют намерения захватить казенные земли, которыми они и без того, в силу своего права, владеют, пользуются и распоряжаются; выкупом посессий они желают освободиться от вмешательства горных властей, которые своими притязаниями только вредят горной промышленности».

«Другие противники правил выкупа, – констатировал уполномоченный, – не отвергают их в принципе, но указывают на то, что... назначен выкуп слишком незначительный, в общей сложности менее 1 руб. за десятину, но они забывают, что заводчикам продается вовсе не земля и не лес, которыми они и без того выкупа владели и пользовались, а продается только некоторое право казны на те леса и земли, право, выразившееся в виде платежа заводчиками полуторных горных податей... Предположение, что выкуп, разделенный на десятины, составляет менее 1 руб. сер., не соответствует действительности и показывает полнейшее незнакомство людей, так рассуждающих, с обстоятельствами землевладения на Урале: из огромного количества земель, приписанных к посессионным заводам, нужно исключить по крайней мере $\frac{1}{3}$ болот и других неудобных земель; так, в Верх-Исетском округе на 600 тыс. дес. приходится 214 тыс. дес. неудобной земли; далее следует исключить покосы, пашни, росчисти и скотские выгоны мастеровых и

государственных крестьян, что составляет также не менее $\frac{1}{6}$ части заводских земель; затем выкупу подлежат не леса в действительном значении этого слова, а так называемые лесные пространства, из которых не более $\frac{1}{20}$ доли находится под строевым и дровяным лесом, остальные $\frac{19}{20}$ составляют или мелкую лесную поросль, или же молодняк, который имеет значение только в далеком будущем через 15 или 20 лет; наконец, следует заметить также и то, что выкупу подлежит лесная площадь, необходимая собственно для заводского действия, а далеко не все пространство земли, ныне находящееся в распоряжении заводов, ибо из заводских дач пользуется лесом огромное население по каждому округу в несколько десятков тысяч душ мастеровых и государственных крестьян, которыми потребляется лесных материалов более половины того, сколько расходуют заводы...»²⁵. Убежденная этими аргументами и благосклонная к заводчикам Податная комиссия к мнению министра А.А. Зеленого не прислушалась.

Вслед за отзывами ведомств на проект выкупа посессий в Особое совещание поступили заключения Алапаевского, Невьянского, Верх-Исетского и Нижнетагильского заводууправлений. Первые три из них «не представили никаких существенных замечаний». Отзыв же главноуполномоченного крупнейшего демидовского округа А.О. Жонес-Спонвиля оказался членам совещания настолько важным, что его в распечатанном виде разослали по посессионным округам для ознакомления.

В отзыве уполномоченный обращал внимание на действительно серьезный недостаток проекта – на «чрезвычайную неравномерность» выкупа по различным округам. Так, при пересчете суммы выкупа выходило, что Нижнетагильские заводы выкупали 638 047 дес. земли по 1 руб. $83\frac{1}{2}$, Верх-Исетские – 724 163 дес. по $46\frac{2}{3}$ и Алапаевские – 845 187 дес. по $21\frac{3}{4}$ коп. «Первая мысль моя, – размышлял А.О. Жонес-Спонвиль, – что единственная причина этой аномалии заключается в капитализации подати на медь», которая выплавлялась далеко не в каждом округе. Но, когда он произвел вычет этой подати, различия уменьшились ненамного: тагильская десятина стала стоить 87, верх-исетская – 29 и алапаевская – 21 коп. В то же время расчеты показали, что Нижнетагильский округ производил на десятину территории гораздо больше чугуна, нежели его соседи. Уполномоченный предположил, что на это влияют не столько «богатое содержание руды» крупнейшего Высокогорского месторождения (которым, кстати, пользовались и Верх-Исетские заводы) и даже не ассортимент заводской продукции, а некий «скрытый коэффициент». По его мнению, в этот коэффициент входил «тот капитал труда, стараний и усилий, который вложен в заводы постепенно в течение почти двух столетий и который имеет влияние на более или менее лучший способ применения производительных сил и, поэтому, на большее или меньшее извлечение возможной выгоды. Этот-то громадный капитал и является причиной тому, что одно рабочее население производит более, нежели другое, равное по числу душ; что один рудник, правильно и осмотрительно разрабатываемый в течение многих десятков лет, производит более другого, столь же богатого; что одни леса, правильно разделенные на участки, при улучшенных путях сообщения и при рациональной руб-

ке производят более, нежели совершенно такие же леса при другой обстановке. Одним словом, это тот капитал, который дает настоящую цену имущества... Справедливо ли было бы заставить выкупать этот капитал? А между тем, не он ли является настоящей причиной полученного противоречия?» – намекал А.О. Жонес-Спонвиль на превосходство демидовского округа. Вместе с тем главноуполномоченный не нашел способа учета этого скрытого коэффициента и предложил при расчетах суммы выкупа хотя бы исключить подать с меди как «не гарантированную на будущее время» или стоимость десятины определять «по среднему выводу выкупных платежей между всеми заводами», которая, по его подсчетам, равнялась 90 коп.²⁶

Понятно, что такой расчет не был выгоден ни одному из посессионных округов, кроме Нижнетагильского, поэтому поддерживать методику, предложенную А.О. Жонес-Спонвилем, никто из управляющих не стал. Мало того, Верх-Исетское заводоуправление нацелило свой отзыв, датированный 25 сентября 1872 г., на критику его взглядов не только на способ выкупа, но и на всю выкупную операцию в целом.

Если уполномоченный демидовского округа считал, что для заводчиков «выкуп есть денежный вопрос, не более», управляющий Верх-Исетских заводов «думал совершенно наоборот, что не для заводчика, а для интересов Правительства вопрос о выкупе посессионного права есть не более как денежный вопрос, потому что существенное выражение этого права для Правительства представляется единственно только в тех излишках податей, которые оно извлекало из посессии». «Другое дело для заводчиков, – писал он. – Для них посессионное владение давало себя чувствовать не столько излишними податями, сколько неопределенностью их прав на владение, неопределенностью их отношений к Правительству, оно делалось ощутительным вследствие административного надзора, задерживающего развитие заводского хозяйства и несколько его не охраняющего от расстройтва».

Он полностью поддерживал предложенный Податной комиссией вариант выкупа в части способа исчисления выкупной суммы. «Выкуп посессий, – настаивал управляющий, – есть прямое следствие данных от казны пособий... а, следовательно, потери казны определить легко капитализацией тех добавочных податей, которую она получала с посессионных заводов... Непосредственная оценка данных от казны пособий невозможна, да о ней не может быть и речи, потому что выкупаются не эти пособия, отданные даром, а возникшее от них посессионное право; следовательно, понадобится знать только относительное значение пособий по различным округам, а значение это выражается непосредственно в количестве тех произведений, которые обложены добавочной податью». Вместе с тем управляющий соглашался с предложением А.О. Жонес-Спонвиля исключить из выкупа подать за медь, неосторожно упомянув, что в подведомственном ему округе как раз начиналась разработка нового медного рудника, с которым связывались большие надежды.

Конечно, в своем отзыве он не мог обойти вниманием размышления уполномоченного по поводу того «капитала труда, стараний и усилий», который был вложен в развитие Нижнетагильских заводов, в отличие от дру-

гих горнозаводских округов Урала. «На многих конкретных примерах» он пытался доказать, что производительность каждого заводского округа «поставлена в известные границы... которые связаны не только с количеством, но и с качеством казенных пособий». Так, Невьянские заводы, обладавшие «прекрасной рудой в недалеком расстоянии и населенные даже в излишестве людьми, издавна привязанными к заводскому делу», имели недостаток в лесе, «истребленном не столько заводами, сколько этими излишками населения», отчего производительность заводов имела «самые незначительные размеры». Алапаевские заводы имели громадную заводскую дачу, но ее значительная часть «густо и притом вблизи заводов» была заселена государственными крестьянами, которые истребляли заводский лес своими расчистками и распашками, в связи с чем «отдаленность леса стесняла его эксплуатацию и полагала границы производительности» этого округа. Сергинские, Шайтанские и Ревдинские заводы, по сведениям управляющего, имели «достаточное количество лесов и мастеровых для заводского действия», но в них ощущался «весьма сильный недостаток в рудах хорошего качества». В результате этим заводам приходилось «приобретать руду из огромных расстояний от башкир Шадринского уезда», причем «трудность добычи подземными работами и дороговизна провоза» доводили ценность руды, например, для Сергинского завода Губиных до 12 и даже 15 коп. за пуд. При таких ценах на руду было «немыслимо широкое развитие заводской производительности».

Нижнетагильские заводы, по его мнению, находились в совершенно иных условиях. «Нигде на Урале не встречается такого полного соединения всех необходимых данных для возможно широкого развития горного промысла, – констатировал управляющий. – Они населены почти исключительно горнозаводскими людьми, поставленными в такие экономические условия, что могут получать свой заработок только в заводах... по пространству земли, а в особенности по изобилию лесов Нижнетагильская дача занимает одно из первых мест; наконец, заводы сии обладают одним из лучших на Урале, почти не истощенным железным рудником и самым богатым из всех ныне действующих в России медным рудником; причем заводские фабрики расположены почти на самих рудниках». «Совокупность всех этих благоприятных условий, – заключал он, – дает возможность не стесняться какими-либо границами в развитии производительности Нижнетагильских заводов. От совокупности всех упомянутых выше природных богатств, от полнейшей соразмерности их происходит то, что усилия, старания и труды, затраты оборотного капитала, затраты капитала на постройки и усовершенствования всегда встречаются в Нижнетагильских заводах почву и приносят свои плоды».

Сравнивая Нижнетагильские заводы с Верх-Исетскими, он пояснял, что, хотя оба округа пользуются одним Высокогорским месторождением, но его «тагильский участок намного богаче по качеству руды». Кроме того, этот рудник «находится в 150 саженьях расстояния от Нижнетагильского завода, но в 150 верстах от Верх-Исетского завода», поэтому демидовским заводам руда обходится «не дороже $1\frac{1}{3}$ коп. сер.», а яковлевским – «добычей и про-

возом 7 коп. сер., т. е. на 500% дороже». Понятно, размышлял управляющий, почему в такой ситуации Нижнетагильские заводы специализируются на «низших сортах железа и не переходят при всех возможностях к производству высоких сортов»: у них «подать с чугуна составляет менее 10% его ценности, а близость рудника дает 30% выгоды в чугуне в сравнении с другими заводами, выгоды, которые не уравниваются потом никакими высокими сортами». «Отсюда ясно, – резюмировал он свои вычисления, – что ценность нижнетагильской десятины... происходит не вследствие присутствия в ней скрытого коэффициента труда, стараний и усилий, а просто потому, что Алапаевские и Верх-Исетские заводы поставлены в гораздо менее благоприятные условия относительно пользования данными от казны пособиями; следовательно, добавочная подать представляется возможно рациональным выражением посессионного права»²⁷.

Разработка «проекта Валуева–Штофа» 1878 г.

Хотя отзывы управлений посессионных округов были составлены и направлены министру «в кратчайшие сроки», дело о выкупе затормозилось почти на четыре года. Более того, в эти же годы к дискуссии неожиданно подключилось еще одно заинтересованное лицо – «заводские крестьяне», недовольные условиями задуманной операции. По свидетельству Горного департамента, «слух о предстоящем переходе посессионных заводов в собственность их владельцев побудил некоторых из крестьян сих заводов обратиться к министру финансов с просьбой принять во внимание прежде допущения выкупа посессий на обеспеченность их быта». Эти обращения были поддержаны Пермским губернским по крестьянским делам присутствием, которое в 1871 г. уведомило, что «население посессионных заводов, около 95 тыс. рев. душ, не будучи обеспечено земельным наделом и заводскими работами, настоятельно требует улучшения его быта, а по многим округам находится в бедственном положении»²⁸.

Особое совещание в том же 1872 г. рассмотрело все поступившие материалы и, «приняв во внимание, что в то время оставались не разрешенными касающиеся населения посессионных заводов вопросы об отводе ему лесных участков, о предоставлении ему получить надел, от которого оно при составлении уставных грамот отказалось, и об обращении росчистей в надел, нашло необходимым приостановиться выкупом посессий до разрешения общего вопроса о мерах к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения»²⁹. Этим министерским решением дело о выкупе посессий было и вовсе отложено на неопределенный срок.

Несколько иначе смотрели на этот вопрос заводчики. Они-то были уверены, что проблема устройства быта бывших крепостных решена зафиксированными в самих правилах о выкупе условиями и действующими законами. Единственным препятствием они считали нерешенность вопроса о землеустройстве нескольких десятков тысяч государственных крестьян, которые населяли некоторые посессионные дачи. «Во всяком случае, представляет значительное неудобство, – констатировал поверенный Верх-Исет-

ских заводов, – отдать посессионные земли в полную собственность заводчиков за известное вознаграждение, а потом из этих же земель нарезать крестьянам земельный надел за оброк в пользу казны». Но тогда было известно, что этот вопрос обсуждается в высших государственных инстанциях и его решение не заставит себя долго ждать.

Поэтому, когда 10 марта 1876 г. была утверждена «Инструкция о порядке отграничения земельного и лесного надела и о способе исчисления оброчной подати с государственных крестьян, водворенных в казенных и посессионных заводских дачах в губерниях Вятской и Пермской», заводчики сочли возможным возобновить дело о выкупе посессий. «Так как инструкции предоставлены крестьянам только те земельные угодья, которыми они ранее пользовались и платили за них оброк не заводам, а в казну в виде подушного оклада; так как лесные участки она предоставила крестьянам в пределах действительной необходимости, а ранее сего крестьяне платили лесной налог также в казну, а не заводам, – вполне резонно полагал тот же Д.А. Огородзинский, – то с изданием инструкции вопрос о выкупе посессий нисколько не видоизменился, а следовательно, и это последнее препятствие к осуществлению выкупа ныне уничтожилось. В настоящее время нет положительно никаких заслуживающих уважения причин, которые могли бы воспрепятствовать внесению в Государственный совет проекта правил о выкупе посессий, если только Его Высочайшее повеление г-н министр государственных имуществ П.А. Валуев разделяет сложившееся в течение многих десятков лет убеждение о необходимости покончить с посессионным правом»³⁰.

В сентябре 1876 г. от имени владелицы Верх-Исетских заводов графини Н.А. Стенбок-Фермор в министерство поступило прошение, призванное привлечь внимание министра к отложенному делу. «Излишне было бы повторять, что различные стеснения и ограничения, сопряженные с посессионным владением, препятствуют правильному развитию горного промысла на Урале и лежат тяжелым бременем на заводах, – разъяснялось в прошении. – В заводском хозяйстве уже давно представляется необходимость сделать коренные преобразования; но для этого заводчикам нужна, прежде всего, экономическая свобода, которой они пользуются далеко не вполне». «Прежде существовали в России поместья отдельно от вотчин, – напоминалось в прошении. – Вызванные исторической необходимостью первые отслужили свою службу государству и слились с последними. Точно также и посессионное владение, возникшее при Петре Великом, выполнило свою миссию – оно положило основание горному производству, расширило его, населило страну, создало целый край промышленный и цветущий; ныне настал тот исторический момент, когда посессионные заводы, так же, как и поместья, должны слиться с владельческими заводами». «Как представитель одного из самых значительных посессионных округов на Урале», графиня просила министра о том, чтобы вопросу о выкупе посессий «дано было дальнейшее движение». В черновике прошения сохранилась и последняя его фраза, из-за двусмысленности исключенная из окончательного варианта, но по смыслу свидетельствующая о понимании посессионерами общнос-

ти своих интересов: «Причем я остаюсь в полной уверенности, что и другие владельцы посессионных заводов вполне разделяют мое желание с помощью выкупа посессий покончить все свои обязательства к казне»³¹. В феврале 1877 г. прошение с точно такой же аргументацией было получено и от владельца Шайтанских заводов П.В. Берга, что свидетельствует о договоренности посессионеров о совместных действиях³².

Прошения повлияли на позицию П.А. Валужева, который «разделил убеждение» посессионеров, как они и ожидали. В своих ответных «соображениях» министр указал, что «хотя вопрос о мерах к обеспечению быта населения горных заводов еще не был разрешен в общем своем виде, но выработанные в этом отношении меры для казенного населения (имелись в виду не только упомянутая выше инструкция, но и инструкция 12 марта 1877 г. о наделении мастеровых и сельских работников казенных округов. — *Е.Н.*)... делают разрешение его и для крестьян посессионных заводов нетрудным». Поэтому, полагал он, «нельзя не признать своевременным дать предположению о выкупе посессий дальнейшее движение с целью скорейшего прекращения отношений, давно уже признанных тягостными для казны и владельцев и вредными для дела». Но, вникнув в суть дела, министр не оставил без внимания и выявившиеся в ходе обсуждения проекта Податной комиссии недостатки и дал санкцию на составление нового проекта правил о выкупе посессий. Его «главнейшими целями» должны были стать, во-первых, «большее обеспечение быта горнозаводского населения посессионных заводов», на чем настаивали казна и «заводские крестьяне», и, во-вторых, «большая равномерность тяжести выкупа для отдельных заводских округов», на что указывали отдельные заводчики и представители некоторых государственных ведомств³³.

Исходя из сложившейся к тому времени практики решения земельного вопроса, когда в большинстве посессионных округов усадьбы и покосы предоставлялись горнозаводскому населению безвозмездно, а оброки за наделы не взыскивались, министерскими чиновниками было признано, что применение предложенных в проекте Податной комиссии мер «весьма мало изменило бы нынешнее положение крестьян, почему нельзя не обратить внимание на другие стороны крестьянского быта, требующие улучшения». В частности, ими было предложено включить в наделы рощисты за оброк, «принятый для государственных крестьян», с отсрочкой его уплаты на 20 лет, а также выделить населению лесные участки по примеру казенных заводов в размере от 1 до 3 дес. на душу за уплату в казну лесного налога. Желанием «поставить заводское население в такое положение, при котором возможные изменения в заводском хозяйстве — уменьшение или даже прекращение заводской деятельности — оказывало на их быт по возможности меньшее влияние», было обусловлено и предложение увеличить их наделы до норм, установленных для государственных крестьян и населения казенных заводов. Вопреки опасениям Податной комиссии, что земельные наделы «отвлекут крестьян от заводов», в министерстве полагали, что «владение крестьян землею, предоставив для них вспомогательный источник заработка... может оказать лишь пользу горному промыслу тем, что побудит

население тверже держаться своей оседлости». Составители нового проекта считали, что «с распространением на население посессионных заводов тех прав, которыми пользуются бывшие государственные крестьяне и которые распространены на казенные заводы, и с изъятием наделов его из состава выкупаемых имений вопрос об улучшении быта этого населения будет, по-видимому, окончательно решен».

Для устранения второго недостатка – неравенства выкупа по горнозаводским округам – министерством был предложен отличный от Податной комиссии подход к вычислению выкупной суммы. В основу был положен все тот же принцип капитализации добавочной подати, но ее размер выводился не из средних данных за прошедшие годы, поскольку «нельзя было полагать, что производительность заводов останется прежней на долгое время», а исходя из примерной оценки «естественных богатств заводских дач». Чиновники решили, что в основу расчета должны лечь не «пространства земли», поскольку пока не было ясно, сколько ее останется у заводчиков после исключения неудобных и надельных участков, и не рудники, ценность которых нельзя было точно установить, а «только имеющие значение леса».

Формула расчета представлялась авторам министерского проекта в таком общем виде: выкупная сумма определяется «путем капитализации добавочной подати соответственно тому размеру ежегодного производства, какой допускается количеством и родом приписанных к данному заводу от казны лесов». Для этого требовалось вычислить сначала «то количество топлива, которое потребно заводам для производства определенного количества металлов», и «то количество металлов, какое может быть произведено с помощью определенного лесного пространства без расстройство леса». Затем определялась «величина добавочной подати с означенного количества металлов», которая капитализировалась из тех же 5% в итоговую выкупную сумму. Предполагалось, что новой таксации лесов не потребуются, а их площади по каждому округу будут определены приблизительно за вычетом лесных наделов. Капитализации подлежали только подати с чугуна и меди, а средние нормы расхода древесного топлива на плавку чугуна и его передел в железо брались из опыта одного Нижнетагильского округа, поскольку по нему имелись наиболее полные сведения³⁴.

Основываясь на этих представлениях, в 1878 г. Министерство государственных имуществ подготовило текст новых «Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев», включавший 13 статей (см. прил. 3). Кроме описания принципа расчета в них вошли и другие новые положения, касавшиеся процедуры выкупа. Так, заводчики, пожелавшие приступить к выкупу, письменно заявляли об этом в министерство и, если не соглашались с уже сделанными вычислениями, могли просить «о командировании на их счет в сии имения особой комиссии с целью исправления по собранным сведениям данных о лесном пространстве... с тем, что решение сей комиссии... почитается окончательным и для владельцев обязательным» (ст. 4, 5). Им предоставлялось право отказаться от выкупа части имения «с предоставлением ее казне и с соразмерным количе-

ству леса в сей части уменьшением выкупной суммы» (ст. 6). Исключение составляли три посессионных округа (Суксунский, Кнауфский и Мосоловский), которые тогда находились в управлении казны и были выставлены на продажу с публичных торгов. Выкуп за них причислялся к сумме казенных долгов заводов и возмещался при их продаже, совершавшейся уже на праве полной собственности (ст. 7, прим.).

В остальном новый проект предусматривал те же правила, что и проект Податной комиссии, с некоторыми уточнениями (в частности, ответственность за всю операцию возлагалась не на Министерство финансов, а на Министерство государственных имуществ в связи с переводом горного ведомства в его подчинение) или изъятием положений, показавшихся лишними (к примеру, был удален первоначально включенный в проект запрет владельцам отчуждать недра земли отдельно от поверхности, поскольку этого и так не допускалось законодательством). Новизной отличалась третья статья, содержавшая меры «по обеспечению быта» населения выкупаемых имений. В комплекс этих мер вошли положения о безвозмездности предоставления в собственность населению усадеб и поземельного надела, определенных уставными грамотами и дополнениями к ним, а также о праве крестьян, чей «постоянный надел» вместе с росчистями не достигал нормы высшего надела для данной местности, «принять недостающее до этой нормы количество земли (если это окажется по средствам заводского округа возможным) за оброчную в пользу казны плату в размере, установленном для населения казенных горных заводов». «Во всех прочих отношениях, как-то: относительно выгонов, росчистей, лесного надела, прав и обязанностей крестьян ко владельцам предоставленных им земель и угодий и порядке вымежевания наделов», применялись к населению посессионных заводов правила, установленные для населения казенных горных заводов. Приложением к правилам служила сложная таблица по расчету выкупной суммы (частично воспроизведена в табл. 5).

Судя по этим данным и оценкам самих авторов проекта, в результате расчета все-таки выявились «разные цифры для разных заводов, но далеко не в той мере, какую представлял расчет по системе Податной комиссии». Хотя разница в цене десятины колебалась всего в пределах от $75\frac{1}{2}$ до $123\frac{1}{4}$ коп., было предложено еще и округлить цифры, «доведа их до средних для данной местности». В результате, по сравнению с прежним расчетом, оценка десятины (а также и сумма выкупа) для 10 округов повысилась, а для четырех (Шайтанского, Нижнетагильского, Сысертского и Невьянского) – понизилась, но, по мнению авторов, «осталась для посессионных владельцев вообще достаточно льготной». На 6,7% уменьшилась и общая сумма выкупа (с 2 656 988 до 2 477 780 руб.), что объяснялось изъятием из числа выкупаемых десятин предполагаемого лесного надела крестьян (всего до 312 тыс. дес.) и исключением из расчета трех округов (Шильвинского, Ольгинского и Мешинского), к тому времени прекративших свое существование. Общая сумма оказалась ниже и возможной суммарной добавочной подати с чугуна и меди на более чем 282 тыс. руб., но, считали авторы, «приняв во внимание, что кроме выкупной суммы казна будет получать еще лес-

Таблица 5

Расчет выкупной суммы по проекту Министерства государственных имуществ 1878 г.³⁵

Округ	Выкупная оценка лесной десятины, коп.	Исправленная оценка, коп.	Общее лесное пространство, дес.	Население по 10-й ревизии, рев. душ.	Приблизительное пространство леса за вычетом наделной земли, дес.	Приблизительная выкупная сумма, руб., коп.
Нижнетагильский	123	120	495 800	26 923	441 954	530 344,80
Верх-Исетский	112,5	120	439 929	25 748	388 433	466 119,60
Суксунский	89,75	90	286 677	21 365	243 947	219 552,30
Сысертский	95	95	209 965	10 244	189 477	180 003,15
Кнауфский	75,5	90	98 457	10 762	76 933	69 239,70
Ревдинский	123,25	120	161 202	7 573	146 056	175 267,20
Алапаевский	94,5	95	498 607	28 903	440 801	418 760,95
Невьянский	89,5	90	105 018	16 174	72 670	65 403,00
Шайтанский	120,5	120	15 385	2 378	10 629	12 754,80
Холуницкий	86	90	181 890	3 757	174 376	156 938,40
Омутнинский	94,75	95	67 684	1 798	64 088	60 883,60
Кажимский	99,25	90	70 762	376	70 010	63 009,00
Мосоловский	86,25	90	63 997	3 594	56 809	51 128,10
Бемышевский	89,25	90	11 054	874	9 306	8 375,40
Итого			2 706 427	160 469	2 385 489	2 477 780

ной налог и частью оброчную плату с крестьянских наделов, нельзя не признать, что предложенная оценка для казны не убыточна».

Завершая подготовительную работу, авторы нового проекта высказывали убеждение, что его утверждение приведет «к скорейшей развязке посессионных отношений между казной и заводовладельцами», поскольку «еще бо́льшая льготность предложенных правил» для заводчиков позволяла ожидать, что «все они не замедлят приступить к выкупу». Но, если надежда не оправдается, предполагалось «вместе с утверждением в установленном порядке предложенных правил испросить разрешение высшего Правительства о тех заводчиках, кои не приступят к выкупу в течение известного срока, например пяти лет, войти с особым представлением, клонящим к прекращению посессионного ими владения иным путем»³⁶. В контексте этого туманного предложения заметно снижалась значимость принципа добровольности выкупа, но, вместе с тем, оно еще раз доказывало решимость министерства П.А. Валуева (управляющим Горным департаментом при нем был Ф.И. Раселли, а начальником отделения частных заводов – А.А. Штоф, которого и называли автором этого проекта) довести это явно затянувшееся дело до конца.

Как и десятилетие назад, проект новых правил был отправлен «на предварительное заключение» государственного контролера, министров внутренних дел и финансов. Высшие чиновники страны «не встретили препятствий к представлению означенного проекта на рассмотрение в законодательном порядке». Министр финансов передал его в Податную комиссию, кото-

рая также «не встретила возражений против главных оснований проекта, так как основания сии, сохраняя принятое и Податной комиссией начало соразмерности выкупной суммы с количеством добавочной подати, которой казна могла бы ожидать от посессионных заводов, обещают не меньшие для казны выгоды... а вместе с тем имеют в виду достижение большей равномерности тяжести выкупа для отдельных заводов и большее обеспечение быта крестьян». Комиссия предложила лишь внести некоторые уточнения, в частности, о целесообразности брать в залог при переходе на отсроченный выкуп сами горнозаводские имения, которые, «представляя более значительную ценность, нежели сумма выкупа, служат надежным обеспечением сей последней», о преимущественной уплате выкупной суммы «пред всеми казенными и частными долгами» при возможной публичной продаже посессионных заводов, о сокращении срока перехода к выкупу до трех лет, а в случае его пропуска – «не только вхождения с представлением о прекращении тем или другим путем посессионного владения, но и принятии надлежащих мер к устройству быта их населения».

Предложения комиссии не встретили возражений в Министерстве государственных имуществ и были внесены в проект новых правил. Министр принял на себя обязательство «войти в установленном порядке с особым представлением, клонящим к прекращению посессионного владения другим путем и к надлежащему устройству быта населения» в отношении тех заводчиков, которые не приступят к выкупу в течение трех лет со времени издания правил. 8 февраля 1878 г. П.А. Валуев утвердил подготовленный проект и представил его на обсуждение в Государственный совет³⁷. На этот раз мнение посессионеров не выяснялось и, судя по всему, министерский проект тогда был им не известен.

В 1879 г. началось обсуждение проекта в Государственном совете. В целом члены Соединенных департаментов государственной экономии и законов «вполне согласились с заключением статс-секретаря Валуева о том, что условия посессионного владения, ставящие заводчиков во всех действиях и распоряжениях в чувствительную зависимость от Правительства, утратили прежнее полезное значение и сопровождаются ныне лишь стеснениями и затруднениями для обеих сторон». Но, «признавая прекращение посессионного права вообще желательным», соединенные департаменты усомнились в целесообразности «неразрывной связи выкупа посессий с устройством быта горнозаводского населения», декларировавшей в обсуждаемом проекте. «Заводовладельцы, – рассуждали члены Государственного совета, – легко могут из осторожности и опасения, что в надел крестьян отойдут вместе с землями залегающие в сих последних рудные месторождения, не решиться на выкуп посессий, а это тягостно отзовется на населении... Между тем, настоящая необеспеченность положения горнозаводского населения настоятельно требует возможно скорейшего принятия административных мер к окончательному устройству быта его на более прочных основаниях, и потому дело сие должно бы, по-видимому, быть поставлено в зависимость от готовности или нежелания заводчиков приобрести в собственность горнозаводские посессии». Не усматривая вследствие этого «необходимости

ставить вопрос об устройстве быта населения в неразрывную связь с общим вопросом о прекращении посессионного права», члены Совета пришли к заключению, что «первый из сих вопросов должен быть поставлен впереди второго вопроса, как требующего еще некоторой разработки».

Затем придирчивые департаменты неожиданно обратились к суждению о том, «насколько вообще может быть признано ныне своевременным решение вопроса о выкупе посессионных имений в виду последствий недавно открытой Уральской железной дороги». «Действительно, – предполагали члены Государственного совета, – дорога эта, облегчая перевозки к заводам материалов, откроет для эксплуатации многие, бывшие прежде недоступными части лесных дач и рудников, за сим, соединяя центр Уральской горной промышленности с обширными залежами каменного угля, она, с одной стороны, доставит некоторым заводам возможность перейти от употребления древесного топлива к производству на топливе минеральном и удешевит чрез то стоимость металлов, а с другой стороны, побудит те заводы, вблизи коих не окажется благонадежных залежей каменного угля, закрыть в виду конкуренции заводов, более благоприятствуемых, железное производство и обратить свою деятельность на выплавку чугуна». Приняв во внимание «эти обстоятельства, долженствующие произвести неминуемый переворот в горной промышленности Урала и создать для местных заводов такие в будущем условия, какие теперь трудно и представить, департаменты нашли, что при таком положении дела едва ли было бы ныне возможно вполне оценить экономическое и финансовое значение предложенной системы выкупа... и что осторожнее было бы отложить рассмотрение этого вопроса до того времени, когда можно было бы с большей вероятностью судить о предстоящей в будущем деятельности уральских посессионных заводов и когда, вместе с тем, подготовятся более точные и подробные данные о поземельных владениях посессионных заводов и о пространствах к обеспечению быта местного населения земельных и других угодий». С этой целью Министерству государственных имуществ было рекомендовано «ныне же принять меры к точнейшему приведению в известность земель и лесов... и к пополнению вообще тех важных пробелов в статистических материалах относительно местного землевладения, на которые само Министерство ссылается как на одно из обстоятельств, препятствующих до сих пор упрочению быта населения».

Следствием этого обсуждения стало мнение Государственного совета, утвержденное 19 июня 1879 г., в соответствии с которым министру рекомендовалось «выждать последствий для местной горнопромышленности от проведения Уральской железной дороги, а затем возобновить представление по сему предмету в то время, когда он, по ходу дела, признает сие полезным». Кроме того, ему же предписывалось «безотлагательно приступить к более подробной разработке вопроса об окончательном устройстве быта населения посессионных горных заводов... путем, между прочим, приведения в точнейшую известность существа прав, пространства и качества владений по каждому имению, и затем предположения свои по сему предмету внести, по сношению с кем следует, на утверждение в установленном поряд-

ке в связи с делом о выкупе посессионного права или отдельно от оно, как по обстоятельствам окажется более удобным»³⁸. Так дело о выкупе посесий было вновь отложено на неопределенный срок и уже «законным порядком» поставлено в прямую зависимость от поземельного устройства горно-заводского населения.

Обсуждение смежных вопросов в 1880–1890-е гг.

В такой ситуации единственное, что могло ускорить решение посессионной проблемы, было скорейшее завершение разработки проекта землеустройства населения, порученное Министерству государственных имуществ. Но это дело оказалось не менее сложным, и торопиться с ним Горный департамент, надо полагать, не собирался. Судя по «изложению дела», составленному в самом департаменте в 1886 г., поводом к его ускорению послужил указ от 28 декабря 1881 г. об обязательном выкупе крестьянских наделов. Тогда-то в министерстве вспомнили о поручении Государственного совета. Первоначально разработчики проекта предложили самый простой вариант: в качестве основы устройства быта населения посессионных округов использовать с некоторыми изменениями инструкцию 12 марта 1877 г. о наделении населения казенных горных заводов. В 1883 г. Горный департамент внес это предложение на обсуждение Соединенного присутствия Совета министерства и Горного совета. Но, сообщенное присутствием представителям посессионных заводов, оно вызвало с их стороны возражения и побудило 5 ноября 1883 г. представить в министерство коллективное прошение, «содержащее в себе собственные их предположения относительно способа окончательного устройства быта населения этих заводов». Прошение подписали представители Нижнетагильских, Верх-Исетских, Алапаевских, Невьянских и Сысертских заводов. Позже к нему присоединились «особыми заявлениями» владельцы Омутнинского, Шайтанского, Холуницкого, Ревдинского и Бемьшевского округов. Не оказалось только отзыва от Кажимских заводов.

Заводчики соглашались предоставить мастерам «в вечное и безвозмездное пользование» помимо усадеб «назначенные уставными грамотами и дополнениями к ним участки, состоящие под пашнями и полевыми или луговыми сенокосами, согласно размерам существующего ныне пользования, независимо от пространств, определенных уставными грамотами»; «росчисти, заявленные мастерами в сроки, назначенные для того местными учреждениями по крестьянским делам, в тех размерах, как они были заявлены или приведены в свое время в известность»; «состоящие в пользовании мастеровых и обрабатываемые в течение последних пяти лет сряду пашни, хотя бы они находились и вне участков, назначенных уставными грамотами или заявленных росчистей»; «сенокосы в лесах и куренях, если они были назначены там уставными грамотами и в определенных последних размерах»; выгоны по 600 кв. саж. на душу, т. е. все земли и уголья, находящиеся, как тогда выражались, в «фактическом пользовании мастеровых».

Но, идя на эти уступки, заводчики упорно не желали делиться с населением лесами. Не без основания они опасались, что «лесной надел быстро будет истреблен населением, затем начнется хищничество леса из заводских дач». Имелось в виду также, что «за неотчуждением этого надела недр на его площади остались бы за ними». Заводчики полагали, что должен сохраниться сервитут, установленный «по данным, вытекающим из уставных грамот, т. е. что население будет пользоваться определенным в грамотах количеством леса по числу усадеб или душ, и что отпускаться заводами лес будет тому же только населению в количестве, соответствующему годовому приросту на той площади, которая причлась бы на надел». Только таким способом, считали заводчики, «население могло быть обеспечено лесными материалами без вреда для заводов»³⁹.

«Наделение мастеровых» в понимании владельцев должно было идти одновременно с «наделением заводов», т. е. выкупом посессий. Эти процессы являлись для них равноценными и неотделимыми. Только с изданием закона о выкупе посессий можно было, по мнению заводчиков, признать мастеровых крестьянами-собственниками «безо всяких выкупных платежей в пользу заводовладельца». Однако здесь заводчики сталкивались с другим не менее важным для них вопросом о недрах наделных земель. В идеале они считали необходимым ограничить собственность мастеровых на свои земельные наделы лишь правом на поверхность, а недра, т. е. вполне вероятные месторождения необходимых для заводов минералов, оставить за ними. Но в прошении 1883 г. они, как можно судить, еще опасались жестко ставить этот вопрос перед правительством, поскольку такое «расщепление» собственности противоречило существующим в России законам. В такой ситуации они выдвинули требование обмена угодий хотя бы в течение 10 лет со времени отграничения наделов мастеровым. Кроме того, все «межевые действия» должны были производиться «правительственными средствами и на счет казны»⁴⁰.

Рассмотрев эти предложения, Соединенные присутствия постановили, что они «заслуживают дальнейшего обсуждения», но для этого необходимо собрать сведения о фактическом землепользовании заводского населения. В феврале 1885 г. Горный департамент затребовал эти сведения от всех заводоуправлений. В департаменте поступившие данные были систематизированы специально созданной Особой комиссией (табл. 6).

«Предлагая постановить такие правила, ставящие размер наделов горнозаводского населения в зависимость от фактического поземельного его пользования, – анализировали предложения заводчиков члены комиссии, – нельзя не остановиться на вопросе: насколько размеры этого пользования достаточны?» Судя по полученным данным, фактическое землепользование даже там, где оно увеличилось против уставных грамот чуть ли не вдвое (Нижнетагильские заводы) или даже втрое (Невьянские), в среднем лишь ненамного превышало низшую норму надела по Положениям 19 февраля 1861 г., составляя в большинстве округов от 1¹/₂ до 3 дес. на душу, а по отдельным дачам падало и ниже указанной нормы. Более значительные наделы имелись у сельских работников в Алапаевском округе (в среднем

Таблица 6

**Фактическое землепользование горнозаводского населения посессионных округов Урала
(по данным заводууправлений на 1886 г.)⁴¹**

Округ	Землепользование по уставным грамотам и по праву на росчисти		Фактическое землепользование		Нормы наделов, дес. на душу
	всего дес.	дес. на душу	всего дес.	дес. на душу	
<i>Пермская губерния</i>					
Алапаевский мастеровые сельские работники	11 656,74	2,17	12 946,74	2,41	Екатеринб. уезд 1,5–5,5 Ирбитский уезд 1,66–5,0
	13 551,56	4,75	13 627,57	4,77	
Верх-Исетский мастеровые	22 882,61*	1,50	33 749,98	2,20	1,5–5,5
Невьянский мастеровые	8 022,25	0,91	21 218,63	2,40	Екатеринб. уезд 1,5–5,5 Верхотур. уезд 2–6
Нижнетагильский мастеровые	47 271,43	1,88	75 013,00	2,99	2–6
Ревдинский мастеровые	12 084,50	1,79	?	?	Екатеринб. уезд 1,5–5,5 Красноуф. уезд 2–6
Сысертский мастеровые сельские работники	9 484,86	1,41	?	?	1,5–5,5
	5 073,89	1,54	? **	?	
Шайтанский мастеровые	1 460,00	0,64	?	?	1,5–5,5
<i>Вятская губерния</i>					
Бемьшевский мастеровые	3 642,50	5,46	4 202,50***	6,3	1,66–4,0
Омутнинский мастеровые	3 167,00	2,12	4 596,00	3,07	не определе- но
Холуницкий мастеровые	2013,57	0,73	2 089,57	0,75	2,66–7,0
<i>Вологодская губерния</i>					
Кажимский мастеровые	643,99	6,71	?	?	2,66–7,0

* Показаны земли, предоставленные по уставным грамотам в 20-летнее или пожизненное пользование.

** По заявлению заводууправления, фактическое землепользование может лишь немного превышать предыдущие цифры.

*** Заводууправление полагало, что в действительности цифра эта превышает 6 тыс. дес.

3³/₄ дес.) и у мастеровых в Кажимской округе (6³/₄ дес.), но и они не достигали высшего размера надела по тем же Положениям. Исключение представлял лишь один Бемьшевский завод, где фактическое землевладение населения (6,3 дес.) превышало высшую норму для этой местности (4 дес.).

Этот анализ раскрывал причины согласия заводчиков на «фактический надел». Однако, признавая, что землевладение населения «вообще не обширно», комиссия, тем не менее, не могла не учитывать и интересы заводчиков и горнозаводской промышленности, которую они представляли. «Все же нельзя требовать его (землевладения населения. – *Е.Н.*) увеличения в большинстве дач, так как в них заводоуправления не оставили за собою удобных безлесных земель, которые могли бы служить для надела населения, а уничтожать леса значило бы наносить вред заводскому действию, а следовательно – и крестьянам, живущим заводскими заработками», – констатировали члены комиссии. В итоге было принято компромиссное решение: «В тех посессионных округах, где средний размер надела не достигал нижней его величины для данной местности, надел дополнялся в случае желания на то населения и по мере средств заводов до указанного размера из заводских удобных безлесных земель».

В остальном предложения заводчиков были приняты с отдельными уточнениями. Так, в департаменте вспомнили, что кроме мастеровых в статьях будущего закона надо бы упомянуть и сельских работников, рекомендовали исключить ссылки на закон о выкупе посессий и предложили половину средств на землеустройство населения обеспечить за счет самих заводоладельцев. Относительно обмена земель комиссия решила «допустить означенное право в течение определенного срока» и согласилась «с этой целью (так как обязательный обмен с крестьянами-собственниками не допускался – *Е.Н.*) не делать мастеровых и сельских работников в течение того же срока собственниками их наделов». Это было мотивировано тем, что «со стороны заводчиков делается в пользу населения весьма важная для него уступка, заключающаяся в предоставлении ему земель, хотя и занятых им фактически, но не состоящих в его владении по праву, и в отказе от оброка, который хотя в действительности почти нигде не взимался, но по закону может быть требуем заводоладельцами, и, наконец, что для заводчиков и самих крестьян существенно важно, чтобы заводы были обеспечены месторождениями ископаемых».

Хотя в своих предложениях заводчики очень осторожно выразились по поводу недр посессионных дач, которые они, конечно, желали сохранить за собой, комиссия уловила это настроение и категорически высказалась против такой гипотетической возможности «в виду общего закона о праве землевладельца на недра его земель, закона, примененного повсеместно в России, не исключая и местностей горнозаводских». «Нельзя и ожидать, чтобы был когда-либо издан закон, устанавливающий изъятие из этого общего права собственно для посессионных заводоладельцев», – решили в 1886 г. члены комиссии Горного департамента⁴².

Предложения комиссии были вынесены на обсуждение в Соединенное присутствие Министерства государственных имуществ, куда пригласили и

представителей от заводовладельцев. Основным предметом обсуждения здесь стал вопрос о недрах, открыто и прямо поставленный тогда заводчиками. Судя по записке, составленной от их лица, они настаивали на сохранении своего монопольного права на недра, ссылаясь на то самое посессионное право, от которого желали освободиться, поскольку именно оно прежде гарантировало исключительно им возможность разрабатывать месторождения руд тех металлов, которые производились на заводах. Они также обращали внимание на наличие некоторых отступлений в существующем законодательстве по вопросу о недрах, например, на землях казаков и государственных крестьян, а также в Привисленском крае. «Особенные условия горнозаводского хозяйства, наличие государственного интереса в сохранении его существования, наконец, особенности в самом поземельном устройстве населения, получающего свой надел даром, по доброй воле владельцев, – полагали заводчики, – могли бы вызвать и особое правило, недостаток которого может иметь для них роковой практический смысл, тогда как для сотен тысяч других земельных имуществ в России наличие его или недостаток имеют лишь чисто теоретическое значение».

Тем не менее в целом Соединенное присутствие «не признало возможным испрашивать эту меру в законодательном порядке в виду проявленной неоднократно Государственным советом настойчивости к сохранению принципа нашего законодательства о принадлежности недр собственнику земной поверхности». В итоге было решено, что вопрос этот «подлежит всесторонней разработке, которую всего удобнее будет возложить на местную горную администрацию». Надежда на пересмотр законодательства, таким образом, не была полностью утрачена заводчиками. Их представители на совещании попросили министра представить мнение владельцев «на благоусмотрение Государственного совета совместно с проектом закона об окончательном поземельном устройстве мастеровых посессионных заводов»⁴³.

Между тем, наблюдая за обсуждением вопроса о землеустройстве, который решался преимущественно в предложенном ими варианте, заводчики и их поверенные посчитали своевременным напомнить властям и об отложенном вопросе о выкупе посессий. С последнего постановления Государственного совета об этом прошло почти восемь лет, сменились три министра государственных имуществ. Поэтому, когда в начале 1887 г. владельцы Верх-Исетского, Нижнетагильского, Алапаевского и Невьянского округов подали прошение министру М.Н. Островскому, им пришлось вновь напоминать о прежних решениях властей насчет посессионного права, которое, как они давно считали, «при нынешних условиях жизни и промышленности является полнейшей аномалией». Вопреки мнению Государственного совета, они настаивали на том, что «окончательное поземельное устройство горнозаводских мастеровых, проживающих в посессионных дачах, тогда только не нарушит заводских интересов, когда заводовладельцы сами станут собственниками дач одновременно с ними, а не позже их». Просители ходатайствовали «о безотлагательном разрешении вопроса об освобождении принадлежащих им горнозаводских имений от посессионных условий и признании

их... в правах полной собственности на те земли и леса, которыми они ныне владеют на праве ограниченном». Министр «изволил поручить Горному департаменту внести это дело на обсуждение Соединенного присутствия Совета министров и Государственного совета совместно с делом о поземельном устройстве горнозаводского населения посессионных округов».

Но, выполняя это поручение, чиновники департамента усомнились в возможности такого шага. Опираясь на мнение Государственного совета 1879 г., они полагали, что «требовать одновременного представления... дела о выкупе посессий и об устройстве быта заводского населения значило бы... задерживать движение этого последнего дела, подготовленного уже настолько, что для окончательного рассмотрения его в Соединенном присутствии советов потребуются, вероятно, лишь одно заседание, после чего дело это может быть немедленно... сообщено на заключение подлежащих ведомств». Но на вопрос, «может ли быть ныне же дан ход делу о выкупе посессий», они, тем не менее, ответили утвердительно. В департаменте посчитали, что спустя восемь лет после открытия движения по Уральской железной дороге уже можно смело судить о ее последствиях для горнозаводской промышленности. Наряду с вопросом о землеустройстве именно это опасение членов Государственного совета заставило отложить в 1879 г. дело о выкупе посессий.

Понятно, что когда главный начальник уральских заводов запросил «конфиденциальные отзывы» от заводоуправлений по этому поводу, он получил совершенно предсказуемый отклик. Так, управляющий Верх-Исетским округом А.И. Роджер писал, что вообще «затрудняется указать на какие-либо крупные проявления благотворного влияния этой дороги». «Конечно, – полагал он, – удешевилась доставка металлов на Каму из ближайших к дороге заводов, но удешевилась весьма незначительно по сравнению с прежним водяным сплавом; представилась возможность отправлять заводские грузы во внутренние губернии России в течение всего лета, а не однажды в год во время весеннего сплава; представилась возможность перевозить руду из ближайших к дороге рудников. Но, в общем взятые, все эти льготы слишком ничтожны, слишком исключительны для того, чтобы серьезно влиять на развитие уральской горной промышленности. Главнейшая цель, с которой строилась Уральская дорога с Луньевскою ее веткой, состояла в том, чтобы соединить северные каменноугольные копи с рудниками Среднего Урала. Но дорога была сооружена прежде, чем убедились в пригодности луньевского каменного угля для всех металлургических операций, а впоследствии оказалось, что для главнейшей из этих операций – доменной плавки – луньевский уголь не годится, особенно в виду потребности в чугуне высокого качества, которым доселе славится Урал; с другой стороны, и руды Среднего Урала, на перевозку которых на север точно также основывался расчет постройки дороги, оказались далеко не в изобилии, так что их едва достаточно для выплавки того чугуна, который переделывается весь без остатка на местных посессионных заводах. Таким образом, намеченная Правительством при постройке Уральской дороги цель не была достигнута. Хотя посессионные заводы в большинстве действительно прогрессиру-

ют, производительность их действительно ежегодно возрастает, но железная дорога тут ни при чем... что доказывается тем, что количество выделяемых на уральских заводах металлов возрастало постепенно как до, так и после постройки дороги, и дорога в данном случае не дала никакого толчка, который вдруг приподнял бы горную промышленность». «В силу всего вышесказанного, проведение Уральской дороги, – по мнению управляющего, – никак не могло повлиять на изменение проектированных ранее Правил выкупа посессий или критику расчетов выкупной суммы»⁴⁴.

Опираясь на подобные оценки, 19 февраля 1887 г. в Горном департаменте и решили «не медлить возобновлением дела о выкупе». Но это возобновление, посчитали там, «не может состояться в простом представлении в Государственный совет проекта, выработанного девять лет тому назад при таких предположениях по устройству быта заводского населения, которые значительно отличаются от принятых ныне». По мнению чиновников, тот проект необходимо было подвергнуть новому тщательному рассмотрению, для чего следовало «сообщить его на заключение местного горного начальства, которое не было с ним ознакомлено», собрать «дополнительные сведения о составе посессионных имений», а затем обновленный проект передать на обсуждение министров финансов, внутренних дел, юстиции и государственного контролера⁴⁵. Но только в мае 1889 г. главный начальник получил министерское предписание «доставить необходимые сведения и соображения относительно оснований для нового проекта выкупа посессий». Тогда же ему был передан для отзыва заводоуправлений текст «Правил о выкупе», составленных А.А. Штофом в 1878 г. при министре П.А. Валуеве.

Так заводчики и их управления сумели, наконец, ознакомиться с проектом 11-летней давности. Судя по записке Верх-Исетского заводоуправления, против «нового приблизительного расчета выкупных сумм», сделанного в том проекте, «никто из заводовладельцев не протестовал, а равным образом не возражал и против порядка, в котором должен совершаться выкуп»⁴⁶. Понятно, почему не последовало возражений от Нижнетагильских заводов, выкуп которых по «проекту Валуева–Штофа» понизился более чем в 2,2 раза (с 1 171 538 до 530 344 руб.) в сравнении с расчетом Податной комиссии. Промолчали и представители большинства посессионных округов, для которых сумма выкупа была даже увеличена. Так, тот же Верх-Исетский округ выкупался за 466 119 руб. вместо 335 708 руб., т. е. в 1,4 раза дороже. Очевидно, что желание заводчиков поскорее освободиться от условий посессионного владения превышало возросшие расходы на это мероприятие. Управляющий Петербургской конторой Верх-Исетских заводов С.Е. Тупилов предлагал согласиться с этим проектом «главным образом потому, что всякие возражения и замечания могли бы только затормозить это дело, окончательное разрешение которого так желательно»⁴⁷.

В конфиденциальном отзыве на запрос главного начальника А.И. Роджер не упустил напомнить, что «по прежнему проекту по желанию мастеровых предоставлялся им полный душевой надел, т. е. от 5¹/₂ до 6 дес. на душу, и право отдельных лесных участков, вследствие чего и количество земель, остающихся у заводчика, и выкупная сумма могли значительно

уменьшиться против приблизительного расчета; но, по новому проекту надела ничего этого нет: мастеровым отдано все то, чем они пользовались, а лесной надел не выделяется». Поэтому, считал он, между выкупом посессий и землеустройством населения сейчас нет «органичной связи» ввиду того, что «по новому проекту земельного устройства мастеровых не предполагается никаких прирезок и отрезков ни в угодьях, ни в лесах, и количество земли, остающееся у заводовладельца, не может значительно измениться сравнительно с приблизительным расчетом». По мнению управляющего, заводовладелец мог «уплатить ту выкупную сумму, какая назначена по правительственному расчету, а затем, если впоследствии при окончательном отграничении надела окажется, что у него осталось земель меньше количество против приблизительного расчета, то переплаченный излишек выкупа может поступить в зачет горной подати»⁴⁸.

Согласившись с министерским проектом выкупа посессий и включением в него обговоренных с ними правил землеустройства населения, которые исключали лесной надел, заводчики попытались вновь надавить на власти и по другому важнейшему для них вопросу о недрах. Ради этой цели были составлены новые записки для представления в Государственный совет. Записка особенно настойчивого Верх-Исетского заводоуправления была лично доставлена А.И. Роджером в Петербург 19 августа 1889 г. Предполагаемая передача населению недр наделных земель, утверждалось в ней, могла привести лишь к тому, что столь значимые для огромного региона горные заводы вскоре лишатся рудных месторождений. «Нигде не представляется в такой степени необходимость в ограничении права владельца поверхности пользоваться недрами, как при окончательном устройстве землевладения мастеровых на Уральских горных заводах, – утверждалось в записке. – Посессионные горные заводы на Урале строились в местах незаселенных, в самом центре залегания ископаемых, необходимых для заводского действия; вслед за тем осевшее вокруг заводов многочисленное заводское население начало пользоваться угодьями в тех же самых местах, где расположены заводские рудники, открытые и разрабатываемые, или где залегание благонадежных руд по геогностическому положению местности представляется несомненным; по берегам горных речек и в соседних логах распространились покосные угодья местного населения и тут же в логах открыты и постоянно вновь открываются золотоносные россыпи, разрабатываемые заводами». По сведениям Верх-Исетского заводоуправления, «уже сейчас сделаны заявки на различные полезные ископаемые на половине проектируемых наделов крестьян». Поэтому предоставление мастеровым прав на недра их земельного надела, «которыми они доселе никогда не пользовались, которые для их нормального благосостояния вовсе не нужны и которые вместе с тем составляют необходимейшую принадлежность горных заводов», означало бы только то, что «владелец теряет надежду на дальнейшее расширение заводской производительности... и должен предвидеть в недалеком будущем сокращение или даже полное прекращение работ на заводе вследствие истощения разрабатываемых ныне рудных залежей и вследствие невозможности воспользоваться таковыми среди крестьянских угодий»⁴⁹.

Но проблема прав посессионеров на недра рассматривалась тогда высшей властью не как самостоятельная, а в контексте общего вопроса о землеустройстве горнозаводского населения. Поэтому государственное отношение к ней прозвучало в долгожданных правилах «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в уральских горнозаводских округах», изданных 19 мая 1893 г. Тогда заводчики смогли убедиться, что, выиграв в борьбе за леса, они если не проиграли, то и не выиграли безоговорочно в своей борьбе за недра наделных земель. Как предлагали сами заводчики, горнозаводское население получало дополнительно к своему фактическому землепользованию только выгоны по 600 кв. саж. на душу, но не лесные площади. Оно лишь обеспечивалось прежним сервитутом на лес из заводских дач на тех же условиях, что и население казенных заводов (ежегодно по 5 куб. саж. дров на усадьбу, причем работающим на заводах – бесплатно, а прочим – за плату, установленную Горным управлением, а также строевым лесом «за попенные деньги»). В правилах сохранилось положение о возможности «прирезки к наделу до известной нормы», как предлагалось Министерством государственных имуществ, но лишь исключительно «из ненужных для заводского действия земель», т. е. безлесных участков. Таким образом, лесные площади оставались за заводами.

Однако в отношении прав на недра законодатель не отступил от общероссийской нормы и не сделал исключения для посессионеров. Вместе с наделом они переходили в собственность населения, но не сразу, а по истечении 15 лет. Это время предоставлялось заводчикам для разведки, разработки, а в случае необходимости – и обмена отходивших населению территорий. В этом вопросе уступка заводчикам заключалась лишь в продлении срока с 10, как они сами предлагали, до 15 лет. Кроме того, заводчики должны были разделить пополам с казной стоимость всех межевых работ на заводских землях⁵⁰. В дальнейшем такое правило затормозит ход землеустройства из-за несвоевременного финансирования казной этой операции. В целом предложенная властью модель окончательного землеустройства горнозаводского населения посессионных округов в компромиссном варианте учла интересы всех заинтересованных сторон, включая и заводчиков. Кроме того, издание правил устранило и главную причину задержки вопроса о выкупе посессий, поставленного в прямую зависимость от решения земельного вопроса.

Вопрос о посессионном праве был дополнительно актуализирован изданием в том же 1893 г. новой редакции Горного устава, которой заводчики ожидали еще со времени работы Горной комиссии. Как уже упоминалось, вопреки надеждам, устав включил прежние нормы посессионного права, введенные еще в начале XIX в. Складывалось впечатление, что за истекшее с последнего постановления 1887 г. время горные власти напрочь забыли о проблеме выкупа посессий. Все это вместе взятое не могло не подтолкнуть заводчиков к новым активным действиям.

Инициаторами вновь выступили наследники С.Я. Яковлева, владельцы крупнейших посессионных округов Урала. 8 июня 1894 г. управляющий

Верх-Исетскими заводами А.И. Рождер разослал управлениям соседних посессионных округов письмо, в котором сообщал, что с совладельцем Невьянских заводов князем Д.П. Гагариным они «согласились между собою устроить совещание для обсуждения вопроса о выкупе посессий» и предлагали всем заинтересованным лицам собраться 20 июня в Екатеринбурге. Там и было принято решение подготовить очередную записку владельцев уральских посессионных заводов в реорганизованное Министерство земледелия и государственных имуществ. 27 марта 1895 г. эта записка легла в основу их общего прошения, подписанного совладельцем Верх-Исетских заводов графом А.А. Стенбок-Фермор, членами Главного правления Невьянских заводов В.В. Петровым и Ф.М. фон Крузе, а также членами Главного правления Алапаевских заводов К.Н. Манзеем, М.С. Волковым и К.В. Рукавишниковым. На подготовительном варианте прошения было отмечено, что «г-н Жонес (главноуполномоченный Нижнетагильских заводов. – *Е.Н.*) возвратится 20 марта, прошение подпишет; Д.П. Соломирский (совладелец Сысертских заводов. – *Е.Н.*) согласен на ходатайство, он в заводах; за г-на Поклевского (владельца Холуницких заводов. – *Е.Н.*) подпишет управляющий Летовт; к Н.П. Пастухову (владельцу Омутнинских заводов. – *Е.Н.*) прошение пошлется для подписи в Ярославль».

Напомнив министру А.С. Ермолову предысторию вопроса о выкупе посессий, просители убеждали его, что «с разрешением вопроса о наделе населения заводчикам крайне необходимо освобождение от посессионных условий для того, чтобы стать на одном уровне со своими соседями – конкурентами, пользующимися вотчинным правом, и направлять заводскую деятельность сообразно с современными потребностями промышленности, для успеха которой необходима полная свобода действий». Помимо прочувствованной заводчиками конкуренции с вотчинниками в прошении прозвучали и новые мотивы, вызванные последствиями поземельного устройства населения. «Несомненно, – утверждалось в прошении, – что... каждому заводчику придется произвести расход, быть может в несколько десятков тысяч рублей, ради безвозмездного обращения надела в собственность населения... Кроме того, для сохранения за заводами залежей ископаемых заводчикам необходимо в назначенный срок произвести усиленные разведки; за неимением же ныне у заводчиков таких угодий, которые могли бы быть предложены в обмен населению, им придется еще производить для этой цели расчистку и обработку подходящих площадей. Операции эти могут потребовать спешных затрат, еще более значительных, чем... по съемке и межеванию надела... Взамен же этих крупных жертв заводчики не получают никаких преимуществ: их землевладение остается в тех же посессионных условиях, давно уже признанных утратившими полезное значение и обоюдно стеснительными».

Просители «почтительнейше ходатайствовали» перед министром «о направлении вопроса об освобождении представляемых нами заводов от посессионных условий к разрешению на условиях, возможно неотяготительных для владельцев». Припомнив то, что с прежним вариантом выкупа они не были вовремя ознакомлены, представители просили «предоставить им

ознакомиться с предложениями по этому вопросу предварительно внесения таковых в Государственный совет и сохранить в них, по примеру прежних проектов, условия подчинения заводов новым правилам лишь при добровольном на то согласии их владельцев»⁵¹.

Уже в апреле был получен ответ от Горного департамента определенно несколько озадачивший просителей. Управляющий А.М. Афросимов сообщил, что «за неокончанием надела горнозаводских, а частью и государственных крестьян в посессионных дачах, никаких предположений в Министерстве... о выкупе посессионных заводов в собственность их владельцев в настоящее время не имеется, но что, если со стороны владельцев посессионных заводов будет сделано Министерству... какое-либо предложение по означенному делу, то Министерство с охотой его рассмотрит»⁵². Становилось очевидным, что высшее горное начальство нехотя сориентировалось на составление нового проекта и, вняв просьбе посессионеров, заинтересовалось их мнением.

12 июля 1895 г. С.Е. Тупиков из Петербурга переслал А.И. Роджеру и А.О. Жонес-Спонвиллю составленную по его желанию записку для того, чтобы «обсудить ее совокупно... с управляющими прочих владельцев». «Я полагаю, – писал он, – что по возвращению министра Ермолова в Петербург (из поездки по стране, и в частности – на Урал. – *Е.Н.*) придется составить новое прошение о выкупе посессий, позаимствовавшись материалом из этой записки, причем, конечно, будет принято во внимание все, что господа управляющие найдут нужным пояснить в записке или исключить из нее». Эта записка и материалы по ее обсуждению выявляют надежды и опасения заводчиков и их управлений в связи с выкупом посессий.

«Ходатайство заводовладельцев об освобождении их от посессии, – заявляли авторы, – вызвано сознанием угрожающих им обстоятельств, что всякое промедление в разрешении этого вопроса задерживает дальнейшее их развитие к увеличению выработки металлов и удешевлению их, что увеличение заводской работы принесло бы не меньшую пользу казне нормальной податью, взамен полуторной, и дало бы большему числу людей заработок». Поднимался и вопрос о незавершенности межевания наделов государственных крестьян и горнозаводского населения в посессионных округах, что отодвигало выкуп посессий до времени его окончания. Авторы пытались успокоить горные власти, заверив их, что «отграничение наделов государственных крестьян... уже окончено, а продолжают лишь споры по некоторым селениям». Не составляла особого препятствия, по их мнению, и незавершенность землеустройства горнозаводского населения, поскольку простой вычет «из общей площади дачи безлесных и неудобных земель», за счет которых по правилам 1893 г. только и могли расширяться наделы мастеровых, позволял легко вычислить площадь остающихся за заводами лесов, т. е. «величину того пособия казны, за которое в 1863 г. заводы оставлены в посессионных условиях».

Проект Валуева–Штофа 1878 г., напоминали авторы записки, не был отвергнут ни Государственным советом, ни «тогдашними министрами». «Министерство государственных имуществ находило ранее, в 1887 г., что

вслед за разрешением вопроса о наделении горнозаводского населения не будет уже препятствий приступить к делу о выкупе посессий, для чего и собирало сведения и посылало проект о том графа Валуева на заключение местного горного начальства. Недостаток окончательного отграничения наделов населения не признавался тогда препятствием к выкупу посессий, подобно тому, как и при составлении проекта графа Валуева. Подесятиный расчет суммы выкупа, конечно, не может быть сделан точно до окончания вымежевания наделов, – констатировали управляющие. – Но приблизительное исчисление такой суммы с условием позднейших зачетов заводчикам излишней уплаты или недополученной казной при платежах в рассрочку, а равно возврата или дополучения при единовременных взносах выкупной суммы, вполне осуществимо, и заводчики охотно бы ему подчинились»⁵³.

Судя по безымянным откликам заводоуправлений на «записку Тушикова», именно проект Валуева–Штофа рассматривался тогда посессионерами в качестве основы для выработки окончательного варианта выкупа посессий. «Предложить что-либо логичнее заводчики едва ли успеют», – такой мотив звучал в переписке. Для того чтобы убедить в целесообразности проекта министра, который был «не знаком со всеми частностями вопроса о посессионном праве», предлагалось воспользоваться предстоящим приездом А.С. Ермолова на Урал. «Местные деятели» намеревались не только «найти много случаев ознакомить его с массой неудобств посессионного права, крайне вредных заводчикам, обременительных для горной администрации, а казне совершенно бесполезных», но и доказать министру, что «сохранение подесятиного расчета выкупной суммы для заводчиков крайне важно». Поскольку такой расчет «впервые проявился в проекте графа Валуева, составленном г-ном Штофом, ныне видным деятелем центральной горной администрации и сотоварищем А.С. Ермолова по лицу», они рассчитывали на поддержку министра.

«Система г-на Штофа так проста... – утверждалось в отзывах, – что А.С. Ермолов легко усвоит ее и впоследствии будет сознательным ее сторонником по крайней мере в отношении округов, производящих одно железо». Сомнительным могло показаться министру лишь исключение из оценки добавочной подати за золото и платину. Предлагалось доказывать это «непостоянством такого промысла, влиянием на него лажа, рискующего ныне не только уменьшиться, но и вовсе исчезнуть. К выкупу подлежать должно будущее горнозаводского дела в округе, а не его прошлое: при рассрочке платежей на 37 лет кто может поручиться, что добычей золота и платины будут цифры, соответствующие какому-либо периоду из прошлого. В случае надобности, – рекомендовали управляющие, – кажется, можно бы заявить г-ну министру, что заводчики предпочли бы уплачивать и впредь добавочную подать с золота и платины, чем принять на выкуп капитализацию ее по средней величине за какой-либо период прошлого времени». В этой связи было даже высказано предложение о необходимости полного отказа от полуторной подати с драгоценных металлов и даже меди. Этим, считали на заводах, правительство «даст возможность обрабатывать с мень-

шим содержанием металла медные руды, золотосодержащие и платиновые россыпи, чрез что, несомненно, увеличится получение этих металлов и таким путем увеличится поступление нормальной подати».

Некоторые заводоуправления пугало возможное возвращение к «средним величинам добавочных податей за прошедшие периоды», которые использовались в ранних проектах выкупа при расчете выкупной суммы. Они, считали «местные деятели», имели «опасную для заводчиков сторону». «Около 15 лет заводы стали пускать в дело пни, сучья и торф. Это повело за собой обращение больших количеств дров на уголь, повышение цифры производства чугуна, а с ним и большее поступление добавочной подати. Конечно, при установлении этой подати не имелось в виду таких суррогатов, обходящихся, вообще, дороже настоящих лесных материалов, которые принимал в расчет проект Валуева. Но с выяснением обстоятельств радетели казенного интереса, вероятно и г-н министр, будут склонны включить этот фактор производства в оценку для выкупа, да еще по какой-либо неудобной системе». Поэтому было предложено «не обращать внимание г-на министра на эту сторону дела», поскольку «чем успешнее оно в округе, тем более может он поплатиться за этот успех при выкупе».

Был также поднят беспокоивший посессионеров вопрос о «довольствии мастеровых лесными материалами». Опасения заводоуправлений заключались в том, что при постоянном росте населения сервитут становился «важным для заводов бременем». «Пока не будет приступлено к выкупу посесий, трудно рассчитывать здесь на какие-либо изменения к пользе заводов, – посчитали заводоуправления. – При составлении проекта о выкупе вопрос этот будет на втором плане. Образцом, конечно, послужат правила для казенных заводов... Заводчикам останется добиваться наиболее выгодного их применения к своим дачам. Возбуждать вопрос этот ныне, в поездку министра, едва ли желательно; могло это повлечь за собой скорее вред, чем пользу». «Вообще, – решили «местные деятели», – нежелательна подача особых записок по всем вопросам, касающихся выкупа посесий. Министерство поставило его всем заводчикам в совокупности; таков должен быть и ответ по всестороннему обсуждению ими всех частных дел»⁵⁴.

Скорее всего, так и произошло, и министр А.С. Ермолов, на которого возлагались большие надежды, сумел ознакомиться с общим мнением посессионеров и их заводоуправлений, изложенном в коллективном прошении от 6 марта 1896 г. Следствием этого стало создание Особой комиссии при Горном департаменте под председательством того же члена Горного совета тайного советника А.А. Штофа, бывшего соавтором проекта 1878 г. Комиссия должна была в очередной раз «рассмотреть вопрос о выкупе посессионных имений в собственность их владельцев». Об этом директор департамента Н.А. Денисов известил Уральское Горное управление 29 сентября 1897 г. В виду того, что «упомянутая комиссия в скором времени приступит к своим занятиям», он просил поторопиться составить сведения по последней таксации о масштабах и состоянии лесов посессионных дач, их ежегодном приросте, нормах вырубок и отпуске леса населению. Эти данные, поступающие от заводоуправлений, были отправлены в Петербург к июню

1898 г., когда Особая комиссия, на которую заводчики возлагали большие надежды, уже начала свои заседания.

Однако, вопреки желанию посессионеров, комиссия категорически отвергла проект бывшего Министерства государственных имуществ, не согласившись с методикой расчета выкупа посессий исходя из величины добавочной подати. Все предшествующие проекты, решили там, «ошибочно принимали в расчет для выкупа одну только добавочную горную подать, как бы считая, что все права казны на посессии исчерпываются этой подастью». «Посессия не есть частное имение, лишь обязанное платить добавочную подать... и посессионные земли не перестали с отдачею их заводам принадлежать казне как собственнику, – полагали члены комиссии, – ...в виду чего выкупом посессии в собственность заводчик приобретает не одно освобождение от уплаты добавочной горной подати, но и право собственности на заводскую дачу, а с ним и освобождение от существующих стеснений в пользовании и распоряжении последнею». Недостатком прежнего проекта была признана и «слишком низкая выкупная оценка дач» (около 1 руб. за десятину), сохранение лесного сервитута и отказ от учета подати за золото, которая была обращена «в особый раскладочный налог».

Отвергнув проект 1878 г. и пересмотрев прежний взгляд на базовые принципы выкупа, комиссия, тем не менее, не пришла к окончательному заключению «об основаниях, на которых мог бы быть построен новый проект выкупа». Как кратко сообщалось в записке Горного департамента, только два ее сотрудника, имена которых не назывались, выдвинули «предположения» об этом. Один из них полагал вовсе не составлять общего для всех заводчиков положения, а «произвести для каждой посессионной дачи через особую комиссию из представителей казны и владельца дачи оценку ее и половину этой оценки признать за выкупную сумму». Другим членом Особой комиссии был предложен совершенно иной подход, отвергавший идею выкупа и предусматривавший «справедливое разверстание посессионных имений между казною и владельцами». В связи с таким неожиданным для посессионеров поворотом событий от них поступило ходатайство о приостановке занятий комиссии «до предоставления ими подробных сведений и соображений»⁵⁵. Можно полагать, что властям и заводчикам потребовалось время, чтобы обдумать и оценить новые подходы к решению посессионной проблемы, выявившиеся в комиссии 1897 г.

«Проект А.А. Штофа», его критики и сторонники

В 1899 г. заводчики смогли ознакомиться с подготовленными к этому времени в виде проекта «Правилами о прекращении посессионного владения горнозаводскими дачами на Урале» (см. прил. 4). «Владельцам уральских посессионных горнозаводских дач, – было записано в первой статье Правил, – предоставляется в собственность безвозмездно: а) земля, занятая заводами с их постройками и прудами... в размере, не превышающем в совокупности 300 дес.; б) рудники и прииски, заявленные или фактически разрабатывавшиеся заводовладельцами в посессионных их дачах до издания

настоящего узаконения, а также принадлежащие заводовладельцам в чужих дачах (кроме отводов, полученных на казенных свободных землях на общем основании законов о частной горной промышленности на сих землях) в границах имеющихся отводов, а при неимении таковых в тех границах, какие будут указаны новым отводом в размере не более 1 кв. версты для каждого рудника или прииска». Вторая статья сообщала, что «посессионные дачи, кроме указанных в статье 1 частей их и наделов местного населения по закону 19 мая 1893 г., становятся полною собственностью казны с ограничениями, указанными в статьях 3 и 4».

Эти ограничения сохраняли за бывшими владельцами заводских дач исключительное право поиска и разведки в них «ископаемых, составляющих предмет свободного горного промысла», и получение отводов для их добычи на общем основании законов о частном горном и золотом промысле на казенных землях до 19 мая 1908 г. До этого времени дачи оставались «закрытыми для посторонних горнопромышленников, кроме добычи драгоценных камней», разрешенной по закону от 16 февраля 1896 г. Каждая бывшая посессионная дача считалась «предоставленной владельцу состоящего в ней завода для пользования лесными материалами на основании... закона 29 мая 1895 г. и в размере, соответствующем потребности завода в сих материалах, насколько это допускается состоянием дачи». Лишь до завершения «лесоустройства дачи с отграничением и таксацией лесосек» ее использование «со стороны заводоуправления» производилось «на существующих основаниях и бесплатно».

Взамен этого заводчики освобождались «от всех связанных с посессионным владением стеснений в праве распоряжения рудниками, заводами и заводским действием со дня издания настоящего узаконения», а от уплаты «добавочной горной подати со времени окончания таксации лесов» (ст. 5). Кроме того, на казну переходила обязанность снабжения местного населения лесными материалами. Министру земледелия и государственных имуществ предоставлялось право установить порядок принятия в казну бывших посессионных дач и «разрешать все могущие встретиться... вопросы и недоразумения, не подлежащие по свойству своему судебному законодательному рассмотрению» (ст. 6)⁵⁶.

Этот краткий, но емкий документ привел уральских посессионеров и их заводоуправления в полное замешательство, поскольку в корне противоречил как их предположениям, так и прежним намерениям горных властей, выраженным во всех проектах выкупа посессий. По их мнению, он свидетельствовал о том, что власть внезапно решилась на возможно самое радикальное изменение в системе своих отношений с заводчиками по соображениям, ничего общего не имеющим с их насущными интересами, которые посессионеры пытались донести посредством своих многочисленных записок. Вопреки этим интересам, власть через 30 лет вернулась к тем предложениям, которые еще в 1868 г. озвучил министр А.А. Зеленой и которые тогда были отвергнуты лояльной к заводчикам Податной комиссией. Вряд ли сейчас высшие горные власти не прогнозировали ответной реакции заводчиков на проект, фактически предлагавший уничтожить их «вековые

права» на посессионные земли и ведущий к распаду той организации горно-заводских округов, органичной частью которой были посессионные дачи. Вероятно, это был своего рода «пробный шар» властей в отношении как заводовладельцев, так и общественного мнения.

Как и следовало ожидать, проект вызвал скорый и решительный протест заводчиков, направленный в первую очередь против его автора. Им к общему удивлению оказался тот же самый А.А. Штоф, которого прежде так хвалили посессионеры за разработку проектов выкупа. В нашем распоряжении имеется безымянная записка, составленная в Верх-Исетском заводууправлении, которое всегда выступало зачинщиком действий за отмену посессионного права. Скорее всего, она была составлена управляющим А.И. Фадеевым для Главного Петербургского правления именными наследников Н.А. Стенбок-Фермор в начале 1900 г. Ее автор пытался не только критиковать новый проект А.А. Штофа, но и выяснить причину столь неожиданной и резкой перемены во взглядах важного чиновника.

«До настоящего времени, – писал хорошо осведомленный автор, – все суждения Правительства по вопросу о переходе владений на посессионном праве во владение на праве собственности (что Правительством признавалось желательным и необходимым) выражалось формулой: “выкуп посессий”... причем Правительством предлагался заслуживающим особого внимания проект выкупа посессий, основанный на капитализации добавочной горной подати. Комиссии, занятые этим вопросом, во всех своих работах никогда не отступали от намеченного пути, но появившийся законопроект г-на Штофа внезапно изменяет предположенное направление Правительства, разом признавая ничтожными все работы действовавших до сего времени комиссий».

Анализируя проект А.А. Штофа, автор приходил к заключению, что он противоречит действующему законодательству. Хотя это законодательство, настаивал он, и «оставляло открытым вопрос о том, к какому виду владения должно относиться владение землями, лесами и рудниками на посессионном праве», но недвусмысленно определяло это владение «неограниченным каким-либо сроком и потомственным». «Рассматривая проект г-на Штофа с этой точки зрения и оставаясь спокойным собственником имущества, которое не может быть насильственно изъято из владения его без явного нарушения основных прав собственности, – замечал автор, – предстоит только удивиться, каким образом г-н Штоф, не имея оснований отрицать неотъемлемость прав посессионеров, мог предложить им свой проект в надежде получить их согласие на умаление их прав безо всякой замены таких прав какими-либо выгодами».

Помимо этой базовой правовой нормы проект полностью противоречил «той идее, во имя которой у высшего Правительства родилось стремление избавить посессионеров от установленного для них вида владения». «Основанием к такому стремлению, – пояснял автор, – послужило сознание, что правильное употребление посессионерами данных им от казны пособий могло бы происходить только в том случае, когда бы посессионеры относились к этим пособиям как к своей неотъемлемой собственности, так как

только интерес собственника может служить источником полной свободы в своем настоящем и будущем. Вот почему Правительство, желая обратить посессионное владение горнозаводскими имениями в собственность их владельцев, предложило установить выкуп посессий». А.А. Штоф в своем проекте предлагал изъятие посессионных земельных владений в казну вместо выкупа их в собственность заводчиков.

Серьезные опасения автора записки вызвало положение проекта об открытии посессионных дач с 19 мая 1908 г. «для поисков и добычи в них ископаемых частными лицами». Ясно, что этот срок был заимствован из закона 19 мая 1893 г. об окончательном поземельном устройстве населения посессионных округов, который предоставлял заводчикам 15-летний период для поисков руд на наделных землях и их обмена. По проекту А.А. Штофа, те же самые поисковые работы нужно было проводить уже на всей территории округа «и в результате обеспечить свой завод ископаемыми на вечное его действие». «По самым разнообразным причинам, – утверждал автор записки, – это предположение может остаться неисполненным, что не только возможно, но почти неминуемо, хотя бы даже проектируемый срок был увеличен вдвое и втрое». Тогда заводовладельцу ничего не останется, как «производить фиктивные разведки и делать наобум сплошные односторонние отводы», но уже не безвозмездно, а «на общем основании законов о частном горном промысле на казенных землях».

Значимой опасностью, вытекающей из того же положения проекта, представлялось и неизбежное, по мнению автора записки, появление на бывших посессионных землях после 1908 г. «массы мелких горнопромышленников», которым потребуется значительное количество лесных материалов. Но их неоткуда будет взять, кроме как из тех же самых дач, которые предоставлялись и заводчику «для пользования лесными материалами в размере, соответствующем потребности завода в сих материалах, насколько это допускается состоянием дачи по ее устройству». Таким образом, делал вывод автор, «покровительство к развитию будущей частной мелкой промышленности в бывшей посессионной даче... будет в той же мере служить к умалению средств для поддержания существования крупной промышленности, а может быть и к полному разрушению ее... что может быть достигнуто и, безусловно, будет достигнуто, если распоряжение лесами оставить за казною, чему примером могут служить существующие казенные дачи». Автор записки был вовсе не против «мелкого горного промысла», но не без основания полагал, что «только крупная горнозаводская промышленность может достичь наивысшего для нее развития и желанных результатов».

Обращаясь к другим «источникам» проекта А.А. Штофа, автор обнаружил их отчасти в законе от 29 мая 1895 г. «Об изменении порядка снабжения частных горных заводов древесным материалом из казенных лесов». Проект А.А. Штофа предоставлял посессионеру те же 300 дес. земли, но не в аренду, а в собственность безвозмездно, и лес «за попенные деньги и на тех же кондициях, кои составляют закон». Но предоставлял лес из собственной посессионной дачи, а значит, по мнению автора, не в качестве льго-

ты с целью «поощрить крупную горную промышленность и дать ей возможность встать на твердую почву в будущем», а в виде «обмена одного права на другое». Эта замена представлялась автору «клонящей не к поощрению крупного горного промысла, а к его угнетению», из чего следовало, что проектируемые А.А. Штофом мероприятия шли «не параллельно, а прямо в разрез с намерениями правительства», почему и не могли подлежать осуществлению.

Задавшись вопросом, «чем же вызван подобный антагонизм к посессионным владельцам», которым, по его мнению, был проникнут последний проект А.А. Штофа, автор записки нашел ответ, в широком смысле – в ухудшившемся к этому времени общественном мнении по отношению к уральским горнозаводчикам вообще, а к посессионерам – в частности, в узком же – во влиянии на позицию чиновника получивших известность работ уже упоминавшегося В.А. Удинцева.

Именно тот в своих трудах, появившихся как раз в это время, стал доказывать, что добавочная подать, положенная в основание выкупа посессий, вовсе не составляет существа посессионного права, поскольку «помимо требования заводского действия за казной остается еще кое-что: право земельной собственности». Поэтому, считал правовед, неправильно трактовать предполагаемую сделку между посессионерами и казной как выкуп, поскольку выкуп есть обратное приобретение отчужденного, а посессионеры ничего не отчуждали казне и потому ничего не могут выкупить у нее. Напротив, «пользование посессионными землями отчуждено заводчикам казною... и казна, очевидно, могла бы откупиться от посессионеров, выкупив свои земли». Ошибочная юридическая квалификация сделки, прекращающей отношения посессионеров к казне, влекла за собой расширение монопольных прав посессионеров, что, считал В.А. Удинцев, «не соответствует интересам горного дела», поскольку препятствует развитию в горнозаводских округах частной промышленности и вовсе не гарантирует ее развитие самими заводчиками, освобожденными от всех обязательств поддерживать заводское действие.

«Итак, – резюмировал правовед свои размышления, – выкуп как способ ликвидации посессионного права надо считать невозможным по соображениям юридическим, а скрывающееся за ним отчуждение казенных земель в пользу посессионеров – не соответствующим интересам горного дела, заводского населения и вообще общенародной пользе. Можно поэтому удивляться, что в течение почти 50 лет, протекших с того времени, когда впервые возбужден был вопрос о ликвидации посессионного права, ни в комиссиях, ни в литературе... не говорилось ни о чем другом, кроме выкупа». Он считал вполне возможным «способ, обратный выкупу, и заключающийся в приобретении посессионных заводских округов не посессионерами у казны, как было до сих пор, а казной у посессионеров». Но, поскольку отводные земли и леса В.А. Удинцев безоговорочно считал собственностью казны, то покупка их у посессионеров и не предполагалась. Покупка же самих заводов и движимого заводского имущества представлялась ему нецелесообразной ввиду вполне обнаружившегося «неудачного ведения казенного завод-

ского хозяйства» и «неуверенности в полной применимости кооперации к производству», как это случилось с несколькими казенными заводами, переданными в арендное управление рабочих артелей. Поэтому он и предлагал осуществить сделку на принципах, положенных в основу проекта А.А. Штофа⁵⁷.

Сравнивая представления правоведа и чиновника, автор записки замечал, что «г-н Штоф не только непосредственно заимствовал основные мысли своего проекта... но и вообще находится под влиянием труда г-на Удинцева», который, по его мнению, «хотя и претендует на труд научный, в сущности таковым не является, а представляет собой лишь выражение беспочвенной вражды к крупному землевладению и желание отличить свой труд совершенно оригинальными взглядами... ссылаясь при этом на суждения... малокомпетентных лиц». Он полагал, что «знакомиться с нуждами и затруднениями горного промысла Урала надо... не по газетным статьям и выкладкам земских статистов, а на месте, стоя близко у самого дела и заглянув в заводские книги, хотя бы только недавно истекших лет, в которых красной нитью проходят не баснословные доходы, о коих наобум говорят не знакомые с делом люди, а убытки или таковые доходы, которые ничтожны в сравнении с тем, что вложено в дело десятками поколений заводчиков-посессионеров». Поэтому, полагал он, имея в виду идеолога В.А. Удинцева и автора проекта А.А. Штофа, «если допустимы для молодого ученого (в его труде на получение первой ученой степени) увлечения оригинальными идеями во имя их оригинальности и без знакомства его на месте с истинным положением вещей, то недопустимы такого рода увлечения лицу, к которому должно быть предъявлено требование на его полное и всестороннее знакомство не только с теорией исследуемого права, но и с фактическим положением дела, из него вытекающего»⁵⁸.

Вместе с тем другие «практики заводского дела» вовсе не исключали целесообразности осуществления проекта разверстания посессий, находя в нем не столько теоретическую, сколько экономическую выгоду. Причем это были представители крупнейших посессионных округов. Так, управляющий Верх-Исетских заводов полагал, что им выгоднее было бы «не иметь никакого права пользоваться даровым лесом, а покупать его из казенных дач по горной таксе». Расчет заводоуправления, сделанный еще в 1870-е гг., показывал, что в таком случае за ежегодно расходуемые тогда 73 тыс. куб. саж. дров оно должно было бы заплатить казне не многим более 25 тыс. руб. сер. Но, пользуясь посессией, округ платил ежегодно добавочную горную подать (20 тыс. руб.), содержал на свой счет лесную стражу и лесных съемщиков (около 32 тыс. руб.) и платил земский налог (24 тыс. руб.), что вместе составляло 72 тыс. руб., т. е. втрое больше⁵⁹.

В 1899 г. подобный же расчет сделал управляющий Нижнетагильскими заводами П.И. Замятнин. Выходило, что в случае реализации проекта А.А. Штофа расходы по горной подати этого крупнейшего посессионного округа сократятся на 121,7 тыс. руб., от отмены уездного и губернского сбора и поземельного налога – на 45 тыс. руб., от расходов «на содержание заводской лесной администрации и охраны лесной дачи округа» – на 45 тыс. руб.,

всего на 211,7 тыс. руб. При покупке необходимых для заводского действия 135 тыс. саж. древесного топлива пришлось бы заплатить казне лишь 67,5–74,25 тыс. руб. «Сравнивая эту цифру с исчисленной выше суммой, – писал демидовский управляющий, – окажется, что с опубликованием нового закона в том виде, как он проектирован, ежегодные сбережения заводо-владельцев выразятся огромною цифрою 141 тыс. руб. Но вся польза одними этими цифровыми выводами далеко не исчерпывается. С переходом на положение собственников заводов владельцы освободятся от отпуска лесных материалов местному населению и сопряженных с этим отпуском разного рода недоразумений и отчетности; от охраны лесной дачи от самовольных порубок и захватов; от составления по ним протоколов и ведения массы дел, начиная от земских начальников и кончая губернским присутствием; от сбережения дачи от самовольной пастьбы скота и сенокосения, которые так распространены среди местных мастеровых... и, наконец, самое главное, владельцы избавятся от массы переписки с разными должностными лицами даже по уяснению самого вопроса о том, в чем именно заключаются их права как посессионеров и по отношению к местному населению, и по отношению к владению дачами. Эти вопросы в последнее время благодаря, с одной стороны, непониманию земскими начальниками и другими прикосновенными к делу должностными лицами, а с другой – превратному толкованию их в литературе требуют от заводоуправления затрат и времени, и труда...»⁶⁰.

Тем не менее никогда заводчики и их представители не предлагали перейти на такой вроде бы выгодный им вариант взаимоотношений с казной. Здесь, как и полагал безымянный автор цитированной записки, теория сталкивалась с практикой. Отграничение лесов от сохранявшей свой древесно-угольный профиль уральской металлургии означало для них утрату гарантированной и оберегаемой (несмотря на имевшие место рецидивы «хищничества») топливной базы заводов. С точки зрения заводчиков, это было равносильно закрытию заводов, ибо, как сообщалось в одной из записок Совета съездов горнопромышленников Урала, «немыслимо существование горнозаводского предприятия, которое не обеспечено самым существенным условием жизнеспособности его – горючим»⁶¹.

По опыту прежних лет заводчики считали казенное лесное ведомство, с которым в случае утверждения проекта А.А. Штофа предстояло перейти на арендные или рыночные отношения, очень ненадежным партнером. В одной из записок Совета съездов не без оснований утверждалось: «...несоответствие между интересами горной и лесной промышленности и нежелание лесного ведомства приносить интересы лесного дела в жертву горной промышленности, конечно, останутся и впредь... Поэтому обещание снабжения бывших посессионных заводов топливом из казенных лесов никоим образом не может обеспечить интересы заводов. Между тем, не будучи гарантированы в возможности получать достаточное количество древесного горючего, бывшие посессионные заводы не будут иметь возможности продолжить свою деятельность. Даже при наличии собственных лесов заводы эти терпят от недостатка и дороговизны топлива вследствие удаленнос-

ти эксплуатируемых лесных площадей от заводов и повышения стоимости труда рабочих. Положение дела ухудшится во много раз с передачей посессионных лесов казенному ведомству, заинтересованному не в горном деле, которое было и остается ему чуждым, а в правильной постановке лесного хозяйства. Лесное ведомство будет неизбежно стремиться освободиться от обязательства в пользу посессионных заводов и в результате получится полная необеспеченность их горючим...»⁶² Такая вполне реальная перспектива перекрывала любые экономические выгоды от передачи лесов казне. Вполне вероятно, не без оснований заводчики полагали, что зависимость от казенного ведомства была чревата еще и появлением «дополнительных поводов для административного произвола». «Отнятие лесов от заводов» вело также к «обесцениванию заводов», что «лишало их кредита, а вместе с тем вело и к окончательному разорению». Кроме того, заводские дачи хранили в своих недрах неисчислимые минеральные богатства как залог будущего развития горнозаводской промышленности.

Судя по всему, резкая реакция заводчиков на проект А.А. Штофа была вызвана не только нежеланием расстаться с масштабными земельными владениями, но и вполне обоснованными опасениями за судьбу крупной уральской металлургии – их «родового дела». Они настаивали на том, что самым простым и целесообразным для казны и заводчиков вариантом была бы передача лесов в их собственность путем выкупа посессий, т. е. превращение посессионных округов во владельческие, которые, по данным тех же «статистиков», развивались более динамично и показывали пример эффективности при существовании той же окружной организации, но без «казенной опеки».

Убежденность посессионеров в правомерности модели выкупа посессий нашла поддержку и даже, как тогда говорили, «научную санкцию» у руководителя авторитетной ученой комиссии Д.И. Менделеева, который, как уже упоминалось, совершил летом 1899 г. поездку на Урал с поручением «посильно осветить давно назревший вопрос об уральской железной промышленности». В отличие от авторов последнего министерского проекта, Д.И. Менделеев считал посессионеров «историческими тружениками металлургического дела на Урале». «Они владеют, – писал он, – $2\frac{1}{4}$ млн дес. земли (у казенных заводов $2\frac{1}{2}$ млн дес.), а производят в год около 12 млн пуд. чугуна (казенные же только около 5 млн пуд.), т. е. почти $\frac{1}{3}$ производительности всего Урала определяется этими заводами. От них идет главная слава уральского железа (Яковлевых, Демидовых и др.), они, несомненно, еще и ныне стоят впереди всего уральского движения, и они, хорошо освоившись в крае, конечно, двинут железное дело вперед, если темнота, часто господствующая в уральских земельных отношениях, а особенно в посессионных, заменится полным светом». Именно в такой «неопределенности, запутанности и условности» владельческих прав увидел ученый одну из существенных причин «малой подвижности» уральской промышленности. Поэтому он предлагал «совершенно покончить с таким устарелым способом движения промышленности, как посессия», и с помощью «державной воли... сделать посессионеров полными владельцами своих земель, оставшихся за наделом крестьян». Как и заводчики, он полагал, что «возвышен-

ная горная подать», составлявшая «как бы арендную плату за право посессии», может быть капитализирована, и тогда будет покончено «с вмешательством казны во владение посессионеров»⁶³.

Горячее сопротивление заводчиков и аргументы ученых определенно несколько охладили пыл министерских реформаторов. Проект А.А. Штофа был отложен до лучших времен, в то время как высказанное в Особой комиссии 1897 г. предложение решать посессионную проблему отдельно по каждому округу с учетом его специфики неожиданно получило продолжение.

¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 31–40; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. СПб., 1868. Прил. XV.

² Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XIV. Записка о значении посессионного права, сообщенная Д.А. Огородзинским.

³ Там же. С. 7.

⁴ Удинцев В.А. Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 284.

⁵ ПСЗ-П. Т. 38. № 39676.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 1, 8, 24–25.

⁷ ПСЗ-П. Т. 38. № 40358.

⁸ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 377–380.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 222–223; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Прил. к IV разделу.

¹¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 132–140; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XV.

¹² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 132–140; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 380–383.

¹³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188; Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 1; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 169–251.

¹⁴ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 169–251.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Прил. XIX.

¹⁷ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.

¹⁸ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. Прил. XXI А.

¹⁹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 213 об. – 221.

²⁰ Там же. Л. 222–223; Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Приложение к проекту правил о выкупе.

²¹ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 367.

²² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 85–92.

²³ Там же. Л. 28–30.

²⁴ Там же. Л. 14, 31–40.

²⁵ Там же. Л. 140–145.

²⁶ Там же. Л. 93–101.

- ²⁷ Там же. Л. 102–130.
- ²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1996. Л. 81.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.
- ³⁰ Там же. Л. 132–140.
- ³¹ Там же. Л. 146–148.
- ³² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1755. Л. 17–18.
- ³³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 230–231.
- ³⁶ Там же. Л. 200–204.
- ³⁷ Там же. Л. 204–213.
- ³⁸ Там же. Л. 280–282.
- ³⁹ Там же. Л. 356–359 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 232–238.
- ⁴¹ Там же. Л. 238 об.
- ⁴² Там же. Л. 232–238.
- ⁴³ Там же. Л. 282–283, 285–286.
- ⁴⁴ Там же. Л. 180–187.
- ⁴⁵ Там же. Л. 280–282.
- ⁴⁶ Там же. Л. 14–20.
- ⁴⁷ Там же. Л. 162–163.
- ⁴⁸ Там же. Л. 180–187.
- ⁴⁹ Там же. Л. 164–179 об.
- ⁵⁰ ПСЗ-III. Т. 13. №. 9628.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 300, 349–353.
- ⁵² Там же. Л. 354.
- ⁵³ Там же. Л. 363–374 об.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 110–117; Оп. 67. Д. 195. Л. 2–4.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 21–22.
- ⁵⁷ Удинцев В.А. Указ. соч. С. 310–358.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4691. Л. 24–29 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 3958. Л. 140–145.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2427. Л. 5–7 об.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1477. Л. 17–19.
- ⁶² Там же. Д. 1403. Л. 143–146.
- ⁶³ Уральская железная промышленность в 1898 г. / Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. Ч. 3. Гл. 3. С. 101, 126.

4. ПРОЕКТЫ И РЕШЕНИЯ НАЧАЛА XX в.

Ликвидация «бемьшевской посессии»

В начале XX в. были предприняты попытки решить «частные дела» по нескольким посессионным округам, где сложились особые условия. Первым на очереди оказалось дело о «бемьшевской посессии». Оно началось еще в 1890 г., но так и не было завершено. Бемьшевский округ был одним из небольших по территории, включавшей всего 15 765 дес., где в лучшие

годы выплавлялось до 2,6 тыс. пуд. меди. Он принадлежал дворянскому роду Лебедевых и уже с середины XIX в. приносил владельцам одни убытки. В 1879 г. по наследству от майора А.Е. Лебедева округ перешел в общее владение трех его дочерей: Е.А. Шампиной, Е.А. Трубниковой и М.А. Корвин-Круковской. Организовав «научные разведки руд и исследование экономического положения завода», владелицы сумели доказать, что сгоревший в 1883 г. Бемьшевский завод нет смысла восстанавливать, поскольку он «не имеет горнозаводской будущности» из-за истощения рудных месторождений. Рассчитывая получать доход от лесоторговли, в 1890 г. они подняли вопрос «о допущении выкупа сего имения из посессионного владения в их собственность в качестве имения негорнозаводского».

Поскольку такое предложение противоречило намерениям властей осуществить выкуп всех посессионных имений на общих основаниях, владелицы запаслись рядом дополнительных «соображений», подсказанных, видимо, компетентным мужем одной из них, управляющим Межевого департамента Сената И.И. Шампиным. Помимо главного аргумента – экономической бесперспективности заводского дела в ходатайстве, направленном министру государственных имуществ, обращалось внимание на «исключительность положения Бемьшевского завода, делающего возможным как отдельный его выкуп из посессии, так и упразднение горнозаводского его характера». Завод, оказывается, был единственным посессионным предприятием в той местности, что, по мнению владелиц, давало возможность «принять относительно его меры без связи с... прочими посессионными заводами». Кроме того, уже проведенное здесь наделение бывших крепостных исключало его из числа тех, на которые должны были распространиться проектируемые в то время правила об окончательном устройстве населения посессионных заводов. В ходатайстве также упоминался имевший место прецедент с Мосоловскими заводами, проданными казной в 1885–1886 гг. частным лицам «без обязательства производить добычу руды и плавку металлов и с рассрочкой платежа». Владелицы не сомневались, что у них имелись и «нравственные основания на сохранение за собой Бемьшевского имения». В изложении Горного департамента, эти основания звучали так: «Создавшееся положение... не зависело от воли и действий заводовладельцев и не могло быть ими предотвращено. Оставить всю тяжесть... неблагоприятных условий... на настоящих владельцах завода, безо всякого внимания к их родовому праву и значительным капиталам, употребленным на завод, едва ли было бы соответственно с достоинством Правительства. Ущерб, который им это причинило бы, будет для заводовладельцев крайне чувствительным, между тем выгоды казны от горной подати... могут быть обеспечены иным способом». Владелицы предлагали выкупить оставшиеся после наделения крестьян земли округа «по правилам выкупа посессионных земель», но «на условиях, на коих проданы Мосоловские заводы», т. е. без сохранения их горнозаводского профиля¹.

Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов поддержал просьбу владелиц округа, не имевшего «горнозаводской будущности». Он считал, что как для них, так и для казны «наилучшим исходом было бы допущение

выкупа посессии на тех же основаниях, какие будут выработаны для всех уральских посессионных заводов». Однако директор Горного департамента Н.А. Кулибин рассудил иначе. Выкуп, полагал он, «не противоречит той цели, с которой Правительство сначала жертвовало свои земли частным лицам в посессионное владение, а затем предоставило им выкупать на льготных условиях, т. е. цели развития горной промышленности, потому что по естественным условиям сих имений, богатых ископаемыми и лесом, наивыгоднейший способ извлечения из них дохода заключался бы все-таки в горнопромышленной их эксплуатации, а принадлежность имения владельцу на праве собственности побуждала бы последнего к более хозяйственному и бережливому отношению к горным богатствам». «Таким образом, – резюмировал Н.А. Кулибин, – основанием к предоставлению льготного права выкупа являлась уверенность в том, что горнозаводское имение, и будучи выкуплено, не утратит своего полезного значения для горной промышленности, а усугубит его. Само собой разумеется, что такая уверенность по отношению к каждому имению, прежде всего, требует наличности в нем благоприятных естественных для горного промысла данных, и что имение, у которого эти данные отсутствуют, не дает и основания к допущению льготного выкупа». В департаменте учли, что выкупная сумма Бемьшевского округа по выработанным правилам для посессионных заводов 1878 г. составляла всего 8 375 руб., в то время как стоимость этого имения в случае продажи его как лесного – около 93 тыс. руб. Для окончательного решения дело о «бемьшевской посессии» было передано на рассмотрение Горного совета².

6 июня 1890 г. совет вынес постановление, которое не совсем отвечало желанию владельцев. С одной стороны, он не нашел «достаточных оснований настаивать на восстановлении заводского действия» и согласился с тем, что имение может быть продано в частную собственность «без всякого ущерба для горного промысла». Но такой выкуп существующими законоположениями не предусматривался, и удовлетворение ходатайства владельцев возможно было «лишь на путях Монаршего милосердия». С другой стороны, Горный совет посчитал, что предложенный владельцами способ выкупа «не может иметь места», поскольку выкупу подлежало «не горнозаводское имение и не посессионное право, а казенная лесная дача», по отношению к которой не было оснований допускать льготную оценку, а надлежало руководствоваться тем общим порядком, который принят при продаже казенных недвижимых имуществ³.

Владельцев уведомили, что делу будет дан ход в случае их согласия на предложения Горного совета. Около года им потребовалось, чтобы определить свою позицию. В апреле и мае 1891 г. они направили царю и министру новые прошения, настаивая на льготном выкупе. Дело о «бемьшевской посессии» вернулось в Горный департамент и было на этот раз поручено А.А. Штофу как специалисту, «занимавшемуся составлением предположений о выкупе всех посессионных заводов». Тогда он еще придерживался взгляда на добавочную подать как на единственное поддающееся учету проявление посессионного права. «Основой выкупного расчета может быть

лишь сумма добавочной подати с нормального количества выплавки», – писал он. Расчет оказался прост: капитализация из 5% этой подати (50 коп. с пуда) от ежегодной выплавки в 1000 пуд. составляла 10 тыс. руб.

Директор департамента К.А. Скальковский согласился с этим мнением, но ему воспротивился министр финансов И.А. Вышнеградский. «Приобретение Бемьшевской дачи как лесохозяйственной, – писал он в своем отзыве, – желательна для владелиц в видах эксплуатации оной, и определенная Министерством государственных имуществ сумма в 10 тыс. руб. едва ли может быть признана соответствующей действительной ее стоимости... и не отвечает интересам казны». Не принимая во внимание никаких «нравственных оснований» для льготного выкупа, министр предложил организовать публичную продажу дачи «без возложения обязательства возобновить действие завода», что, по его мнению, и дало бы владельцам возможность приобрести имение «через соревнование на торгах»⁴.

В пику министру владелицы указали на существующее в законах положение от 16 марта 1798 г., по которому в случае возвращения в казну посессионных имений из-за прекращения заводского действия владельцы должны были получить вознаграждение «по оценке». «В видах возможного соглашения с министром финансов в существующем разногласии по оценке завода... – писали они в очередном прошении министру государственных имуществ, – просим сообщить ему наше ходатайство о благосклонном отношении к нашим родовым правам... и сделанным нами же денежным затратам... для ограждения нас от окончательного разорения по упомянутому заводу». Тогда к спорному делу было привлечено Министерство юстиции. В отзыве министра Н.В. Муравьева признавалось право посессионера «возбудить ходатайство о вознаграждении его за произведенные затраты или оставленные здания завода», но и за казной оставлялось право при определении цены руководствоваться общими для всех правилами безо всякого исключения в пользу владельцев.

«Неполнота и неясность существующих законов о посессионном праве, при оказавшейся невозможности продолжать заводское действие, – писала от лица сестер Е.А. Шамшина в мае 1895 г., – ...не открывают для выхода из этого затруднительного положения иного пути, как тот, который указывает министр юстиции... Полагая, что мы имеем нравственное право на сохранение за собою нашего родового по закону посессионного имения, сбереженного в ущерб собственным имениям, мы ходатайствуем не о выдаче нам в вознаграждение за потерю посессионного права какой-либо суммы, а о разрешении нам приобрести в собственность состоявшую с лишком 140 лет в родовом нашем владении посессионную дачу на тех условиях, какие Правительство найдет возможными». Однако в случае, «если Министерство земледелия и государственных имуществ полагало более целесообразным и справедливым определить следующее нам вознаграждение известной суммой», владелицы соглашались и на такой исход дела, но затруднялись в определении этой суммы «не потому, что не сознавали тяжести понесенной потери, а по совершенной невозможности добросовестно выразить ее точную бесспорную цифру»⁵.

Пока дело обсуждалось в различных министерствах, прошло несколько лет. По сообщению главного начальника уральских заводов, за это время Бемьшевское имение с каждым годом «все более и более расстраивалось», не принося дохода ни казне, ни владельцам. Он неоднократно просил Горный департамент либо потребовать от владельцев установить «компетентное управление... для охранения казенного имущества», либо поскорее взять имение в казну⁶.

По неотложности дела и выявившимся в ходе многолетнего обсуждения разногласиям, в декабре 1896 г. министр А.С. Ермолов предложил образовать межведомственную комиссию «для всестороннего рассмотрения условий выкупа Бемьшевского завода, а равно и определения дохода, какой можно было извлекать из имения казне в случае казенной эксплуатации». Комиссия создавалась при Горном департаменте под председательством того же А.А. Штофа и с участием членов Горного совета А.М. Афросимова и В.В. Веселовского, ревизора Лесного департамента А.Ф. Тура, управляющего гражданским отделением Министерства юстиции И.М. Арцыбушева, столоначальника Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов В.П. Муравьева и младшего ревизора Департамента гражданской отчетности Государственного контроля М.А. Калинина. Извещенные о комиссии владельцы избрали своим представителем присяжного поверенного Д.С. Ивашина.

Заседания комиссии состоялись в октябре и ноябре 1897 г. Судя по журналам, ее члены пришли к общему заключению, что «с юридической точки зрения казна имеет несомненное право потребовать возвращения себе Бемьшевской дачи, в которой невозможно возобновление заводского действия», но должна возместить владельцам «ценность строений и за лишение права на получение оброка с населения». Они склонились к тому, что следует все-таки учесть и «нравственные поводы к более милостивому отношению Правительства к владельцам дачи, заключающиеся в заслугах рода Лебедевых-Осокиных по водворению и ведению в течение более века горного промысла». Однако мнения о размере вознаграждения разделились. Представитель Министерства юстиции считал, что владельцам необходимо компенсировать расходы по охране лесов с того времени, когда «просители оказались фактически в положении хранителей имения, обязанными в надлежащей целости сдать оное казне», а представитель Министерства финансов полагал, что на счет казны должны быть отнесены и повинности, лежащие на имении «с того времени, как посессионное право на него прекратилось». Прочие участники высказались категорически против каких-либо компенсаций, обвиняя самих владельцев в том, что они «не отказались своевременно от убыточного имения». Прозвучало предложение безвозмездно оставить им около 300 дес. земли под постройками, но Д.С. Ивашина «доказал по плану, что такой выдел не удовлетворяет желанию владельцев и неудобноисполним в виду значительной чересполосицы землепользования в даче».

Передачу Бемьшевской дачи владельцам «с вознаграждением казны» большинство членов комиссии признало нежелательной «в виду того, что ценность лесного имения постоянно возрастала». Тем не менее на этот слу-

чай представитель Лесного департамента предложил расчет выкупной суммы исходя из капитализации лесного налога, в соответствии с которым эта сумма определялась в 88 660 руб. с рассрочкой на 37 лет. Наиболее желательным исходом комиссия сочла возврат дачи казне с вознаграждением владельцев в размере капитализированного из 4% крестьянского оброка (772 руб. в год) и ценности построек. Однако в своем выступлении поверенный наследник майора А.Е. Лебедева сообщил, что предложенные условия их не удовлетворяют и не могут быть добровольно ими приняты. В этот решающий момент владелицы забыли о своих прежних обещаниях беспрекословно подчиниться решению властей, стали настаивать на продаже им дачи и просить о предоставлении «бóльших льгот в виде уменьшенной покупной суммы по капитализации чистого дохода или уменьшении при рассрочке платежа процентов роста и увеличении рассрочки до 48–66 лет». В такой ситуации, «не находя... возможности достигнуть соглашения с владельцами Бемьшевского имения, комиссия положила представить о сем на благоусмотрение министра земледелия и государственных имуществ» и закрыла свои заседания⁷.

Дело вновь приостановилось. В то же время ревизия Уральского Горного управления выявила «неудовлетворительное управление лесами» в Бемьшевском имении. Через год в декабре 1898 г. владелицы напомнили о себе, сделав новое предложение «купить часть дачи с тем, чтобы остальная часть поступила в казну». Главный начальник П.П. Боклевский поддержал этот вариант. Он напомнил, что леса Мосоловских заводов были проданы в свое время казной по 7,1 руб., а Кнауфских – по 5 руб. за дес. «лицам совершенно посторонним». По той же цене, полагал он, можно «уступить собственные леса и посессионному владельцу, которому, по мнению комиссии и горного ведомства, надлежит оказать некоторую льготу как прекратившему действие не по своей воле, а по истощению руд». Но министерство не торопилось решать дело о «бемьшевской посессии». Только в связи с постоянными сообщениями Горного управления о все новых порубках и «неправильной постановке лесного хозяйства» в заводской даче в 1904 г. А.С. Ермолов приказал дать делу дальнейшее движение.

В ситуации, когда «с 1898 г. протекли уже безрезультатно шесть лет и успеха не предвиделось», Горный департамент предложил образовать новую комиссию «в связи с возражениями владельцев», но на этот раз исключительно из представителей Министерства земледелия и государственных имуществ, поскольку мнение других ведомств было известно. Возглавить ее сначала предложили председательствующему в Горном совете Н.А. Денисову, но из-за его занятости вновь передали руководство комиссией тайному советнику А.А. Штофу. Кроме него в состав комиссии «по делу о дальнейшем назначении Бемьшевской посессионной дачи» вошли члены совета В.В. Веселовский, Е.В. Васильев, В.А. Вольский, А.А. Сорокин, юристконсульт министерства Г.И. Лисенков и поверенный от владелиц. На этот раз им стал сам И.И. Шамшин, бывший по статусу выше всех членов комиссии (к тому времени он был уже действительным тайным советником и членом Государственного совета). Ему, сообщала жена-заводовладелица, «все обстоятельства дела хорошо изве-

стны» и он может «предоставить за владелиц требуемые от них отзывы». Это назначение, без сомнения, сыграло свою роль.

Заседания второй комиссии прошли в мае-июне 1904 г. Поверенный владелиц сумел доказать, что Бемьшевское имение может легко быть поделено на две части: «населенную», площадью 11 531 дес., и «лесную» – в 4 233 дес. Владелицы отказывались от первой части, которая передавалась казне, и «удовлетворялись покупкою второго участка в полном его объеме». На том и порешили. Покупная цена десятины была определена в 7,1 руб. «по примеру Мосоловских заводов», а покупная сумма – «круглой цифрой» в 30 тыс. руб. и с рассрочкой на 48 лет. Недоимки оставались на владелицах «с обязательством уплаты их до совершения покупного акта». Владелицы согласились с принятыми решениями, и комиссия, выполнив свое предназначение, была распущена⁸.

Процедура утверждения несколько затянулась в связи с тем, что Государственный контролер, на отзыв которого поступило заключение комиссии, нашел заниженную цену десятины и завышенный срок рассрочки. Он предложил первую увеличить до 9,5 руб., а второй уменьшить до обычных 37 лет. В ответ на это владелицы «указали на стеснительность такой продажи и ходатайствовали о не увеличении суммы». Согласования потребовали чуть ли не года. Наконец, 22 марта и 6 апреля 1905 г. дело о «бемьшевской посессии» заслушал Комитет министров. Предложение министерской комиссии было утверждено с сокращением рассрочки платежа покупной суммы до 37 лет.

30 мая 1905 г. первый участок бывшей Бемьшевской посессионной дачи поступил в заведование Управления земледелия и государственных имуществ Вятской губернии. В ходе приемки было замечено «огромное лесоистребление на сумму от 150 тыс. до 200 тыс. руб.» Следствие обвинило в злоупотреблениях управляющего Бемьшевского имения Попова и конторщика Кашеварова, осуществивших порубки в течение зим 1903–1905 гг. Однако это не отразилось на положении бывших владелиц. 28 сентября 1905 г. они заключили купчую крепость на второй участок дачи. Более того, не воспользовавшись льготой по отсрочке, они поторопились выплатить всю покупную сумму к июню 1906 г. По некоторым данным, 9 октября 1906 г. они же совершили раздельный акт, по которому остатки бывшего заводского имения перешли в собственность Е.А. Шампиной и, возможно, были объединены с принадлежавшими ей же смежными Гурьевской и Пустошинской дачами⁹. «Бемьшевская посессия» прекратила свое существование. Пример такого решения посессионной проблемы был, по всей видимости, единственным в истории уральской горнозаводской промышленности.

Частные дела о «холуницкой» и «невьянской» посессиях

Другие частные дела, разбиравшиеся в начале XX в., имели более весомые последствия для решения посессионной проблемы. В начале 1904 г. при Министерстве земледелия и госимуществ была создана комиссия под председательством того же члена Горного совета А.А. Штофа для обсуждения

вопроса об условиях освобождения Холуницких заводов от посессионных ограничений. Как объяснял директор департамента Н.А. Иосса, вопрос «был поставлен вне очереди, будучи выделен из общего вопроса о выкупе посессий». Правительству, сообщал он, «по необходимости пришлось считаться с тем особым положением, в котором очутились Холуницкие заводы благодаря задолженности их владельца, передачи заведывания заводами особому конкурсу и предначертанной Высочайшим повелением скорейшей продажи оных в другие руки», для чего и «признано было необходимым освободить эти заводы теперь же от посессии»¹⁰.

Впервые вопрос о Холуницких заводах был поставлен в ноябре 1902 г., когда действовало межведомственное совещание об оказании правительственной поддержки этим заводам под председательством товарища министра финансов В.И. Ковалевского. Там всесторонне обсуждались объявление Пермским окружным судом владельца Холуницких заводов И.А. Поклевского-Козелл несостоятельным должником и возможные правительственные меры для «финансового спасения заводов и сохранения его 14-тысячного рабочего населения». Было предложено дать заводам ссуду «в видах могущих возникнуть там беспорядков». В 1903 г. новое межведомственное совещание под председательством товарища министра финансов В.И. Тимирязева вновь обсудило не улучшавшееся положение этих заводов и снова рекомендовало предоставить им особые финансовые льготы¹¹. В феврале того года император санкционировал отпуск из казны 600 тыс. руб. на возобновление работы и продление действия Холуницких заводов до их публичной продажи, для чего и потребовалось разработать условия этой продажи.

Учитывая, что никто не купил бы заводы без лесов, комиссия А.А. Штофа предложила новую методику выкупа, основанную на безоговорочном признании того, что при переходе посессионного округа в частную собственность казна теряет не только добавочную подать, но и «свое право собственности на имение», а также «право известного вмешательства в распоряжения владельца заводским действием и лесом». Ограничиваться капитализацией одной добавочной подати при таком видении выкупа становилось явно недостаточным.

Поскольку денежная оценка «выгод владельца от устранения посессионных стеснений» не поддавалась определению, а потерю горной подати можно было легко оценить по примеру прежних проектов выкупа, основанных на принципе капитализации подати, то комиссия сосредоточилась на выработке методики оценки тех «приобретений владельца, которые имели вполне вещный характер». К ним, в частности, относились рудники. По причине их «потенциальной исчерпаемости» комиссия решила считать «бессрочное право посессионеров пользоваться рудником... равным на деле праву собственности на него» и не нуждающимся в оценке. Из расчета выкупной суммы исключались также «безлесные земли», которые должны были перейти в надел местному населению, «земли под заводами и их устройствами, за которые требовать плату с заводчика было бы несправедливо», и «небольшие пространства пашен и покосов, утилизируемые владельцем для своих надобностей... в виду их незначительности».

По мнению членов комиссии, не представляла большого труда и оценка «важнейшей составной части посессии» – леса, которую в случае каких-либо затруднений можно было осуществить «по доходности десятины казенных лесов в ближайших к посессионному имению местностях». Но, поскольку посессионер имел законное право пользоваться лесом «для своих заводских надобностей», было признано необходимым «вычесть стоимость этого права», которую, как посчитали, не трудно будет определить «по размеру действительного пользования лесом со стороны посессионера и по доходности десятины леса». Кроме того, вычету подлежал сервитут по снабжению лесом местного населения, лежащий на посессионерах по закону 1893 г. Его было предложено заменить лесным наделом населению и из стоимости выкупаемой лесной дачи вычесть стоимость этих наделов «по той же оценке, какая будет принята для всей вообще дачи». Из-за спешности дела комиссия предложила не проводить специальной оценки Холуницкой лесной дачи.

Итогом ее работы стала следующая формула оценки посессионных прав казны в Холуницких заводах: «выкупная за посессию сумма определяется капитализацией добавочной горной подати, действительно уплаченной посессионным владельцем в среднем за известное число последних лет, и присоединяемую к сему стоимостью лесной дачи, определяемую по доходности десятины ближайших казенных лесов, за вычетом из этой стоимости: 1) определяемой по размеру действительного пользования в последние годы лесом для заводских целей и по доходности десятины при таком пользовании стоимости права заводчика на пользование лесом и 2) стоимости того числа десятин леса, которое потребуется для отвода населению лесных наделов на основании особого о сем закона». Ощущая некоторую сложность предложенной формулы, комиссия сочла возможным заменить этот расчет «вычетом из всей лесной площади дачи того количества десятин, которое эксплуатируется для заводских целей и потребуется для надела населению, и оценкою лишь остального количества»¹².

Понятно, что дополнительная к стоимости заводов наценка за освобождение от посессионных прав сделала и без того трудную продажу Холуницкого округа совершенно нереальной, в то время как общая сумма «отпусков из казны» возросла уже до миллиона рублей. В 1907 г. было даже дано высочайшее разрешение на приобретение округа в казну «посредством покупки кредиторских претензий к несостоятельному владельцу». Министр Д.А. Философов, войдя в соглашение с кредиторами И.А. Поклевского-Козелл о выкупе их претензий за 1 550 тыс. руб., внес в Государственную думу предложение о покупке Холуницкого округа. Однако эта сделка ввиду роспуска Думы затянулась¹³. Заводы в 1909 г. были закрыты, а после приобретения на торгах казной исключены из состава посессионных имений и укреплены за Министерством торговли и промышленности.

Подобное же частное дело в 1905 г. было инициировано Главным управлением именными наследников П.С. Яковлева, владельцев Невьянского округа. Тяжелое финансовое положение этих старейших уральских заводов стало причиной прекращения металлургического производства, что, со-

гласно условиям посессионного владения, вело в случае «невозобновления действия заводов» в течение трех лет к отобранию заводских лесов в казну. Обращение владельцев в 1902 г. в Нижегородско-Самарский земельный банк за ссудой не дало результата. Банк отказался принять в залог посессионный округ, где не было закончено наделение землей населения¹⁴. В таких условиях в июле 1905 г. владельцы подали ходатайство министру финансов об освобождении их от посессионных ограничений, «тормозящих правильное развитие горного промысла».

«Прибегать к помощи Правительства путем исходатайствования ссуды на льготных условиях, если бы и было возможно по состоянию государственных финансов, значило бы лишь несколько отстрочить гибель заводов, – писали они. – Достать же и доставить постоянно потребные капиталы на стороне – за границей или в России, как в этом вполне убедилось Главное правление после многочисленных переговоров в деловых сферах, возможно не иначе, как добившись предварительно освобождения заводов от ограничений посессионного права». Главное управление именем настаивало на том, что «на выкуп земель из посессионного права нельзя смотреть как на покупку означенных земель от казны, так как путем выкупа владельцы не приобретают имущества, а лишь дополняют свои права к имуществу, уже находящемуся у них во владении». Наиболее рациональным невьянским владельцам представлялся расчет выкупной суммы за их заводы «по формуле Валуева–Штофа» 1878 г. Выходило, что после наделения населения в распоряжении заводов останется всего около 15 тыс. дес. леса, которые при правильной эксплуатации могли давать ежегодно только 5 тыс. куб. саж. дров для выплавки 225 тыс. пуд. чугуна. Капитализированная из 5% добавочная подать с такого количества металла определила выкупную сумму в 56 250 руб. Рассчитывая на скидку, которую предусматривал тот же проект в случае внесения сразу всей суммы, владельцы предлагали заплатить казне за перевод Невьянских заводов в их полную собственность 50 тыс. руб.¹⁵

Ходатайство не осталось без внимания. Для его рассмотрения было создано Особое совещание под председательством все того же А.А. Штофа с участием членов Горного совета Н.А. Денисова, В.В. Веселовского, В.А. Вольского и начальника Отделения частных заводов Горного департамента А.А. Сорокина. Отдел промышленности Министерства финансов представлял горный инженер А.В. Белов, от юрисконсультской части выступал В.И. Иванов, от Государственного контроля – старшие ревизоры Департамента гражданской отчетности Н.К. Крылов и Н.Б. Вальтер. Главное правление именами наследников П.С. Яковлева представляли его члены Ф.М. фон Крузе, И.М. Яковлев и их заместители А.С. Недошивин и А.А. Шанин.

Посчитав ненужным останавливаться на «общем вопросе о том, следует ли стремиться к прекращению посессионной формы владения горными заводами, который уже давно предрешен Правительством в утвердительном смысле», совещание «признало снятие ограничений с Невьянских заводов желательным и обратилось к обсуждению способов выполнения этой задачи». Однако на заседании, состоявшемся 31 октября, представителям заво-

дов сразу же было указано на недопустимость рассматривать посессию как ограниченное право собственности, на невозможность обойти закон 1862 г. о трехлетнем сроке бездействия заводов, а также на вполне реальную перспективу передачи имения в казну в случае «невозможности дальнейшего ведения чугуноплавильного производства». Перейдя к обсуждению предложенной владельцами суммы выкупа, члены совещания признали ее существенно заниженной и не учитывающей подати с добываемого в Невьянской даче золота. В довершение всего им было рекомендовано «в интересах промышленности и населения» воспользоваться тем самым способом снятия посессионных ограничений, который предложил А.А. Штоф в 1897 г. До следующего заседания представители Главного правления должны были обсудить это предложение с заводовладельцами. Те сочли, что «в силу дарованных им прав и существа законоположений» земли их имения являются неотъемлемыми, и «ни под каким видом» не соглашались «ни за себя, ни за своих наследников на отказ от своих прав на означенные земли». Они настаивали на выкупе остающихся после наделения населения земель, но уже не рискнули назначить сумму выкупа, а предложили определить ее «по справедливой оценке доходов казны от посессионной подати». Свое предложение они подкрепили заявлением о том, что «при изменении цен на чугун... они полагают возможным продолжить чугуноплавильное производство».

Поставив таким образом на место «зарвавшихся» невянских владельцев, члены Особого совещания на заседании 17 ноября «не нашли препятствий к дальнейшему обсуждению вопроса на почве новых предложений Главного правления». Тогда было выдвинуто несколько вариантов расчета выкупной суммы, после обсуждения которых все члены совещания, не исключая и представителей Главного правления, приняли за основу расчет, предложенный председателем А.А. Штофом. Он основывался на идее разделения горной подати на две составные части: плату за земли и леса и плату за руды. Поскольку за добытую на казенных землях руду заводчики-вотчинники платили по $\frac{1}{4}$ коп. с пуда, а для выплавки пуда чугуна требовалось (согласно данным по Невьянским заводам) два пуда руды, то выходило, что на долю руды в добавочной подати ($1\frac{1}{4}$ коп.) причиталось $\frac{1}{2}$ коп., а остальные $\frac{3}{4}$ коп. составляла плата за земли и леса. В результате такого расчета выкупная сумма за передаваемые в собственность владельцев 27 тыс. дес. леса и рудники, капитализированная из 5% от величины средней добавочной подати за последние 10 лет, была определена в 144,5 тыс. руб. Представители заводчиков не возражали и против выкупа золотых приисков, хотя указали, что «с каждым годом дача заметно беднеет золотом... и в недалеком будущем оно окажется исчерпанным». Тем не менее, учитывая, что приемы добычи совершенствуются и проводятся поиски новых месторождений, члены совещания признали необходимым включить в выкупную сумму плату за золото, но «в виду значительно меньшей обеспеченности дохода казны от золота сравнительно с доходом от чугуна допустить для вычисления вознаграждения казны за золото капитализацию дохода не из 5, а 10%». Представителям ничего не оставалось, как согласиться и с этим расчетом, увеличившим общую сумму выкупа еще на 48,3 тыс. руб. Но они за-

явили, что без рассрочки на 37 лет «владельцы были бы лишены в настоящее время возможности воспользоваться допущением выкупа», почти в 4 раза превысившего их предложение.

Итогом работы совещания стало подготовленное «на уважение» Государственного совета заключение о предоставлении владельцам возможности приобрести части Невьянской дачи, оставшиеся за наделом местного горнозаводского населения (не более 27–30 тыс. дес.), за 192,8 тыс. руб., рассроченных на 37 лет при платеже 5% интереса и 1% погашения. Однако дальнейший ход дела был приостановлен до решения вопроса о землеустройстве горнозаводского населения, которое предполагалось завершить к 1907 г.¹⁶

Но к тому времени изменились нормы землеустройства, включившие и лесной надел. Расчеты созданного в 1908 г. при Уральском Горном управлении Особого совещания показали, что за счет заводской территории этот надел невозможно было выделить населению не то что по 3 (как требовало население), но и по 2 дес. на наличную душу. Решение было найдено в отводе наделов из дач соседних горнозаводских округов (Нижнетагильского, в частности), которым отрезанные участки возмещались из казенных Монетной и Илимской дач. Тогда же Сенат пересмотрел и вопрос о наделах бывших государственных крестьян, проживавших на территории Невьянского округа. Их решено было увеличить за счет земель округа. В результате в распоряжении заводууправления оставалось всего около 5,5 тыс. дес. В такой ситуации у владельцев, акционировавших к тому времени заводы, «возникли сомнения в том, может ли вообще иметь для заводов какую-либо реальную выгоду приобретение в собственность столь сравнительно незначительного пространства территории округа, не представляющей... интереса ни в минеральном отношении, ни в отношении лесопромышленном (за истощением лесонасаждений)»¹⁷. Выкуп утратил для них свою актуальность и был отложен.

В отличие от дела о «бемьшевской посессии», деятельность совещаний по Холуницким и Невьянским заводам не завершились упразднением посесий, но предложенные ими элементы решения посессионной проблемы в дальнейшем использовались при подготовке общего проекта ликвидации посессионного права.

Особое межведомственное совещание 1905–1907 гг.

Частные дела по Холуницким и Невьянским заводам подвигли как заводчиков, так и власти вновь обратить внимание на подготовку общей реформы. «По окончании работы Особого совещания по Невьянскому делу, – записано в журнале, – посессионерами возбуждено было ходатайство об ускорении рассмотрения общего вопроса о прекращении посессионного права, в виду чего вновь было образовано Особое совещание под председательством товарища министра торговли и промышленности тайного советника А.А. Штофа». Это решение было принято еще в конце 1905 г., но первые заседания обновленного Особого совещания состоялись в феврале 1906 г.

Его состав был значительно расширен за счет как чиновников Министерства торговли и промышленности (директора Горного департамента Н.А. Иоссы, вице-директора Е.Н. Васильева, председательствующего в Горном совете Н.А. Денисова, членов совета В.В. Веселовского, В.А. Вольского, А.А. Сорокина и юрисконсульта В.С. Садовского), так и представителей от Министерства финансов (начальника отдела Департамента государственного казначейства М.А. Кислинского, начальника отдела Департамента окладных сборов А.Н. Веснина и члена Комитета управления внутренних водных путей и шоссежных дорог В.П. Бонч-Осмоловского), Государственного контроля (помощника генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Н.Г. Вальтера и старшего ревизора Н.К. Крылова) и Государственного управления земледелия и землеустройства (управляющего канцелярией Г.И. Лисенкова, директора Департамента государственных земельных имуществ А.А. Риттиха, вице-директора того же департамента Е.А. Смирнова и заведующего отделом по поземельному устройству в горнозаводских дачах на Урале М.Б. Струве). Членами совещания стали также представители от Совета съездов Уральской горной области – товарищ председателя В.В. Желватых и заведующий делами А.Е. Богдановский, а также представители от посессионных округов (от Верх-Исетских заводов – А.И. Фадеев и А.С. Недошивин, от Шайтанских – А.М. Керзин, от Алапаевских – В.Д. Набоков, Г.Л. Схолл-Энгбертс, П.Ф. Денике и М.Н. Граббе, от Омутнинских – А.Р. фон Дезен, от Нижнетагильских – А.Н. Ратьков-Рожднов, П.П. Демидов, В.Д. Белов и Н.Д. Былим-Колосовский, от Сысертских – С.И. Литтауэр, от Кажимских – В.С. Косолапов и Ф.И. Репнин). Вместе с тремя делопроизводителями в совещании принимали участие 37 членов. От государственных ведомств и от посессионеров выступало по равному (17) числу представителей¹⁸. В таком усиленном и сбалансированном составе Особое межведомственное совещание было призвано обсудить и окончательно решить застарелый вопрос о ликвидации посессий.

Судя по опубликованным журналам, на первом заседании 7 февраля 1906 г. были обсуждены общие подходы к проблеме. Представители Государственного управления земледелия и землеустройства и Государственного контроля сразу же заявили о нежелательности «с точки зрения государственно-народных интересов» отчуждения в частную собственность больших земельных пространств. Председатель вынужден был напомнить им, что задача совещания заключалась не в решении вопроса путем отчуждения, а в выработке «наиболее справедливого способа». Договорились разработать «общую формулу для всех заводов, а затем в зависимости от особенностей каждого округа внести в нее поправки». Большинство членов высказалось не за обязательность, а за «факультативность» для заводчика принятия выработанного совещанием способа ликвидации посессий. Это решение имело принципиальное значение. Оно существенно повлияло на дальнейший ход совещания, где предполагалось рассмотреть проект А.А. Штофа, предложенный им еще в ходе работы Особой комиссией 1897 г.

На следующие два заседания (17 и 24 февраля) свои варианты, близкие к проекту председателя, представили еще два члена совещания. Коллеж-

ский советник Н.Г. Вальтер предлагал цену за пользование отошедших в казну лесов устанавливать «путем деления суммы всех современных расходов (добавочной горной подати, земельных повинностей и расходов по лесоводству) на число куб. саж. леса, какое может быть получено из дачи к отпуску без права продажи». Статский советник Г.И. Лисенков выступил даже с особой запиской, в которой призывал «охранять права казны на земли и леса», на которые покушались посессионеры, мечтая лишь поскорее «приступить к продаже леса на сруб, переведя действие заводов на минеральное топливо». Пытаясь взглянуть на посессионное право с позиции казны, он приходил к выводу, что «для казны это право является бременем, поскольку, будучи собственником земель и лесов, она не может ими распоряжаться». Следствием такого взгляда оказалось его предложение о «выкупе лежащих на казне как на собственнике посессионных ограничений в пользу заводчика». Оценив среднюю величину ежегодного отпуска леса, он предлагал «капитализировать оную сумму из обычных ныне 5%» и тем самым определить размер вознаграждения, выплачиваемого казной заводчику «за лишение его прав на отпуск леса из приписанных к заводу дач». Вместо выкупленных лесов заводчик имел право покупать топливо на заводское действие по таксовой стоимости из казенных дач. Земли же под заводами и рудниками он считал возможным уступить заводчикам в собственность «с уплатой незначительной суммы, получающейся при капитализации из 5% среднего размера уплаченной за последние пять лет горной подати».

«Такой способ ликвидации посессионного права, – считал Г.И. Лисенков, – представляется очень простым, легко осуществимым и вполне справедливым». На предполагаемое им самим «единственное возражение», что «лишение топлива могло бы поставить заводчика в затруднительное положение, а правительство заинтересовано в развитии горной промышленности», он отвечал, что «поддержка горной промышленности не может быть безграничной, и следует желать, чтобы скорее наступило время, когда заводчики будут рассчитывать на свои силы, а не на поддержку Правительства». В случае если этот способ будет признан неприемлемым, этот представитель Государственного управления земледелия и землеустройства предлагал продать заводчикам земли по их оценочной стоимости с исключением затраченных заводчиками средств «на улучшение земли»¹⁹.

Уловив враждебное настроение некоторых чиновников и позицию председателя, представители Алапаевского, Верх-Исетского, Нижнетагильского, Омутнинского и Сысертского округов подали два заявления. В них они опровергали опасения чиновников о том, что в случае перехода лесов в собственность заводчиков те «прекратят горное дело и перейдут на лесопромышленность». Главным доводом служил пример владельческих заводов, которые, обладая правом продажи леса, не останавливали заводское действие даже в самые трудные времена. Они повторили также свои прежние аргументы о том, что «имея громадные капиталы, затраченные в заводах, владельцы не могут от них отказаться, тем более что в заводских лесах, расстроенных продолжительной эксплуатацией на топливо, ценных пород,

имеющих помещение на рынке, найдется относительно мало». «Разработка же леса в виде дров для сбыта их на рынки, по отдаленности последних, вообще говоря, невозможна», – поясняли представители округов. «Совершенно верно, что, сделавшись полными собственниками, владельцы могут закрыть заводы убыточные, – соглашались они, – но зато они же и усилят деятельность заводов, находящихся в лучших географических условиях. Такое преобразование должно признать совершенно естественным и неизбежным, а с точки зрения государственной экономии даже желательным, тем более что возможность более рациональной утилизации лесов откроет новые заработки для населения заводов с сокращенной или закрытой фабричной деятельностью. От этого могут выиграть народное хозяйство и заводчики, но отнюдь не потеряет казна»²⁰.

Представители критиковали также закон 1895 г., на основе которого по проекту А.А. Штофа заводы должны были пользоваться казенными лесами. Основное несовершенство закона виделось им в кратком сроке действия установленной лесной таксы, что не давало возможности учесть заранее расходы на заготовку топлива. «У заводчиков не может быть уже уверенности в обеспечении заводов на продолжительное время достаточным количеством дешевого лесного горючего», – писали представители. «Доколе Урал, подобно другим заводским районам, не будет обеспечен возможностью покупать топливо как рыночный товар, – вновь убеждали они, – вопрос о заготовке горючего будет составлять одну из самых серьезных частей их хозяйства». Переход заводских лесов в ведомство Лесного департамента только усложнит организацию «этой важнейшей отрасли хозяйства». «Заводы и леса на Урале составляют одно целое», отмечали представители. – Отделять леса от заводов равносильно передаче одного и того же имущества двум хозяевам, имеющим различные интересы в этом имуществе, что на практике никогда не давало положительного результата».

Кроме указания на правовую несостоятельность предложенного варианта представители заводчиков пытались убедить членов совещания и в его финансовой невыгодности. Они писали, что для некоторых округов, в частности Нижнетагильского, такой способ перехода в разряд владельческих был бы неприемлем по причине его залога в ипотечном банке. «Снятие посессионных ограничений, – утверждали представители, – рассматривается как мера к улучшению положения заводов, но для Тагильских заводов принятие предложенных условий... только ухудшит положение, ибо, прежде чем согласиться на отчуждение в казну лесов, им придется уплатить сперва их долг банку. Изъятие же такой крупной суммы повлечет, конечно, разорение заводов. Если же допустить, что Правительство возьмет этот долг на себя... то справедливость требует, чтобы и другие заводы, не заложенные в Земельном банке, также получили бы соответствующее вознаграждение..., которое определяется приблизительно за все посессионные леса и земли в 20 млн руб.» Были подсчитаны также убытки казны от потери дохода от посессионной подати, которая колебалась тогда от 220 до 250 тыс. руб. в год. Оказывалось, что ее не могли покрыть доходы от предполагаемых пенных сборов за пользование казенным лесом. Кроме того, на казну пере-

шли бы «обязанность по охране лесов, администрации и платеж земских повинностей», которые тогда возлагались на заводчиков.

В заключение записки вновь решительно утверждалось, что «сохранение в дальнейшем посессионного права не выгодно ни для какой стороны и что естественным следствием оставления в силе этого отжившего института было бы окончательное разорение всех посессионных предприятий». В связи с этим представителям виделось «только два способа ликвидации посессии: или заводские округа в полном их составе переходят в казну, или в том же составе перечисляются в состав владельческих». В первом случае они предлагали безвозмездно передать им права на земли и леса и выражали желание получить только балансовую стоимость предприятий, «т. е. стоимость заводских сооружений, материалов, продуктов и долговых обязательств», во втором случае казне предлагалась «стоимость ее доходов от посессионных имений». «Всякая средняя мера не может дать коренного разрешения вопроса и, естественно, в большей или меньшей степени будет страдать теми же недостатками, как и посессионное право», – подчеркивали они²¹. Понятно, что уступка заводов по балансовой стоимости, включавшей еще и частные долги, была совершенно неприемлема для казны.

Позицию посессионеров поддержал и представитель Совета съездов А.Е. Богданович, который обратил внимание на убыточную деятельность казенных заводов, «списывающих убытки на счет казны... и сбивающих цены на металлы». «Если казна не может выступить в роли предпринимателя, – считал он, – то не рациональнее ли предоставить возможность действующим ныне предпринимателям-посессионерам развивать свою настоящую деятельность, от чего выиграют все, включая и казну».

В результате столь массивного натиска на заседании 24 февраля А.А. Штоф сам предложил отказаться от дальнейшего рассмотрения предложенных проектов «как основанных на принципе, не приемлемом для посессионеров». Представители Государственного управления земледелия и землеустройства и Государственного контроля протестовали, но председатель напомнил им, что «при условии факультативности прекращения посессионного права для заводчиков» никто из них не согласился бы на этот вариант решения проблемы, что означало бы провал работы возглавляемого им совещания. В такой ситуации оставался только предложенный более 40 лет назад вариант выкупа посессий заводчиками у казны. На следующем заседании решено было обсудить разработанный годом ранее вариант выкупа для Холуницких заводов, который мог быть положен в основу общего проекта²².

Однако последующие три заседания (3, 10 и 14 марта) ушли на обсуждение другого насущного вопроса, который с 1870-х гг. считался основным препятствием на пути скорейшего решения посессионной проблемы, но, казалось, был решен с изданием в 1893 г. закона о землеустройстве населения посессионных округов. Представитель Государственного управления земледелия и землеустройства М.Б. Струве перевел внимание членов совещания на то, что этот закон «не устранил нужды населения в земле», а предложенная к рассмотрению схема ликвидации «холуницкой посессии» вовсе игнорировала проблему крестьянского землеустройства.

На совещании обозначились две противоположные позиции. Представители Министерства финансов, Государственного контроля и Государственного управления земледелия и землеустройства повторили, что закон 1893 г. «нельзя признать окончательно завершающим земельное устройство мастерских посессионных заводов», особенно в части принятого в нем исчисления населения по последней X (1857 г.) ревизии. Излагая эту позицию, А.Н. Веснин утверждал, что сохранение такого счета спустя полстолетия после ревизии было бы «совершенным анахронизмом», и предлагал выделять землю «по расчету высшего душевого надела на наличную душу».

Сообща выступили представители Горного департамента и посессионеров. Они находили, что «слишком широкое наделение... вредно отразится на заводах и самом населении, занимающемся заводскими работами, а руководствоваться соображением о возрастании численности населения равносильно уничтожению горного промысла на Урале». Закон 1893 г., по их мнению, едва ли можно было признать «недостаточным», поскольку он закрепил за населением фактическое пользование землей, включая захваты, в результате чего в отдельных округах душевые наделы достигали 40 дес. Представители посессионеров все же предпочли сгладить ситуацию, заявив, что они «отнюдь не отказываются пойти навстречу потребностям населения в земле, насколько удовлетворение сих потребностей не нарушило бы существующих условий деятельности и развития заводов». Они даже предложили взамен лесного сервитута предоставить населению лесной надел по 2 дес. на ревизскую душу, а после завершения землеустройства по действующему закону отграничить в каждой заводской даче «земельный резерв», из которого бы выделялись населению дополнительные наделы в случае прекращения или сокращения действия завода²³.

Это заявление только обострило полемику. Приводя имевшуюся в их распоряжении и не совпадавшую статистику землевладения и землепользования, стороны отстаивали каждая свою точку зрения и никак не могли прийти к соглашению. Дискуссионным оставался и вопрос, кого включать в «наличные души»: мастерских и сельских работников, всех обывателей горнозаводских селений или только тех, кто постоянно работал на заводах. Разошлись и в вопросе, кому должен принадлежать земельный резерв: заводчикам, которые, по выражению А.Е. Смирнова, старались бы передать в него землю, «усеянную пнями вырубленного леса», казне или населению, что привело бы, по мнению представителей посессионеров, «к ряду недоразумений, включая платеж налогов населением и пр.».

Председатель А.А. Штоф, как и другие представители горного ведомства, отстаивал незыблемость закона 1893 г., «столь недавно изданного и, по господствующему до сих пор убеждению, вполне обеспечивающего интересы населения». Такая позиция объяснялась не только тем, что изменение закона дискредитировало ведомство, принимавшее непосредственное участие в его разработке, но и тем, что оно «парализовало бы результаты уже достигнутых заводами соглашений на почве сего закона» и заставило бы правительство и заводчиков «принять на себя расходы по дополнительному наделению». Горные чины не могли не учесть и мнение представителей по-

сессии, которые утверждали, что земли сельскохозяйственного пользования уже и так отошли населению, а дальнейшее наделение «было бы равносильно уничтожению возможности не только развития, но даже попросту существования горного дела в посессионных округах». Тем более, считали они, наделение даже по высшей норме вовсе не гарантировало благосостояния населения, поскольку в большинстве округов оно не смогло бы прокормиться только земледельческими занятиями²⁴.

«Предвидя трудность достижения соглашения» по этому вопросу, председатель принял предложение горнозаводчиков образовать особую комиссию, чтобы согласовать «цифровые подсчеты» более узким составом участников совещания. На седьмом заседании 23 марта он попросил вернуться к «коренному вопросу об условиях выкупа», от которого совещание уклонилось три недели назад, вероятно, рассчитывая, что хотя бы по этому вопросу будет достигнуто соглашение. Но первые же выступления вновь выявили противоположность мнений, несмотря на согласие представителей посессионеров с «главными основаниями холуницкой схемы». Они лишь просили уменьшить выкупную сумму для тех заводов, которые действовали на покупном горючем, и увеличить процент капитализации (что вело к уменьшению выкупной суммы) с меди и золота из-за «колебаний доходности и вообще случайности величины этой доходности».

Противниками выкупа выступили представители Министерства финансов, которые заявили о невыгодности продажи земли для казны на основании расчета капитализированной горной подати «в виду безусловного подорожания земли в будущем». Невыгодной они считали и рассрочку платежа, хотя полагали, что немедленная уплата выкупной суммы повлечет за собой обращение заводчиков к кредиту, – «может быть и иностранному». «При таких условиях, – предупреждал А.Н. Веснин, – земля легко может оказаться в руках иностранцев, что не в русских интересах». «В соображение должны быть приняты права казны на возмещение не только тех убытков, которые она могла бы потерять от лишения доходов, соединенных с существованием посессии, – считали казенные финансисты, – но должны быть в известной степени учтены в пользу казны и те выгоды, которые получит заводчик с освобождением его от посессионных ограничений и с переходом в его полное распоряжение земель и лесов». Не повлияло на эту позицию и напоминание о том, что горнозаводские имения облагаются промысловым налогом, который, естественно, возрастет в случае увеличения заводского производства в будущем. Двое представителей Министерства финансов при голосовании остались при своем мнении, остальные высказались за капитализацию горной подати. Представители Государственного контроля согласились лишь с оговоркой, что за основу вычисления выкупа должна быть принята подать «за года, когда она поступала в более выгодном для казны размере».

На восьмом заседании 14 апреля был обсужден принцип «расчленения» горной подати ($\frac{2}{5}$ – на руду и $\frac{3}{5}$ – на лес), предложенный А.А. Штофом при обсуждении судьбы «невьянской посессии» в 1905 г. Поскольку его применение снимало поставленную заводчиками проблему вычисления подати

для округов, которые пользовались покупным горючим, совещание признало это вполне приемлемым. Дальнейшее обсуждение сосредоточилось на определении объектов обложения и величины процента капитализации. По этим вопросам позиции членов совещания вновь разошлись. Большинство представителей ведомств настаивало на пониженном проценте, что повышало выкупную сумму. Представители посессионеров, Совета съездов и некоторые члены Горного совета отстаивали более высокую ставку, особенно в отношении меди, золота и платины, которые, как считалось, приносили, в отличие от чугуна, непостоянный доход. Поскольку голосование не прояснило ситуацию, было решено «расчеты выкупной суммы в соответствующем числе вариантов возложить на ту же комиссию». По инициативе председателя, ей было поручено внести предложения о способе учета в общей выкупной сумме приобретаемого заводчиками права на природные ресурсы, не облагаемые горной податью, – строевой лес и побочные ископаемые, а также выяснить, возможно ли дополнительное обложение за «излишние леса», которые могли оставаться «за неиспользованием для заводских целей и за отводом населению»²⁵.

Таким образом, важнейшим промежуточным итогом деятельности Особого совещания стало возвращение к выработанному еще в 1860-х гг. способу ликвидации посессионного права путем выкупа заводчиками земель и лесов у казны. Принципиальная позиция заводчиков и руководителей Горного департамента преодолела в этом вопросе сопротивление представителей ведомств, ратовавших за вариант «отчуждения или разверстания посессионных угодий». Но эта уступка посессионерам компенсировалась утверждением иного, расширенного, понимания объема прав казны на посессионные имения, которое не ограничивалось одной капитализированной горной податью. Председатель совещания А.А. Штоф, временно управлявший тогда министерством, извещал Николая II, что «из хода занятий сего Совещания выяснилась целесообразность и необходимость разрешения вопроса в направлении, одинаково безобидном, не нарушающим интересов сторон и по возможности общим для всех посессионных округов Урала...» «Сообразно сему и намечены способы решения вопроса, окончательный выбор из коих наиболее соответственного окажется возможным по изучению на месте некоторых сторон существования и деятельности посессионных заводов... с коей целью на Урал в текущее лето командирована особая межведомственная комиссия»²⁶.

Эта комиссия «для определения выкупной суммы и вырешения землеустроительного вопроса» была образована из состава участников совещания и новых членов под председательством члена Горного совета статского советника А.А. Сорокина. От Горного департамента в нее вошел профессор Н.П. Асеев, от Министерства финансов – В.П. Бонч-Осмоловский и М.А. Кислинский, от Государственного контроля – Н.К. Крылов, от Лесного департамента – В.П. Князев и от посессионеров – А.С. Недошивин.

На трех заседаниях, 25 апреля, 2 и 3 мая, члены комиссии обсудили представленные перед ними вопросы и провели предварительные расчеты выкупной суммы, исходя из предложенных Общим собранием процентных

Таблица 7

Предварительный расчет выкупной суммы при различных вариантах капитализации горной подати²⁷

Округ*	Варианты расчета		
	4% от чугуна, 4% – меди, 6% – золота	4% от чугуна, 7½% – меди, 7½% – золота	5% от чугуна, 10% – меди, 10% – золота
Алапаевский	582 500	582 500	466 000
Верх-Исетский	879 167	787 499	699 000
Нижнетагильский	2 877 500	2 232 664	1 740 000
Омутнинский	127 500	127 500	102 000
Сысертский	545 833	538 166	429 000
Кажимский	31 240	31 240	25 000
Шайтанский	139 417	138 582	110 700
Всего	5 183 157	4 438 151	3 571 700

* Расчеты по Невьянскому округу не проводились.

ставок (табл. 7). Несмотря на то, что сумма выкупа многократно возросла по сравнению с прежними расчетами, ее еще нельзя было признать окончательной. В соответствии с принятыми ранее установками, посессионеры должны были дополнительно оплачивать права на побочные ископаемые, драгоценные камни и строевой лес, что могло привести к еще большему увеличению выкупной суммы. В то же время из нее предполагалось вычесть долю подати за леса, покупаемые заводчиками на стороне, а для этого вычислить «топливные возможности» заводских дач с исключением из них наделных земель населения.

На заседаниях комиссии разногласия проявились фактически по всем обсуждаемым проблемам. Наиболее острая полемика развернулась по вопросам о порядке определения вычета «за потребляемое количество древесины» и оценке переходящего на заводчиков права собственности на все полезные ископаемые. При обсуждении первого вопроса выяснилось, что посессионеры учитывали топливо, идущее не только на выплавку чугуна, но и на передел его в железо. На основании того, что леса давались заводам для осуществления полного металлургического цикла, эту позицию отстаивали в комиссии А.С. Недошивин и Н.П. Асеев. Остальные участники настаивали на учете «только древесины, потребной для производства чугуна», поскольку горная подать взималась именно с пуда чугуна. В противном случае «казна, несомненно, теряла часть своего дохода от посессионных имений».

По второму вопросу, касавшемуся прав на недра, посессионеры не ограничили одним представительство, а составили особую докладную записку. В ней они пытались доказать, что «требование дополнительного вознаграждения казне за эксплуатацию побочных ископаемых является несправедливым, противоречащим духу общего государственного законодательства и могущим только тормозить развитие горного дела», и утверждали, что «сама техника оценки этих прав весьма затруднительна». Оценивая предва-

рительные расчеты как завышенные, заводчики писали, что «ни в коем случае не могут согласиться на какую бы то ни было дополнительную уплату сверх выкупной суммы». Общим для членов комиссии стало лишь убеждение в том, что целый ряд вопросов, поставленных перед ними, «не мог быть разрешен по имевшимся данным... а лишь по ближайшему ознакомлению на местах».

В мае 1906 г. А.А. Сорокин, В.П. Бонч-Осмоловский, В.П. Князев, А.С. Недошивин и присоединившийся к ним М.Б. Струве выехали в Пермскую губернию для «всестороннего ознакомления на месте с положением посессионных заводов». До середины августа они осмотрели Сысертский, Шайтанский, Верх-Исетский, Нижнетагильский, Алапаевский, Невьянский и Омутнинский округа, «опрашивали заводоуправления с проверкой на местах сообщенных ими сведений», обсуждали положение округов совместно с представителями главных правлений, рассматривали особые записки, составленные заведующим поземельным устройством на Урале М.Б. Струве и представителем Лесного департамента В.П. Князевым. Возвратившись в Петербург, комиссия уже в полном составе (включая нового представителя от Государственного контроля С.А. Гадзяцкого) систематизировала материалы обследования и представила их в особых журналах. В 1907 г. в составленные «землеустроительные таблицы» были внесены уточнения, сообщенные сменившим М.Б. Струве новым заведующим уральским землеустроительным отрядом К.Д. Понюшевым.

Важнейший расчет касался количества леса, остающегося в распоряжении заводов после наделения населения. По настоянию нескольких членов комиссия признала необходимым изменить некоторые положения закона 1893 г., в частности поднять величину надела до высшей нормы душевого надела в Пермской губернии в 5 дес. и заменить лесной сервитут лесным наделом по 2 дес. на «наличную душу».

При таком расчете (табл. 8) оказалось, что Невьянский, Нижнетагильский и Шайтанский округа оставались не обеспеченными «посессионным горючим», что вызвало у членов комиссии мысль о необходимости снижения для них выкупной суммы. В итоге было предложено уменьшить на $\frac{3}{5}$ капитализированную сумму средней добавочной подати, которая, как считалось, приходилась в структуре этой подати на горючее, пропорционально недостатку топлива в Нижнетагильском и Шайтанском округах. В отношении Невьянского округа, где леса не хватало даже на потребности населения, комиссия рекомендовала руководствоваться тем самым способом ликвидации посессии А.А. Штофа, который предполагал «справедливое разделение имения между казной и владельцами». Остальные посессионные округа комиссия нашла «обеспеченными посессионным горючим и не подлежащими уменьшению выкупной суммы».

В отношении природных ресурсов, не составлявших посессии (в частности, побочных ископаемых и строевого леса), комиссия предложила «с момента перехода имений на право собственности заводладельцев... разрешить их свободную эксплуатацию под условием оплаты в пользу казны известного долевого отчисления от суммы продажи на сторону» (размер их

Таблица 8

**Землепользование посессионных округов по итоговым расчетам
Особого совещания 1905–1907 гг.²⁸**

Округ	Общая площадь округа, дес.	Кол-во земли, отошедшей государств. крестьянам, дес.	Кол-во земли, планируемой в надел горнозаводскому населению, дес.	Кол-во земли, остающейся у заводов, дес.	Производительность лесной дачи, куб. саж.	Потребность заводов в древесном топливе, куб. саж.
Алапаевский	845 187	389 150	105 783 83 346*	350 255 372 691*	116 751	82 200
Верх-Исетский	704 812	144 696	185 191 161 145*	375 000 399 046*	124 641	100 430
Невьянский	180 207	82 501	82 653 60 717*	15 052 36 988*	4 964	**
Нижнетагильский	628 907	38 747	281 032 198 192*	309 128 391 967*	108 473	179 802
Сысертский	253 870	17 171	95 959	140 739	58 647	46 913
Кажимский	122 817	296	1 488	121 329	40 409	9 778
Омутнинский	105 959	1 394	18 673 13 279*	85 891 91 285*	28 630	19 611
Шайтанский	33 525	789	18 888 11 266*	13 847 21 469*	4 615	8 450

* Десятины, идущие в надел или остающиеся за заводами по закону 1893 г.

** Весь годовой прирост шел на нужды населения.

определялся бы для каждого округа Уральским горным управлением), а через «значительный срок» (от 15 до 25 лет) дать возможность заводчикам выкупить это право путем взноса капитализированных от суммы продаж отчислений казне. Право на добычу и продажу драгоценных камней было предложено оценить «по капитализации дохода казны (из 4%) от продажи разрешительных билетов» и прибавить к выкупной сумме. «Такой порядок, – полагали члены комиссии, – должен удовлетворить интересы всех сторон. Казна кроме достижения общегосударственных выгод получит вознаграждение; интересы горной промышленности не пострадают... а заводчики получат дополнительную выгоду»²⁹.

Понятно, что позиция А.С. Недошивина, возглавившего в то время Посессионное бюро Совета съездов горнопромышленников Урала и отстаивавшего интересы посессионеров, по многим вопросам отличалась от мнения большинства членов комиссии. В частности, он настаивал на безвозмездной передаче посессионерам права свободного распоряжения побочными ископаемыми, которые «не выделялись и не выплачивались на заводах», в соответствии с Горным уставом принадлежали казне и могли ею передаваться для разработки всем желающим. Эта современная трактовка, утверждал он, не имела ничего общего с изначальным смыслом Берг-регламента 1739 г., установившего данное ограничение. Тот закон преследовал цель побудить заводчика к возможно более интенсивной эксплуатации от-

данного ему имени, «дабы те места без действия и искания руд втуне не лежали», ввиду чего, как угроза заводчику, «разрешалось посторонним лицам, нашедшим места с рудными месторождениями, на которых заводчиком не производится никаких работ, просить эти места предоставить им, но от генерал-берг-директора зависело отдать ли эти места посторонним или же предложить обрабатывать их заводчику». Несправедливо, считал А.С. Недошивин, что заводчик, «нашедший новое полезное ископаемое на посессионных землях, за которые он платит и земские повинности, и которые на свои средства охраняет, должен платить особую плату, какую назначит горное ведомство»³⁰.

Самая острая полемика развернулась по вопросу о дополнительном наделении населения до 7 дес. (включая лесной надел) на «наличную душу», что, как считали инициаторы этой меры М.Б. Струве и В.П. Князев, поставит мастеровых «вне всякой зависимости от заводов» и «обеспечит их быт при сокращении или прекращении заводских действий», а заводчики таким путем «избавятся от всякого обязательства перед населением». А.С. Недошивин возражал, что заводские заработки имеют для населения несравненно большее значение, поэтому «как в интересах самого населения, так и в интересах общегосударственных надлежит озаботиться обеспечением за населением возможности получения и в будущем той работы, которая для Урала представляется наиболее естественной по природным его условиям и с которой население более или менее свыклось». «Если земледельческий труд в горнозаводских округах искусственно поставить на первый план, заработки же на заводах свести на второй план, то, – предрекал он, – уральские заводы, вследствие неизбежного в таком случае понижения качества труда, едва ли окажутся в состоянии выдержать конкуренцию с прочими горнозаводскими районами империи, имеющими рабочих, приспособленных к заводским работам, которые составляют единственное их средство к существованию».

Он также доказывал, что с отграничением от многих заводов «значительной лесной площади для наделения населения и сокращением, как результатом этого отграничения, заводского действия, себестоимость производства настолько повысится, что одно это обстоятельство может заставить заводы совершенно прекратить действие». В таком случае земледельческий труд не спасет непривычное к нему население. Не без основания он полагал, что наиболее возможным последствием предоставления населению большого земельного и лесного надела станет то, что население «срубит лес и продаст тому же заводууправлению, землю же вместо того, чтобы заниматься самому сельским хозяйством, будет сдавать в аренду»³¹.

Но под влиянием роста волнений на Урале А.С. Недошивин пересмотрел отношение к наделу в 7 дес., полагая, что таким путем заводчикам выгоднее навсегда избавиться от любых притязаний горнозаводского населения. «Тогда, – докладывал он Совету съездов горнопромышленников в октябре 1906 г., – на всякое требование работы заводчик будет и нравственно, и юридически вправе сказать, что дача работы зависит от его воли и что требующий получил полный надел и может... существовать землею, а если

он желает работать на заводе, то должен подчиняться предъявляемым ему заводом требованиям». Он, как и прежде, не сомневался, что часть рабочих продаст надел, и из них образуются «безземельные кадры постоянных рабочих» по типу европейского или южнороссийского пролетариата³².

Предложения, изложенные на последних заседаниях комиссии 21 марта и 9 апреля 1907 г. вместе с систематизированными данными по посессионным округам, были представлены министру торговли и промышленности Д.А. Filosoфову. Как записано в журнале, «дальнейшее движение вопроса было приостановлено в виду выраженного министром желания лично ознакомиться с посессионным вопросом во время предполагаемой тогда поездки его на Урал».

Это неожиданное решение, скорее всего, было вызвано не столько недоверием министра к деятельности Особого совещания, сколько реакцией на общественное мнение, усилившееся в период революции. Оно выразилось в правительственных запросах российских парламентариев и поступивших в Совет министров прошений «с мест», которые касались различных аспектов посессионной проблемы. В частности, деятельность комиссии А.А. Сорокина на Урале возбудила опасения населения посессионных округов, что власти келейно разрешат заводчикам выкупить леса и земли до завершения землеустройства. 23 декабря 1906 г. на имя председателя Совета министров поступила телеграмма от доверенного Нижнетагильского сельского общества П. Никулина: «В виду проникновения в печать слухов о состоявшемся решении частного собрания в правительственных сферах о ликвидации посессионного права и переходе такового на праве полной собственности посессионерам, что, безусловно, крайне тяжело отзовется на материальном положении населения края и грозит полным разорением, просим Ваше Высокопревосходительство впредь до удовлетворения требований населения округа в наделении их землей и до полного отграничения и приема этих наделов, ликвидацию посессионного права приостановить».

Помощник управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве переслал ее Д.А. Filosoфову с просьбой «сообщить надлежащие по изъясненному предмету сведения для доклада председателю». «Что за вздор! Ничего подобного не может быть решено», – начертал рассерженный министр на полях полученной телеграммы. В официальном ответе на запрос он кратко напомнил о работе Особого совещания А.А. Штофа, сообщив, что оно «временно прекратило занятия свои и в весьма непродолжительное время может приступить к разработке собранных на месте материалов». «Что же касается опасения, высказанного в телеграмме... – писал он, – то последнее не соответствует действительности, так как вопрос о ликвидации посессионного права в каком бы то ни было определенном направлении еще далек от своего разрешения, а тем более в том смысле, как это говорится в упомянутой телеграмме».

Вслед за первой в конце января – начале февраля 1907 г. были получены еще две телеграммы, на этот раз от обществ Нейво-Алапаевского и Нейво-Шайтанского заводов Алапаевского округа. В первой содержалась просьба отложить выкуп до окончания землеустройства населения на осно-

вании закона 19 мая 1893 г., во второй – «не проводить закона в порядке 87-й статьи впредь до разрешения Думы окончательно завершить землеустройство». Просителям объявили, что «совещание еще не закончило своей работы и что вопрос этот по окончательной его разработке будет внесен на рассмотрение законодательных учреждений, т. е. Государственной думы и Государственного совета»³³.

Эти, а также депутатские запросы (в частности, уже упоминавшийся запрос о залоге посессионных округов), в которых проявилась общественная позиция по отношению к посессиям и посессионерам, видимо, подвигли министра торговли и промышленности лично ознакомиться с проблемой во время пребывания на Урале. Другим следствием стала публикация материалов работы Особого совещания, что позволило всем желающим узнать о его деятельности. Видимо, и сами посессионеры сделали выводы из сложившейся ситуации. Понимая, что провести реформу через Государственную думу, где открыто проявили себя их противники, будет нелегко, они решили добиваться в первую очередь освобождения от таких посессионных ограничений, которые не требовали санкции законодательных органов.

Совещание в Нижнем Тагиле и подготовка проекта 1908 г.

Выраженное министром Д.А. Философовым желание лично разобраться в посессионной проблеме позволяло заводчикам надеяться на скорейшее ее разрешение. Совещание с участием министра было организовано 15–17 сентября 1907 г. в Нижнем Тагиле – центре одного из крупнейших посессионных округов Урала. На встречу собрались представители администрации Алапаевских (управляющий Ф.Т. Петров), Верх-Исетских (управляющий А.И. Фадеев), Невьянских (управляющий Е.Н. Барбот-де-Марни), Нижнетагильских (председатель Главного правления А.Н. Ратьков-Рожнов, управляющий Г.А. Марков и юрисконсульт А.А. Иванов) и Омутнинских заводов (управляющий Р.Я. Гартван). Министра сопровождал управлявший в то время Горным департаментом Д.П. Коновалов, главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский, ревизор землеустройства М.Б. Струве и главный лесничий уральских заводов Г.М. Боголепов. От Совета съездов горнопромышленников Урала выступали заведующий посессионным бюро А.С. Недошивин и секретарь В.В. Мамонтов. Об участии поверенных от обществ мастеровых в журнале совещания не упоминалось, как и в имеющемся в нашем распоряжении отчете А.С. Недошивина. Два источника по-своему передают атмосферу этой важной встречи и иногда расходятся в деталях.

На предварительном заседании 15 сентября была согласована программа совещания. Министр предупредил, что целью обсуждения будет «отнодь не окончательное решение вопроса о ликвидации посессионного права, а лишь наиболее полное его освещение и выяснение того значения, которое придадут ему заинтересованные в нем лица». Поэтому он предложил обсудить, во-первых, «причины, обусловившие стремление владельцев освободиться от посессионной формы владения», и, во-вторых, то, «какими мерами возможно это достигнуть».

Заседание 16 сентября началось с того, что А.С. Недошивин от имени посессионеров представил уже не раз звучавшие «доводы к уничтожению посессионного права». Он акцентировал внимание на условности владения, препятствовавшей получению кредита в земельных банках и привлечению ссудного капитала при акционировании, на «стеснениях свободы распоряжаться заводами», которые «ставят промышленную жизнь округов в зависимость от усмотрения лиц, ведающих горное дело», и на принципе нераздробимости посессионных имений, который лишал заводы возможности «целесообразно распределять и эксплуатировать свои имущества». Со всеми этими обвинениями не согласился П.П. Боклевский, явно задетый упреком в адрес горной администрации. Он заявил, что «отнюдь не считает посессионное право отжившим свой век и ставящим заводы в невозможность дальнейшего успешного развития». Посессионные ограничения не внушают опасения не только отечественным промышленникам, но и «иностранным капиталистам за будущность посессионных округов», утверждал он. В доказательство своих слов он привел пример «английских капиталистов, которые прислали недавно доверенных лиц для осмотра Невьянских и Сысертских округов с целью их приобретения». Сославшись на владельческие Кыштымские заводы, которые, несмотря на «изобилие исключительных естественных богатств... находились в самом печальном финансовом положении», главный начальник сделал вывод, «что судьба горнозаводского предприятия зависит отнюдь не от формы владения, а главным образом от более или менее успешного им руководства». Контроль Горного управления он рассматривал как «гарантию более осмотрительного расходования естественных богатств посессионных округов и употребления их для целей горного дела, а не каких-либо иных». Он согласился лишь с тем, что принцип нераздробимости, «проводимый во всей своей полноте», стеснял посессионеров, и даже предложил ввести в законы «корректив в виде допущения в известных случаях, с ведома и разрешения Горного департамента, отчуждение частей посессионных имений, но непременно на том же посессионном праве». «Этот корректив, – утверждал П.П. Боклевский, – сделал бы возможным как продажу участков посессионных земель, так и их обмен» и, в частности, позволил бы Невьянским заводам «отчудить в посторонние руки Высокогорский участок... или войти... в соответствующую долю участия в проектируемое Общество для эксплуатации руд Высокой горы». Выступивший вслед за ним Д.П. Коновалов подтвердил, что принцип нераздробимости противоречит «современному духу промышленности, которая стремится специализировать производство»: он «связывает в одно целое ряд предприятий, не имеющих по существу никакой связи и, благодаря сему, вносит дезорганизацию в дело»³⁴.

Министр, со своей стороны, «признал весьма стеснительными для промышленника обусловленные посессионным правом ограничения и присоединился к мнению о желательности так или иначе уничтожить их вредное влияние на ход промышленной жизни Урала». Как писал А.С. Недошивин, в первый же день министр предложил обсудить в общих чертах способы ликвидации посессий, которые выявились в ходе работы Особого совеща-

ния. Он сразу же признал бесперспективным переход посессионных округов в казну, поскольку правительство «не располагало свободными средствами... и вообще смотрело отрицательно на казенное хозяйство промышленным предприятием». Министр сообщил, что знаком с возражениями посессионеров на вариант разверстания посессий и их согласием лишь на вариант выкупа, но предупредил, что «неизбежное сосредоточение при этом в частных руках значительных земельных пространств весьма трудно допустить в настоящее время земельного кризиса». Фактически это означало его приверженность проекту А.А. Штофа.

Представителям посессионеров пришлось вновь доказывать неприемлемость, как выражался министр, «справедливого разверстания земель казенной и заводами». А.С. Недошивин выразил общее мнение посессионеров о неприятии проекта А.А. Штофа, во-первых, «вследствие невозможности в уральских предприятиях отделить лесное хозяйство от заводов как неразрывно между собой связанных» и, во-вторых, по причине того, что леса некоторых округов находились в залоге. Это, говорил он, лишало заводчиков даже «возможности согласиться на отчуждение лесов, так как иначе им пришлось бы оплатить долг из оборотных средств, что физически невозможно». Было обращено внимание и на несовершенство закона от 29 мая 1895 г., в соответствии с которым по проекту А.А. Штофа предполагалось отпускать леса заводам и который имел «весьма ограниченное применение на практике». Представители заводчиков высказались и по поводу угрозы концентрации «крупных земельных богатств в одних руках». На прирезанные к уральским заводам леса и земли нельзя смотреть как на «земледельческое имущество», доказывали они. Посессионные земли ценны именно для развития горнозаводской промышленности, которая и обеспечивает местное население всем необходимым для жизни. «По климатическим и почвенным условиям» они непригодны для сельского хозяйства и поэтому не помогут разрешить земельный кризис. К тому же эти земли были не так значительны и не превышали 1,3 млн дес., тогда как в распоряжении казны в одной только Пермской губернии имелось до 30 млн дес. В этом вопросе представители посессионеров нашли поддержку у главного начальника, «категорически высказавшегося за недопустимость по условиям горнозаводской промышленности на Урале отделения лесов от заводов». Посессионеры даже согласились и в дальнейшем «подчиниться в отношении лесов существующему контролю Горного управления» и высказались за издание специального лесоохранного закона для всего Урала.

В своем отчете А.С. Недошивин утверждал, что приведенные доводы убедили министра, который «признал этот способ непригодным и остановился на третьем способе, причем им были приняты основные положения выкупа, выработанные Особым совещанием». Судя по журналу заседаний, где об этом даже не упоминается, «адвокат» посессионеров выдавал желаемое за действительное. Министр, видимо, уклонился от прямой поддержки проекта выкупа, но не стал настаивать и на его недопустимости. Он благоразумно предпочел не обострять ситуацию, а перейти к обсуждению «возможных способов помощи заводчикам». «Некоторые из посессионных

ограничений неразрывно связаны с посессионной формой владения и могут быть устранены лишь с ликвидацией посессионного права, т. е. в порядке законодательном», – заявил министр. К таким ограничениям он отнес все те, на которые во вступительном слове обратил внимание А.С. Недошивин. «Но среди ограничений есть и такие, – замечал Д.А. Философов, – которые могут быть сняты без санкции законодательных органов в порядке административного распоряжения или, в крайнем случае, в порядке Верховного управления». Это были стеснения в праве эксплуатации строевого леса на продажу, в разработке побочных ископаемых и продаже железных руд, отпускаемых частновладельческим заводам из посессионных имений. Судя по отчету А.С. Недошивина, эти ограничения, выявление которых он приписывал себе, и было предложено обсудить в последний день работы совещания³⁵.

Много споров вызвало обсуждение вопроса о побочных ископаемых. Посессионеры доказывали, что допущение свободного горного промысла в посессионных землях ставит их в невыгодное положение, и соглашались с этим «лишь в случае распространения начал горной свободы и на земли частных владельцев». Министр не был склонен драматизировать ситуацию и срочно разрабатывать правила пользования принадлежащими казне ископаемыми в посессионных округах, поскольку считал, что и по действующему закону казна имеет право предоставлять их для разработки частным лицам, включая и посессионеров. «Если заводчики займутся добычей и обработкой этих ископаемых, то им уже сейчас предоставлено право беспоплатной торговли продуктами переработки», – заявил он. Тем не менее министр выразил желание «оказать им самые широкие льготы, вплоть до бесплатного предоставления в разработку недр посессионных земель». Главный начальник П.П. Боклевский высказался решительно против такого разрешения, полагая, что «в интересах справедливости было бы необходимо обложить побочные ископаемые попудной платой, тем более что эти ископаемые имеют в большинстве случаев большую ценность, чем железная руда». Д.П. Коновалов склонялся к мнению министра, напомнив, что разработка полезных ископаемых на казенных землях допускается бесплатно. В итоге министр пообещал после возвращения в Петербург еще раз заняться рассмотрением этого вопроса, «исходя из желательности оказания промышленникам широких льгот», а до тех пор дал указание главному начальнику разрешать заводчикам разработку «под условием обязательства в случае, если за добычу будет установлена попудная плата, внести ее за все добытое количество ископаемого».

В отношении «обложения железной руды, добытой в посессионных округах и вывезенной на владельческие заводы, и об оплате добавочной податью чугуна, выплавленного на посессионных рудах и на покупном горючем, или на покупных рудах и посессионном горючем», представители заводчиков предложили взимать лишь «ту часть подати, которая приходится или на руду, или на горючее». П.П. Боклевский был согласен на такой расчет «по норме совещания Штофа», но только не для медных руд, которые могли обрабатываться «мокрым способом» без использования топлива.

Д.А. Философов предложил и по этому вопросу войти с представлением в Совет министров, а до тех пор «признал возможным вывоз посессионных железных руд на владельческие заводы под условием принятия сими последними на себя обязательства оплатить эту руду в том размере, какой будет впоследствии установлен». Определение размера подати за медную руду тоже откладывалось до выяснения «степени участия горючего в медном производстве».

Был обсужден и вопрос о продаже строевого леса. По настоянию П.П. Боклевского, разрешение продавать на сторону лесные материалы допускалось лишь «под условием уплаты в пользу казны по 37¹/₂ коп. с куба древесины». Вместо предоставления Горному управлению ежегодной сметы и плана лесного хозяйства определили составлять их сразу на три года³⁶.

На этом совещание завершилось. По сообщению А.С. Недошивина, перед отъездом из Нижнего Тагила Д.А. Философов заверил присутствовавших, что отдаст распоряжение о скорейшем окончании работы Особого совещания. «Министром признана необходимость выкупа, и будет дан ход делу, – констатировал воодушевленный автор отчета. – Все положения Особого совещания министром приняты, и только в отношении способа оценки прав заводчиков на леса и побочные ископаемые совещанию придется пересмотреть положения, выработанные комиссией А.А. Сорокина»³⁷. Посессионеры с оптимизмом восприняли итоги тагильского совещания. Они полагали, что убедили министра в необходимости ликвидации посессионного права именно тем способом, который считали для себя приемлемым, и склонили его к немедленной отмене тех ограничений в правах распоряжения ресурсами своих округов, которые могли дать быстрый экономический эффект. Главное – так давно остававшееся без движения дело, вроде бы, сдвинулось с места.

Судя по проекту всеподданнейшего доклада, подготовленного в министерстве по результатам поездки Д.А. Философова на Урал, заводчики почти не ошиблись в своих предположениях. Хотя решение «сложной и многотрудной задачи», какой представлялась ликвидация посессионного права, по мнению министра, могло последовать «лишь в более или менее отдаленном будущем», он предложил, «не ожидая окончательной ликвидации посессионного права, принять какие-либо меры к облегчению положения посессионных заводов». Этими мерами министр надеялся «в значительной мере ослабить те неудобства, которые ныне вызываются посессионным правом, и таким образом создать условия, которые способствовали бы нормальному развитию горнозаводского дела в посессионных округах»³⁸.

Однако случилось то, чего никто не предвидел. Всего через два месяца после возвращения с Урала Д.А. Философов скоропостижно скончался на 46-м году жизни. Когда прерванная по решению министра работа Особого совещания не возобновилась, заводчики, не теряя времени, обратились к властям с напоминанием о принятых решениях.

После назначения министром И.П. Шипова от имени Совета съездов горнопромышленников Урала ему были направлены ходатайство и поясни-

тельная записка, вновь подробно описывались «наиболее отяготительные ограничения посессионного права» и напоминалось о работе Особого совещания и о результатах совещания в Нижнем Тагиле. Там, сообщали представители посессионеров, «было постановлено, что в виду сложности, как самого вопроса окончательной ликвидации посессионных отношений, так и процедуры проведения его в законодательном порядке, не дожидаясь вынесения общего вопроса... о снятии с посессионных заводов в порядке Верховного управления некоторых из ограничений посессионного права, создающих практические неудобства и стесняющих развитие промышленности не только посессионных округов, но и всей Уральской области».

Горный департамент поддержал ходатайство. Посессионеры, доказывали чиновники, «не могут пользоваться всеми наличными ресурсами своих округов в должной мере и по этой причине конкурировать с имеющимися на Урале заводами, состоящими на праве полной собственности и поставленными вследствие сего в более благоприятные условия». «Ощущая весьма острый недостаток в оборотных средствах, посессионные заводы лишены возможности кредитоваться в той мере, как этого требует в известный момент ведение дела, а также привлекать к участию в предприятии капиталистов, отдающих в большинстве случаев предпочтение предприятиям, состоящим на полном праве собственности, а не ограниченном», – продолжали они. Ссылаясь на то, что многие частновладельческие округа (графа П.П. Шувалова, князя С.С. Абамелек-Лазарева, Камского акционерного общества и др.) «терпят недостаток в рудах, но имеют избыток в лесах», чиновники полагали, что разрешение посессионерам торговать ресурсами «восстановит нарушенное равновесие рудных и лесных богатств» уральских заводов. Министр сочувственно отнесся к просьбе посессионеров и рекомендациям горных чиновников. Для Совета министров было подготовлено его предложение «впредь до окончательного разрешения вопроса о ликвидации посессионного права или полного его урегулирования» дать посессионерам возможность продажи на сторону руд «при оплате $\frac{1}{4}$ коп. с пуда железной руды и $\frac{1}{5}$ коп. с каждого процента меди в каждом пуде медной руды». По общему вопросу об освобождении заводов от посессионных ограничений, требовавшего изменения законов, решили не торопиться по причине его сложности и обширности³⁹. Тем не менее уже на 1908 г. было запланировано его рассмотрение в Государственной думе⁴⁰.

Однако все эти намерения вновь не осуществились. Судя по последующим событиям, в этом сыграла свою роль позиция товарища министра торговли и промышленности Д.П. Коновалова, которому вместо А.А. Штофа было поручено курировать посессионную проблему. Даже предоставление «частных льгот» было отложено – якобы из-за того, что они «существенным образом не облегчали положение посессионных заводов». Скорее всего, опасаясь обвинений в адрес министерства, «идущего на поводу у посессионеров», новый куратор решил не разделять посессионные ограничения на две предложенные группы и вновь вернуться к общему проекту, который бы целиком проходил утверждение в законодательных органах. Таким образом вариант поэтапной отмены посессионных ограничений, который

можно считать важнейшим достижением этого этапа подготовки посессионной реформы, был отвергнут. Дело, на которое потратили столько усилий, могло вновь отложиться на неопределенное время.

Уловив это настроение, посессионеры обратились в министерство с очередным ходатайством. В ответ им было предложено «представить конкретные пожелания... о способе ликвидации посессионного права». 10 мая 1908 г. уполномоченные граф М.Н. Граббе и А.С. Недошивин передали министру «Главные основания проекта перечисления посессионных горнозаводских округов, предусмотренные Высочайше утвержденным 9 декабря 1863 г. мнением Государственного совета» (см. прил. 5). Это был своего рода итоговый документ многолетней деятельности Особого межведомственного совещания 1905–1907 гг., как он представлялся самим посессионерам. Ссылка на закон 45-летней давности указывала на взаимосвязь проекта с тем законом и напоминала о том, сколько лет уже продолжается обсуждение посессионного вопроса.

Понятно, что эти основания предполагали перечисление заводов путем выкупа заводчиками лесов, земель и рудников у казны. Его сумма определялась посредством капитализации средней горной подати за чугун и медь и раскладочного сбора с золота и платины за последние 10 лет по «облегченному» варианту, выработанному комиссией А.А. Сорокина (5% за чугун и по 10% за медь, золото и платину). Предусматривался предложенный Особым совещанием вычет за покупное горючее путем расчленения горной подати (ст. 1, 2). Точные расчеты выкупной суммы возлагались на Уральское Горное управление. Заводские леса оставались под надзором этого же управления, которое утверждало подготовленные заводоуправлениями трехлетние сметы. В пределах этих смет заводчики могли «свободно распоряжаться древесной массой» и даже продавать лес с уплатой в пользу казны четверти средней горнозаводской таксы 1908 г. (ст. 3, 4). Им разрешалось также добывать с целью продажи полезные ископаемые, за исключением железных и медных руд, благородных металлов и нефти, уплачивая казне «долевое отчисление, устанавливаемое применительно к существующим по сему предмету законоположениям для горного промысла Царства Польского». По истечении 15 лет заводчики могли выкупить права на ресурсы своих имений путем уплаты казне «капитализированной суммы из 5% попенной платы за последние 10 лет» за леса и «среднего за последние 10 лет дохода казны от устанавливаемых дополнительных отчислений» за ископаемые (ст. 5). Все выкупные суммы по желанию заводчиков могли быть рассрочены на 36 лет на условиях кредита земельных банков. Они брали обязательство исполнить все действующие законоположения по землеустройству горнозаводского населения, которому предоставлялось право вместо лесного сервитута получить лесной надел «в размере двух десятин на наличную душу, считая к 1 января 1907 г.» (ст. 6, 7).

Этим проектом заводчики показали пример соединения своих собственных интересов с «выгодами» казны как признаваемого ими участника посессионных отношений и с требованиями горнозаводского населения. Они согласились со многими положениями, от которых прежде категорически

отказывались. Выкупная сумма значительно повышалась вследствие включения в ее состав капитализированных податей за медь, золото и платину. По предварительным расчетам, ее общая величина с восьми оставшихся к тому времени посессионных округов могла достигнуть 3,4–3,6 млн руб. Был признан дополнительный выкуп за леса и побочные ископаемые посессионных дач. Заводчики согласились на дополнительный лесной надел населению в расчете не на «ревизскую», а на «наличную душу». Все это говорило о готовности посессионеров пойти на компромисс для получения вожденной экономической свободы при взаимном желании других заинтересованных сторон.

Последние попытки властей и посессионеров

Поданные в министерство «Главные основания...» не могли остаться без внимания. Вместе с представленными комиссией А.А. Сорокина «данными с мест» их предполагалось рассмотреть на возобновленных заседаниях Особого совещания «с участием представителей как тех же участвовавших в совещании ведомств, так и ведомства юстиции». 17 июня 1908 г. И.П. Шипов сделал такое распоряжение и назначил своего заместителя действительного статского советника Д.П. Коновалова председателем совещания.

Однако в недрах министерства зрело нечто вроде заговора против неговорчивых посессионеров. «Представляя Вашему Превосходительству краткое извлечение из книги профессора Вс. Удинцева “Русское горноземельное право”, в которой он намечает путь ликвидации посессионного права, – сообщалось в направленной Д.П. Коновалову безымянной записке, – позволю себе доложить Вашему Превосходительству, что, по моему мнению, казалось бы не лишним было бы в межведомственном совещании под Вашим председательством обсудить как известный Вам проект ликвидации посессионного права тайного советника А.А. Штофа, так совместно с ним и предложенный профессором Удинцевым, но без участия представителей от посессионеров, в виду их заявления о несогласии на всякие способы ликвидации посессионного права, не основанные на принципе перехода к ним в собственность посессионных имений»⁴¹. При таких намерениях возобновление заседаний Особого межведомственного совещания представлялось ненужным. Новую министерскую инстанцию назвали Совещанием по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала. Но, судя по программе состоявшегося 18 февраля 1909 г. организационного заседания без участия заводчиков, совещание должно было обсуждать в первую очередь именно посессионную проблему.

Осуществить «ликвидацию посессионных отношений» предполагалось в целях «обеспечения горнозаводской деятельности края, возможности удовлетворения возрастающих потребностей населения в землях и лесах, принятия мер к охране и целесообразному использованию лесов... и чтобы пользование ископаемыми, лесом и водной силой соответствовало бы современным условиям промышленности». План ликвидации, заявленный для обсуждения, был даже радикальнее проекта А.А. Штофа.

Судя по неполным сведениям, этот план предполагал «расчленив» посессионное право на следующие части: право на недра, право на поверхность, право на леса и право на водяную силу. Недра распределить между государством и посессионерами в соответствии с действующими законами. Разделить леса на два разряда: горные и равнинные. В первом разряде переход участков в полную собственность допускать только в исключительном случае. Отдельные же площадки могут быть отдаваемы в пользование для земледельческих целей. В лесах второго разряда могут быть отводимы отдельные участки в полную собственность, если почва пригодна под земледельческие культуры и если можно признать, что лесом занята чрезвычайно большая часть территории»⁴².

Эти предложения, вполне вероятно, и были частью «проекта В.А. Удинцева», на который намекал безымянный автор записки министру. Еще в первых своих трудах правовед предлагал для ликвидации монополии горнозаводчиков на природные богатства осуществить отраслевое разделение горнозаводской промышленности, толчком к чему и было отделение лесов и рудников от заводов. Условием этого должно было стать «разделение горнозаводского права на составляющие его элементы» по образцу законодательства большинства западноевропейских стран⁴³. Новый министерский план не имел ничего общего не только с интересами посессионеров, но, что очевидно, и с интересами уральской горнозаводской промышленности. Судя по всему, «современные условия промышленности» уже не связывались сторонниками этого проекта с перспективами развития в крае крупного производства, а лесные дачи рассматривались лишь в плане обеспечения потребностей освобожденного от заводских работ населения путем наделения его землей для сельскохозяйственных занятий.

Несмотря на конспирацию, посессионеры получили информацию о «предварительном совещании», хотя и не совсем точную. В очередном своем прошении на имя министра от 26 марта 1909 г. они жаловались, что там «господином товарищем министра была предложена к обсуждению программа, совершенно противоречащая тем основаниям, которые были изложены в проекте и, на наш взгляд, совершенно не отвечали интересам горной промышленности, так как главнейший ее принцип заключался в отделении лесов от заводов». Вследствие «разногласий во взглядах на способ ликвидации посессионного права между членами горного ведомства и нами», они просили перенести рассмотрение посессионного вопроса в Особое межведомственное совещание, которое официально никто не распускал, а «в настоящей комиссии перейти к рассмотрению и выяснению общеуральских нужд»⁴⁴.

В том же прошении представители посессионеров акцентировали внимание недавно назначенного министром В.И. Тимирязева именно на тех «спорных моментах», которые выявились на предварительном совещании. Как и прежде, возражения сводились в главнейшем к опасению отчуждать большие земельные пространства в частную собственность «в виду возможной в будущем нужды государства в земельном фонде, могущем

удовлетворить требованиям населения в земле». Сторонники этого мнения, констатировали авторы, упускали из внимания как сравнительно небольшие размеры оставшихся в распоряжении посессионеров земель, так и их непригодность для сельского хозяйства. «Правда, – отмечали авторы, – в последнее время население занялось хлебопашеством, и можно встретить в посессионном Урале довольно значительные площади возделанных полей, но земледелие это может служить лишь подспорьем для населения, так как коммерческих выгод дать не способно, и если бы прекратилась заводская деятельность и замерла бы вместе с тем промышленная жизнь края, то никакая величина земельных наделов не спасла бы население от нищеты. Самой природой Урал предназначен для горной промышленности, и интересы последней в видах государственных должны быть поставлены на первое место».

Посессионеры в очередной раз доказывали очередному министру, что «как бы хорошо ни был оборудован завод, но, если у него нет полной уверенности в обеспечении горючим при полном отсутствии угольного рынка на Урале, такой завод... не имеет никакой ценности». По этой причине заводчики «никак не могли отказаться от прав на леса, так как никакие условия владения этими лесами не могли считаться твердо их обеспечивающими». «В настоящее время, – писали они, – когда требуются громадные затраты для выведения заводов в состояние, отвечающее современным требованиям жизни, этот вопрос является особо важным. Однако вынужденное владение обширными пространствами страшно увеличивает накладные расходы, которые могут быть смягчены лишь рационально построенным хозяйством, позволяющим возможно интенсивнее пользоваться этими имениями, но здесь на каждом шагу приходится встречаться с ограничениями посессионного права». Посессионеры просили «по возможности скорее вырешить вопрос» и настаивали, чтобы это произошло для всех заводов единообразно и независимо от того, в каком финансовом положении находятся отдельные округа⁴⁵.

По представлению Горного департамента на 6 апреля 1909 г. было назначено совещание для обсуждения вопроса о ликвидации посессионного права в служебном кабинете В.И. Тимирязева. Участниками совещания должны были стать 11 высших чинов министерства и Горного департамента, представитель Совета съездов и восемь представителей от всех посессионных округов⁴⁶. Судя по составу, это заседание не рассматривалось как продолжение работы Особого межведомственного совещания, на чем настаивали посессионеры. Последующие события свидетельствуют, что на этом рабочем совещании было принято решение пока не возобновлять приостановленную работу Особого совещания, а включить в министерское совещание представителей от посессионеров и вместе с ними обсудить там посессионную проблему. Его председателем остался товарищ министра торговли и промышленности Д.П. Коновалов, а членами стали председательствующий в Горном совете Н.А. Иосса, директор Горного департамента Н.Н. Курмаков, вице-директор Ю.Д. Азанчеев, инспектор И.Н. Урбанович, начальник отделения В.А. Тухолка, член Горного совета

профессор финансового права И.Х. Озеров, горный инженер А.Н. Митинский и представители Совета съездов В.В. Желватых, А.С. Недошивин и Д.П. Карницкий.

Судя по отдельным сохранившимся журналам этого совещания, оно открылось весной 1909 г. и до перерыва на летние каникулы обсудило вопрос о ликвидации посессионного права, «признанного представителями горнопромышленников Урала самым важным из всех относящихся к Уралу вопросов». Как кратко записано в журнале от 14 октября 1909 г., «в совещании вполне определенно выяснился тот план этой ликвидации, который, по мнению представителей посессионных заводчиков, соответствовал бы их интересам». Но поскольку «горным ведомством в начале работы настоящего совещания еще не был подготовлен приемлемый с его точки зрения план ликвидации посессионного права, то в течение летнего перерыва занятий совещания названное ведомство и было занято выработкой такого плана, который в ближайшее время будет закончен и внесен на обсуждение совещания, а затем, по внесении в него тех или иных изменений, если таковые будут признаны совещанием необходимыми, поступит вместе с планом ликвидации, предложенным посессионерами, на рассмотрение межведомственного совещания по вопросу о ликвидации посессионного права, занятия которого предполагается возобновить в самом ближайшем будущем». «Таким образом, – констатировали члены министерского совещания, – разработка указанного вопроса, признанного как горнопромышленниками, так и горным ведомством одним из важнейших вопросов истории Урала, близится в настоящее время к своему завершению и программа этой разработки ныне вполне определилась»⁴⁷.

Однако, судя по высказываниям представителей горного ведомства на возобновленных осенью 1909 – зимой 1910 г. заседаниях, даже к этому времени ничего еще точно не определилось. Так, на заседании 14 октября 1909 г. И.Н. Урбанович заявил, что причина упадка уральской промышленности заключается вовсе не в посессионном праве, земельной неустроенности населения, слабом развитии железных дорог и отсутствии торгово-промышленного кредита, на что указывали другие участники, а в невозможности снижения себестоимости заводской продукции, которая не могла конкурировать с металлами южнороссийских заводов. Он предлагал открыть для частных заводов разработку крупнейших казенных рудников и создавать «смежные округа» в целях централизованной заготовки древесного топлива по примеру Чусовского завода и Богословского округа. «Меры г-на Урбановича хороши, – реагировал В.В. Желватых, – но препятствием к их осуществлению как раз и является посессионная форма владения некоторыми округами, исключая возможность такого синдицирования». На заседании 4 февраля 1910 г. некоторые члены совещания критически отнеслись и к жалобе представителей посессионеров на трудности привлечения паевых и ссудных капиталов. Дело не в форме владения, заявили они, а в солидности закладываемого предприятия, хотя в качестве примера рассматривался случай с отказом Ярославско-Костромского земельного банка принять в залог крупнейший Верх-Исетский округ.

На том же заседании участники от Совета съездов горнопромышленников Урала вновь говорили о необходимости разрешить посессионерам продавать руды и строевой лес, который «безжалостно сжигался в топках металлургических печей», и о преимущественном праве добычи побочных ископаемых. Используя высказанные чиновниками мнения, они выдвигали сходные обоснования отмены принципа нераздробимости посессионных имений. Это как раз позволило бы «изменять границы округов соответственно условиям залегания ископаемых и допускать обмен лесных участков в видах использования сплавных рек для доставки леса к пунктам центрального углежжения». Но все было тщетно. Совещание Д.П. Коновалова в отношении посессионной проблемы оказалось безрезультатным из-за изменившейся позиции горного ведомства, которое теперь признавало «передачу посессионных заводов в собственность владельцев безусловно невозможной». В итоговой записке этого совещания посессионная форма владения горнозаводскими округами была лишь определена как «одна из ряда присущих исключительно Уралу особенностей»⁴⁸.

Можно предположить, что в то время в новом составе министерства восторжествовала особая точка зрения на посессионную проблему. По-видимому, аргументация заводчиков и их представителей была расценена лишь в контексте их борьбы за земельную собственность. Решать текущие вопросы посессионных заводов, посчитали там, можно и частными административными определениями и разрешениями, не затрагивая проблемы в целом, тем более что она вызывала такую неоднозначную реакцию в обществе, и особенно – среди горнозаводского населения.

Вероятно, на перемену настроения министерских чиновников повлияли и конкретные обстоятельства, сложившиеся в отдельных посессионных округах, в частности, в наиболее проблемном Невьянском округе. С работой совещания совпало возобновление дела «об отобрании невянской посессии». В 1909 г. истек трехлетний срок после остановки Невьянского завода, за время которого с санкции Совета министров участок Высокогорского рудника, приписанный к заводу, был «принят в казну» и по договору от 4 июля 1909 г. сдан в аренду С.С. Абамелек-Лазареву⁴⁹. В декабре главный начальник П.П. Боклевский посчитал, что «дальнейшее пользование отведенными к Невьянским заводам землями и лесами... должно быть признано непроизводительным, нецелесообразным и убыточным для казны». Впервые он решился «возбудить вопрос о принятии мер к прекращению посессионного права в Невьянском округе если не совсем, то, по крайней мере, в лице настоящего его владельца – акционерного общества». Изъятие посессии он находил мерой вполне законной, так как полагал, что «постановлением Горного устава и практикою горного ведомства установлено то положение, что заводское действие является безусловным предположением правильного пользования посессионными землями и что с прекращением этого действия... должно быть прекращено и посессионное право на отведенные заводам от казны земли, леса и рудники». Он считал, что даже нахождение округа под частным залогом (Невянские заводы были заложены у графа А.П. Шувалова) не препятствовало «операции по отобранию посессии», ко-

торая могла бы быть осуществлена либо с санкции императора, либо путем предъявления судебного иска к посессионеру (как в случае с Ирбинским заводом)⁵⁰. Назревал еще один прецедент с изъятием посессионных земель на этот раз уже у довольно крупного и одного из старейших горнозаводских округов Урала.

Обсудив предложения главного начальника, Горный департамент в марте 1910 г. высказался «за необходимость, целесообразность и законность прекращения посессии в Невьянском горном округе». Заводское действие «не только не достигает цели, для которой даются посессии, но фактически и совсем почти прекратилось... добыча золота является только, так сказать, придатком к заводскому действию, неспособным сохранить посессию с прекращением заводского действия... а нахождение заводов в залегах не может быть тормозом, так как, давая посессионеру разрешение на заключение займа под заклад посессии, казна не отказалась от принадлежащих ей по закону прав на посессионные заводы и не ограничила себя в них», – к такому заключению пришли горные чиновники. Но вслед за главным начальником они сочли «отобрание Невьянского округа в управление казны совершенно неприемлемым» не столько из-за неизбежных в таком случае непроизводительных расходов, сколько из-за бесперспективности возобновления выплавки чугуна в округе, где не имелось достаточных запасов леса, был отчужден крупный рудник и не завершилось землеустройство населения.

Тогда в Горном департаменте «возникла мысль связать вопрос о землеустройстве с судьбой самой посессии, разрешив его лишь путем добровольного соглашения как с владельцами, так и с залогодержателем Невьянского округа». Чиновниками был предложен план, предусматривающий возвращение земель и лесов округа в распоряжение казны с передачей владельцам в аренду сроком на 36 лет площади Невьянской посессионной дачи для добычи золота и на три года права разведки всех видов полезных ископаемых, которые затем могли быть предоставлены им для разработки «со взносом попудной платы». Владельцы освобождались от лесного сервитута, а казна принимала на себя заботу о выделении населению лесного надела. В случае «недостижения на этой почве соглашения» департамент предлагал «отобрать невянскую посессию в казну путем предъявления владельцам судебного иска по примеру прекращения ирбинской посессии»⁵¹.

Но, как и пять лет назад, владельцы не согласились с этим предложением. Они оправдывали бездействие Невьянского завода не нежеланием возобновить производство, а «внешними обстоятельствами»: отсутствием рынка угля на Урале и «длительной неблагоприятной конъюнктурой чугуночного рынка в связи с мощной конкуренцией гигантских доменных печей Донецкого бассейна, работающих на минеральном топливе». Они сообщали, что взамен доменного производства «озаботились введением новых производств» – постройкой драг и литьем труб, что обеспечило работой местное население и, по их мнению, давало основания для сохранения округа в руках акционерного общества.

17 февраля 1911 г. сменивший В.И. Тимирязева на посту министра торговли и промышленности С.И. Тимашев представил в Совет министров записку, в которой открыто заявил, что «казна заинтересована в скорейшем устранении нынешних владельцев невьянской посессии от дальнейшего пользования ею вследствие крайней их неисправности, выражающейся как в весьма продолжительном бездействии Невьянского завода, так и в неплатеже недоимки горной подати». Поскольку из двух возможных мер – установления казенного управления и продажи с публичных торгов – первая была сопряжена с «излишними для казны расходами... и ставила ее в затруднительное положение по отношению к залогосодержателям», министр настаивал на применении второй «меры воздействия на неисправного посессионера»⁵². Но не бездействовали и акционеры. С разрешения министра финансов и коммерческого суда 9 марта они передали управление Невьянским округом особой Администрации, состоявшей из представителей Государственного и многих частных банков. Эта Администрация приняла на себя обязательство «восстановить дела округа, ассигновав для этой цели значительные капиталы».

22 апреля от председателя Администрации графа В.А. Гендрикова и ее членов – представителя Государственного банка барона П.А. Бера и представителя Санкт-Петербургского частного коммерческого банка С.И. Литтауэра – на имя министра поступило прошение. «В то время, когда Администрация, столь сильная в финансовом отношении, изучает только что порученное ей дело и занята созданием широкого плана исправления и призыва к жизни всех производительных сил Невьянского округа, в то время, когда Администрация благодаря исключительной конъюнктуре чугунного рынка спешно разрешает вопрос о восстановлении доменного производства... в то время, когда кредиторы полны надежд относительно будущего Невьянского округа, в то время, когда заводское население обрадовано поступлением новых средств для расширения золотого промысла и эксплуатации минеральных богатств Невьянского округа... – возмущались просители, – действия Администрации парализуются вышеуказанным представлением Вашего Высокопревосходительства. Неблагоприятное для Администрации решение этого вопроса не только отразилось бы весьма губительно на судьбе Невьянского округа и его населения, но окончательно подорвало бы кредитоспособность и других уральских посессионных предприятий в тот момент, когда эти предприятия так сильно нуждаются в кредите». Новое управление просило не назначать заводы в продажу, а для возобновления доменного производства разрешить «отпуск горючего в виде ли древесного угля из казенных горнозаводских дач, или в виде приграничения к округу лесного надела применительно к закону 29 мая 1895 г.»⁵³

Пока не началось рассмотрение дела о «невьянской посессии», в канцелярию Совета министров поступила записка «заинтересованных лиц» (скорее всего, она была составлена в Совете съездов горнопромышленников Урала). В ней утверждалось, что Невьянские заводы вовсе не нарушали «договорных отношений» с казной. Наоборот, возложенные на них при получении посессии обязательства «они выполнили, явившись пионерами ча-

стной горной промышленности в России, и в продолжение двух веков своего существования они неизменно были поставщиками железа как в казну, так и для общего потребления в государстве». Авторы записки утверждали, что указ от 3 декабря 1862 г., на который опирались власти при назначении заводов в публичную продажу, не может быть к ним применим, поскольку, осуществив землеустройство, заводы «обеспечили быт населения», в то время как горное ведомство не выполнило свои обязанности по обеспечению заводов лесом. Основное производство Невьянского округа в то время – разработку золота – авторы рассматривали «как, несомненно, занятие горным делом» и предупреждали, что «отобрание лесов в административном порядке без предварительной судебной санкции возложило бы на казну обязательство удовлетворить залогодержателей». «Все сказанное, – резюмировали авторы записки, – приводит к убеждению в настоятельной необходимости, раз только Правительство желает сохранить горную промышленность на Урале, ликвидировать вообще посессионные отношения, а не применять отдельных мер в отношении того или другого посессионного округа»⁵⁴.

Попытки Горного департамента опротестовать доводы «заинтересованных лиц» не принесли успеха. На заседании, состоявшемся 6 июня 1911 г., Совет министров «признал более правильным воздержаться пока от принятия означенной меры (публичной продажи. – *Е.Н.*), предоставив Министерству торговли и промышленности предложить Администрации по делам Невьянских заводов привести последние в требуемые законом условия, т. е. возобновить в них доменное производство». Уже 3 декабря Администрация рапортовала, что одна доменная печь задута, а вторая будет пущена в середине 1912 г.⁵⁵ Исполнив решение Совета министров, Администрация отвела от Невьянских заводов угрозу как продажи, так и конфискации посессий.

Определившиеся в ходе работы совещания Д.П. Коновалова и в деле о «невьянской посессии» настроения и намерения горных чиновников ясно свидетельствовали о предпочтении ими варианта разверстания посессионных имений. В такой ситуации возобновление работы Особого совещания выглядело совершенно бесперспективным, поскольку принятый им принцип факультативности позволял заводчикам блокировать любые проекты, кроме того, который они одобряли. Предпочтительнее выглядела тактика откладывания решения общей проблемы и реагирования на конкретные потребности отдельных посессионных округов. Тем более что для такого варианта развития ситуации был и весомый аргумент – так до конца и не завершённое землеустройство горнозаводского населения. По свидетельству самих посессионеров, министерством действительно были «допущены за последнее время некоторые отступления, несколько ослабляющие ограничительное влияние постановлений, требующих употребления всех естественных богатств посессионного имения исключительно для производства заводов». Но, по их мнению, подобная «льготная практика министерства лишь в незначительной мере ослабляла неблагоприятное влияние устаревших и стеснительных правил посес-

сионного права и не могла оправдать отсрочку разрешения посессионного вопроса во всей его полноте»⁵⁶.

Понятно, что, так и не дождавшись возобновления работы Особого межведомственного совещания, посессионеры не отказались от давления на власти. Они стали активнее действовать через укрепившую к тому времени свой авторитет отраслевую организацию – Совет съездов уральских горнопромышленников. В 1912 г. там была составлена и растиражирована особая «памятная записка о ликвидации посессионного права». В ней содержалось прямое обвинение властей в бездеятельности и констатировалось, что «все старания заводчиков изменить существующее положение не увенчались успехом, ибо органы Правительства до сего времени не находят возможность рассмотреть этот весьма важный вопрос». Перечислив все ограничения, создаваемые «отжившим правовым институтом», авторы записки утверждали, что их устранение «не только не нарушает в чем-либо государственных интересов... а является делом государственной важности»⁵⁷.

Новое ходатайство министру со значительно усиленной аргументацией было составлено от лица Совета съездов 28 августа 1914 г. и подписано его председателем Н.Н. Кутлером. По всей вероятности, посессионеры решили, что в условиях военного времени государство, рассчитывающее на поддержку промышленников, может пойти на уступки. «Успех борьбы государства с внешними врагами в значительной степени зависит от сохранения основ его материального благополучия, – писали авторы. – С этой точки зрения в настоящее время особенно настоятельными являются меры, направленные к укреплению положения промышленности. К числу таких мер относится, между прочим, и устранение стеснений для свободного существования и развития горной промышленности Урала в виде посессионного права, имеющего применение к весьма значительной группе старейших заводов... Печальный опыт недавнего прошлого заставляет опасаться за судьбу посессионных заводов в случае нового кризиса, если заводы эти не будут освобождены от пут посессионного права. Опасения эти тем более серьезны, что посессионные заводы вынуждены были за последнее время расширяться и переустраиваться в соответствии с новейшими требованиями техники и увеличивать с этой целью свою задолженность, которая в случае кризиса скажется весьма тягостно. С другой стороны, ликвидация посессионного права, если таковая будет предпринята, во всяком случае потребует довольно продолжительного времени, почему вопрос о ней должен быть возбужден, по возможности, заблаговременно».

«Необходимо вернуться к идее выкупа, – настаивали посессионеры. – Условия этого выкупа могут быть разнообразными и вопрос о них нуждается в подробной разработке. Несомненно, что при желании обе заинтересованные стороны легко могут прийти по этому вопросу к соглашению. Совет съездов... в дополнение к уже возбужденному ходатайству, согласно постановлению Экстренного съезда, бывшего в ноябре 1912 г., имеет честь почтительно ходатайствовать... не будет ли Вами признана возможность подвергнуть вновь рассмотрению при участии представителей от посесси-

онных заводов вопрос о перечислении посессионных предприятий в разряд владельцев».

Реакцию С.И. Тимашева передает его резолюция карандашом, оставленная на ходатайстве: «При современном напряжении всех сил государства ставить... столь сложные проблемы совершенно невозможно». «Прошу исполнить указание министра», – приписал секретарь, поставив точку в многолетнем деле о ликвидации горнозаводской посессии⁵⁸.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2376. Л. 1–10.

² Там же. Л. 10–13.

³ Там же. Л. 14–34.

⁴ Там же. Л. 51–57, 80–83.

⁵ Там же. Л. 94–99 об., 150, 152–155, 169–172 об.

⁶ Там же. Л. 149, 173.

⁷ Там же. Л. 195–195 об., 221, 254, 269–306.

⁸ Там же. Л. 343, 354, 368–372, 379, 407–409, 413–419.

⁹ Там же. Л. 429, 453, 536, 574, 587, 615, 627.

¹⁰ Там же. Д. 1277. Л. 13–15 об.

¹¹ Китанина Т.М. Материалы межведомственных совещаний и комиссий как источник для изучения положения уральской промышленности и землеустройства горнозаводского населения // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 59–64.

¹² Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1906. Ч. I. С. 15–19; СПб., 1907. Ч. II. С. 171–174.

¹³ Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. Т. 1. С. 72–77.

¹⁴ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 136.

¹⁵ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. I. С. 1–11.

¹⁶ Там же. С. 19–32; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5–21 об.

¹⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. II. С. 125–126.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 394. Л. 3.

¹⁹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. I. С. 40–42, 45–48, 126–135.

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1277. Л. 8–11 об.

²¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. I. С. 35–44; Ч. III, вып. 2. С. 73–75.

²² Там же. Ч. I. С. 45–48.

²³ Там же. С. 55–58.

²⁴ Там же. С. 58–79.

²⁵ Там же. С. 81–98.

²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1366. Л. 5–6 об.

²⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. I. С. 98–108.

²⁸ Там же. Ч. III, вып. 2. С. 72, 110–141.

²⁹ Там же. Ч. II. С. 1–3, 153–164.

³⁰ Там же. Ч. III, вып. 2. С. 76.

³¹ Там же. Ч. II. С. 27–34, 155.

³² Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 61–62.

³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 1–4, 92–97.

- ³⁴ Там же. Д. 1345. Л. 72–95 об.
³⁵ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. III, вып. 1. С. 3–10.
³⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 72–95 об.
³⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. III, вып. 1. С. 3–10.
³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 472. Л. 48–50.
³⁹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. III, вып. 1. С. 11–35.
⁴⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 127, 130–131.
⁴¹ Там же. Оп. 67. Д. 195. Л. 19–20.
⁴² Там же. Л. 22.
⁴³ Удинцев В.А. Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 319–320.
⁴⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1477. Л. 1–5 об.
⁴⁵ Там же. Д. 1403. Л. 136–137 об.
⁴⁶ Там же. Л. 138–139.
⁴⁷ Там же. Д. 1520. Л. 47–53.
⁴⁸ Там же. Л. 53–65 об., 100–131.
⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1469. Л. 1, 12, 28.
⁵⁰ Там же. Д. 1282. Л. 64–79, 88.
⁵¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5–21 об.
⁵² Там же. Л. 31.
⁵³ Там же. Л. 42–43.
⁵⁴ Там же. Л. 52–57.
⁵⁵ Там же. Л. 44–49, 51, 70; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1282. Л. 79, 86, 88.
⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.
⁵⁷ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.
⁵⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.

5. ДИНАМИКА ПОСЕССИОННЫХ ИМЕНЕЙ НА УРАЛЕ

«Перечисление» заводов по закону 1863 г.

Отмена крепостного права актуализировала вопрос не только о значении посессионного права, но и о статусном составе уральских заводов, поскольку вещественное пособие в людях и еще не отмененное правовое пособие утратили тогда свое значение. Заводы, пользовавшиеся только ими, казалось, автоматически должны были перейти в разряд владельческих. Как уже упоминалось, 9 декабря 1863 г. было утверждено мнение Государственного совета, в соответствии с которым министру финансов предоставлялось «сделать распоряжения... об исключении из числа посессионных и перечислении во владельческие, относительно как размера подати с добываемых металлов, так и всех прав по владению и распоряжению... а) заводов, не имеющих от казны посессии в землях, лесах или людях, но числящихся посессионными потому только, что принадлежат или прежде принадлежали, с состоящими при них на посессионном праве крепостными заводскими людьми, лицам не дворянского состояния; б) заводов, кои, хотя и имели пособие в данных от казны рабочих людях (имелись в виду казенные мастеровые и неперменные работники. – *Е.Н.*), но с изданием Положения

19 февраля 1861 г. не пользующихся более обязательной работой сих людей, и в) заводов, которые, не имея ни земель, ни лесов посессионных, пользуются... только отведенными на казенных землях рудниками с тем, что обязаны платить особо установленную подать...»

Но перечисление не происходило автоматически, как того ожидали заводчики. Закон определил, что оно состоится только в том случае, если владельцы «предоставят состоящим при заводах мастеровым усадьбы в собственность безвозмездно, покосы же и топливо – на первые три года в безвозмездное пользование, а на следующие три года – за половину установленной платы»¹. Эти условия соответствовали другому мнению Государственного совета «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных округов» от 3 декабря 1862 г. Напомним, что оно предусматривало те же «облегчительные меры» в случае, если заводчик либо временно приостановит действие завода, либо пожелает воспользоваться льготой по сокращению на три года подати с чугуна и меди. Эта установленная высшим государственным органом взаимосвязь двух законоположений существенно повлияла на ход перечисления, растянув его на длительное время.

После получения министерского предписания 28 мая 1864 г. Уральское Горное правление приступило к составлению ведомости, в которой должно было распределить заводы по пунктам мнения Государственного совета. В ведомость вошла информация о 23 посессионных горнозаводских округах, подведомственных Уральскому Горному правлению (табл. 9).

Из них в число заводов, соответствовавших пункту «2а», были включены Кыштымские – наследниц купца Л.И. Расторгуева и Саранинские – Кнауфского округа. К пункту «2б» отнесли Сергинские заводы наследников К.М. Губина, Кагинские – купца Ф.П. Никифорова, Авзяно-Петровские – Д.Е. Бенардаки и Богословский завод В.П. Шелашникова. Под условия пункта «2в» подпали только Сергинские заводы, которые уже были включены в предыдущую группу.

Определив таким образом круг возможных претендентов на перечисление, Горное правление занялось сбором сведений о выполнении заводчиками требований третьего пункта мнения. Поскольку они совпадали с условиями предоставления податных льгот, было решено воспользоваться уже имевшимися данными с заводов, которые еще в июне 1863 г. Горное правление просило прислать губернские по крестьянским делам присутствия. Но, рассмотрев эти сведения, горные чиновники нашли их «не вполне удовлетворительными», хотя, опережая события, все вышеназванные заводы заявили о выполнении условий, а некоторые уже и внесли подати за 1862 и 1863 гг. в уменьшенном размере. Тогда Горное правление повторно запросило губернские присутствия «наблюдать со своей стороны... и уведомить о тех заводах, в которых будут окончательно проведены в действие все меры, предположенные во мнении Государственного совета»³.

Однако присутствия и на этот раз не торопились, отговариваясь отсутствием точной информации с мест. Так, 20 августа 1865 г. член Пермского губернского присутствия П.Д. Соломирский (сам владелец Сысертских за-

Таблица 9

Состав казенных пособий уральских посессионных заводов²

Заводы	Состав казенных пособий
Верх-Исетские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в казенных дачах, и в казенных мастеровых и непрременных работниках
Невьянские	В землях, лесах и рудниках, находящихся в дачах этих заводов
Нижнетагильские	В землях, лесах и рудниках, находящихся в дачах этих заводов
Алапаевские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в дачах Екатеринбургских казенных заводов, и людях, признанных государственными мастеровыми и непрременными работниками
Ревдинско-Рождественские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в дачах Екатеринбургских казенных заводов, и людях, признанных в 1857 г. заводскими крепостными (кроме Рождественских)
Шайтанские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в дачах Екатеринбургских казенных заводов
Суксунские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ, и 6 казенных мастеровых (кроме Камбарского)
Кыштымские	Как состоящие во владении не дворян и имеющие вечноотданных людей, признанных в 1857 г. заводскими крепостными
Сысертские	В землях, лесах, рудниках, находящихся в дачах Каменского казенного завода, и казенных мастеровых и непрременных работниках
Кнауфские	Как состоящие во владении не дворян и имеющие пособия в землях, лесах, рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ
Сергинско-Уфалейские	Как состоящие во владении не дворян и имеющие пособия в рудниках, находящихся в дачах казенных заводов, и людях, признанных казенными непрременными работниками (кроме Уфалейских)
Кагинские	В казенных непрменных работниках
Авзяно-Петровские	В казенных мастеровых
Кирсинско-Кажимские	Как состоящие во владении не дворян и имеющие пособия в землях, лесах и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ, и людях, признанных заводскими крепостными
Холуницкие	В землях, лесах и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ, и 74 казенных мастеровых
Шурминско-Залазинские	В землях, лесах и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ
Омутнинские	В землях, лесах и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ, и 3 казенных мастеровых
Бемьшевский	В землях, лесах, рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ
Шильвинский	Как состоящий во владении не дворян и имеющий пособия в землях и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ
Мешинский	В землях и рудниках, находящихся в казенных землях ведомства Государственных имуществ
Святочудовский	Как находящийся в площади Святочудовского медного рудника в даче Каменского казенного завода
Уинско-Ольгинские	Как построенный на кортомленных у татар землях, в 1807 г. признанных казенными (кроме Шермяитского или Ольгинского 1-го)
Богословский (Воздвиженский)	В людях, признанных заводскими крепостными

водов) советовал горным властям обратиться напрямую к мировым посредникам или заводским исправникам. Но чиновники Горного правления сочли для себя невозможным «входить в непосредственное сношение с подчиненными губернским присутствиям лицами» и настоятельно просили исполнить просьбу. Принципиальность чиновников доходила до того, что они сначала даже не приняли необходимые им сведения, когда их напрямую прислали мировые посредники Кыштымских и Авзяно-Петровских заводов. На поступавшие от заводчиков и их поверенных прошения о скорейшем перечислении они отговаривались тем, что перечисление «будет зависеть от общего для всех заводов распоряжения министра финансов, которое может последовать не прежде, как по предоставлению Его Высокопревосходительству затребованных Горным правлением от губернских присутствий сведений»⁴.

В такой ситуации под давлением заводчиков министр решился не на «общее распоряжение», а на частные постановления в отношении отдельных округов, выполнивших требования закона. Первыми точные сведения поступили об Авзяно-Петровском округе. «Владелец Бенардаки, – сообщалось в записке Горного правления еще в ноябре 1864 г., – предоставил всем мастеровым усадьбы в дар, безвозмездно покосы и топливо не только на установленный срок, но и на дальнейшее время». Уполномоченные Кыштымских заводов Г.В. Дружинин и А.А. Зотов также объяснили, что предоставили все эти льготы по уставной грамоте, введенной еще в октябре 1861 г. В результате 10 апреля 1865 г. М.Х. Рейтерн сообщил, что утвердил решение Совета Корпуса горных инженеров о переводе Кыштымских и Авзяно-Петровских заводов в разряд владельческих «со времени внесения означенных условий в уставные грамоты и объявления о том крестьянам, но, во всяком случае, не ранее как с 9 декабря 1863 г., так как закон обратного действия не имеет». Это постановление было исполнено Горным правлением 9 июня 1865 г.⁵

Однако уже этот первый случай перечисления вызвал полемику. Кыштымские уполномоченные в своих прошениях настаивали на пересмотре указанных сроков, поскольку считали, что перечисление автоматически ведет к снижению с этого же времени горной подати. Они заявляли, что перевод заводов должен состояться со времени введения уставных грамот, что давало им основание для возврата переплаченной подати, льготы по которой распространялись только на металлы, выплавленные в 1863–1865 гг. Это, считали уполномоченные, будет существенным подспорьем заводам, которые очень нуждались в капиталах для расчета с рабочими и для отправки железных караванов. «Для мастеровых, – писали они, – имеет значение сущность дела, а не исполнение формальностей, а как льготы им уже доставлены в свое время, то и перечисление заводов из посессионных во владельческие, по нашему убеждению, совершенно справедливо будет определить со введения уставных грамот... независимо от исполнения формальностей (о публичном объявлении об этом мастеровым. – *Е.Н.*), состоящих на обязанности мировых учреждений, а не владельцев». Кроме того, жаловались уполномоченные, мировой посредник, руководствуясь министерским

указанием, назначил «новый льготный срок мастеровым», увеличивая тем самым «сумму пожертвований, которыми заводы приобрели право на уменьшение горной подати». Поэтому, считали они, «нет никакого основания принимать тот же срок для исчисления льгот мастеровым, который принимает Горное правление за срок перечисления заводов из посессионных во владельческие»⁶. Но поданное прошение привело к последствиям, на которые вовсе не рассчитывали владельцы и их поверенные. Оно заставило власти обратить внимание на не раскрытый во мнении 1863 г. вопрос о сопряженном с перечислением сроке снижения горной подати.

Хотя возвращение податей было не в интересах казны, само выполнение одобренного царем законоположения 1863 г. не подвергалось властями никакому сомнению. В ноябре 1866 г. директор Горного департамента В.К. Рашет даже укорял главного начальника за то, что за истекшие три года перечислены из посессионных во владельческие только два округа. «Замедление в рассмотрении прав и перечислении других заводов, – напоминал он, – происходит... по недостатку сведений... о том, какие из заводов по удостоверению Крестьянских учреждений выполнили все требуемые означенным Высочайшим постановлением условия». Директор извещал, что сам министр финансов, «обратив внимание, что замедление в перечислении Сергинских заводов наследников Губина вызвало уже жалобу на сие со стороны поверенного по тем заводам купца Тезякова, поручил Горному департаменту ускорить рассмотрение и окончить дело»⁷.

Как и прошение кыштымского управления, жалоба Тезякова была вызвана «совершенно расстроенным состоянием» Сергинско-Уфалейского округа, в те годы даже взятого в казенное управление. По подсчетам поверенного, в случае перечисления со времени составления уставных грамот заводам следовало вернуть около 15 тыс. руб., что составило бы «весьма важное пособие... для поддержания местного населения заводскими работами и подлежащим расчетам впредь до окончательной продажи этих заводов». Однако в уставных грамотах Сергинских заводов кроме льгот мастеровым оказалось вписанным условие уплаты «необременительного денежного сбора на составление общественного капитала» за предоставленные мастеровым покосы. Оно-то и вызвало сомнения властей и задержку решения о перечислении. Но, когда в апреле 1865 г. Горное правление не сочло его «препятствием для предоставленных законами льгот», дело о Сергинских заводах получило ход⁸. Его рассмотрение вместе с прошением кыштымских уполномоченных выявило такие аспекты перечисления, вытекавшие из установленной властями связи законоположений 9 декабря 1863 г. и 3 декабря 1862 г., которые усложнили его осуществление.

Один из них был замечен в самом Уральском Горном правлении советником Ф.М. Ботышевым, который утверждал, что право перечисления должно быть отделено по срокам от права платежа податей по размеру владельческих заводов. «Первое право, – считал он, – определяется сроком предоставления заводоуправлением рабочим тех льгот, которые установлены законом 3 декабря 1862 г.; второе же начинается со дня окончания платежа заводами подати по уменьшенному размеру», назначенного тем же за-

коноположением. В итоге при решении вопроса о перечислении Сергинских заводов министр предписал, чтобы «с сопряженным с оным перечислением изменением размера горной подати заводы сии воспользовались лишь со времени окончания льготного в платеже подати периода по правилам 1862 г., ибо в противном случае заводы в один и тот же период воспользовались бы двойной льготой». Это разрушило надежды заводчиков на возврат якобы переплаченных горных податей. Сергинским, Кыштымским и Авзяно-Петровским заводам, воспользовавшимся податными льготами в 1863–1865 гг., было разрешено лишь с 1866 г. «начать пользоваться правом внесения податей по размеру владельческих заводов»⁹.

Другую проблему подняло Пермское губернское присутствие, пекущееся не столько о сроках снижения подати, сколько об исполнении заводчиками не столько с перечислением льгот мастеровым. В феврале 1869 г. оно уведомило Горное правление, что мастеровые Сергинских заводов воспользовались 6-летними льготами в 1863–1869 гг. Но это, посчитали в присутствии, означает всего лишь завершение обязательств, взятых заводами в соответствии с законом 1862 г. для получения трехгодичного сокращения горных податей. Перечисление же в разряд владельческих заводов по закону 1863 г. должно быть сопряжено с предоставлением мастеровым нового 6-летнего льготного времени в пользовании покосами и топливом. «За сим, – писали члены присутствия, – для переименования посессионных Сергинских заводов в разряд крепостных Губины обязаны еще предоставить мастеровым льготы... с 1869 по 1875 г.» Главная контора Сергинско-Уфалейского округа, в те годы возвращенного владельцам и вновь стоявшего на грани финансового банкротства, была согласна с любыми условиями, лишь бы поскорее заводы были признаны владельческими. «Чем скорее совершится это переименование, – писал управляющий, – тем более будет оказано существенной помощи для заводов при настоящем критическом их положении»¹⁰.

Озадаченные подобной трактовкой законодательного акта, местные горные власти попросили разъяснений в Горном департаменте. В октябре 1869 г. Горный совет обсудил вопрос и нашел, что нет оснований «делать вывод, что для приобретения права на перечисление... заводы должны вторично дать населению льготы... так как полное повторение их невозможно (в частности, в отношении уже предоставленной в собственность усадебной оседлости. – *Е.Н.*)... и, если бы закон 1863 г. действительно имел в виду потребовать от владельцев... каких-либо новых пожертвований в пользу населения... то такое новое требование... было бы положительно указано, а не сделано было бы ссылки на закон 1862 г.» Вместе с разъяснением 25 октября в Горное правление поступило и постановление о перечислении Сергинских заводов «со времени окончания льготного в платежах времени», т. е. с 1866 г. Уральское Горное правление 22 ноября 1869 г. вынесло на этот счет свое решение, предупредив заводскую контору, что переплаченные с того времени горные подати, скорее всего, уйдут на погашение должной быть начисленной за тот же срок платы с добытой руды из казенных рудников. Это было естественным следствием приобретения нового

статуса, на которое Сергинско-Уфалейские заводы ответили отказом на будущее время добывать руды в казенных дачах¹¹.

Выявившиеся в ходе всех этих разбирательств различные трактовки законов, касавшиеся времени признания нового статуса заводов и срока начала уплаты горных податей по размеру владельческих заводов, а также различные точки зрения на зависимость этих сроков от окончания времени либо по льготе заводам в уплате горной подати, либо по льготам мастеровым совсем запутали участников кампании по перечислению заводов. 16 апреля 1868 г. в этой связи было утверждено положение Главного комитета об устройстве сельского состояния, в соответствии с которым было предложено допускать «по надлежащему удостоверению» перечисление в разряд владельческих таких заводов, где не было казенных мастеровых и «окончательно устроен быт заводских крестьян»¹². Оно, тем не менее, не решило всех сопряженных с перечислением проблем и не устранило возможность неоднозначной трактовки законов. Это привело к пересмотру некоторых уже принятых решений и даже к бюрократическим ошибкам.

Более всего от этого пострадал Кыштымский округ. Путаница в сроках привела к тому, что вынесенное только в 1874 г. решение Горного совета определило точный срок перечисления двух Кыштымских, Каслинского и Сак-Элгинского заводов этого округа с 30 апреля, а Шемахинского – с 22 января 1865 г., т. е. со времени окончания льготного времени по платежу подати. Но «с тем, однако, чтобы горная подать по расчету владельческих заводов взималась с 30 апреля 1871 г.», т. е. с момента окончания второго льготного срока для мастеровых. Несмотря на то, что это противоречило решению того же совета 1869 г., министр не вник в суть дела и согласился с ним.

Через два года эта ошибка была замечена и исправлена Горным правлением. «Вместо срока, с которого Кыштымские заводы должны воспользоваться правом на уменьшение взноса податей, наступающего вслед за истечением данного заводам льготного периода, – сообщалось в записке правления от 10 июня 1876 г., – был ошибочно принят срок, непосредственно следующий за тем периодом, в который были даны заводоуправлением льготы мастеровым. Поэтому в изменение состоявшегося постановления, постановить вновь, что сопряженным с перечислением в разряд заводов владельческих правилом на уменьшение взноса подати Кыштымские заводы должны воспользоваться по истечении льготного в платеже податей срока, т. е. начать уплату податей по праву заводов владельческих с чугуна, выплавленного в 1866 г., а не с 30 апреля 1871 г., как было заключено в прежнем постановлении»¹³. Только после этого был сделан окончательный перерасчет горной подати с заводов, уже 11 лет как считавшихся владельческими.

Попытку пересмотреть сроки уплаты пониженной подати предприняло и управление Авзяно-Петровских заводов. Оно напомнило властям, что непеременные работники этих заводов были переведены в казенный Гороблагодатский округ еще в 1853 г., что влекло за собой необходимость возврата более 8 тыс. руб. переплаченных с того времени податей. Горное правление в записке 1872 г. согласилось с тем, что эти заводы, действительно, «не подходили под действие мнения Государственного совета 9 декабря 1863 г. как

заводы, не пользовавшиеся уже во время издания Положений 19 февраля 1861 г. обязательными работами данных им от казны людей и никакими другими от казны пособиями». Но Горный совет Министерства финансов, сославшись на то, что самим заводоуправлением своевременно не было подано ходатайство о перечислении, 13 октября 1872 г. отказал в просьбе. Авзяно-Петровским заводам было разрешено вносить пониженную горную подать только с металлов, выплавленных в 1866 г.¹⁴

В сентябре 1874 г. Горный департамент вновь обратил внимание на медлительность в проведении кампании. «Перечислены по настоящее время только Кыштымские, Авзяно-Петровские и Сергинские заводы, – отмечалось в предписании главному начальнику И.П. Иванову. – Перечисление же остальных заводов затянулось за недоставлением Вашим Превосходительством затребованных в 1864, 1866, 1867 и 1869 гг. сведений о том, какие из поименованных заводов исполнили, по удостоверению крестьянских учреждений, требования правил 9 декабря 1863 г.». Обвинения начальства подхлестнули течение явно затянувшейся кампании.

В частности, вскоре было принято решение о Богословском селитренном заводе. Оказалось, что его владелец В.П. Шелашников вовсе не торопился с перечислением, а задумал вообще освободить свое предприятие от всякого платежа подати путем исключения его из горного ведомства. Основанием для столь серьезного намерения послужило то, что селитра вырабатывалась на заводе не из минерального сырья, а в так называемых «буртах, или насыпях, путем искусственно возбужденного химического процесса из веществ органического происхождения – навоза, разных нечистот и гнилого дерева». В 1871 г. Горный департамент предписал разобраться в этом деле, «собрав самые полные сведения». 3 октября 1874 г. Горный совет, основываясь на мнении Горного правления о том, что «медеплавильное производство на Богословском заводе уже не существует, а производство буртовой селитры к горной промышленности не относится», санкционировал передачу завода в ведение Департамента мануфактур и внутренней торговли «с тем, чтобы все отведенные заводу на казенных землях медные рудники были взяты обратно в казну»¹⁵.

Некоторые осложнения возникли с Саранинскими заводами, входившими в состав Кнауфского округа. Еще в 1853 г. они были признаны владельческими, поскольку, в отличие от пяти других заводов округа, были основаны на частных, а не казенных землях. Считая так, акционерная компания, владевшая ими до 1864 г., получила льготы по горной подати, предоставив мастеровым покосы и топливо только на два года, как это и полагалось для владельческих заводов по закону 1862 г. Но, вполне возможно, из-за бюрократических формальностей еще в 1864 г. Горное правление не признало их владельческий статус и включило в ведомость на перечисление. Упустив это из вида, Пермское губернское присутствие только в 1867 г. уведомило Горное правление о том, что мастеровым Саранинских заводов льготы ошибочно предоставлены только на 2 года, а не на 6 лет. Но лишь через 2 года присутствие постановило «взамен полученным уже владельцами Кнауфских заводов льгот по платежу горных податей предоставить масте-

ровым Саранинских заводов право пользования покосами, если они пожелают их удерживать за собой, на основании Дополнительных правил, на три года за половинную плату, считая срок сих льгот с 31 марта 1869 г.» Кроме того, как настойчиво добивались губернские власти, после истечения этого льготного срока мастеровые должны были еще воспользоваться льготами по закону 1863 г., и только тогда Саранинские заводы получали право на перечисление в разряд владельческих.

Когда в 1875 г. были присланы сведения от губернского присутствия об исполнении Кнауфским округом требований законов, Горный совет решил, что Саранинские заводы должны быть перечислены с 9 декабря 1863 г. «с тем, чтобы уменьшенным размером подати они воспользовались со времени окончания льготного периода, т. е. с 1 апреля 1875 г.». Но через год, после прецедента с Кыштымскими заводами, чиновники изменили свое мнение. «Принимая во внимание, что Саранинские заводы числятся посессионными только по недворянскому происхождению своих владельцев и что мастеровым предоставлены все льготы... с 31 марта 1869 г. (хотя мастеровые от покосов отказались «по отдаленности их». – *Е.Н.*), Горный совет 9 июня 1876 г. рекомендовал перечислить их во владельческие «со времени внесения означенных льгот в уставные грамоты», т. е. с 10 апреля 1869 г. Уральскому горному правлению осталось лишь уточнить, что «Кнауфские заводы воспользовались уже... льготным периодом в податях и затем на продолжение в этом отношении льгот не имеют уже права, так как в Саранинских заводах выплавка чугуна не производится»¹⁶.

Затруднения с перечислением еще одних Кагинских заводов возникли в связи с тем, что их владелец Ф.П. Никифоров, хотя и предоставил мастеровым все льготы с 1862 по 1867 г., не сумел вовремя воспользоваться податными льготами. Как следует из записки Горного правления, «по стечению несчастных обстоятельств, именно: вследствие разрушения плотины и повреждения заводских устройств от наводнения», эти заводы в 1863–1865 гг. «находились в бездействии», в 1866 г. – «в неполном действии» и поэтому представляли «положение исключительное, требующее особого обсуждения». В ходе такого обсуждения в 1868 г. горные чиновники пришли к заключению, что нельзя лишать Кагинские заводы податных льгот, поскольку их «действие было остановлено не по прихоти владельца, а по стечению несчастных обстоятельств, подвергших его весьма значительному убытку», и рекомендовали допустить льготы в 1867–1869 гг. Горный департамент и министр финансов в феврале 1869 г. согласились с этим мнением, но с условием, чтобы «льготы не распространялись на металлы, выплавленные свыше того, что было выплавлено в предшествовавшее льготному периоду время, и чтоб в счет льгот была зачислена податная недоимка за 1862 и 1866 гг.»

Но вслед за этим решением возникли новые непредвиденные обстоятельства. Как сообщал мировой посредник, владелец заводов умер, а наследники от наследства отказались. Заводы перешли в опекуновское управление за долги казне, но уже не действовали. Тем не менее, свидетельствовал тот же посредник в 1875 г., даже после этого льготы мастеровым никто не

отменял, и они продолжали пользоваться ими, несмотря на истечение льготного времени. Получив эту информацию, в апреле 1876 г. Горный департамент предписал перечислить Кагинские заводы «по примеру Авзяно-Петровских и Кыштымских заводов со времени действительного предоставления мастерским упомянутых льгот». 3 июня того же года Уральское Горное правление выполнило это предписание, указав, что воспользоваться правом снижения горной подати заводы могли «после истечения льготного периода по правилам 1862 г., т. е. с 1 января 1870 г.», хотя в то время заводы уже год как бездействовали¹⁷.

В ходе этой кампании был также поднят вопрос о Шаквинском заводе Суксунского округа. В 1864 г. он не был включен в составленную тогда ведомость заводов, следующих к перечислению, но в примечаниях упоминалось о том, что при разборе прав в 1847 г. не было принято «решительного заключения» об этом заводе «впредь до судебного рассмотрения документов, по которым приобретены к заводам земли от татар». Когда в 1875 г. Горное правление составило новые сведения о заводах, по которым еще не было принято решение, в них попал и этот завод, находившийся тогда в казенном управлении и бездействовавший еще с 1862 г. Видимо, по этой причине никакого судебного разбирательства о его статусе прежде не произошло. После того, как были «наведены надлежащие справки», открылось, что еще в 1845 г. земли, на которых строился завод, были признаны купленными его основателем Демидовым «в полную собственность по крепостным актам». При отсутствии других пособий это давало все основания считать его владельческим с того времени, а значит – исключить из списка заводов, подлежащих перечислению, о чем Горный департамент уведомил Уральское Горное правление в апреле 1878 г. Но его чиновники защитили честь мундира, сославшись на то, что судебные решения им были неизвестны, и 29 мая того года постановили, только сейчас «исключив Шаквинский завод из числа посессионных, признать его владельческим»¹⁸.

В той же ведомости 1875 г. оказались еще Уинский (Ольгинский 2-й) завод графини О.Н. Рошефор и Мешинский завод К.И. Яхонтова. Их владельцы по собственной инициативе подали судебные иски Горному правлению, пытаясь доказать право собственности на заводские земли. Но, поскольку установление этого права не входило в компетенцию горных властей, а могло быть сделано только ведомством государственных имуществ, в 1878 г. иски были отклонены, а Уинский и Мешинский заводы так и остались в разряде посессионных¹⁹. Заметим, что в те годы оба завода уже бездействовали, и их владельцам необходим был владельческий статус лишь для того, чтобы получить в собственность приписанные к заводам земли.

Таким образом, очередная кампания по разбору прав заводчиков, осуществлявшаяся горными властями в 1863–1878 гг., привела к перечислению из посессионного во владельческий статус трех горнозаводских округов (Кыштымского, Авзяно-Петровского и Кагинского), а также Сергинских заводов Сергинско-Уфалейского округа (это повлияло на переход всего округа в разряд владельческих заводов), Саранинских заводов Кнауфского округа и Шаквинского завода Суксунского округа. Богословский селитрен-

ный завод был вовсе исключен из горного ведомства; двум заводам (Уинскому и Мешинскому) было отказано в перемене статуса.

В ходе этой кампании довольно отчетливо проявилось значение для финансового ведомства, которому подчинялись тогда горные заводы, возможности получения повышенной горной подати в доход государства. Заметно, что власти как можно дольше отодвигали срок перехода заводов на уменьшенный размер подати, пользуясь возможностью свободной трактовки недостаточно четких законоположений. Тот же стимул, только в противоположном смысле, был важен и для владельцев, стремившихся снять со своих заводов бремя повышенной горной подати. В условиях тяжелого финансового кризиса, охватившего в 1860–1870-е гг. всю уральскую горнозаводскую промышленность, такая позиция выглядела вполне обоснованной.

Сокращение числа посессионных округов в 1880–1910-е гг.

Заводчики, которые не могли рассчитывать на перечисление своих заводов по закону 1863 г., кроме участия в общей работе по ликвидации посессионного права предпринимали порой и самостоятельные шаги по переводу заводов в разряд владельческих, как это происходило в дореформенный период.

Первыми о пересмотре результатов кампании, прошедшей еще в 1830–1850-е гг., заявили новые владельцы перечисленных тогда заводов. В 1859 г. владелицей Уинских заводов стала графиня О.Н. Рошефор. Купив два небольших медеплавильных завода у наследников С.С. Яковлева, графиня, оказывается, и не подозревала о том, что Уинский завод, в отличие от Шермяитского, еще в 1853 г. был признан посессионным по причине спорности прав на заводские земли, кортомленные у башкир и татар. Побывав на заводах в 1860 г., владелица обнаружила последствия этого. «Казенная палата, – по ее словам, – выжгла и вырубилла все, что было около Уинского завода, и потому уже бросается отчаянно на леса, стоящие вблизи Шермяитского завода». В результате бесконтрольных порубок «обмелела речка Уя, которая живила Уинский завод». «От действий властей, – жаловалась графиня, – страдал не один интерес владельца и казны, но страдало все помещичье население, претерпевая ежедневно буйства и обиды от самовольного заселения между ними русских и татар, которые, вторгнувшись на жительство посреди самого селения, отнимают у них сенокосы и даже скошенное сено... уводят и убивают лошадей... и распахивают даже рудники». «Словом, – заключала она свои наблюдения, – нет житья и покойствия этому несчастному народонаселению потому только, что на права владельца их на эти земли наименование посессионных отяготело»²⁰.

С того времени графиня предпринимала все усилия для восстановления своих владельческих прав, хотя и не вполне ясно понимала, как это надо делать. Не найдя сочувствия в Горном правлении, она попыталась своими силами исправить положение. «Упова на одно Божье Провидение», графиня переименовала заводы по своему имени в Ольгинские, решив, что таким образом самолично утверждает владельческий статус заводов. Понятно, что

это нисколько не повлияло на позицию горных властей, требовавших законных оснований для перечисления. Тогда графиня предоставила акт 1759 г. об уступке башкирами основателю Шермяитского завода А.И. Глебову «от того завода во все стороны по 50 верст леса». Но, когда землемер отмерил это пространство, «якобы навечно окортомленное у башкир», оказалось, что в него вошел и Уинский завод со своей дачей, и до 150 других владельческих и казенных дач. Из-за этой «несообразности владенного акта с действительным положением владения» землемер остановил межевание до сенатского постановления. Графиня же решила, что ее права собственности не требуют иного доказательства, и выставила счет Горному правлению за якобы переплаченную с 1853 г. горную подать²¹.

Между тем, дела на самих заводах складывались не лучшим образом. Из-за отсутствия денег в 1862 г. управляющий остановил заводское действие, а на следующий год Уинский завод и вовсе сгорел. В 1865 г. за долги владелицы имение было назначено к публичной продаже, но она не состоялась из-за того, что Сенат все никак не мог рассмотреть дело о земельных правах О.Н. Рошефор. Только в июле 1875 г., после 15-летних раздумий, Сенат предложил графине в случае, «если она желает получить в свое владение земли... обратиться с иском установленным порядком в судебные установления». Межевой канцелярии было предписано дать дальнейший ход остановленному делу по межеванию земель²².

В 1879 г. графиня подала в Екатеринбургский окружной суд иск к Горному правлению, но не для установления своих прав, а по начисленным на нее долгам. После длительных тяжб не только суд, но и Сенат в 1883 г. оставил ее жалобу без последствий. В 1886 г. Горный департамент вновь предложил продать Уинский завод «с правом на приграничение к нему, для его действия, коронных лесов и с тем, чтобы продажа эта была совершена в пользу владелицы завода, но с вычетом расходов по производству описи и продажи и казенных взысканий». По условиям торгов, назначенных на декабрь 1892 г., вместе с Уинским заводом продавалось и право на приграничение 12,5 тыс. дес. казенных лесов в соответствии с нормой ежегодной выплавки меди в 1800 пуд. Покупатель приобретал право посессионного владения и обязывался восстановить заводское действие в течение трех лет. В случае нарушения новым владельцем этих условий завод вновь назначался к продаже²³.

Когда торги провалились, в 1894 г. Горный департамент сделал запрос главному начальнику: «Следует ли испытывать новые торги или уже признать Уинское имение утратившим значение горнозаводского и обратить его в казну?» Вердикт окружного инженера был таков: Уинское имение «не имеет никакого значения в смысле горнозаводского, так как месторождения медных руд... крайне незначительны и бедного содержания металла, поэтому допустить возможность возобновления действия... заводов не представляется никаких оснований, тем более что от прежних заводских зданий и сооружений в настоящее время нет и следа»²⁴. В 1907 г. долг уже скончавшейся графини О.Н. Рошефор, выросший к тому времени до 9 679 руб., был списан как «безусловно безнадежный». Тогда же Пермское управление государ-

ственных имуществ уведомило Горный департамент, что земельная дача Уинского завода давно находится в его ведении и эксплуатируется «как неокладная оброчная статья». Участок в 34 дес. под бывшими заводскими строениями «при земельном устройстве» поступил в надел заводских крестьян, а о месте в 100 дес. под бывшим прудом ведется переписка о продаже его крестьянам, но она тормозится из-за слишком высокой его цены, включающей разрушенную плотину. С этой оценкой крестьяне не соглашались, заявляя, «что желают купить прудище для сельскохозяйственного использования, а не для промышленного заведения»²⁵. Таким сложным и длительным путем, вызванным настойчивостью владелицы, была ликвидирована еще одна горнозаводская посессия. Уинские же заводы не проходили по делам о ликвидации посессионного права уже с 1870-х гг.

Тем же результатом, судя по всему, завершилось и судебное дело между Горным правлением и владельцем небольшого Мешинского посессионного завода. В 1868 г. этот завод был остановлен и за податную недоимку его собирались назначить в публичную продажу. В 1872 г. завод был продан К.И. Яхонтову, для которого, как и для О.Н. Рошефор, был значим не столько завод, сколько заводские леса и земли (3 667 дес.). Владелец оплатил долги, но не стал восстанавливать завод, а подал ходатайство о возвращении имени владельческого статуса. Он аргументировал свою просьбу истечением срока давности на заводские земли, находившиеся во владении частных лиц. Ходатайство было отклонено, поскольку, по общим гражданским законам, «казенные земли, состоявшие в пользовании частных лиц на известных условиях или для известного употребления, не могли быть приобретаемы в собственность по праву давности, как бы долго то пользование не продолжалось». Тогда К.И. Яхонтов подал иск к Уральскому Горному правлению в Казанский окружной суд об отмене решения 1852 г. о посессионном статусе имения, проведенного не по закону, а «в пределах высшей распорядительной власти». Но в 1874 г. иск был признан «таким для владельца требованием, по которому Горное правление не имело права вступать с истцом в состязание». Чем закончилось это дело, можно предположить, зная историю Ольгинских заводов, где события развивались по сходному сценарию. Как и там, посессионные земли были возвращены в казну, а заводское имущество оставлено владельцу. Точно известно, что Мешинский завод уже в ходе работы Горной комиссии не брался в расчет выкупа посессий²⁶.

В 1865 г. попытку поменять статус своих заводов в индивидуальном порядке предпринял владелец крупнейшего Нижнетагильского округа П.П. Демидов. Не дожидаясь результатов работы Горной комиссии, он подал Александру II прошение, поводом к которому послужило очевидно очень беспокоившее его обстоятельство. Заводчик пояснил, что причиной его личного обращения к монарху стала опасность появления в округе «посторонних рудопрмышленников». Ранее, признавался П.П. Демидов, такой возможности у них не было, ибо «посторонние промышленники должны были действовать в среде рабочих рук, состоявших в распоряжении заводовладельцев, но с прекращением крепостного права... они непременно

вторгнутся в посессионные дачи даже только для того, чтобы помешать делу и получить отступное». Это, по его мнению, неизбежно должно было привести к дроблению округа «на множество отдельных мелких владений к ущербу не только горному делу в России, но и казне, ибо результаты деятельности мелких промышленников никогда не дадут казне того дохода, какой получается теперь от больших горных посессионных заводов».

Нижнетагильские заводы «в строгом смысле» и не должны были принадлежать к посессионным, рассуждал П.П. Демидов, поскольку основаны на пожалованных Петром I землях. На их устройство были «затрачены десятки миллионов рублей... а по количеству ежегодной своей выделки они давно уже занимают первое место между казенными и частными русскими горными заводами и в течение последних 48 лет представили в казну одной горной подати до 12,5 млн руб., – сумму, с избытком превышающую стоимость земли и лесов, приписанных к заводам». Более того, Нижнетагильские заводы «постоянно удовлетворяли всем запросам Правительства, и в настоящее время, в виду приготовления стальных артиллерийских орудий, занимаются с успехом, не щадя издержек, опытами по приготовлению бессемеровской стали, а также готовят рельсы для Николаевской и Южной железных дорог».

На основании «всех этих особенностей положения заводов и в виду угрожающего им окончательного разорения» владелец просил императора исключить их из разряда посессионных и предоставить ему «со всеми приписанными к ним землями и лесами на праве полной частной собственности». «Такая Монаршая милость, сохраняя самое существо дела и изменяя только его форму, – обещал П.П. Демидов, – доставит мне возможность усилить еще более свободную деятельность моих заводов на пользу горного дела в России без малейшего вреда для интересов казны, ибо посессионные земли и леса никогда уже не возвратятся в казенное владение, как по первоначальным об них узаконениям, так и в силу постановлений действующего и вновь проектируемого Горного устава». «Для всестороннего ограждения интересов казны» заводчик соглашался даже платить горные подати в размере, установленном для посессионных заводов «с правом выкупа этих пошлин», а также обещал навсегда оставить за мастеровыми безвозмездно переданные им усадьбы и покосы. «Всемиловивейший Государь, – завершал он свое прошение, – Нижнетагильские заводы имеют важное историческое и промышленное значение и составляют единственный уцелевший памятник горнозаводской деятельности предков моих Никиты и Акинфия Демидовых, сотрудников великого преобразователя России, основателей в ней горного дела. Благоволите, Государь, дозволить мне сохранить это достояние моих предков и всецело передать его моим наследникам; да сбудутся слова Великого Императора, обращенные к Никите Демидову: «Чтоб беспрерывно и впредь, донеже Господь благоволит, тем заводам и оным (основанным Демидовым) в благополучном ходу стоять и шествие свое иметь»²⁷.

Чиновники Горного департамента, куда было передано ходатайство, попытались снизить пафос прошения П.П. Демидова. Во-первых, заявляли

они, Нижнетагильские заводы составляли вовсе не единственное владение рода Демидовых, а треть оставшихся их имений (наверное, имелись в виду еще Ревдинские и Суксунские заводы), а, во-вторых, «огромные выгоды, извлеченные из богатств Нижнетагильского округа, предоставленного безвозмездно роду Демидовых в начале XVIII столетия, с избытком уже вознаградили все затраты, которые могли быть сделаны владельцами на устройство и улучшение горнозаводского дела». Они также считали, что такое «исключительное освобождение Нижнетагильских заводов послужило бы справедливым основанием к подаче ходатайств других посессионных владельцев». Правда, в отзыве, данном в июне 1865 г. уполномоченному заводчика С.М. Добровольскому, отказ был преподнесен в более вежливой форме. «Имея в виду, что выработанные в Горной комиссии соображения об отмене посессионного владения горнозаводскими имениями вообще должны быть в непродолжительное время представлены в Государственный совет для обсуждения в законодательном порядке», просьба П.П. Демидова признавалась преждевременной²⁸.

Такая же реакция последовала и на прошение Главного правления Алапаевских заводов наследников С.С. Яковлева, когда в 1875 г. оно обратилось к министру государственных имуществ. В то время, когда дело о ликвидации посессий было отложено министерством до разработки «мер к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения», владельцы этого округа попытались заключить с властью «особые условия, на которых мог бы состояться выкуп Алапаевских заводов из посессии». Общее собрание владельцев этого округа поручило тогда членам правления графу Н.Ф. Орлову-Денисову, В.Н. Рукавишникову и Н.Н. Манзею «войти в сношение с Правительством», убедив его в том, что в своем имении они уже передали мастерам участки «без обложения оброком». «Вопрос этот общий и не может быть разрешен в отношении к тому или другому имению в отдельности», – заключил директор Горного департамента Ф.И. Раселли²⁹.

После этого крупнейшие посессионеры Урала Демидовы и Яковлевы участвовали лишь в общих мероприятиях по ликвидации посессионного права, которые, как известно, не приносили результатов вплоть до начала XX в. Экономический кризис, который, как уже упоминалось, особо острым оказался для посессионных округов, а также высказанное еще в комиссии 1897 г. предложение решать посессионную проблему отдельно по каждому округу вновь стимулировали индивидуальные действия заводчиков. Осенью 1904 г. Министерство финансов и Министерство земледелия и государственных имуществ получили сразу несколько прошений от посессионеров.

Главное правление имениями наследников П.П. Демидова жаловалось на понесенные убытки, которые в 1903 и 1904 гг. составили по 150 тыс. руб. «Необходимость переустройства, которым только и можно достигнуть удешевление производства при столь сильно пониженных ныне конкуренцией Южных заводов цен на железо, – уверяли члены правления, – вызывала необходимость свободы действий, не выжидая разрешения общего вопроса о посессионном праве». Одна из главных причин, затруднявших «правильное

решение» этого вопроса, заключалась, по их убеждению, в том, что «установление общих оснований, которые одинаково подходили бы для всех посессионных заводов, представляется делом крайне трудным и могущим потребовать значительного еще времени». Правление просило, чтобы «вопрос был ныне же решен по отношению к Нижнетагильскому округу», и со своей стороны предлагало «произвести выкуп посессии за определенную сумму... в текущем же году» с обязательным условием со своей стороны закончить наделение мастеровых³⁰.

Более конкретные предложения сделало тогда Главное правление наследников Н.А. Стенбок-Фермор. «Обоюдоневыгодный порядок вещей», сложившийся для владельцев и казны в рамках посессионного права в столь тяжелое для заводов время кризиса, по словам членов правления графа А.А. Стенбок-Фермора, князя П.Б. Щербатова и В.Н. Безобразова, «грозил разорением и безработицей и... становился прямо таки убийственным». Они предложили казне особый расчет выкупа за посессионные леса, который исходил из «общей выручки, какую сама казна, как владелец, могла бы извлекать от эксплуатации полного лесного прироста, оставшегося в распоряжении заводов». Просители указали, что из 702 тыс. дес., составлявших территорию Верх-Исетского округа, в надел населению отводились 326 648 дес. и 118 075 дес. земли признавались неудобными. Остаток в 257 277 дес. леса они и предлагали выкупить за 233 740 руб. из расчета ежегодной выручки казны (11 687 руб.), капитализированной из 5%. Члены правления обращали внимание министра на то, что им приходилось еще нести крупные расходы по землеустройству населения, хотя, в отличие от вотчинников, посессионеры не получали выкупа за наделенные земли³¹.

В отличие от подобного же прошения владельцев Невьянских заводов, для рассмотрения которого было создано особое совещание, эти ходатайства остались без удовлетворения. Из ответов Горного департамента следует, что причиной отказа стала оценка положения этих округов, не доведенных еще до критического состояния, как это было в Невьянском округе. По отношению к Нижнетагильским и Верх-Исетским заводам чиновники «не усмотрели никаких оснований... к принятию экстренных мер» и вновь опасались, что «удовлетворение ходатайства... лишь повредит делу успешного разрешения теоретически общего вопроса о выкупе посессий»³². Тем не менее эти действия заводчиков, свидетельствовавшие об обострении посессионной проблемы, сыграли свою роль. Они подтолкнули власти к новому рассмотрению вопроса в межведомственном совещании А.А. Штофа.

Уже во время его работы, в марте 1906 г., с подобной просьбой обратился к царю совладелец Сысертских заводов егермейстер Д.П. Соломирский. Недостаток оборотных средств, признавался владелец, вызывал необходимость «привлечь к финансированию заводов участие русских и иностранных капиталистов», которые «опасались вкладывать свои средства, пока существует посессионное право». Он ходатайствовал о «государевом повелении зачислить в ближайшее по возможности время Сысертский горнозаводский округ в разряд владельческих с выкупом по справедливой оценке». Известно, что первые контакты владельцев с «иностранными капиталистами»

о продаже Сысертских заводов относились к 1909 г. Но только после провалов нескольких переговоров в 1912 г. округ был продан русско-английскому акционерному обществу³³. Судя по всему, поиски инвесторов владельцы начали еще в 1906 г., и им мешал в этом посессионный статус округа. Кроме того, прошение Д.П. Соломирского, поданное в то время, когда посессионеры активно участвовали в работе Особого совещания, послужило поводом донести информацию о нем и о позиции посессионеров до императора. В этом аспекте прошение имело успех. А.А. Штоф, управлявший в то время Министерством торговли и промышленности, вынужден был докладывать Николаю II о ходе работы совещания, хотя и полагал, что в такой ситуации «выделение дела о Сысертских заводах казалось бы неудобным», тем более что оно «не вызывалось какими-либо особыми условиями современного положения сих заводов»³⁴.

По всей видимости, последняя попытка ликвидации посессий в индивидуальном порядке была предпринята владельцами Кажимского горнозаводского округа наследниками Д.Е. Бенардаки. Судьба заводов Д.Е. Бенардаки во второй половине XIX в. сложилась весьма драматично. Крупнейший в России винный откупщик в 1830–1850-е гг. приобрел три горнозаводских округа на Урале (владельческий Троицкий, посессионные Авзяно-Петровский и Кирсинско-Кажимский) и даже пытался получить лесной отвод для организации масштабного металлургического производства в Вологодской губернии. Отмена винных откупов в 1862 г. привела к падению откупщика, задолжавшего казне огромную сумму. Расплата по ним по повелению императора была осуществлена за счет уральских заводов. В 1866 г. Кирсинский и Песковский заводы, составлявшие самостоятельный металлургический комплекс, были переданы казне «в уплату недоимки по откупам Восточной Сибири» за условную сумму в 500 тыс. руб. Это был единственный в истории XIX в. случай перехода уральских частных заводов в собственность казны. В соответствии с разработанным еще Горной и Податной комиссиями проектом продажи казенных заводов Кирсинские (или как их стали называть Вятские) заводы в 1879 г. были проданы Пастуховым в собственность и составили единое хозяйство с уже принадлежавшим им посессионным Омутнинским округом. В 1860-е гг. за 920 тыс. руб. государству были переданы и земельные дачи Троицких владельческих заводов и нескольких других имений Д.Е. Бенардаки, тоже зачтенные в счет долга откупщика. Закрытые из-за потери лесов Троицкие заводы уже не возобновили своей работы³⁵. Авзяно-Петровские заводы в 1875 г. и Кажимские – в 1880 г. поступили в опекуновское управление. Первые, как известно, были переведены в разряд владельческих по закону 1863 г. и позже проданы Комаровскому акционерному обществу; вторые так и остались в составе посессионных во владении наследников Д.Е. Бенардаки.

До 1912 г. они не предпринимали никаких действий для изменения статуса своих заводов, считавшихся посессионными. Но, судя по поданному тогда прошению министру торговли и промышленности, намеревались сделать это уже в 1896 г., когда было упразднено учрежденное над ними попечительство. Однако препятствием к тому было незавершенное землеу-

ройство населения округа. В 1911 г. оно было окончено, и Главная Петербургская контора наследников возбудила ходатайство о перечислении во владельческие Нювчимского чугуноплавильного завода Кажимского округа. Основанием для этого служило убеждение, что причиной зачисления заводов в разряд посессионных стало их недолгое нахождение до покупки Д.Е. Бенардаки в руках купца А.И. Маликова как воспользовавшегося уже отмененным правовым пособием.

В Горном департаменте было заведено дело, заключение по которому Д.П. Коновалов поручил сделать члену Горного совета В.А. Удинцеву. Тот счел мотивы владельцев недостаточными для изменения статуса завода, поскольку они не включали главного доказательства – установления прав на приграничные к заводу земли. Изучив сложную владельческую историю заводов, которые неоднократно переходили из рук в руки, он выяснил, что к Нювчимскому заводу были отведены земли «из государственных порожжих дач». Это и дало основание заключить, что «завод считается посессионным не только потому, что Маликов не был дворянином... а по приграничению казенных земель». «Перечисление не соответствует интересам казны и не оправдывается законом», – таков был вполне прогнозируемый вердикт эксперта, положенный в основу министерского решения³⁶.

Однако в начале 1914 г. от владельцев поступили «новые доказательства», из которых следовало, что завод был построен в дачах чернососных крестьян без всякого пособия от казны, а планировавшийся в конце XVIII в. отвод казенных лесов на 60-летнее заводское действие не состоялся. Горный департамент счел их достаточными для того, чтобы признать «окончательно установленным факт отсутствия у завода пособия от казны в землях и лесах, несмотря на высказанные профессором Удинцевым сомнения... полагая, что Нювчимский завод числится посессионным лишь потому, что с 1848 по 1858 г. принадлежал с состоявшими при нем на посессионном праве крепостными людьми лицу недворянского состояния». Однако такому решению воспротивились члены Горного совета. К В.А. Удинцеву присоединился тогда С.С. Абамелек-Лазарев. Они обратили внимание на отсутствие «бесспорных, основанных на документах доказательств того факта, что все входящие в округу Нювчимского завода земли и леса приобретены владельцами сего завода в полную собственность», а «косвенные указания, встречающиеся в некоторых актах», представлялись им «отчасти недостаточно убедительными, отчасти же им могли быть противопоставлены указы, свидетельствующие о противном». Сомнения вызывало и бездействие самих владельцев. «Не ясно, – удивлялись члены совета, – почему до настоящего времени владельцы не только не протестовали своевременно против признания земель и лесов сего завода данными от казны, но даже сами заявляли в категорическом виде о наличии у завода посессии в землях и лесах, проявив странную неосведомленность в столь, казалось бы, важном для всякого хозяина вопросе, как объем и характер прав принадлежавшего ему заводу на входящие в его округу земельное имущество. Возможность ошибки в этом отношении, конечно, не может быть безусловно отрицаема, хотя и представляется маловероятной».

По этому поводу Главная контора наследников Д.Е. Бенардаки сообщала, что в отдаленные времена «как администрация, так и сами владельцы привилегированного состояния, мало придавали значения разнице в терминологии и, приобретая заводы покупкою, по крепостным актам, за огромные, в особенности по тому времени, суммы наличных денег, тем более вполне сознательно считали таковые заводы принадлежавшими на праве полной собственности. В виду этого и родитель нынешних владельцев Д.Е. Бенардаки, как, вероятно, и другие подобные владельцы того времени, бесспорно считал заводы, как купленные им, своею собственностью, оплачивал вообще всякие требовавшиеся с него подати и как с посессионного заводчика, и как с владельческого». Эти аргументы не были серьезно восприняты, и 27 марта 1914 г. Д.П. Коновалов утвердил мнение Горного совета «оставить ходатайство Главной конторы без удовлетворения»³⁷.

Таким образом, ни одна самостоятельная попытка посессионеров перевести свои заводы в разряд владельческих во второй половине XIX – начале XX в. не удалась. Причинами тому стали как отсутствие достоверной доказательной базы, очевидно, уже исчерпанной во время кампаний первой половины XIX в. (как в случае с Уинским и Ньючимским заводами), так и господствующее в верхах представление о возможности такого перечисления лишь в порядке решения общего вопроса о ликвидации посессионного права (как в случае с заводами Демидовых, Яковлевых и Д.П. Соломирского).

Вместе с тем, по свидетельству Горного департамента, «практике ведомства неоднократно приходилось сталкиваться со случаями, когда владельцы посессионных имений не были в состоянии выполнить условия посессионного владения», и к ним приходилось применять «различные, в зависимости от обстоятельств каждого отдельного случая, установленные в законе мероприятия». Одним из них было взятие заводов в казенное управление. Однако эта мера применялась «не на статьях закона, установившего последствия невыполнения посессионных условий... а на статьях, определяющих последствия накопления на заводах недоимок в горных податях». В трудный для уральских заводчиков пореформенный период в казенном управлении надолго оказались три крупных горнозаводских округа – Шурминско-Залазнинский (или Мосоловский), Кнауфский и Суксунский. Посессионные правоотношения в них были прекращены «в исключительном порядке на основании особых Высочайших повелений»³⁸.

Еще в 1861 г. отставной майор Н.И. Мосолов, владелец Шурминско-Залазнинских заводов, объявил, что «совершенно не может продолжать хозяйственное управление без содействия правительства, что заводоуправление потеряло все моральное влияние на народ, расстроилось во всех расчетах и не имеет средств к составлению сумм, потребных для заводского производства». В сентябре того же года его заводы были взяты в казенное управление с целью поправить их состояние для того, чтобы они оказались способны уплатить казенные долги. Но уже через год стала ясна нереальность этой цели «без пособия со стороны Правительства». Тогда 1 февраля 1863 г. заводы были назначены в публичную продажу. Торги долгое время

откладывались по причине отсутствия описей, а когда состоялись в 1871–1875 гг., то оказались безрезультатными «за неимением желающих торговаться». В 1876 г. особая комиссия Министерства государственных имуществ предложила «взять заводы в казну за сумму стоимости наличного имущества по инвентарям, с исключением из нее казенных долгов», и продать Залазнинские заводы «как горнозаводское имение со всеми принадлежавшими ему землями и лесами, на правах полной собственности», а Шурминские заводы, не имевшие «никаких задатков для прочного и самостоятельного существования», – как «имение, представлявшее возможность извлечения дохода из запаса состоящей при них рабочей воды». Однако против принятия заводов в казенное владение выступило Министерство финансов, которое «выставило основания, отклоняющие его до употребления всех возможных средств к продаже заводов с торгов». В итоге 6 февраля 1876 г. царь санкционировал закрытие Шурминско-Залазнинских заводов «по додержанию наличных запасов» и предписал их содержание до публичной продажи «покрывать эксплуатацией заводских лесов». Власти все еще надеялись на торги, хотя они безуспешно проводились Петербургской сохранный казной в январе–феврале каждого года³⁹.

Суксунские и Кнауфские заводы поступили в управление казны после банкротства акционировавших их компаний. С первыми это случилось 31 мая 1863 г., со вторыми – 31 августа 1864 г. В их случае казенное управление было установлено сразу с назначением к продаже с публичных торгов на удовлетворение казенных и частных долгов. Управляющим предписывалось «изыскивать меры к сколь можно успешному и выгодному действию заводов», но при этом «избегать коренных преобразований в технике и администрации, стараясь лишь поддерживать в улучшенном виде прежний по действию заводов порядок, насколько это возможно без явного для заводов убытка, в особенности же нимало не останавливать приготовление всех изделий, какие выдвигались обыкновенно для вольной продажи и по заказам, а преимущественно тех, на которые заключены заводами контракты»⁴⁰.

Торги на Кнауфские и Суксунские заводы периодически проводились с 1870 г., когда были составлены описи. Но все они окончились безрезультатно по причине огромных казенных долгов, числившихся за заводами, а также из-за большой стоимости округов. Чтобы не накапливать долги, в 1878/79 г. все предприятия Кнауфского округа были остановлены. В Суксунском округе производство теплилось лишь на двух из восьми заводов. По оценке компетентных авторов «Горного журнала», «при настоящем положении заводов, в особенности при том способе продажи, который до сего времени практиковался над ними, казна не только никогда не будет в состоянии продать Суксунские заводы со всевозможными льготами и рассрочками платежей, но едва ли найдутся покупатели, пожелавшие приобрести их совсем за бесценок»⁴¹.

Еще в конце 1860-х гг. специалистами была выдвинута идея о «раздробительной продаже» этих округов, что противоречило действующему законодательству, но могло быть разрешено особым императорским указом. Однако горные власти все еще надеялись на торги. Только в 1883 г., после

многократных неудачных попыток продажи была создана межведомственная комиссия из представителей Министерства государственных имуществ, Министерства финансов и Государственного контроля, которая сумела выработать «Проект условий для продажи состоящих в казенном управлении горнозаводских имений: 1) наследников майора Мосолова, 2) Суксунского Товарищества и 3) Кнауфской Акционерной компании», одобренный императором 1 июля 1883 г.

В соответствии с этими правилами, имения «разделялись на самостоятельные в хозяйственном отношении части и продавались с публичных торгов частями, в полную собственность лиц, кои пожелают оную приобрести, без обязательства производить добычу руд и плавку из оных металлов». Торги предполагалось вести «от суммы казенного долга, падающего на каждую предлагаемую в продажу часть имения», которые выделялись по взаимному соглашению министрами финансов и государственных имуществ. Для определения цены из общей суммы казенных долгов исключались ссуды, выданные Суксунским и Кнауфским заводам на уплату недоимок в земских сборах, проценты, начисленные на недоимки платежей по рассроченным долгам Петербургской Сохранной казне и Государственному казначейству, по имению Мосоловых – излишек долга за эксплуатацию леса, и со всех округов – «суммы, какие получатся по капитализации из 6% оброков, причитающихся в казну с крестьян каждого имения за земельные (но не лесные) наделы их». Покупатель должен был сразу уплатить $\frac{3}{7}$ части покупной цены по Суксунскому и $\frac{2}{5}$ – по Кнауфскому и Мосоловскому округам, а также ссуды на уплату земских недоимок «сверх покупной суммы». Оставшиеся суммы рассрочивались на 37 лет с начислением 6% по банковым правилам и под залог. Уплата частных долгов производилась из «вырученных сумм... в доле, какая останется в остатке за уплатой казенных долгов на точном основании действующих гражданских законов»⁴². Впоследствии эти правила были уточнены для каждого округа, а торги, начатые в 1884 г., перенесены из столицы в Пермь, что дало положительные результаты.

Первыми в 1885–1886 гг. были распроданы участки бывших Шурминско-Залазнинских заводов Мосоловых. Залазнинская часть имения, которую на торгах купил флигель-адъютант А.Е. Ризенкамф, в начале 1887 г. была им перепродана А.Ф. Поклевскому-Козелл и в составе трех заводов присоединена к уже принадлежавшему тому Холуницкому посессионному округу. Как уже упоминалось, все заводы этого округа были куплены казной и закрыты. Остальные части, включавшие Шурминские заводы, приобрели местные лесопромышленники, которые вовсе не собирались возобновлять их действие. После продажи они были исключены из ведения горного начальства и состава посессионных предприятий Урала.

В 1886 г. решилась судьба Суксунского округа, с царского разрешения выкупленного без торгов сыном одного из бывших владельцев А.П. Демидовым. На некоторых заводах, по правилам 1883 г. уже считавшихся владельческими, было возобновлено производство. Однако новый владелец не сумел вовремя расплатиться с кредиторами и в 1890 г. был признан несосто-

ятельным должником. В 1890–1893 гг. конкурс, учрежденный по его делам, распродал округ по частям четырем собственникам. Два завода – Камбарский, купца Г.С. Кондюрина, и Бымовский, почетного гражданина В.А. Хлудова, составили два новых горнозаводских хозяйства. Молебский, Суксунский и Тисовский заводы сохранили статус Суксунских заводов в руках братьев Каменских, а Уткинский завод, приобретенный с торгов графом С.А. Строгановым, был присоединен к комплексу Кыновско-Билимбаевских заводов строгановского майората.

Кнауфский округ дольше других оставался под управлением казны, поскольку на проводившихся даже по льготным правилам 1883 г. торгам покупателей долго не находилось, пока в 1893 г. не было принято решение «о предъявлении именя к торгам не с суммы долга, а с предложенной цены»⁴³. В результате в 1895 г. округ был распродан по частям как сельскохозяйственное имение, что автоматически вывело его не только из состава посессионных округов, но и из ведения горного управления.

Еще один крупный горнозаводский округ – Ревдинско-Рождественский – тоже поменял свой статус по особому высочайшему повелению, хотя и не состоял в казенном управлении. Из-за финансовых проблем своего владельца П.А. Демидова еще с 1865 г. он находился в опекуновском управлении, затем был продан в 1873 г. крупному золотопромышленнику Г.М. Пермикину. Но и тот не смог справиться с финансированием заводов и был объявлен несостоятельным должником. Учрежденное конкурсное управление из кредиторов владельца не смогло продать обширное горнозаводское имение с миллионными долгами. В такой ситуации казна разрешила кредиторам продать Рождественские владельческие заводы, входившие в состав округа, как сельскохозяйственное имение, а посессионные Ревдинские заводы – на праве полной собственности в случае, если покупатель оплатит казенные долги. После нескольких попыток такой продажи 16 декабря 1898 г. Ревдинские заводы нашли нового владельца в лице крупного предпринимателя В.А. Ратькова-Рожнова. Согласно высочайшему повелению от 10 декабря 1898 г., приобретенный им «по вольной цене» горнозаводский округ «перешел с посессионного на владельческое право»⁴⁴.

Несколько небольших заводов выбыло из состава посессионных после их закрытия владельцами. Хотя в аргументации властей упоминался закон от 3 декабря 1862 г., установивший трехлетний срок возможного прекращения заводских работ, но не он стал основой принятых решений. Уже вскоре после издания его значение было ограничено лишь теми случаями, «в которых с вопросом о последствиях закрытия заводов была связана участь работающего на нем населения... когда... возобновление работ на заводе посредством ли взятия его в казенное управление, или же отчуждения в другие руки, независимо от интересов горного дела, настоятельно вызывалось необходимостью обеспечения существования местного населения». Поэтому, утверждалось в записке Горного департамента, он «не мог препятствовать казне в принятии каких-либо других мер, например, передачи в частные руки лишь заводов с обращением приписанных к заводам земель на образование земельного фонда»⁴⁵.

Таким путем из состава посессионных, как уже известно, были исключены Ольгинские и Мешинский заводы. В 1870-е гг. из документации исчезает и небольшой медеплавильный Шильвинский завод, принадлежавший мензелинским купцам Подъячевым. О проблемах с наделением этого завода лесами уже упоминалось. Добываясь от лесного ведомства отвода удобных лесных площадей, Н.Н. Подъячев не справился с финансированием и остановил завод в 1868 г. Назначенные тогда же публичные торги с приграничными лесами состоялись только в 1882 г. из-за споров о величине долгов владельца казне. По условиям торгов покупатель обязывался в 5-летний срок восстановить заводское действие. Но торги не увенчались успехом: они не состоялись «по неявке желающих торговаться». Побывав на заводе в 1890 г., окружной инженер рапортовал, что там «заводских и фабричных строений нет ни одного даже в разрушенном виде; строения все разобраны и проданы. От плотины осталась только земляная насыпь... Лесные дачи... до сих пор Управлением государственных имуществ не эксплуатировались и, будучи все время под охраной и в ведении казенных лесничих, находятся в полном порядке и представляют очень хорошие лесные участки». Он полагал, что «успешной продажи с торгов Шильвинского заводского имения и возобновления на нем выплавки меди ожидать нельзя, а потому для казны будет выгоднее передать... лесные дачи для эксплуатации в полное распоряжение лесного ведомства и горнозаводское предприятие считать тут оконченным»⁴⁶. Так и было сделано. Лес перевели в разряд «дач единственного владения казны», а в 1894 г. распродали «на пополнение казенных долгов» (достигавших 170 тыс. руб.) сохранившееся заводское имущество. Все, что осталось от имения бывшего посессионера, было куплено местными жителями за 8 руб. 10 коп. Остальной долг был признан безнадежным и в 1909 г. списан со счетов Уральского горного управления⁴⁷.

Еще один небольшой Святочудовский медеплавильный завод, основанный в 1856 г. компанией горных инженеров во главе с А.А. Грамматчиковым, фактически был брошен владельцами. Это было первое на Урале предприятие, работавшее на каменном угле Сухоложского месторождения, расположенного в даче казенного Каменского завода. Хотя лесов для этого завода не требовалось, он считался имевшим пособия в землях и рудниках⁴⁸. Только начавшись, его деятельность была остановлена в мае 1861 г. вместе с прекращением разработки Екатеринбургскими заводами копи, откуда, по договору, должен был поступать уголь. А.А. Грамматчиков попытался восстановить утраченные производственные связи и в 1863 г. добился отдачи ему в аренду Сухоложской копи. Но время определенно было упущено. Сам владелец вскоре поступил на службу к Голицыным в качестве управляющего их заводов и промыслов. На запрос Горного правления, сделанный в марте 1868 г. о причинах «невозобновления завода», он отговорился «поздним будто бы утверждением за ним копи». Когда Горное правление потребовало уплаты оброчной подати с медеплавильных печей, он отозвался, что «действие завода прекратил и от пользования им на посессионном праве отказался». Не обнаружив в своих делах объявления владельца об этом, Горное правление в октябре 1868 г. еще раз обратилось к нему с вопросом, «на-

мерен ли он восстановить действие Святочудовского завода на тех условиях, на каких разрешена постройка его, и если намерен, то когда именно завод будет пущен в действие?» Но, как следует из записки того же правления за январь 1870 г., решение владельца оставалось до сих пор необъявленным «по неотысканию за всеми принятыми мерами места его жительства». Тогда же Горное правление предложило медный рудник как тунележащий зачислить в казенную собственность, а завод подвергнуть публичной продаже для взыскания недоимки. Однако Горный департамент 3 марта 1870 г. отозвался, что «по представленным правлением обстоятельствам дело сие пока никаких... распоряжений не требует»⁴⁹. Святочудовский завод более уже не возрождался.

В уже упомянутом прошении 1906 г. Д.П. Соломирский, обозревая историю посессионных заводов, писал, что «к началу XIX в. их численность была весьма значительной. Затем посессионное право было всеми признано вредным как для предпринимателя, так и для государства, вследствие чего в 1860-х гг. все посессионные заводы и фабрики были перечислены в разряд владельческих, за исключением 17 горнозаводских округов, о которых предполагалось выработать особые условия перехода во владельческие... В настоящее время из них осталось только восемь. Прочие же частью перешли в казенное управление, частью переведены на право собственности, частью прекратили свою деятельность. Подобная же участь, – предвидел он, – ожидает и теперешние восемь округов, представленные крупнейшими предприятиями Урала»⁵⁰. Но в этом заводчик ошибся. Восемь округов так и остались посессионными до их национализации в 1918 г.

С 1861 по 1917 г. изменения претерпели все статусные группы уральских горнозаводских округов, но более всего они коснулись посессионных заводов (см. прил. 6). Эта группа значительно сократилась за счет ликвидации пяти маломощных хозяйств (Шильвинский, Бемьшевский, Мешинский, Святочудовский, Уинские заводы), которые исчерпали ресурсы и не имели «горнозаводской будущности». Богословский селитренный завод был выведен из подчинения горного начальства. По указу 1863 г. путем перечисления в группу владельческих перешли четыре округа (Кыштымские, Сергинско-Уфалейские, Авзяно-Петровские, Кагинские). Через продажу с переменной статуса группу владельческих пополнили Суксунские и Ревдинские заводы. Путем такой же «раздробительной продажи» Юго-Кнауфские и Шурминские заводы изменили не только свой правовой статус, но и профиль, превратившись в сельскохозяйственные имения. Ставшие владельческими Залазнинские заводы были соединены с Холуницким посессионным округом и вместе с ним перешли во владение казны. Казенными также стали Кирсинские заводы, которые затем были приватизированы на правах полной собственности и соединены в одно хозяйство с Омутнинским округом, войдя в группу заводов с двойным статусом.

Группа владельческих пополнила свой состав в результате образования новых хозяйств (Зигаинский, Инзерский, Уфимский, Никольский округа) и приватизации Богословского казенного округа. Лысьвенский округ был

поделен владельцами на два самостоятельных хозяйства (Лысьвенское и Юго-Камское). Александровский округ (под именем Луньевских заводов) был присоединен к Нижнетагильскому округу и перешел в третью группу. Билимбаевские заводы объединились с Кыновскими в одно хозяйство в ходе расширения Строгановского майората. Кагинский округ путем покупки был объединен с Белорецким округом, а Юрюзанский – с Катавским округом. Восемь горнозаводских хозяйств на Южном Урале прекратили свое существование по причине истощения ресурсов.

В результате всех этих перемен число посессионных округов (вместе с округами двойного статуса) сократилось с 23 до 8, а их доля упала с 55 до 30%. В этом сокращении и заключался главный практический результат действий казны и заводчиков по ликвидации посессий во второй половине XIX – начале XX в.

¹ ПСЗ-П. Т. 38. № 40358.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 11–20.

³ Там же. Л. 30–41, 42–45, 81.

⁴ Там же. Л. 98–104, 154–159, 162–165.

⁵ Там же. Л. 125–127, 98–104, 130–131, 572.

⁶ Там же. Л. 122, 166–171.

⁷ Там же. Л. 211–212.

⁸ Там же. Л. 141–142, 236, 239–240.

⁹ Там же. Л. 279, 290, 334–343.

¹⁰ Там же. Л. 228–236,

¹¹ Там же. Л. 348–351, 363–365.

¹² ПСЗ-П. Т. 43. № 45728.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 564–572, 593.

¹⁴ Там же. Л. 375, 395–396.

¹⁵ Там же. Л. 430–476.

¹⁶ Там же; Л. 526, 586–591.

¹⁷ Там же. Л. 222–224 об., 430–476, 552–558, 580, 582.

¹⁸ Там же. Л. 42–45, 573, 608, 618, 622–623.

¹⁹ Там же. Л. 430–476.

²⁰ Там же. Оп. 32. Д. 2073. Л. 7–15, 73.

²¹ Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 187, 188; Оп. 32. Д. 2073. Л. 250–254, 334; Д. 632. Л. 289–291.

²² Там же. Оп. 6. Д. 3224; Оп. 5. Д. 2154; Оп. 19. Д. 632; Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.

²³ Там же. Оп. 23. Д. 322; Оп. 6. Д. 4655.

²⁴ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 192.

²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 240, 259, 271, 273.

²⁶ Там же. Оп. 23. Д. 6097. Л. 430–476; Ф. 72. Д. 3958. Л. 188–203; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1233. Л. 2–3, 10.

²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 419. Л. 2–5 об. (Цитата из «памяти», данной Петром I Н.Д. Демидову 6 декабря 1702 г.).

²⁸ Там же. Л. 10; Оп. 3. Д. 1162. Л. 3–7.

²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 1755. Л. 1–3.

³⁰ Там же. Оп. 65. Д. 1277. Л. 1–2 об.

³¹ Там же. Л. 8–11 об.

- ³² Там же. Л. 13–16.
- ³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 636. Л. 2; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 195–196.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1366. Л. 2–3, 5–6 об.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 392. Л. 1, 8; Д. 4403. Л. 6–7, 14–15 об.
- ³⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1670. Л. 1–3, 23–29, 64.
- ³⁷ Там же. Л. 75–76, 78–88, 91.
- ³⁸ Там же. Д. 1345. Л. 54; Д. 1518. Л. 5.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 174, 190–195 об., 567; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2075. Л. 1, 28; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 54–57.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 5–10 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 1.
- ⁴² ПСЗ-III. Т. 3. № 1660; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 54–57.
- ⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 287.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1321. Л. 87–89.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 61–66.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1423. Л. 116–118.
- ⁴⁷ Там же. Л. 144–145, 147–148, 162, 177, 182.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 24. Д. 8230. Л. 3.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 32. Д. 2997. Л. 8, 15.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1366. Л. 2–3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение посессионного права, как уже отмечалось, надолго ушло в прошлое вместе с ликвидацией этого права и института частной собственности в России почти сто лет назад. Однако в последние годы интерес к нему неожиданно проявили молодые юристы. В новой ситуации раритетное посессионное право представилось некоторым из них вполне «адекватным принципам современной рыночной экономики» и обеспечивающим «оптимальное соотношение между интересами частных лиц и общественными, государственными интересами»¹.

Такие предположения, по нашему мнению, основаны на поверхностном взгляде на это право и беглом знакомстве с горнозаводским законодательством Российской империи рубежа XIX–XX вв. Эти оценки к тому же в корне противоречат предпринимательской практике и мнению самих посессионеров той эпохи. Совсем не случайно они называли ликвидацию посессий «самым важным из всех относящихся к Уралу вопросов»². Против сохранения посессионного права выступали тогда и другие общественные силы, включая авторитетных ученых и высшую бюрократию.

Необходимо также учесть, что это право в Российской империи не создавалось специально. Его появление было отдаленным следствием исторически сложившихся обстоятельств развития горнозаводской промышленности на начальном этапе ее становления в XVIII в., когда государство активно помогало предпринимателям разного социального происхождения в организации столь важной для страны отрасли экономики. Предоставляя им пособия в виде земель, лесов, руд и рабочей силы, государство «положило основание тому особому виду частного владения, из которого возникло и развилось посессионное право с его условиями и обязанностями»³. В этой емкой формулировке, данной полтора века назад ведущими горными деятелями, юристами и предпринимателями, участвовавшими в работе Податной комиссии, нашли адекватное отражение как особенности этого права, так и его история.

Это суждение корректирует довольно распространенное мнение о том, что посессионное право существует в России с XVIII в. и что в основе его лежит разрешение покупки крепостных к заводам, данное в 1721 г.⁴ Посессионного права как системы норм и правил тогда, конечно, еще не существовало. Оно формируется на рубеже XVIII–XIX вв., когда государство, осознав свою роль в становлении горнозаводских округов как совокупности заводов и ресурсов, провело регламентацию прав заводчиков и казны на эти имения. Поводом к тому стало введение в 1782 г. принципа акцессии, не только связавшего земельную собственность с правом на недра, но и повлекшего осознание властью казенной собственности как равноценной частной. Первым шагом стало разделение заводов по принципу пользования казенными пособиями и установление налоговых различий между ними в 1794 г. Вторым – введение посессионных ограничений в связи с общей реформой горного управления в России и изданием Проекта Горного положения в 1806 г. Там же с объединением заводов и посессий в составе недвижимого имущества нашел юридическое обоснование узаконенный в 1820 г. ба-

зовый принцип нераздельности посессионных имений, включивший и принцип условности пользования посессиями до тех пор, пока действуют заводы. Третьим шагом стало определение полного перечня казенных пособий в 1811 г. и сохранение, несмотря на попытки «уравнения податей», их «оптовой системы», в соответствии с которой принадлежность к посессионным заводам определялась пользованием хотя бы одним из них.

Отметим попутно, что «пособие в людях» включало тогда вовсе не группу заводских крепостных, начало формированию которой положил указ от 18 января 1721 г., а только казенных людей разных категорий, многими путями оказавшихся в распоряжении заводовладельцев. Заводские крепостные никогда не принадлежали казне и поэтому не могли считаться вещественным казенным пособием. Владение ими приобрело форму особого «правового пособия» только в 1811 г. и лишь с того времени вошло в систему формирующегося посессионного права. Другие казенные пособия в виде отводов земель, лесов и рудников, а также приписки государственных крестьян были предоставлены первым фундаторам уральских заводов Демидовым еще в самом начале XVIII в. (в 1702–1703 гг.). К тому времени и следует отнести начало предистории посессионного права на Урале, которая связана с появлением и широким распространением объекта этого права – разнообразных имущественных казенных пособий частным предпринимателям, или посессий, как стали называть пособия с конца XVIII в., а также с первыми попытками определения условий владения ими.

В законченном виде посессионное право было консолидировано в Горном уставе 1832 г., который соединил все его элементы в систему. Оно составило особую разновидность права, регулировавшего предпринимательскую деятельность в России, и относилось к той части горнозаводского законодательства, которая определяла отношения заводчиков и государства по поводу казенных пособий. Появление этого права стало естественным следствием особой, отличной от порядков западноевропейских стран, практики пособий, которая действовала в России XVIII в. сначала в условиях казенной регалии на недра и леса, а затем – в условиях ее отмены в конце столетия. Его кристаллизация оказалась не только закономерной, но и целесообразной мерой, поскольку ввела в «правовое поле» не отрегулированные прежде отношения между казной и заводчиками, воспользовавшимися казенными пособиями. Установленная форма этих отношений в виде «казенной опеки» вытекала из «двойственной природы» посессионного права и являлась условием, гарантирующим соблюдение прав обоих участников посессионных отношений. В результате Россия вошла в число таких западноевропейских стран, как Франция, Бельгия, Австрия и Пруссия, где государство так же активно (а в Австрии и Пруссии даже еще больше) могло влиять на развитие частного предпринимательства в горном деле⁵. Однако, в отличие от этих стран, жесткая казенная регламентация охватывала не всю отечественную частную промышленность, а в основном ее посессионный сектор, существовавший наряду с владельческим, который развивался в более свободных условиях. Последовательность оформления посессионного права дает основание предполагать, что ведущую роль в этом процессе иг-

рали фискальные интересы горного ведомства. Путем введения ограничений для снижения производительности заводов оно добивалось поступления гарантированного уровня податей, шедших на финансирование казенной промышленности, которая работала на оборону.

Отмеченными особенностями можно объяснить и отсутствие открытого недовольства со стороны заводчиков введением повышенной горной подати и ограничений их хозяйственной деятельности, которые в условиях, когда казна еще не утратила роли покровителя промышленности, рассматривались ими, скорее, как закономерное и вполне легитимное следствие сложившейся ситуации. Кроме того, на первых порах законодательно установленная разница в формах посессионного и вотчинного владения не отчетливо проявлялась в заводской практике и не ощущалась заводчиками. К тому же новое право официально закрепило за ними возможность монопольного пользования еще далеко не исчерпанными казенными пособиями, что было особенно ценно для действия многоотраслевого и самообеспечивающегося заводского хозяйства при отсутствии в стране развитых рынков труда и природных ресурсов. В результате в период формирования права и становления основанной на нем «казенной опеки» регионального горного начальства в первой половине XIX в. даже ограниченные возможности заводчиков позволяли развиваться посессионному сектору уральской горнозаводской промышленности не менее динамично, чем владельческому.

Со времени создания и до конца имперского периода происходила эволюция посессионного права, сопровождаемая как малозначительными, так и крупными изменениями, а также неоднократными попытками его реформирования. Первый проект ликвидации посессионного права в горнозаводской промышленности был предложен чиновником еще в 1841 г. для облегчения работы горной администрации. Однако в 1830–1850-е гг. осуществилась лишь легкая корректировка права, не коснувшаяся его базовых основ. Следствием постепенно вызревающих ресурсных проблем стало расширение границ действия принципа нераздробимости посессионных имений с отдельного завода до уровня горнозаводского округа, что позволяло заводчикам распоряжаться данными им посессиями в рамках всего окружного хозяйства. Дальше других пошло расширение прав посессионеров на рабочее население, которое вышло даже за жесткое условие нераздельности заводов и посессий. Объясняется это тем, что, в отличие от сокращавшихся природных ресурсов, все возрастающая численность заводского населения постепенно стала превышать потребность в рабочих кадрах, от излишка которых заводчикам и было разрешено избавляться путем продажи другим посессионерам или передачи казне.

Заметно обострившиеся в 1840–1850-е гг. финансовые проблемы заводов, лишь отчасти связанные с посессионным правом и зачастую созданные самими владельцами, вместе с упрочением системы горного управления привели к повышению уровня «казенной опеки» и вызвали рост конфликтности в отношениях между заводчиками и местным горным начальством. Именно тогда стали проявляться изначально присущие посессионному праву внутренние противоречия, которые стали очевидны после реформы

1861 г. в условиях еще большего обострения финансовых проблем, совпавшего с началом индустриальной революции.

Как тогда выяснилось, охватив имущественные отношения между двумя субъектами – заводчиками и казной, посессионное право вобрало в себя и крупные недостатки: неопределенность прав владения на заводское хозяйство и наличие ограничений предпринимательской деятельности, сопряженных с контролем горного ведомства. С одной стороны, посессионные ограничения в совокупности с принципами условности и нераздробимости прямо или косвенно стали оказывать все большее негативное влияние на развитие посессионных округов, мешая, по словам владельцев, «правильной постановке заводского хозяйства». Это вело к отставанию в темпах развития посессионного сектора уральской промышленности не только в сравнении с конкурирующим владельческим сектором, но даже и в сравнении с казенным. С другой стороны, монопольные права посессионеров на основные природные ресурсы округов не позволяли развиваться там мелкому и среднему частному предпринимательству, возможности для которого предоставила крестьянская реформа.

Очевидность всестороннего сковывающего влияния посессионного права послужила причиной того, что высшее горное начальство настроилось на его ликвидацию. В условиях, когда еще сохранялась ведущая роль уральской металлургии в экономике России, а частное предпринимательство занимало весьма скромное место, первоочередным было признано устранение негативного влияния посессионного права на хозяйственную деятельность заводчиков. Но в отличие от фабрично-заводской промышленности России, где это право было полностью отменено к 1863 г., реформирование горнозаводской посессии оказалось более трудным делом из-за сложного состава казенных пособий. Первым шагом на этом пути стало исключение пособия в людях и правового пособия, что было связано с отменой крепостного права. Их устранение вместе с ограничениями в распоряжении рабочей силой стало главным содержанием эволюции посессионного права в пореформенный период. Кроме того, это привело к переводу из посессионных во владельческие нескольких горнозаводских округов, пользовавшихся только этими пособиями.

На следующем этапе реформы должна была решиться судьба округов, имевших посессии в землях, лесах и рудах. В отношении их реформаторы предпочли путь, подсказанный крестьянской реформой: раздел имущества между казной и владельцами. Он тогда казался обеим сторонам более привлекательным, чем путь разграничения полномочий по использованию «совместного имущества» на основаниях, не стеснявших предпринимательской деятельности. Но выбор варианта раздела натолкнулся на проблему квалификации посессионного права, заключающуюся в определении прав казны и заводчиков на посессионные земли. «Промышленность есть следствие полной ясности прав собственности», – со знанием дела писал в 1899 г. Д.И. Менделеев⁶. Посессионное право такой ясности как раз и не вносило.

В основе разгоревшихся с 1860-х гг. по этому поводу споров лежало сформировавшееся к тому времени представление о праве собственности

как «приобретенной в установленном законами порядке власти исключительно и независимо от постороннего лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом»⁷. По сути разногласия сводились к выяснению того, передала ли казна право собственности на посессионные земли заводчикам или сохранила его за собой. «Адвокаты» посессионеров обнаруживали в их правах на посессию элементы владения, пользования и распоряжения и доказывали, что их совокупность составляет право собственности, хотя и ограниченное использованием пособий только для нужд заводов. Казна и ее защитники настаивали на том, что, передав заводчикам «отдельное владение» на посессию, государство не утратило своего права собственности и поэтому по отношению к ним само выступало в роли ограниченного собственника. При сложившейся правовой коллизии не представлялось возможным дать несомненное обоснование принадлежности посесий казне или заводчикам. Столь же бесперспективными оказались и поиски исторических оснований, поскольку их находили лишь в подзаконных (инструкциях, разъяснениях) или сепаратных актах, которые не могли иметь общего нормативного значения.

Компромисс был достигнут путем согласия заводчиков на предложенный Горной комиссией выкуп недостающих им до полной собственности прав казны на посессионные земли, чем и объяснялся сравнительно небольшой размер выкупной суммы. До конца 1890-х гг. это представление доминировало среди высшей бюрократии, что выразилось в подготовке трех проектов выкупа посесий – Горной комиссии 1866 г., Податной комиссии 1868 г., Министерства государственных имуществ («проект Валуева–Штофа») 1878 г., более лояльных к заводчикам. Общим для этих проектов был вариант выкупа путем капитализации «добавочной горной подати», признанной тогда «единственным денежным выражением прав казны на горно-заводские посесии».

Реализацию этих проектов приостановило подключение к обсуждению третьего участника посессионных отношений, которого реформаторы прежде не принимали в расчет. Им оказалось население посессионных округов, которое потребовало своей доли выкупаемых у казны земель. Отмена посессионного права устраняла гарантию занятости населения в заводских работах, что при возможном закрытии предприятий могло привести его к утрате своего основного средства существования в виде заработка. В таком случае возрастала роль земельного надела, установленная величина которого по реформе 1861 г., как было признано, не могла полностью «обеспечить быта населения». Проникнувшись ответственностью за «общественное спокойствие», государство сначала министерским решением 1872 г., а затем и мнением Государственного совета 1879 г. отложило реализацию проекта выкупа до завершения землеустройства населения. Однако процесс этот затянулся и полностью так и не завершился. Сначала долго вырабатывались условия нового землеустройства, которые должны были учесть интересы как населения, так и заводчиков, а когда в 1893 г. они наконец приняли форму закона, потребовалось значительное время для их реализации. Но к тому сроку измени-

лось отношение властей к предложенному ранее способу решения посессионной проблемы. Капитализация подати уже казалась недостаточно выражающей приобретаемые владельцами права на посессии. Мало того, в общественном мнении и взглядах либеральной бюрократии стало доминировать представление о выкупе как способе решения посессионной проблемы лишь в пользу заводчиков, а не в интересах частного предпринимательства в целом.

В таких условиях с конца 1890-х гг. начало набирать силу мнение о возможности «обратного выкупа», предполагавшего безвозмездное возвращение казне горнозаводских посессий и предоставление их на условиях аренды заводчикам, равно как и другим предпринимателям. Результатом явился альтернативный министерский «проект А.А. Штофа» 1899 г., смыслом которого было «разверстание посессий между казной и владельцами». В отличие от варианта выкупа, устранявшего посессионные ограничения, но сохранявшего монополию заводчиков на природные ресурсы, этот вариант устранял и их монопольные права и поэтому в теории выглядел более прогрессивным. Вполне прагматичным он мог представляться и ввиду гипотетического перехода отрасли с древесного топлива на минеральное, что соответствовало магистральному направлению развития мировой металлургии в XX в. Этот переход устранял необходимость наличия огромных лесных дач у заводов, отделение которых с передачей населению решило бы и проблему его землеустройства на длительную перспективу. Поэтому проект нашел поддержку у некоторых специалистов, демократической общественности и горнозаводского населения, но обострил отношения казны и посессионеров. Восприняв его как проект экспроприации посессий, заводчики энергично выступили против возвращения лесных дач казне. Они, конечно, были заинтересованы в обратном – в безусловной и полной приватизации посессионных земель, что уравнивало их положение с заводчиками-вотчинниками, позволяло более эффективно развивать многоотраслевое окружное хозяйство, а также поддерживать свой высокий имущественный статус и уровень жизни. Отделение лесов от заводов, как полагали посессионеры, лишало их гарантированного поступления «горючего лесного материала», что тогда было равнозначно полному развалу промышленности. Переход же уральских заводов на минеральное топливо по объективным причинам не мог быть реализован в скором времени и усилиями одних заводчиков. Поэтому они последовательно отстаивали вариант выкупа как наиболее адекватный не только их выгодам, но и настоящим потребностям уральской металлургии, выдвигая все новые аргументы и соглашаясь на все большие уступки в пользу казны и горнозаводского населения, и однозначно негативно относились к настойчиво предлагаемому казной варианту разверстания посессий.

Обострившаяся конфронтация стала следствием роста взаимного недоверия казны и заводчиков. Вероятно, не без оснований горному начальству еще с 1870-х гг. адресовались обвинения в преднамеренном сопротивлении реформе, поскольку, как выражались практики заводского дела, «наличием посессий обуславливалось безбедное существование многих чинов и учреж-

дений горного ведомства». «Никогда, – утверждали некоторые из них, – это единственное препятствие не высказывается открыто – оно, как обратная сторона медали, прикрывается обыкновенно другими доводами, другими соображениями и заботами: о благосостоянии страны и развитии горного промысла, о неудобности финансовой операции выкупа и т. д.»⁸ Лесную администрацию во многом справедливо обвиняли в нерасторопности и нежелании учитывать интересы крупной промышленности. Чиновники, тоже не без оснований, подозревали посессионеров в желании закрепить за собой и расширить «вредную монополию» на природные ресурсы горнозаводских округов, которыми они могли воспользоваться в целях, далеких от интересов промышленности. В начале XX в. эти настроения подогревались нараставшей в обществе критикой по отношению к заводчикам, подъемом в стране революционного движения и кризисом уральской промышленности, особо сильно затронувшим ее посессионный сектор.

В кругах высшей бюрократии тогда проявилась неопределенность в понимании перспектив развития региона, что выразилось в организации нескольких правительственных комиссий для обсуждения его судьбы. У части чиновников сформировалось представление о бесперспективности уральской горнозаводской промышленности, особенно на фоне развития южно-российской коксовой металлургии, и вытекавшем из этого значении посессионных земель лишь для обеспечения освобождаемого от заводских работ населения, что было сопряжено и с развернувшейся в то время в России масштабной аграрной реформой. В таком ракурсе интересы заводчиков и стоявшей за ними горнозаводской промышленности отступали на второй план в сравнении с возможным обострением социальных проблем в регионе. Ориентация на проект разверстания посессий была, таким образом, своего рода страховкой властей от подобного пессимистичного варианта развития Урала.

У другой части бюрократии еще сохранялась надежда на будущее уральской древесноугольной металлургии, подпитываемая идеями крупных ученых и практическими действиями заводчиков по осуществлению масштабных планов реконструкции заводов. В то время близилось к завершению землеустройство населения, что создавало правовые основания для обращения к варианту выкупа посессий, новый проект которого был подготовлен совместными усилиями чиновников и заводчиков в 1908 г. В целом сложившаяся ситуация делала более предпочтительной выжидательную тактику, нежели поспешную реформу в столь неоднозначное время.

Следствием колебаний властей стала приостановка подготовительного процесса, окончательно отступившего на дальний план с началом Первой мировой войны. Единственным результатом настойчивых действий заводчиков стала возможность получения «частных разрешений» на залог посессионных округов в ипотечных банках и продажу природных ресурсов, чем и ограничилась эволюция посессионного права в начале XX в., дойдя, очевидно, до своего возможного предела.

Непоследовательную позицию властей по отношению к реформе горнозаводской посессии можно отчасти связать и с интересами тех ведомств, к

которым причислялся Горный департамент во второй половине XIX – начале XX в. Так, для Министерства финансов первостепенное значение имело пополнение бюджета, для Министерства государственных имуществ – защита казенной земельной собственности, для Министерства торговли и промышленности – общее развитие экономики страны. Это могло влиять на отношение их руководства к решению посессионной проблемы, хотя полной корреляции между переходами горного ведомства в подчинение разных министерств и появлением конкретных проектов реформы все-таки не просматривается. Кроме того, как показывают протоколы различных совещаний по посессионной проблеме, жесткую прогосударственную позицию часто более энергично отстаивали представители других министерств и ведомств, что только усложняло ситуацию. «В этих комиссиях, – делился своими впечатлениями директор Горного департамента К.А. Скальковский, – три четверти членов – представители разных будто бы заинтересованных ведомств, являются обыкновенно неосведомленными о предмете, подлежащем их рассуждению; причем представители Государственного контроля учат представителей Святейшего Синода православной вере, а представители Синода поучают чиновников Государственного контроля финансам»⁹. Позиции различных ведомств и воззрения конкретных чиновников, далеко не всегда совпадавшие не только с точкой зрения посессионеров, но и друг с другом, усложняли ситуацию и в значительной степени тормозили так и не завершившийся полувековой процесс реформирования посессионного права в горнозаводской промышленности. «В России, – размышлял, опираясь на свой богатый «государственный опыт», С.Ю. Витте, – необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются»¹⁰.

В отличие от осторожной и потому непоследовательной позиции властей, мнение посессионеров всегда было однозначным: еще с начала XIX в. они стремились к освобождению своих заводов от посессионного права. Хотя, как уже упоминалось, законодательное оформление этого права не вызвало решительного протеста, но «необъявленная война» против его последствий уже с того времени заняла важное место в административно-правовой практике заводчиков. Это противодействие развивалось в двух основных направлениях: при малейшей возможности посессионеры пытались индивидуальными усилиями перевести свои заводы в разряд владельческих либо совместными действиями стремились повлиять на пересмотр наиболее одиозных норм права. Будучи не особенно острой в дореформенный период, борьба заводчиков ни по одному из направлений не привела к серьезным результатам: базовые принципы посессионного права сохранились без существенных изменений вместе с изначально установленным и примерно равным соотношением посессионных и владельческих округов. Ради сохранения своего привилегированного положения и конкурентных преимуществ участие в этой борьбе принимали и вотчинники. Они энергично противодействовали казне в ее намерении расширить «правовое поле» посессии путем увеличения доли посессионных заводов за счет владельческих или распространить на последние элементы «казенной опеки».

После реформы 1861 г. борьба посессионеров приобрела широкий размах и реализовалась в новых формах. Отныне заводчики настойчиво добились полной ликвидации посессионного права, как правило, привлекая опытных юристов. Цель достигалась не только путем индивидуальных или коллективных ходатайств в различные правительственные инстанции вплоть до верховной власти, как было прежде, но и участием самих владельцев или их представителей в работе комиссий и совещаний в качестве полноправных членов или приглашенных экспертов. Особой энергией выделялись наследники С.Я. Яковлева, владельцы крупнейших посессионных округов Урала – Верх-Исетского, Алапаевского и Невьянского.

Именно заводчики инициировали обсуждение посессионной проблемы в Горной комиссии и активно включились в работу Податной комиссии и в подготовку проекта выкупа. После того как законодательно была установлена связь освобождения заводов от посессионного права с землеустройством бывшего казенного и горнозаводского населения, посессионеры настаивали на своем участии в разработке проекта землеустройства, пытаясь отстоять лесные дачи от включения в состав наделных земель. Вместе с заводчиками-вотчинниками они боролись и за сохранение принципа акцессии, когда власти обнаружили намерение восстановить в стране горную свободу. Новым «каналом влияния» стало открытие в 1880 г. съездов горнопромышленников Урала и создание в 1898 г. их исполнительного органа – Совета съездов. Интересы посессионеров отстаивало, опираясь и на возможности прессы, особое подразделение Совета – Бюро посессионных заводов.

Многогранную и упорную деятельность заводчиков против посессионного права, казалось бы, можно рассматривать как борьбу за основные предпринимательские ценности – свободу и собственность, что соответствовало не только базовым принципам частного предпринимательства, но и общему вектору модернизационных процессов в стране. Однако у позиции посессионеров имелись существенные изъяны, снижающие оценку их деятельности. Долгое зависимое положение в сравнении с заводчиками-вотчинниками нацеливало их на получение равного с ними статуса и возможностей, основанных на монопольных правах на природные ресурсы горнозаводских округов. В таком контексте выкуп посессий вместе с отменой посессионных ограничений, как уже отмечалось, расширял эти монопольные права и сохранял за владельцами конкурентные преимущества по сравнению со сторонними предпринимателями.

Именно эта особенность позиции заводчиков, якобы защищавших лишь свои «карманные интересы», вызывала основные претензии к ним со стороны либеральной общественности. Однако и у посессионеров находились серьезные контраргументы. Они апеллировали не только к своим мнимым, как считали публицисты, «историческим заслугам», но и к реальным потребностям стоявшей за ними уральской горнозаводской промышленности. Эти потребности заводчики и заводоуправления представляли, безусловно, лучше, чем оппонировавшие им «сторонние наблюдатели», вооруженные, как правило, лишь передовыми теориями. Не без оснований они предвидели, что при ограниченных рынках сырья и топлива, слабо развитой системе

региональных и трансрегиональных коммуникаций, а также при недостатке свободных капиталов, необходимых для коренной перестройки промышленности, лишение посессионеров «исконных прав» вело бы к окончательному упадку крупного производства, которое невозможно восстановить усилиями мелких и средних промышленников.

Прогрессивные принципы свободного предпринимательства сталкивались на практике с недостаточным развитием рыночных отношений в стране. Заводчики, таким образом, оказывались заложниками ситуации, которая подталкивала их к отстаиванию крупной земельной собственности и монополий в распоряжении природными ресурсами тогда, когда эти институты воспринимались уже как преграды на пути экономической модернизации. Это не могло не сказаться отрицательно на их имидже и на отношении к ним демократизирующегося общества и даже властей, несмотря на то что в роли посессионеров в начале XX в. выступали уже не столько «старые» владельцы – одворянившиеся и отошедшие от управления потомки основателей заводов, сколько крупные акционерные компании и коммерческие банки. «Новые» владельцы вкладывали капиталы в перспективные горно-заводские хозяйства, хотя те сохраняли посессионную форму владения, в надежде на ее скорое изменение. Но и они вынуждены были встраиваться в сложившуюся систему правовых отношений и требовать, как и прежние владельцы, выкупа посессий.

Деятельность заводчиков против посессионных ограничений можно отчасти рассматривать и в ракурсе борьбы против произвола и коррупции чиновников. Сами они неоднократно сознавались, что многие из ограничений превратились лишь в формальности, но их соблюдение было сопряжено с «зависимостью от усмотрения лиц, ведающих горное дело»¹¹.

В целом борьба заводчиков за ликвидацию посессий не завершилась победой: посессионное право продолжало существовать в новом XX веке так же, как и в прошлом. Однако ее нельзя считать и совсем безрезультатной. В направлении освобождения от посессионных ограничений заводчики добились если не полного их устранения, то, по крайней мере, снятия частными распоряжениями властей. Это расширяло оперативные возможности посессионеров и позволяло развивать не только металлургическое производство, но и вспомогательные отрасли хозяйства. Кроме того, действующие посессионные ограничения не являлись всеобъемлющими. Они оставляли владельцам значительные возможности в распоряжении округами и не стали серьезным препятствием для многих охвативших уральскую промышленность новейших процессов капиталистической модернизации. В начале XX в. посессионные округа были акционированы, хотя и с некоторым отставанием по сравнению с владельческими. Они вступили в тесные контакты с крупнейшими российскими, а отдельные округа – и с иностранными коммерческими банками. Скорее всего, из-за статусных ограничений хозяйственной деятельности интенсивность этих связей у посессионных округов была даже несколько выше, чем у владельческих. Они активно участвовали в отраслевых синдикатах «Кровля», «Медь», «Асбест» и др.¹² Но наиболее существенные результаты были достигнуты все-таки по другому на-

правлению борьбы – переводу посессионных округов в разряд владельческих. В уменьшении их числа с 23 до 8 (и с 55 до 30% в сравнении с владельческими) и заключался главный практический результат усилий казны и заводчиков по ликвидации посессий во второй половине XIX – начале XX в. «Территория» действия посессионного права значительно сократилась за этот период – с 4,4 до 1,3 млн дес. уральской земли. Тем не менее посессионными оставались несколько крупнейших горнозаводских округов (Нижнетагильский, Алапаевский, Верх-Исетский, Сысертский, Омутнинский), доля металлургического производства которых достигала $\frac{1}{3}$ от общепуральской.

Еще в 1876 г. известный юрист Д.А. Огородзинский писал: «Почти четверть века тому назад в первый раз высказана была Правительством мысль о том, что посессионное право должно подлежать отмене. В продолжение этого времени Правительство не затруднилось привести в исполнение громадные экономические реформы, обновившие весь строй народного хозяйства и имевшие общегосударственное значение, а вместе с тем всесторонне обсужденный, самым тщательным образом выработанный проект о выкупе посессий остается без движения»¹³. Отметим, что эти слова можно было бы с полным правом произнести спустя еще 40 лет, присовокупив, что такая же участь постигла и проект разверстания посессий.

Судя по всему, основным «виновником» незавершенности реформы оказалось само посессионное право как исторический феномен. Его специфика заключалась не только в исключительности посессионного права в сравнении с законодательством европейских стран, сложности состава регулируемых им сфер предпринимательской деятельности и неопределенности статуса субъектов права. В нем настолько прочно переплелись существенные (а для некоторых участников и жизненно важные) имущественные интересы казны, заводчиков и горнозаводского населения, что оказалось крайне трудно разделить их на практике. На это указывал и главный деятель реформы горнозаводской посессии, автор двух ее альтернативных проектов А.А. Штоф. «Еще с 60-х гг. прошлого столетия, – писал он в материалах ко всеподданнейшему докладу 1906 г., – вопрос о посессионном праве рассматривался в разных правительственных совещаниях и комиссиях, не пришедших, однако, к положительно определенным выводам о способах прекращения посессий, главным образом вследствие крайней сложности сего вопроса, затрагивающего интересы как заводчиков, так и казны и, сверх того, местного населения, экономическое благосостояние которого тесно связано не только с существованием заводов, но и с теми или иными условиями их деятельности»¹⁴.

В XVIII в. посессии как пособия от казны стимулировали быстрое развитие частной горнозаводской промышленности, столь необходимое в эпоху ранней модернизации России. В первой половине XIX в. пользование разнообразными посессиями было вполне закономерно оформлено государством в особое посессионное право, существенно ограничившее свободу предпринимательской деятельности. Во второй половине XIX – начале XX в. оно стало одним из факторов, затруднявших развитие горнозаводской про-

мышленности, вследствие чего было признано необходимым устранить эти ограничения вместе с самим посессионным правом. Но «конфликт интересов» основных участников посессионных отношений осложнил и затянул этот процесс, несмотря на общее желание казны, заводчиков и горнозаводского населения освободиться от них. Усугубляли процесс и придавали ему еще большую противоречивость менявшаяся политическая ситуация в стране и экономическая конъюнктура на Урале. Результатом действия совокупности причин и факторов стало сохранение этого архаичного правового института, «затаившегося» на Урале до конца имперского периода. С одной стороны, это свидетельствует о вполне очевидной незавершенности реформирования институциональных основ предпринимательской деятельности в России в соответствии с принципами либерализма и рыночной экономики. С другой – говорит о сложной динамике модернизационного процесса, на которую оказывали тормозящее влияние специфические правовые институты, возникшие и укоренившиеся еще на доиндустриальной стадии. Сохранение горнозаводской посессии на Урале в начале XX в. доказывает также неравномерность хода российской модернизации, в разной степени затронувшей различные регионы и отрасли экономики страны.

Более чем двухвековая предыстория и история посессионного права в России может служить не только доказательством значимости создаваемых государством правовых условий для развития частного предпринимательства, но и примером того, как из фактора экономического развития эти условия могут превратиться в тормоз, когда перестают соответствовать его ведущим тенденциям. Как показывает опыт ликвидации посессионного права в горнозаводской промышленности Урала, устранение устаревших, но глубоко укоренившихся институтов может превратиться в неразрешимую проблему, с которой бывает трудно справиться даже при взаимном желании всех заинтересованных сторон. С учетом этого более осторожными должны быть и предложения о реанимации архаичных институтов, обвинительный приговор которым уже вынесен временем.

¹ См., например: *Дорский Г.Ю.* Посессионное право в последней четверти XIX – начале XX в. // *История государства и права*, 2007. № 22. С. 20–21; *Климов Д.Ф.* Правовой механизм реализации права государственной (федеральной) собственности на земли промышленности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. Посвятившая институту посессионного права свою диссертацию О.Н. Полуда также считает его вполне приемлемым для современности, несмотря на то что справедливо указывает на «феодально-крепостнический способ производства» как экономическую предпосылку возникновения посессионных отношений и на «нежизнеспособность института в период нарождающихся капиталистических отношений» (*Полуда О.Н.* Законодательное регулирование посессионных отношений в России в XVIII – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011).

² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1520. Л. 47–53.

³ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. Объяснительная записка к проекту Горного устава. С. 117.

⁴ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 463; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 423.

- ⁵ См.: *Грамматчиков В.А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870.
- ⁶ Уральская железная промышленность в 1898 г. / Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. Ч. 3. Гл. 3. С. 100.
- ⁷ Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского материального права за 1866–1910 гг. / Сост. В.Л. Исаченко. СПб., 1911. С. 767; Цит. по: *Поткина И.В.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. XIX – первая четверть XX в. М., 2009. С. 36.
- ⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 140–145.
- ⁹ Русская мысль, 1898. Июль. Внутреннее обозрение.
- ¹⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 94.
- ¹¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1908. Ч. III, вып. 1. С. 3–10.
- ¹² См.: *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982; *Сапоговская Л.В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX в. Екатеринбург, 2007.
- ¹³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 140–145.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1366. Л. 5–6 об.

Приложение 1

Извлечение из «Проекта Горного устава, подготовленного Комиссией по пересмотру Горного устава». 1866 г.¹**...Глава III. О порядке и правилах выкупа посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев**

Ст. 223. Владельцам посессионных горных заводов предоставляется, буде пожелают, право выкупать отведенные к сим заводам казенные земли и леса в полную собственность. Для определения размера сего выкупа, исчисляется, по десятилетней сложности, средняя сумма добавочной, против владельческих заводов, горной подати, кою обложены посессионные заводы, и исчисленная таким образом сумма капитализируется из 5%. В основание исчисления означенной средней суммы должны быть приняты причитающиеся, по действительному производству, взносы добавочной горной подати с 1851 по 1860 г.

Ст. 224. Посессионный заводчик может уплатить разом исчисленный в предыдущей статье выкупной капитал или погашать его в течение 37 лет по банковым правилам. В последнем случае посессионный заводчик обязан вносить в казну ежегодно в течение 37 лет с исчисленной выкупной суммы 6%, из которых пять, составляя текущий интерес, будут возмещать для казны выкупаемую прибавочную горную подать, а один поступает на погашение.

Ст. 225. За сим, при ежегодном взносе определенных выкупных платежей, с выкупаемого таким образом посессионного завода особой прибавочной горной подати не взимается, а взыскивается горная подать наравне с заводами владельческими. Но при сем завод не освобождается, однако же, от изложенных в ст. 210–219 правил и не переходит на полное владельческое право, пока не совершится полный выкуп и не погасится вся капитализированная сумма добавочной горной подати.

Ст. 226. Изложенные в предыдущих статьях основания и расчет выкупа устанавливаются на 20 лет со времени введения в действие сих правил. За сим, для посессионных горнозаводских имений, к выкупу которых не будет приступлено в течение сего срока, казна сохраняет за собой право постановить новые правила, сообразные с экономическими обстоятельствами времени.

Ст. 227. Выкуп добавочной с посессионных заводов горной подати, составляя погашение особой повинности, не смешивается с долгами, лежащими на имении и обеспеченными всею ценностью сего последнего.

Ст. 228. Вместе с приступом к выкупу посессионного горнозаводского имения население, водворенное на принадлежащих к оному землях, изъимается окончательно, с своею усадьбою, оседлостью и поземельным наделом, из означенного имения, освобождается от всех обязательств к владельцу оною, поступает в разряд людей поселенных на казенных землях, с теми же правами и обязанностями, и подвергается поземельному оброку в казну в размере, установленном для населения, водворенного на землях казенных горных заводов.

Ст. 229. Если население изъимемое, на основании предшествующей статьи, из посессионного имения, имеет, по уставной грамоте, надел менее высшего для той местности положенного и безвозмездно пользуется, на определенный срок, расчищенными собственным трудом и иждивением участками, то вслед за минованием сего срока, хотя бы и после вышеозначенного изъятия населения из посессионного имения, предоставляется тому населению право, буде пожелает, получить в надел такое количество земли из своих расчищенных участков, какое нужно для состав-

ления высшего по числу душ надела; сие количество изъемлетя также из принадлежности к имению и подлежит поземельному оброку в казну, на основании предыдущей статьи.

¹ Труды Комиссии Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный особою комиссиею. С. 380–383.

Приложение 2

«Проект правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев (исправленный и дополненный по заключению Общего собрания Податной комиссии)». 1868 г.¹

Ст. 1. Владельцам посессионных горных заводов предоставляется право выкупать в полную свою собственность горнозаводские имения, в коих состоят сии заводы, со всеми входящими в состав сих имений рудниками, лесами и прочими угодьями.

Примечание 1. Посессионные горнозаводские имения вообще выкупаются в полном их составе, но те из заводов, входящих в состав горнозаводских имений, которые по производству своему платили горную с выплавленных металлов подать и были особо наделены от казны рудниками и лесами, могут быть выкупаемы и отдельно.

Примечание 2. При выкупе заводчиком посессионных имуществ казна передает ему все свои права на оные без нарушения прав посторонних частных лиц.

Ст. 2. В основание выкупной операции принимается излишек горных податей, который посессионные заводы платят в казну перед владельческими, с соблюдением следующих условий:

а) Подать с золота и платины изъемлетя из выкупного расчета.

б) Излишек подати, платимой посессионными заводчиками с меди, исчисляется по средним цифрам годовой выплавки меди за 6-летие 1861–1866 гг., но с этих средних цифр скидывается одна треть для заводов, добывающих медь из коренных жильных месторождений, и две трети для заводов, добывающих медь из пластовых месторождений песчаных руд.

в) Излишек подати с чугуна исчисляется на основании средних цифр за 6-летие 1861–1866 гг. без уменьшения.

Примечание. В принятый за основание выкупа расчет вводятся те размеры горных податей с меди и чугуна, какие будут установлены новым Горным уставом.

Ст. 3. Исчисленная на основании предшествующей статьи подать, подлежащая выкупу, капитализируется из 5%, что и составляет по каждому посессионному заводу выкупной капитал, показанный в прилагаемой при сем таблице.

Ст. 4. Посессионные заводчики, изъявившие желание приступить к выкупу заводов, платят ежегодно в казну в течение 37 лет с упомянутого капитала 6%, из коих 5% интереса и 1% погашения.

Ст. 5. Посессионные заводчики имеют право уплатить весь следующий с них выкупной капитал разом, а также делать в счет погашения его единовременные взносы по банковым правилам.

Ст. 6. Обеспечением состоящего на выкупаемых заводах долга по выкупу служат сами заводские имения, причем однако же дозволяется заводчикам взамен се-

го обеспечения представлять особые в казну залогом, в денежных капиталах или недвижимых имуществах.

Ст. 7. Посессионные заводчики, как уплатившие всю выкупную сумму или предоставившие в ее обеспечение залогом, так и приступившие к выкупу, вступают немедленно в права собственности на выкупленные ими горнозаводские имения с тем однако же различием, что те из них, которые уплатили выкупную сумму сполна или обеспечили ее посторонними залогом, пользуются правами полной собственности без всяких ограничений, а те, кои только приступили к выкупу, ограничиваются, впредь до полной уплаты выкупной суммы, в распоряжении своей собственностью правилами, изложенными в ст. 54–60 Горного устава*.

Ст. 8. В случае перехода из рук в руки по наследству, дарению, продаже и пр. посессионного завода, к выкупу которого приступлено, все обязательства, лежащие на заводе относительно казны, впредь до погашения выкупного долга переходят на нового владельца.

Ст. 9. Вместе с приступом к выкупу посессионного горнозаводского имения население, водворенное на принадлежащих к оному землях, изымается окончательно и безвозмездно, со своею усадебною оседлостью и поземельным наделом, уставными грамотами определенными, из состава имений и поступает в разряд крестьян-собственников; при чем расчищенные собственными средствами и трудом крестьян участки остаются в их пользовании на основании существующих правил. Крестьяне сохраняют право на получение топлива и леса для построек за установленную плату в пользу владельца.

Примечание 1. Если в посессионном горном имении крестьяне приступили к выкупу, то на них все-таки распространяется правило о безвозмездной уступке наделов, уставными грамотами определенных, т. е. продолжение выкупной уплаты для них прекращается.

Примечание 2. Если выкупающий посессионное имение заводчик получил ранее от правительства или от самих крестьян выкупную за крестьянские наделы сумму, то сумма эта должна в первом случае быть возвращена заводчиком в казну или присоединена к причитающемуся за уступку посессионного имения капиталу, и в последнем случае подлежит немедленному возвращению внесенным ее крестьянам.

Ст. 10. В случае несвоевременной уплаты платежей по выкупу, владельцу посессионного завода дается три месяца льготы, с уплатою ежемесячно 1% штрафа с недовнесенной суммы. По истечении же 3-месячного срока, завод, со всеми принадлежностями, продается, по распоряжению правительства, с торгов; при чем долговая сумма, с причитающимися процентами (по 1% в месяц), удерживается из вырученных денег в пользу казны, а излишек выдается бывшему владельцу завода. Если же состоявшаяся на торгах цена не покроет взыскания, то завод отбирается, по распоряжению Горного департамента, в казну.

(...)

* Здесь разумеется устав, проектируемый Комиссией. Из числа означенных статей его, первые две содержат в себе лишь общие определения; собственно ограничительные правила содержатся в следующих статьях:

Ст. 56. Леса, отведенные посессионным горным заводам, отнюдь не могут быть употребляемы ни на какие другие надобности, кроме горнозаводского действия и внутренних хозяйственных построек того округа, к которому леса отведены, на судостроение для сплава горнозаводских произведений и отпуска местному населению для топлива и построек в размере, определяемом существующими на сей предмет положениями, причем за деревья, употребленные на судостроение из дач посессионных заводов, взимается в казну посаженный сбор на общем основании Лесного устава.

Ст. 57. В землях, отведенных посессионному заводу, заводовладельцу не дозволяется заводить промыслы, посторонние горному производству, требующие употребления древесного горючего материала, и отдавать в постороннее содержание лесные участки.

Ст. 58. В случае продажи или перехода посессионных горных заводов по наследству разделение горнозаводских округов по частям или выделение отдельных заводов с необходимым для них количеством земель и лесов производится не иначе, как с согласия Министерства финансов.

Ст. 59. Отчуждение недр земли в посессионных округах отдельно от поверхности не допускается.

Ст. 60. В случае прекращения производства в посессионном горнозаводском округе или в отдельном заводе по истечении трех лет со дня закрытия его, если до того времени действие его не будет восстановлено, заводское имение поступает в распоряжение казны и назначается в публичную продажу на праве полной собственности, а вырученные от продажи суммы, за удовлетворением казны в размере оценочной суммы завода, на случай выкупа посессионных заводов определенный, а также казенных долгов и долгов владельца по найму рабочих, обращаются в пользу заводовладельца.

Примечание. Закрытие одного или нескольких заводов посессионного горнозаводского округа не может служить поводом к отдельной продаже этих заводов в случае, если общая производительность горнозаводского округа не уменьшилась.

¹ Труды Комиссии Высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 213 об. – 221.

Приложение 3

«Правила о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев» (проект Министерства государственных имуществ, или «проект Валуева–Штофа»). 1878 г.¹

Ст. 1. Владельцам Уральских посессионных горнозаводских округов, поименованным в приложении к сей статье, предоставляется право выкупить в полную собственность эти имения, с их рудниками, лесами и прочими угодьями, на основании ниже перечисленных правил.

Ст. 2. Основанием для исчисления выкупных за посессионные округа сумм принимаются: 1) количество десятин леса в каждом округе, показанное в приложении к ст. 1, за вычетом из него пространства, подлежащего отграничению в лесной надел бывшим государственным крестьянам, по инструкции, Высочайше утвержденной 10 марта 1876 г., и горнозаводскому населению по ст. 3 настоящих правил, и 2) выкупная оценка лесной десятины каждого округа, показанная в том же приложении.

Примечание. Из дачи завода Бемшевского выкупу подлежит лишь то пространство, которое на основании особого условия, поставленного Правительством при разрешении владельцу сохранить за собой завод, будет признано необходимым по размеру его действия.

Ст. 3. Вместе с приступом к выкупу посессионного имения горнозаводское население, водворенное на его землях, изымается окончательно и без вознаграждения владельца из состава имения, причем быт его устраивается на следующих основаниях: 1) усадебная оседлость и поземельный надел, уставными грамотами и дополнительными к ним условиями определенные, предоставляются в собственность населения безвозмездно; 2) крестьянам, постоянный надел которых вместе с участками земли, расчищенными собственными их средствами (росчистями), не достигает нормы высшего надела, определенного местным Великороссийским положением 19 февраля 1861 г., предоставляется право принять в надел недостающее до этой нормы количество земли (если это окажется по средствам заводского округа возможным) за оброчную в пользу казны плату в размере, установленном для населения казенных горных заводов; 3) во всех прочих отношениях, как-то: относительно выгонов, росчистей, лесного надела, прав и обязанностей крестьян по владению предоставленными им землями и угодьями и порядка вымежевания наделов и пр., – применяются к населению посессионных горнозаводских округов правила, установленные Высочайше утвержденною 12 марта 1877 г. Инструкцией для населения казенных горных заводов, и 4) в действиях по отграничению наделов представители заводовладельцев участвуют с теми правами и обязанностями, кои определены для них Высочайше утвержденной 10 марта 1876 г. Инструкцией о порядке отграничения земельного и лесного надела государственным крестьянам в казенных и посессионных горнозаводских дачах.

Ст. 4. Посессионные заводовладельцы, желающие приступить к выкупу, письменно заявляют о сем Министру государственных имуществ, который распоряжается производством, в возможно непродолжительном времени, ограничения на дела крестьян выкупаемого округа (ст. 3) и затем определяет точную цифру выкупной за округ суммы (ст. 2). Впредь до такового определения, приступившие к выкупу владельцы продолжают уплачивать установленную добавочную горную подать со всех добываемых ими металлов, причем суммы, уплачиваемые ими в таковую подать, зачитываются в платежи по рассрочке выкупной суммы, в отношении же прочих имущественных прав владельцы подчиняются правилам ст. 11.

Ст. 5. Владельцам посессионных имений предоставляется право, заявив указанным выше порядком (ст. 4) о желании приступить к выкупу, просить Министра государственных имуществ о командировании, на их счет, в сии имения особой комиссии с целью исправления по собранным сведениям данных о лесном пространстве, приведенных в приложении к ст. 1 настоящих правил, но с тем, что решение сей комиссии, утвержденное Министерством государственных имуществ, почитается окончательным и для владельцев обязательным.

Ст. 6. Владельцам посессионных имений предоставляется отказываться от выкупа части сих имений, с предоставлением ее казне и с соразмерным количеству леса в сей части уменьшением выкупной суммы. Границы отходящей от имения части определяется в таком случае по соглашению владельца с местным лесным управлением с утверждения Министра государственных имуществ.

Ст. 7. Уплата выкупной суммы рассрочивается заводчикам на 37 лет со времени поступления в Министерство государственных имуществ заявления их о желании приступить к выкупу, по банковым правилам, т. е. с платежом ежегодно 5% интереса и 1% погашения.

Примечание. По округам Суксунскому, Кнауфскому и Мосоловскому выкупная сумма причисляется к суммам долгов заводов их казне для возмещения при продаже сих заводов, которая совершается на полном праве собственности.

Ст. 8. Посессионные заводчики имеют право уплатить весь следующий с них выкупной капитал разом, а также делать в счет погашения его единовременные взносы по банковым правилам.

Ст. 9. Обеспечением состоящих на выкупе заводах долга по выкупу служат самые заводские имения, при чем на имения сии налагается, впредь до уплаты выкупных сумм, запрещение в размере сих сумм.

Ст. 10. Посессионные заводчики, уплатившие всю сумму выкупа, пользуются на выкупленные имения правами полной собственности, подчиняясь тем указаниям, какие установлены для горных заводов, на владельческом праве состоящих.

Ст. 11. Посессионные заводчики, приступившие к выкупу своих имений, числятся, со времени поступления в Министерство государственных имуществ заявлений их о желании приступить к выкупу (ст. 4), собственниками своих имений, но подчиняются в отношении прав по распоряжению и пользованию ими, впредь до уплаты всей выкупной суммы, – сверх общих законов, для владельческих горных заводов установленных, еще следующими ограничениями:

1) Леса означенных имений не могут быть употребляемы ни на какие другие надобности, кроме: а) горнозаводского действия и внутренних хозяйственных построек того округа, к которому лес отведен; б) судостроения для сплава горнозаводских произведений и в) впредь до надела горнозаводского населения лесами, отпуска сему населению, за установленные в пользу казны платы, лесных материалов для топлива и построек в размере, определенном существующими на тот предмет положениями;

2) Заводовладельцам не дозволяется заводить в означенных имениях посторонние горному производству промыслы, требующие употребления древесного горючего материала, а также отдавать в постороннее содержание лесные участки;

3) В случае продажи означенных имений или перехода их по наследству разделение горнозаводского округа по частям или выделение отдельных заводов с определенным количеством земель и лесов производится не иначе, как с согласия Министра государственных имуществ;

4) Переход означенного имения из рук в руки может происходить не иначе, как с ведома Министра государственных имуществ и с условием, чтобы все обязательства, лежащие на имении относительно казны, были приняты на себя, впредь до погашения выкупного долга, новым владельцем.

Ст. 12. Ежегодные взносы в уплату выкупного долга производятся в сроки, назначаемые Министром государственных имуществ, при определении размера выкупной суммы, для каждого округа особо. В случае несвоевременной уплаты сих взносов по заводам, выкупной долг коих не обеспечен особым залогом, владельцу дается 6 месяцев льготы, с уплатой ежемесячно, в виде штрафа, 1% с просроченной суммы; по истечении же означенного срока имение со всеми принадлежностями продается, по распоряжению Министра государственных имуществ, с торгов, на полном праве собственности. Торги сии производятся в Совете Министра государственных имуществ и начинаются с суммы просроченного взноса со штрафом и с остающимся на владельце капитальным по выкупу долгом, а также с банковыми и казенными долгами и недоимками, каковые суммы удерживаются из вырученных денег в пользу казны, а излишек выдается бывшему владельцу имения. В случае если торги не состоятся и если при том Правительство не признает нужным оставить продаваемое имение за собою, назначаются новые торги на том же основании.

Ст. 13. В случае продажи за долги посессионных имений, владельцы коих приступили к выкупу, покупные суммы по сим имениям возмещаются единовременно из покупной суммы, преимущественно пред всеми казенными и частными долгами.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1996. Л. 290–292; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 218–221.

Приложение 4

**«Проект правил о прекращении посессионного владения
горнозаводскими дачами на Урале»
(«проект А.А. Штофа»). 1899 г.¹**

1. Владельцам уральских посессионных горнозаводских дач предоставляются в собственность безвозмездно:

а) земли, занятые заводами с их устройствами и прудами, и принадлежащие к заводам свободные пространства по указанию заводовладельцев в размере, не превышающем в совокупности 300 десятин;

б) рудники и прииски, заявленные или фактически разрабатывавшиеся заводо-владельцами в посессионных их дачах до издания настоящего узаконения, а также принадлежащие заводовладельцам в чужих дачах (кроме отводов, полученных заводо-владельцами на казенных свободных землях на общем основании законов о частной горной промышленности на сих землях) в границах имеющих отводов, а при неимении таковых в тех границах, какие будут указаны новым отводом в размере не более 1 кв. версты для каждого рудника или прииска.

2. Посессионные дачи, кроме указанных в ст. 1 частей их и наделов местного населения по закону 19 мая 1893 г., становятся полною собственностью казны с ограничениями, указанными в ст. 3 и 4; на казну переходит и обязанность снабжения местного населения лесными материалами на основаниях, указанных законом 19 мая 1893 г.

3. До 19 мая 1908 г. бывшие посессионные дачи остаются закрытыми для посторонних горнопромышленников, кроме добывающих драгоценные камни по закону 16 февраля 1896 г., и бывшему владельцу каждой дачи предоставляется на указанный срок исключительное право поисков и разведок в ней ископаемых, составляющих предмет свободного горного промысла, и получения отводов для их добычи на общем основании законов о частном горном и золотом промысле на казенных землях. Право это может быть передаваемо бывшим владельцем дачи другим лицам только вместе с заводом, в даче состоящем.

4. Каждая бывшая посессионная дача считается со дня издания настоящего узаконения предоставленною владельцу состоящего в ней завода для пользования лесными материалами на основаниях, установленных статьями 3, 9–11, 13–16 и 18–20 закона 29 мая 1895 г., и в размере, соответствующем потребности завода в сих материалах, насколько это допускается состоянием дачи. Впредь до окончания лесо-устройства дачи с ограничением и таксациею лесосек (ст. 9 закона 29 мая 1895 г.) пользование в ней лесом со стороны заводоуправления производится на существующих основаниях и бесплатно.

5. Бывшие владельцы уральских посессионных дач освобождаются от всех связанных с посессионным владением стеснений в праве распоряжения рудниками, заводами и заводским действием со дня издания настоящего узаконения, от уплаты же добавочной горной подати со времени окончания таксации лесосек (ст. 4).

6. Министру земледелия и государственных имуществ предоставляется:

а) установить правила о порядке принятия в казну бывших посессионных дач, вымежевания участков и производства отводов, указанные в ст. 1, и форму выдаваемых на сии участки и отводы владельцам документов;

б) установить очередь, в которой настоящее узаконение должно быть применено к уральским горнозаводским дачам;

в) разрешать все могущие встретиться при применении настоящего узаконения вопросы и недоразумения, не подлежащие по свойству своему судебному или законодательному рассмотрению.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2427. Л. 2–2 об.; Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 21–22.

Приложение 5

«Главные основания проекта перечисления посессионных горнозаводских округов, предусмотренные Высочайше утвержденным 9 декабря 1863 г. мнением Государственного Совета» («проект посессионеров»). 1908 г.¹

1. Все уральские посессионные горнозаводские округа перечисляются в разряд частновладельческих со всеми приписанными к ним лесами, землями и рудниками.

2. По перечислении посессионных округов в разряд частновладельческих владельцы заводов уплачивают казне:

а) капитализированную из 5% среднюю, уплачиваемую заводчиками за последние 10 лет, посессионную подать с чугуна;

б) капитализированную из 10% среднюю, уплачиваемую заводчиками за последние 10 лет, подать с меди;

в) капитализированную из 10% сумму среднего, уплачиваемого заводчиками за последние 10 лет, особого раскладочного сбора с золота и платины, добываемых на приисках, находящихся на посессионных землях.

Примечание. В случае, если какой-либо из заводских округов выплавляет весь или часть один или оба металла, указанных в пунктах а и б, на покупном горючем, то средняя посессионная подать за последние 10 лет для капитализации берется полностью только в том размере, в каком она уплачивалась за то количество металла, которое выплавлялось на посессионном горючем, с остального же среднего количества металла, выплавленного за последние 10 лет, для капитализации берется та часть посессионной подати, которая приходится за пользование только посессионной рудой, а именно – $\frac{2}{5}$ всей посессионной подати.

3. Установление точной суммы лежит на обязанности Уральского Горного управления.

4. Бывшие посессионные леса остаются под надзором Уральского Горного управления, на утверждение которого заводчики обязуются представлять смету лесного хозяйства на трехлетний период. В пределах утвержденной сметы заводчики могут свободно распоряжаться древесной массой, но в случае продажи на сторону они должны уплачивать в пользу казны за все проданное количество леса $\frac{1}{4}$ средней горнозаводской таксы 1908 г. По истечении 15 лет заводчики могут путем уплаты средней капитализированной из 5% попенной платы за последние 10 лет освободиться от указанных ограничений на заводские леса.

5. При перечислении посессионных заводов в разряд частновладельческих владельцы их обязываются за все, добываемые с целью продажи из недр бывших посессионных имений ископаемые, за исключением железных и медных руд, а также благородных металлов и нефти, уплачивать в пользу казны доленое отчисление,

устанавливаемое применительно к существующим по сему предмету законоположениям для горного промысла Царства Польского (Горный устав, ст. 384). По истечении 15 лет со дня перечисления заводов в разряд владельческих заводчики могут освободиться от указанных ограничений по эксплуатации недр заводских имений, при условии уплаты в пользу казны капитализированной суммы среднего за последние 10 лет дохода казны от устанавливаемых этой статьей дополнительных отчислений.

6. Суммы, уплачиваемые заводчиками в пользу казны, указанные в статьях 2, 4 и 5, по желанию заводчиков, могут быть рассрочены на 36 лет на условиях кредита земельных банков.

7. Все обязательства по наделению горнозаводского населения землей и довольствованию лесными материалами при перечислении посессионных заводов в разряд владельческих остаются в полной силе.

Примечание. При перечислении посессионных округов в разряд владельческих населению предоставляется право замены лесного сервитута, лежащего на посессионных лесных дачах, лесным наделом в размере двух десятин на наличную дупу, считая к 1 января 1907 г.

¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1908. Ч. III, вып. 1. С. 46–48.

Приложение 6

Состав горнозаводских округов Урала по статусным группам (1800, 1861 и 1917 гг.)¹

Владельческие заводы	Посессионные заводы	Заводы обоих статусов
<i>1800 г.</i>		
1. Кыновские	1. Нижнетагильские	1. Суксунские
2. Нытвенские	2. Верх-Исетские	2. Билимбаевские
3. Лысьвенские	3. Невьянские	
4. Пожевские	4. Алапаевские	
5. Чермозские	5. Шайтанские	
6. Симские	6. Сысертские	
7. Белорецкие	7. Кагинские	
8. Юрюзанские	8. Авзяно-Петровские	
9. Катавские	9. Шильвинский	
10. Богоявленский	10. Бемшевский	
11. Воскресенский	11. Холуницкие	
12. Верхоторский	12. Омутнинские	
13. Архангельский	13. Кирсинско-Кажимские	
14. Благовещенский	14. Шурминско-Залазнинские	

Продолжение прил. 6

Владельческие заводы	Посессионные заводы	Заводы обоих статусов
15. Преображенский 16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Мешинский 19. Богословский 20. Нязе-Петровский 21. Уинские 22. Таишевские 23. Варзино-Алексеевский	15. Ревдинско-Рождественские 16. Кыштымские 17. Юго-Кнауфские 18. Сергинско-Уфалейские 19. Нювчимский 20. Архангельский-Шаранский 21. Берсудский 22. Коринский 23. Пыжманский	
<i>1861 г.</i>		
1. Кыновские 2. Нытвенские 3. Лысьвенские 4. Пожевские 5. Чермозские 6. Симские 7. Белорецкие 8. Юрюзанские 9. Катавские 10. Богоявленский 11. Воскресенский 12. Верхоторский 13. Архангельский 14. Благовещенский 15. Преображенский 16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Билимбаевские 19. Никитинские	1. Нижнетагильские 2. Верх-Исетские 3. Невьянские 4. Алапаевские 5. Шайтанские 6. Сысертские 7. Кагинские 8. Авзяно-Петровские 9. Шильвинский 10. Бемышевский 11. Холуницкие 12. Омутнинские 13. Кирсинско-Кажимские 14. Шурминско-Залазинские 15. Мешинский 16. Богословский 17. Святочудовский	1. Суксунские 2. Ревдинско-Рождественские 3. Кыштымские 4. Юго-Кнауфские 5. Сергинско-Уфалейские 6. Уинские
<i>1917 г.</i>		
1. Билимбаевско-Кыновские 2. Нытвенско-Чусовские 3. Лысьвенские 4. Юго-Камский	1. Верх-Исетские 2. Невьянские 3. Алапаевские 4. Шайтанские	1. Нижнетагильско-Луньевские 2. Омутнинско-Кирсинские

Окончание прил. 6

Владельческие заводы	Посессионные заводы	Заводы обоих статусов
5. Пожевские 6. Чермозские 7. Симские 8. Белорецко-Кагинские 9. Юрюзанско-Катавские 10. Сергинско-Уфалейские 11. Кыштымские 12. Ревдинские 13. Авзяно-Петровские 14. Богословско-Надеждинские 15. Суксунско-Молебские 16. Зигазинский 17. Инзерский 18. Уфимский 19. Никольский	5. Сысертские 6. Кажимские	

¹ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 544; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1962. С. 33–34; Сапоговская Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX в. Екатеринбург, 2007. С. 31, 33, 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Формирование и практика посессионного права в первой половине XIX в.	14
1. Истоки и условия	14
<i>Основы государственной политики в горном деле: от Петра I до Павла I</i>	14
<i>Определение форм «казенных пособий» и попытки «уравнения податей»</i>	21
2. Состав и эволюция правовых норм	31
<i>Введение «посессионных ограничений»</i>	31
<i>Консолидация посессионного права</i>	39
3. Правоприменительная практика и реакция заводчиков	49
<i>Действие «казенной опеки»</i>	49
<i>Результаты развития посессионных заводов</i>	60
4. Динамика посессионных имений на Урале	65
<i>Первоначальное разделение заводов на два «отделения»</i>	65
<i>Кампания «по разбору прав заводчиков» 1830–1850-х гг.</i>	70
Глава II. «Посессионная проблема» во второй половине XIX – начале XX в.	80
1. Эволюция права и общественного мнения	80
<i>Полемика и решения пореформенного периода</i>	80
<i>Определения и мнения 1870–1910-х гг.</i>	94
2. Посессионное право в хозяйственной практике и оценке заводчиков	105
<i>Действие «посессионных ограничений»</i>	105
<i>Влияние принципов «условности» и «нераздробимости»</i>	123
3. Подготовка реформы: от Горной до Особой комиссии 1897 г.	133
<i>Проекты Горной и Податной комиссий</i>	133
<i>Разработка «проекта Валугева–Штофа» 1878 г.</i>	152
<i>Обсуждение смежных вопросов в 1880–1890-е гг.</i>	160
<i>«Проект А.А. Штофа», его критики и сторонники</i>	173
4. Проекты и решения начала XX в.	182
<i>Ликвидация «бемьшевской посессии»</i>	182
<i>Частные дела о «холуницкой» и «невьянской» посессиях</i>	188
<i>Особое межведомственное совещание 1905–1907 гг.</i>	193
<i>Совещание в Нижнем Тагиле и подготовка проекта 1908 г.</i>	206
<i>Последние попытки властей и посессионеров</i>	213
5. Динамика посессионных имений на Урале	223
<i>«Перечисление» заводов по закону 1863 г.</i>	223
<i>Сокращение числа посессионных округов в 1880–1910-е гг.</i>	233
Заключение	249
Приложение	262

Научное издание

Евгений Георгиевич Неклюдов

**ПОСЕССИОННОЕ ПРАВО В ИСТОРИИ
УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Редактор **Т.П. Гуськова**
Технический редактор **Е.М. Бородулина**
Корректор **Н.В. Каткова**
Компьютерная верстка **Г.П. Чащиной**
Дизайн обложки **Т.О. Турыгиной**

ISBN 978-5-7691-2244-6

НИСО УрО РАН № 51(11)–2. Подписано в печать 16.11.11. Формат 70×100 1/16.
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Оригинал-макет изготовлен в РИО УрО РАН.
620990, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии
«Уральский центр академического обслуживания».
620990, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.